

4 | **КАРТЕР БРАУН**

Библиотека приключений

ДЕТЕКТИВЫ ДЕТЕКТИВЫ

**КАРТЕР
БРАУН**

ДЕТЕКТИВНЫЕ
РОМАНЫ

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

КАРТЕР БРАУН

ТОМ 4

Баку
Концерт «Олимп»
1993

Ответственный за выпуск
Р. Ю. ДАМИРОВ

Концерн «ОЛИМП» выпускает серии:

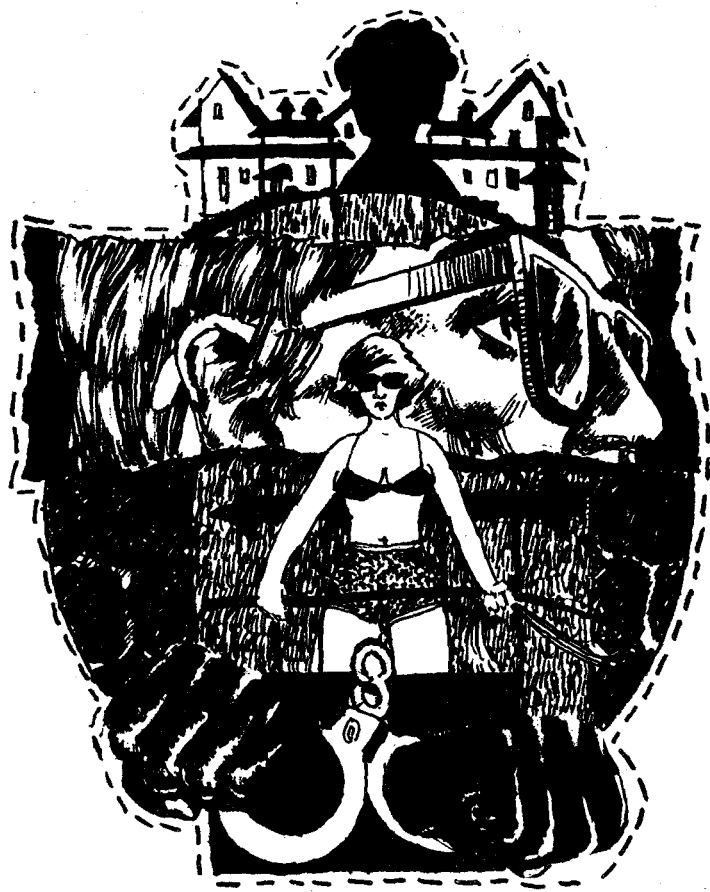
«Библиотека приключений» — «БП»
«Волшебная полочка сказок» — «ВПС»
«Super present» — «SP»
«Галактика фантастов» — «ГФ»

*Мы будем счастливы, если книги этих СЕРИЙ украсят
полки вашей библиотеки.*

Б 4703040100—031 без объявл.
93

ISBN 5-87860-028-5

© Художественное оформление
Концерн «Олимп», 1993

**БОЙД, КАКОЙ
ОН ЕСТЬ**

ПРОЛОГ

Я встретил ее у Джо Пила в баре на Третьей авеню. Стены бара украшали старинные английские гравюры, метрдотель был одет в обязательный охотничий костюм с красным пиджаком, а богатые посетители всякий раз восклицали «Чао!», когда мимо проходила куколка в прозрачном платье. Моя клиентка была в подобном итальянском платье из натурального шелка с ярким абстрактным рисунком. Ее светлые волосы падали каскадом на плечи, а голубые глаза с интересом смотрели на мир. У нее был большой чувственный рот с немного вздернутой верхней губой, высокие скулы и кожа цвета слоновой кости. В общем, она была элегантна, изысканна, и я спрашивал себя, что она от меня хочет.

— Мистер Бойд? — бодрым голосом спросила она.

— Данни Бойд, к вашим услугам. А вы...

— Луиза д'Авенди.

Она устроилась на банкетке рядом со мной.

— У вас итальянское имя, но не чувствуется акцента.

— Мой муж был итальянец. Но два года тому назад мы развелись. — Она слегка улыбнулась мне. — Я сохранила его фамилию. Луиза д'Авенди звучит лучше, чем Луиза Блант, вы не находите?

— Предлагаю выпить, — сказал я.

— Водка с водой и цедрой.

Я повторил заказ, который произвел впечатление, и переключил внимание на блондинку.

— Вы частный детектив с репутацией совершенно аморального человека, что устраивает ваших клиентов. Я не ошибаюсь, мистер Бойд?

— Скажем просто, я — блестящий детектив. Этого достаточно.

— Мне вас рекомендовали на Байя, — продолжала

она.— У меня создалось впечатление, что вы часто там работали.

— Я знаю ту местность. Итак, ваше дело...

— Моё дело вот в чем. Пять дней назад я неожиданно исчезла из Санта-Байя,— спокойно сказала она,— и хочу, чтобы вы отправились туда поискать меня.

Официант принес девушке выпивку, что дало мне время оправиться от изумления.

— Вы не могли бы мне это повторить? — попросил я.

— Где вы обычно останавливаетесь в Санта-Байя?

— В отеле «Старлинг», но...

— Это хорошо,— живо сказала она.— Я буду звонить вам время от времени, чтобы узнавать, как идут дела. Возможно, будет лучше, если я при этом буду выдавать себя за вашу секретаршу...— Она секунду-другую подумала.— Ширли Спинделлросс! Что вы на это скажете?

Я проворчал:

— А что же мне прикажете делать, если я вас действительно найду в Санта-Байя? Караулить, ожидая, когда вы мне позвоните из Нью-Йорка?

— У вас есть таинственный клиент, который нанял вас, чтобы отыскать меня,— пояснила она,— но, разумеется, вы не можете назвать его имени. Когда вы обнаружите, что я исчезла уже несколько дней тому назад, вы сразу же заподозрите худшее.

— Худшее?

— Убийство,— твердо проговорила она.— Вы очень громко выскажете свои подозрения, мистер Бойд.

— А кому? — спросил я.— Полиции?

— Всему свету.

— В том числе и полиции?

— Не исключено. Это я оставляю полностью на ваше усмотрение. Возможно, это понадобится, чтобы убедить всех, что вы на самом деле обеспокоены моей участью.

— Там есть один тип, некий капитан Шелл,— едко проговорил я,— он любит меня, как брата, или, скорее, любил бы, если бы меня звали Авелем.

— Я дам вам список имен и адресов,— продолжала она.— Вы сможете повидать этих людей, когда захотите.

— Вам действительно трудно сказать мне, что все это означает?

— Трудно,— холодно ответила она.— Речь идет о мистификации, мистер Бойд. И если вы будете знать все с самого начала, это вам помешает. Я обещаю, что по мере

продвижения дела буду сообщать вам некоторые подробности.

— Спасибо тысячу раз,— проскрипел я.

Она открыла сумочку, достала листок бумаги и положила его передо мной.

— Я уверена, что вы примете мое предложение, мистер Бойд,— пробормотала она.

Это был чек на две тысячи долларов. Я аккуратно сложил его и спрятал в бумажник, а потом, желая выразить свою благодарность, повернулся к ней в профиль. Она от восторга не упала в обморок, что дало мне повод думать, что она очень хладнокровна.

— Я приму ваше предложение,— заверил я ее.— Только повторите мне главное.

— Вы немедленно отправитесь в Санта-Байя и займетесь моими поисками, поисками Луизы д'Авенди,— объяснила она.— Вы посетите всех лиц, перечисленных в списке, и скажете им, что вы частный детектив, которого наняли, чтобы найти меня. Вы не назовете имени вашего клиента, но будете говорить, что это исключительно важно. Не колеблясь говорите, что это вопрос жизни и смерти, и, когда все начнут уверять, что я просто куда-нибудь укатила, вы опять пойдете повидать их всех. Во время второго тура скажете им, что уверены в моей гибели.

— А потом?

Она мило улыбнулась мне.

— Потом я позвоню вам в отель «Старлинг» и скажу, что делать дальше. Не забудьте — Ширли Спинделлросс!

Она снова открыла сумочку и достала сложенный листок бумаги.

— Вот фамилии и адреса.

— А откуда у меня взялся этот список?

— Вам дал его ваш клиент.

Она посмотрела на свой нетронутый стакан на столе, слегка улыбнулась мне и встала.

— До свидания, мистер Бойд,— негромко сказала она.— Я в восторге от нашего знакомства и буду держать с вами связь. Надеюсь, что вы оцените эту уникальную ситуацию.

— Уникальную ситуацию? — повторил я за ней.

— Разговор с мертвой! — сказала она и направилась к двери.

Наблюдая колыхание ее круглых ягодичек, обтянутых итальянским шелком, я подумал, что это был очень привлекательный призрак.

Первым в списке стоял Грег Стоупли, и я решил начать с него. Я взял свою машину со стоянки отеля и отправился в Санта-Байя, где не был уже четыре месяца. Там ничего не изменилось, не считая того, что сезон туристов был в разгаре, и тротуары заполнили толстые дамы, затянутые в корсеты. Это было мало привлекательно, и я сосредоточил свое внимание на дороге.

Стоупли жил в одном из роскошных домов в двух-трех километрах от пляжа. Особняк стоял среди парка в полгектара, окруженный мексиканскими соснами.

Ворота были открыты, так что я въехал, остановил машину на красном гравии аллеи, поднялся по ступенькам и позвонил. Через несколько секунд темноволосая молодая женщина открыла дверь. Ей было лет тридцать, и у нее была такая хрупкая фигура, что, казалось, прожили она еще пятьдесят лет — у нее не прибавится и капли жира. Ее волосы падали на плечи, а глаза были надежно спрятаны под солнечными очками. У нее был большой рот с некрасиво опущенными углами. Белая шелковая блузка обтягивала небольшую грудь с кончиками, направленными прямо на меня. Брюки облегали ее круглые бедра и стройные ноги.

— Я ищу некоего мистера Стоупли,— сказал я.

— Грег? — равнодушно переспросила она.— Это мой муж. Я — Марш Стоупли.

— Я могу его видеть?

— В настоящий момент он в Лос-Анджелесе,— ответила она,— и вернется не раньше чем через день-два. Может быть, я смогу быть вам полезна?

— Может быть. Я — Данни Бойд. Частный детектив.

— Вы хотите сказать, что после всех этих лет замужества Грег обнаружил, что не может доверять мне? — Она засмеялась.— Вы привели с собой свидетеля, мистер Бойд?

— Что? — пробормотал я.

— Это не то, что вы ищете? Значит, компрометирующие фото, чтобы помочь Грегу потребовать развод?

— У вас очаровательное чувство юмора, миссис Стоупли,— вежливо сказал я.

— Марш,— поправила она.

— Марш.

— А вы — Данни. Входите же, Данни, не то упадете от солнечного удара.

Мы прошли в гостиную, большую и элегантную. Двери-

окна выходили на лужайку позади дома, сверкавшую под лучами солнца. Она повернулась ко мне и сняла темные очки. Ее глаза темно-синего, почти черного, цвета с любопытством смотрели на меня.

— Который сейчас час, Данни? — спросила она.

Я посмотрел на часы.

— Почти полдень.

— Не слишком рано для стаканчика? — Она направилась к бару. — Что вы выпьете?

— Джин с тоником было бы хорошо.

— Частный детектив, — сказала она. — Я потрясена. В вас совершенно нет таинственности. Вы похожи на тех, которых показывают по телевизору. Но я всегда думала, что у частных детективов должен быть таинственный вид, и они должны быть грязными.

Она принесла из бара стаканы и протянула мне один.

— Какой же ужасный секрет семьи Стоупли вы хотите узнать, а, Данни? — спросила она.

— Я ищу одну женщину по имени Луиза д'Авенди. Вы ее знаете?

— Луизу? — Она кивнула головой. — Разумеется, я ее знаю. Правда, уже неделя, как я ее не видела. Вы спрашивали в отеле «Старлинг»?

— Ее там нет, — ответил я. — Ее не видели в течение пяти дней. У меня есть клиент, который хочет, чтобы я нашел ее. Это срочно, вопрос жизни и смерти.

— Вас послушать, так это очень драматично.

В медленной улыбке она обнажила отличные зубы.

— Не думаю, что смогу вам чем-либо помочь, Данни. Сожалею. В последний раз я ее видела на приеме у Нельсона Пемброка. Вы с ним уже говорили?

— Еще нет, но он в моем списке.

— В вашем списке?

— Мой клиент дал мне список людей, которых следует опросить. Людей, которые хорошо знали Луизу д'Авенди.

— Кто они?

— Брад Мэсон, Алиса Фолкнер и Кэрол Деркас.

— Это кажется мне удачной мыслью. Один из них, возможно, знает, где находится Луиза. Это ведь настоящий мотылек — она прилетает и улетает.

— В самом деле? — протянул я.

— Мой вопрос, возможно, покажется вам нескромным, но кто же ваш клиент?

— Ваш вопрос действительно нескромен.

— Ее не видели в течение пяти дней, — продолжала

она.— Теперь я вспоминаю, что примерно в это время уехал и Грег. Может быть, они уехали вместе?

— Я абсолютно ничего не знаю.

— Мой Бог! Это не исключено! — Она холодно посмотрела на меня.— Знаете, это возможно. Не понимаю, что Луиза нашла в Грее. Он с катастрофической быстротой лысеет, у него животик, и он не умеет пить. Бывают моменты, когда я сама не выношу его. На всех этих проклятых вечерах он рассказывает одни и те же свинские истории, которые никто не хочет слушать. Иногда мне кажется, что я сойду с ума, живя с ним под одной крышей. Должна вам признаться, что испытываю огромное облегчение, когда он вынужден отсутствовать. Без этих деловых поездок я бы не выдержала. Все время видеть его перед собой...

Она сделала большой глоток.

— Но если эта пройдоха д'Авенди прилепилась к нему в Лос-Анджелесе, я у него вырву сердце, когда он вернется. Что касается ее...

— Вы, должно быть, одна из тех редчайших жен, которые сохраняют верность.

Она выдавила ледяную улыбку.

— Мой муж быстро превращается в маленького отвратительного старикашку, и мне это совершенно не нравится, Данни.— Она пожала плечами.— Пусть он идет к черту. Поговорим о другом!

— Луиза д'Авенди,— сказал я,— она такая? Вы считаете, что она могла убежать в Лос-Анджелес с вашим мужем?

— Я думаю, что Луиза могла найти лучше,— с горечью ответила она.— Но на вкус и цвет... Во время приемов она всегда окружена млеющими мужчинами. Я не понимаю, почему? Она не настолько интересна. Я всегда думала, что ее занимают только деньги, ее деньги.

— Ее деньги? — переспросил я.

— Луиза набита монетой,— уверила она.— Во всяком случае, она такой кажется. У нее свой интерес в Санта-Байя. Я не знаю, имел ли Грег когда-либо с ней деловые отношения, но он постоянно повторяет мне, что у нее здесь выгодное дело.

— А ваш муж чем занимается?

— Недвижимостью. Особенно сбытом. Покупается болото, его превращают в канал, а потом строят дома или отели. И внезапно возникает модное место. Так, во всяком случае, я думаю...

— А Луиза д'Авенди тоже занималась сбытом недвижимости?

— Не знаю. По-моему, Грег хотел втянуть ее в это. Возможно, ему нужен капитал, и он надеется раздобыть его между поцелуями в Лос-Анджелесе. В то время, как его верная жена сидит дома и занимается вязанием.

Я допил свой стакан и деликатно поставил его на маленький столик.

— Спасибо за джин, Марш. Я должен вас оставить.

— Уже? — Она удивилась. — Вы не хотите поваляться на лужайке? Я могу оставить вас завтракать.

— Это было бы замечательно, но у меня очень нетерпеливый клиент.

— А обед? — Она медленно облизала губы. — Вы могли бы расслабиться после тяжелого дня. Никого, кроме нас двоих. Уже давно я не устраивала этого — обед при свечах и все такое!.. Вы понимаете?

— Вполне.

Я надеялся, что мой голос звучал достаточно убедительно.

— Около восьми часов, и не беспокойтесь о костюме. — Она снова улыбнулась. — Просто наденьте что-нибудь легкое.

— Понятно.

Она проводила меня до двери, взяв под руку и крепко прижимая мою руку к своей груди.

— Я кое-что вспомнила, — сказала она, когда мы подошли к двери. — Ваш клиент должен быть в курсе этого.

— Что именно?

Я осторожно освободил свою руку и открыл дверь, чтобы иметь возможность убежать, если она захочет потащить меня завтракать.

— Муж Луизы был убит около двух лет тому назад, — пояснила она. — Его нашли в собственной машине на дне оврага. Он был убит из пистолета. Не обнаружили ни того, кто стрелял, ни причину преступления. Насколько мне известно, Луиза тогда была в Нью-Йорке, что давало ей отличное алиби. Тогда ходили слухи, что она могла нанять убийцу, чтобы избавиться от мужа, но я этому не верила. Правда, он был на двадцать лет ее старше, и был набит монетой. Она унаследовала деньги и все остальное.

— Вы просто справочное бюро, Марш, — серьезно сказал я.

— А вы — настоящий подонок, Данни, — огрызнулась она. — Несмотря на волосы щеткой и прочее.

— Это выделяет меня из толпы людей с длинными волосами,— заявил я.

— Как и ваш прекрасный профиль,— продолжила она.— Может быть, сегодня вечером я воспользуюсь хлыстом. Вам понравится, если я сорву немного кожи с вашего каркаса?

— Совсем немного,— ответил я.— А вам понравится, если я сделаю то же самое?

— Я буду в восторге! — воскликнула она.— С условием, что прежде вы уложите меня в постель. После этого вы можете делать все, что захотите, если только не изувечите меня на всю жизнь.

— Хотите, я вам скажу кое-что, Марш? Запишитесь в синдикат инициатив. Вы сразу удвоите их доход.

Я вернулся к своей машине и открыл дверцу. Не успел я сесть за руль, как она очутилась около машины.

— Мерзкий подонок! Жалкая личность! — воскликнула она.— Вы не придете сегодня вечером, не так ли?

— Вы шутите! Я скорее предпочту лечь в кровать со скорпионом.

Я вернулся в отель, так как решил, что остальные в списке могут быть похожи на Марш Стоупли и что я нуждаюсь в передышке.

Потом, подумав, я позвонил в Главное управление полиции и спросил капитана Шелла. Мне ответили, что он должен быть через полчаса. Я сообщил свое имя и попросил передать капитану мою просьбу — зайти ко мне в отель выпить со мной стаканчик.

Лео-бар был все тот же, специализировавшийся на таинственных коктейлях с ромом, стоящих в два раза дороже настоящего алкоголя.

Я заказал двойную водку и, когда меня обслужили, закурил первую сигарету за день с наслаждением человека, пытающегося бросить курить.

Шелл пришел через двадцать минут и сел напротив меня.

Его седеющие волосы были взлохмачены, серые глаза под тяжелыми веками смотрели на меня с большим ехидством.

— Вы снова вернулись, Бойд,— сказал он.— Это самая плохая новость с тех пор, как моя жена объявила, что решила сбежать с нашим соседом.

Я сделал неопределенный вялый жест руками, но бармен уже подходил со своей смесью для капитана.

— У нас в морге есть неизвестный труп,— продолжал

Шелл, — скажите мне только одну вещь, почему вы его убили?

— Просто ошибся. Была ночь, и я принял его за вас.

— Не воображайте, что я вам поверю.

Он сделал глоток, потом снова посмотрел на меня.

— Каждый раз, когда вы приезжаете в город, я жду неприятностей. Итак, быстро, что вы хотите?

— Человек по имени д'Авенди, — начал я, — приблизительно два года назад...

Он откинулся на спинку стула и немного подумал.

— Роберт д'Авенди. Ему всадили три пули калибра 7,65 в голову, сунули в машину, а потом спустили в овраг. Вероятно, надеялись, что она загорится, но... нет...

— А кто это был?

— Мы его тогда так и не нашли... — Он нахмурил брови. — Где вы обретались в то время?

— Ни одного подозреваемого?

— Естественно, жена стала первой подозреваемой, но она находилась тогда в Нью-Йорке, и у нее было крепкое алиби. Другая гипотеза: она могла нанять убийцу... Мы и это проверили, но безрезультатно. К тому же это преступление не было похоже на работу профессионала. Даже если бы машина сгорела, мы все равно обнаружили бы пули в черепе. Если бы профессионал захотел инсценировать несчастный случай, он просто оглушил бы его.

Шелл задумчиво посмотрел на меня.

— А почему вас это интересует, Бойд?

— У меня есть клиент, который этим интересуется, — ответил я и подумал, что в этом ответе есть крупица правды.

— Клиент, который интересуется убийством, совершенным два года тому назад? — удивленно воскликнул он. — Где он находился все это время? Вероятно, на том свете?

— Он мне не сказал этого. Что за человек был этот д'Авенди?

— Итальянец по происхождению, — ответил Шелл. — Лет пятидесяти. Богатый донельзя. Мы не смогли выяснить причину убийства. Может быть, месть? Но чья?

— А люди, которых он здесь знал, друзья, деловые связи?

— Он знал множество людей, но они нам не помогли.

— Как и вы мне.

Он холодно улыбнулся.

— Знаете что, Бойд? В первый раз с тех пор, как

я имею несчастье знать вас, я доволен, что вы здесь, в Санта-Байя. Если вы начнете основательно копаться в деле д'Авенди, то, возможно, и обнаружите, кто его убил.

2

Дом был уединенным и, казалось, грезил о чем-то на вершине холма. Неподалеку был обрыв в сотню метров, за которым сверкал бескрайний океан. Я нажал на кнопку звонка и услышал мелодичный звон где-то в доме. Однако к двери никто не подходил.

Мысленно похвалив себя, я удержался от того, чтобы в ожидании закурить сигарету. Наконец, дверь открыла женщина.

Я бы дал ей лет сорок. Поднятые наверх черные волосы позволяли видеть красивую шею почти без морщин. Темные, широко поставленные глаза, чувственный рот. Длинное темно-синее платье из шелка обтягивало ее полную грудь и крутые бедра. Наши глаза были на одном уровне, следовательно, ее рост был близок к метру восьмидесяти на каблуках. Интересная женщина и весьма волнующая.

— Добрый день,— приветливо сказала она.

— Салют. Я ищу Алису Фолкнер.

— Вы стучите в нужную дверь,— ответила она, улыбаясь.— Кто вы?

— Данни Бойд.

— Новый в Санта-Бойя?

— Да, я из Нью-Йорка.

Она широко распахнула дверь.

— Входите, мистер Бойд.

Я последовал за ней в обширный вестибюль, потом в гостиную. Мои ноги погрузились в толстый ковер. Комната была обставлена позолоченной мебелью. Над массивным мраморным камином висела картина — обнаженное тело в стиле Ренуара.

— Если вы подождете, мистер Бойд,— сказала темно-волосая великанша,— я предупрежу Алису, что вы здесь.

Она жестом указала на хорошо оборудованный бар:

— Не хотите ли пока выпить чего-нибудь?

Дама вышла из комнаты, а я подошел к бару. Так как было еще рано для скотча, я выпил коньяк, чтобы он присоединился к полчаса назад выпитому кофе. Пять минут спустя скульптурная брюнетка вернулась.

— Алиса вас примет, мистер Бойд. Вы можете, если хотите, взять с собой ваш стакан.

— Спасибо, не стоит беспокоиться.

Я быстро допил коньяк и начал подниматься по широкой лестнице.

Женщина остановилась внизу и рукой указала наверх:

— Вторая дверь направо на лестничной площадке, мистер Бойд. Там вас ждет Алиса.

— Благодарю.

— Желаю хорошенько позабавляться!

Она улыбнулась мне и ушла, а я подумал, что она, вероятно, немного ненормальная.

Я остановился перед второй дверью направо и негромко постучал. Глухой голос пригласил меня войти. Комната стояла того, чтобы на нее посмотреть. Повсюду были разбросаны белые шкуры; белые занавеси, задернутые на окнах, не пропускали солнечный свет. В комнате было свежо и царил полумрак. Огромная кровать с черным шелковым покрывалом, на котором были разбросаны подушки, привлекала внимание. На потолке, как раз над кроватью, висело огромное зеркало в позолоченной оправе. Я закрыл за собой дверь и стал ждать. Через несколько секунд из ванной комнаты вышла девушка. На ней был черный шелковый халат, сильно затянутый на талии и доходящий до щиколоток.

— Простите меня,— сказала она.— Надеюсь, я не очень вас задержала?

— Нет,— ответил я.

Мой голос показался мне ватным.

Эта блондинка выглядела не старше девятнадцати лет. У нее были волосы цвета спелой ржи, каскадом падавшие на плечи, яркие голубые глаза и красные полные губы.

Когда она подходила ко мне, я видел, как свободно двигались ее груди под тонкой тканью, и горло мое сжалось.

— Я — Алиса,— проговорила она слегка задыхающимся голосом.— А вы Данни, не так ли? Элоиза сказала мне.

— Да, Данни,— ответил я.

На этот раз мне показалось, что мой голос сломался.

— У вас именно такой тип, который мне требуется, чтобы заполнить пустоту мрачного дня, Данни.

Я что-то пробормотал. Она подошла почти вплотную ко мне и улыбнулась.

— Не смущайтесь, Данни,— промурлыкала она.— Я была бы огорчена, если бы у вас не было такой реакции.

— Уф! — выдохнул я.

Ее руки весьма умело заставили скользнуть молнию, и я почувствовал, что мягкие пальцы поглаживают меня.

— Это восхитительно,— прошептала она.— Вы такой прекрасный. И несправедливо оставаться пленником своих брюк. Вы наносите себе этим вред, неужели непонятно?

— Ну...

— Знаете, бесполезно разговаривать со мной.— Она опять улыбнулась мне.— Почему бы вам просто-напросто не раздеться?

— Черт возьми! Вы совершенно правы! Почему бы мне не раздеться?

Пока я раздевался, Алиса легла на спину на кровать. Подняв колено, она заставила халат немного распахнуться, и я, потеряв все свое самообладание, жадно поцеловал ее.

— Держу пари, что ты настоящий мужчина,— прошептала она. Я окинул ее уничтожающим взглядом.

— В первый раз мне предлагают такое глупое пари. Вы хотите это знать?

— Да, и хоть у нас с тобой впереди много времени, не будем зря тратить его на разговоры.

Она положила ладонь на мою грудь и толкнула меня. Я упал на кровать.

— Закрой глаза, Данни, и думай о хорошем,— прошептала она.

Я закрыл глаза и почувствовал, что ее язык бродит по моему животу, спускаясь все ниже.

Я не имел ни желания, ни сил думать ни о хороших, ни о плохих вещах, потому что все мои нервы были напряжены, и я совсем потерял голову... Не знаю, как я умудрился не повредить себе кое-что...

Наконец, я упал на кровать совершенно измученный.

Алиса лежала около меня не в лучшем состоянии.

— Эй, Данни,— мечтательно проговорила она через некоторое время,— это было фантастично!

— Точно!

Ее пальцы перебирали волосы на моей груди.

— Даже жаль брать за такое деньги.

— Конечно,— ответил я машинально.

Затем от неожиданности приподнялся, чтобы посмотреть на нее.

— Какие деньги?

— Двести пятьдесят долларов,— ответила она спокойно.— Я попрошу Элоизу сделать тебе скидку, но у нее вместо сердца регистрационная книга.

У кого-то забулькало в горле, и мне понадобилось время, чтобы понять, что это у меня.

— Двести пятьдесят долларов? — прошептал я.

— Это нормальный тариф днем. Триста долларов ночью. Элоиза тебе ничего не сказала?

— Нет, — хрипло ответил я. — Она мне ничего такого не сказала.

— Она, вероятно, думала, что ты знаешь, — уверенно сказала Алиса. — Конечно, тебе же рекомендовали?

— Почему ты так думаешь?

Она приподнялась на локте и задумчиво посмотрела на меня.

— Ты спросил обо мне, назвал мое имя. Откуда бы ты мог знать об этой коробке и о моем существовании, если бы тебе нас не порекомендовали?

— Хороший вопрос, — с горечью сказал я. — Ты давно видела Луизу д'Авенди?

— Кто это? — спросила блондинка.

— Луиза д'Авенди.

— Я никого не знаю под этим именем, — сказала Алиса. — Не думаю, чтобы она когда-нибудь работала здесь. Во всяком случае, в мое время. Я уверена в этом.

— Я заплачу, — удрученно проговорил я. — Но я пришел сюда, чтобы получить нужные мне сведения. И это стоит мне двести пятьдесят долларов, да ты еще не можешь ничего сказать!

— Данни!

Она широко раскрыла глаза.

— Что?.. Ты пришел сюда не для того, чтобы меня поцеловать?

— Отнюдь.

— Для того, кто не хотел целоваться, ты очень быстро изменил свои намерения! — Она засмеялась. — А что, ты думал, я здесь делаю? Сижу и жду, когда Данни Бойд придет в мою комнату? Войдет в мою жизнь?

— Вероятно, что-нибудь в этом роде.

Невольно я начал шутить.

— Если и существует на свете вещь, которую я ненавижу, так это неудовлетворенный клиент. Если ты захочешь начать все сначала, то я предлагаю это тебе от всего сердца и за счет заведения.

— Нет, спасибо. Честно говоря, в настоящий момент нужна лебедка, чтобы меня поднять.

— Это один из редких случаев, когда мне нравится моя

работа,— проговорила она.— Опорожни свою копилку и приходи снова.

Я быстро принял душ и оделся. Когда я уходил, Алиса уже спала. Я почувствовал к ней настоящую симпатию.

Я вышел в гостиную и Элоиза встала со своего кресла.

— Хотите чего-нибудь выпить, мистер Бойд?

— Сухое было бы неплохо.

Она подошла к бару и стала готовить коктейль, а я, закулив сигарету, позволил себе упасть в кресло.

— Надеюсь, вы получили удовольствие? — спросила она.

— Все было отлично. Только я не знал, какого рода заведение вы здесь держите.

Ее брови удивленно поднялись.

— Но вы называли Алису по имени, мистер Бойд. В противном случае, каким образом вы...

— Ничего, я заплачу, сколько нужно. Если есть вещь, которую я ненавижу, так это парня, который целуется и удирает...

Она прервала меня.

— Я плохо понимаю. Если вы знали имя Алисы, то почему вы не знали остального?

— Ее имя мне дали с четырьмя другими именами людей, знающих Луизу д'Авенди. Но я предполагаю, что этот список неточен, раз Алиса никогда не слышала о такой.

Она принесла мне стакан и села на диван напротив меня. Я ждал, пока Элоиза старательно расправит синий шелк на своих крутых бедрах.

— Я знаю Луизу,— призналась она,— но вижу ее лишь изредка, так что едва ли, что сумею помочь вам. Могу я спросить о других именах в вашем списке?

— Конечно,— ответил я и прочитал список.

— Ваш перечень мне кажется точным. По правде говоря, Луиза много ездит.

Я подумал, что настало время немного поимпровизировать.

— У нее было назначено очень важное свидание с моим клиентом, и когда она не пришла, он начал беспокоиться.

— А кто ваш клиент, мистер Бойд?

— Это не подлежит огласке.

Она пожала плечами.

— У Луизы множество дел в Санта-Байя, и не в ее характере пропустить важное свидание.

— Мой клиент волнуется. Он хочет, чтобы я как можно

скорее нашел ее, так что все, что вы сможете мне о ней сказать, я приму с благодарностью.

— Я тоже беспокоюсь о Луизе и хочу помочь вам, но все, что я скажу, должно остаться между нами.

— Разумеется.

— Луиза — моя компаньонка, — заявила она.

— Вы вдвоем руководите этим борделем?

— Мы предпочитаем называть это исключительно клубом.

— Исключительно — это именно то слово. Двести пятьдесят долларов!

— У нас городская клиентура, — пояснила она. — Наши девушки высшего класса, и дом абсолютно респектабельный. Мы не принимаем приезжих и не рассчитываем на них. Дружья местных жителей — это, разумеется, другое дело. Именно за одного из них мы вас и приняли.

— А у Луизы есть другие коммерческие интересы в Санта-Байя? — спросил я.

— Думаю, что да, — ответила Элоиза, — но не могу сказать вам, какие.

— Где она живет?

— Иногда здесь. Луиза много разъезжает. После смерти мужа она продала дом, потому что не хотела жить наедине со своими воспоминаниями. Так она мне сказала.

— Это был несчастливый брак?

— Не знаю, но обстоятельства этой смерти были очень неприятными.

— Иногда она жила здесь, а в остальное время?

— У друзей, — ответила Элоиза. — В «Старлинг» и в других отелях. Как я вам сказала, она много путешествует.

— Вот уже около недели, как она уехала. Где мне начать поиски?

— Луиза никогда не позволяла увлечениям мешать ее делам, но я полагаю, что все возможно. На вашем месте я начала бы искать у Брада Масона. Если он тоже исчез на этой неделе, у вас будет очень простая ситуация, мистер Бойд.

— Спасибо. — Я допил коктейль и встал. — Я остановился в отеле «Старлинг». Если вы вспомните что-либо, что могло бы помочь в поисках, позвоните, пожалуйста, мне в номер.

— Безусловно. — Она тоже встала и улыбнулась. — Осталась последняя деталь, мистер Бойд...

— Какая же?

— Вы заплатите чеком или наличными?

Судя по списку, который дала мне Луиза д'Авенди, Брад Мэсон жил в одном из роскошных коттеджей на Парадиз-Бич. Если он не дал себе труда в разгар туристского сезона переехать, следовательно, он поглупел от богатства.

Было около половины седьмого вечера, когда я постучал в его дверь. Изнутри раздавались какие-то глухие звуки, но никто не вышел. Я немного подождал и снова постучал.

Опять необъяснимые звуки. Я достал из кармана пачку сигарет и старательно сосчитал их... Не более трех в день — это тяжело. Но ночь еще далеко.

Я спрятал пачку и начал барабанить в дверь. Мне открыл тип в коротком черном банном халате с большим быком, вышитым на кармане. У него были черные растрепанные волосы и глаза с красными прожилками.

— Ладно, — сказал он глухим голосом. — Итак, пожар, но где?

— Вы Брад Мэсон?

— Я Брад Мэсон, и я по-прежнему не вижу огня.

— Я — Данни Бойд и разыскиваю Луизу д'Авенди.

— Ее здесь нет, — проворчал он. — Поищите в другом месте.

— Кто это? — раздался женский голос в глубине коттеджа.

— Никого из тех, кого бы ты хотела видеть, — ответил Мэсон.

Он собирался закрыть дверь перед моим носом, но я нажал на нее плечом, быстро шагнув вперед, лишив Мэсона возможности стукнуть меня.

— Что же, наконец, здесь происходит, черт возьми? — закричал сердитый женский голос.

Идя на звук голоса, я вошел в гостиную.

Задернутые шторы создавали в комнате полумрак, но было достаточно светло, чтобы можно было легко все видеть.

Рыжая девушка с пылающей гривой волос, падающих до пояса, была абсолютно голая. У нее были маленькие острые груди, а ее руно выделялось, как неоновая реклама.

— О, проклятье! — проворчала она, увидев меня. — Не говорите мне, что он привел приятеля.

Мэсон вбежал в комнату, откидывая с глаз волосы.

— Кто вы? — спокойно спросил я.

— Я — Кэрл Деркас, — невозмутимо ответила рыжая. — А вы кто?

— Данни Бойд. Я ишу Луизу д'Авенди.

Кэрол Деркас фигурировала в моем списке, так что, можно сказать, я убил двух зайцев. Она посмотрела на меня, устало покачала головой, потом повернулась к дивану, где в беспорядке валялась ее одежда. Ее маленькие круглые груди и бедра были покрыты красными полосами.

— Мы сейчас занимались садизмом,— спокойно объяснил Мэсон.— Нам надоела нормальная любовь, и мы решили попробовать что-нибудь другое.

— И как пошло? — спросил я.

— Сложность в том, что никто из нас не хочет быть мазохистом,— ответил он.— Каждому хочется стегать другого, а быть стеганным, это совсем другое дело.

— Это больно,— просто сказала рыжая.— Проклятье! Я теперь два дня не смогу садиться!

— Я смажу тебя кремом,— сказал Мэсон.— И надо же было, чтобы вы вломились в мою дверь!

— Не обращайтесь на меня внимания. Действуйте!

— Брось,— проворчала рыжая.— Это ведь чертовски глупо!

— Вы хотите сказать, что это более глупо, чем позволить себя хлестать? — язвительно произнес я.

— Послушайте, Бойд,— угрожающе проворчал Мэсон,— хотите, чтобы я переломал вам конечности?

— Лучше принеси нам выпить! — сухо бросила рыжая.— Сейчас это то, что нужно.

— Согласен,— пробормотал Мэсон.— Но если этот болван не уйдет к моему возвращению, я...

— Понятно,— резко сказала она.— Иди за выпивкой!

Продолжая ворчать, Мэсон вышел из комнаты. Рыжая подобрала с дивана мини-платье и натянула его. Оно едва достигало ее бедер. Потом она подняла на меня серо-зеленые глаза и сказала:

— Я совершенно сошла с ума, когда согласилась на это. У меня зад пылает, как в огне.

— И вы одна имели право на такое обращение?

— Теперь должна была наступить его очередь, но появились вы. Этого я вам никогда не прощу, Бойд!

Мэсон вернулся, неся по стакану в каждой руке. Увидев, что я еще не ушел, он осторожно поставил стаканы на стол.

— Согласитель,— решительным тоном сказал он,— у нас был шанс, Бойд.

Не будьте дураком,— посоветовал я.

Со сжатыми кулаками он подошел ко мне и выдал свинг

в челюсть. Я сделал шаг в сторону и ударил его ногой в берцовую кость. Он издал вопль и стал прыгать по комнате на одной ноге, придерживая руками больную ногу. Я быстро взял ближайший ко мне стакан, в то же время рыжая схватила другой. Масон описал еще один круг по комнате, прежде чем повалился на диван.

— Боже мой! Как больно! — Он с яростью смотрел на меня и медленно качал головой. — Нужно полагать, что я не создан для насилия.

— Я — частный детектив, — сказал я. — Мой клиент хочет, чтобы я нашел Луизу д'Авенди. Она исчезла неделю назад.

— Логично, — проворчал Масон. — Привычка к насилию — необходимый признак этой профессии.

— Ты отвлекаешься, — заметила Кэрол Деркас.

— Знаешь что, — проворчал он, — чем больше я думаю о том, чтобы отстегать тебя по заду, тем больше мне это нравится.

— Паршивый подонок, — прошипела она со злостью. — Я могла бы тебя сейчас убить.

— Ты хочешь, чтобы я пошел за солью и втер ее в тебя? — ласково спросил он.

Это был предел. Рыжая выплеснула содержимое своего стакана ему в лицо, и пока он судорожно тер себе глаза, она схватила стул и пнула его в болевшую ногу.

Масон опрокинулся на спину и, снова обняв страдальцу-ногу, закричал уже, вероятно, и от боли, и от страха, так как рыжая высоко подняла стул, собираясь стукнуть его по голове. Я решил, что настало время вступить и, вырвав у нее стул, оттолкнул ее.

Она сделала три шага и резко опрокинулась назад всей своей тяжестью. После этого ее вопли заглушили стенания Масона.

— Хватит! — заорал я.

Крики сразу прекратились, и оба испуганно уставились на меня.

— Вы можете поубивать друг друга, мне на это наплевать, — резко сказал я, — но сперва я хочу услышать от вас о Луизе д'Авенди.

— Она приходит и уходит, — ответила Кэрол Деркас, — если вы останетесь на некоторое время в Санта-Байя, вы ее увидите.

— Это будет очень скоро, — проворчал Масон. — Она должна быть в моей конторе завтра в одиннадцать часов утра.

— Почему вы так уверены, что она придет? — спросил я.

— Она хочет сорок за сто в одном большом доме, — насмешливо ответил он. — Если она не придет в этот час с подписанным чеком в своей маленькой лапке, то окажется с большим нулем. — Нам нужно было выбрать дичь покрупнее, — пошутила рыжая. — Ты всегда нетерпелив, Брад. Если дело пойдет так, как ты хочешь, нам придется удовольствоваться жалкими двадцать на сто, а Луиза д'Авенди и Нельсон Пемброк будут зубоскалить над нами.

— Во всех видах спекуляции, — заметил Масон, — существует риск, что дело пойдет плохо. Даже если мы немного пострадаем, то не придем в отчаяние, а придумаем новую комбинацию, так?

— Хочешь, я тебе что-то скажу? — холодно спросила она. — Теперь я займусь твоим задом и так его обработаю, что на нем не останется и миллиметра кожи. Не подержите ли его, Бойд?

Масон внезапно забыл про свою больную ногу и вскочил.

— Послушайте, Бойд, — с беспокойством сказал он. — У вас нет никаких причин вмешиваться. Это ссора между нами двумя.

— Я останусь нейтральным, пока вы будете говорить!

— Хитрец!

Рыжая засмеялась.

— Расскажите мне еще об этом деле, — сказал я.

— Это конфиденциально.

— Мое прозвище Данни Бойд Конфиденциальный, — веско сказал я и повернулся к рыжей. — На моем ремне есть металлическая пряжка. Я думаю, что вы сможете обработать ею его ягодицы, даже не вспотев.

— Хорошая идея. Вы его подержите?

— Я прибью его к полу, — пообещал я. — Таким образом, когда вы с ним покончите, я смогу два-три раза стукнуть его головой об пол для завершения картины.

— Вы сумасшедшие оба? — завопил Масон. — Он начинал понемногу дрожать. — Боже мой, ты ведь моя компаньонка, Кэрол, а не его!

— Совершенно верно, — серьезно сказала она, — я согласна все делить пополам, и теперь твоя очередь дать себя отстегать по задку.

— Ладно, Бойд, — проскрипел Масон, — слушайте. — Есть тут один деревенский клуб Байсид, здесь в Санта-Байя. Список желающих туда попасть невероятно длинен,

и если тебя в конце концов принимают, то ты обнаруживаешь, что это самое мерзкое место, в каком ты когда-либо бывал. Анонимная геронтология или что-то в этом роде...

— И тогда?

— И тогда есть место для другого деревенского клуба, — сказал он. — Лос-Анджелес находится отсюда на расстоянии лишь ста миль, и множество людей из Лос-Анджелеса покупают себе возможность провести уик-энд в Санта-Байя. Они хотят иметь место, куда смогут пойти в субботу вечером. У Луизы д'Авенди есть большой дом на краю холма, а у Пемброка — гектар или два густого кустарника около ее дома. В мерию у нас есть банда хитрых урбанистов, которые не позволяют там строить. Проклятые экологи! Мы думаем, что если мы соединим вместе дом и землю, то организуем деревенский клуб. Там достаточно места, чтобы устроить большой пруд, теннисный корт и все прочее. Мы рассчитываем на согласие урбанистов. — Он подмигнул мне. — Вот такое дело.

— Каким образом оно разделится на троих?

— Мы оцениваем дом в сто тысяч долларов, землю — в пятьдесят тысяч. Устройство обойдется в полмиллиона. Луиза вносит дом и сто тысяч. Пемброк — землю и сто пятьдесят тысяч, мы вдвоем — сто тысяч. Все очень просто.

Я заметил:

— Если у вас не будет дома, комбинация провалится. А вдруг завтра утром Луиза д'Авенди изменит решение?

— В настоящий момент она пользуется домом для других целей, — сказал Масон.

— Это шикарный бордель, — вмешалась рыжая.

— Сначала она отказалась продать его, — продолжал Масон, — но мы ее убедили, дав ей понять, что сможем нажать на самых именитых граждан города. Нельсон Пемброк — влиятельный человек, и может не только помещать ее деятельности, но еще и представить ее дом как место, оскорбляющее общественную мораль. Или она согласится на дело с деревенским клубом с большими шансами на фантастические доходы, или не согласится, и тогда она не только потеряет доходы со своего борделя, но, возможно, и дом, не говоря уже о ее репутации в Санта-Байя.

— Вот уже около недели, как она исчезла, — заметил я. — Может быть, не по собственному желанию.

— Что вы этим хотите сказать? — вскрикнула Кэрол.

— Предположим, что кто-то не хочет, чтобы дело

выгорело. Лучший способ сорвать его — это помешать Луизе д'Авенди оказаться в вашей конторе завтра утром, чтобы подписать контракт. Не так ли?

— А кто хочет сорвать это дело? — удивился Масон.

Я с равнодушным видом пожал плечами.

— Я ничего не знаю. Ведь это ваш город.

Они смотрели на меня несколько минут, показавшихся мне долгими, потом рыжая повернулась к Масону.

— То, что он сказал, очень неглупо.

— Но кто? — спросил Масон.

— Я тоже ничего не знаю, — сухо ответила она. — Но, пожалуй, нам нужно будет попытаться узнать это.

— А Грег Стоупли? — предположил я.

— Стоупли, — прошипел Масон. — Что Стоупли может смыслить в этом деле?

— Не знаю, — безразлично сказал я. — Просто его имя недавно всплыло во время одного разговора.

— Стоупли?

Масон провел тыльной стороной ладони по губам.

— Стоит подумать. Этот подонок суется во все дырки, где он надеется быстро заработать.

— Мне пришла в голову странная мысль, — заявила рыжая. — Ее серо-зеленые глаза блестели и щурились, когда она рассматривала меня.

— Ваш клиент, случайно, не Нельсон Пемброк?

— Я не назову имени моего клиента, — возразил я и так посмотрел на Масона, что тот поежился.

— Если это так, — проворчал он, — то этот человек должен знать что-то, что нам неизвестно. Держите с нами связь, Бойд. Мы сделаем все возможное, чтобы помочь вам найти Луизу д'Авенди. Я полагаю, это в наших общих интересах.

4

После долгого крутого подъема по извилистой горной дороге я выехал на плато, с которого открывалась панорама на весь Санта-Байя. Дом Нельсона Пемброка, находившийся на краю этого плато, был построен из камня лет пятьдесят тому назад, что для Санта-Байя уже являлось исторической постройкой. Особа, открывшая дверь, имела вид официальный и неприступный.

Ей было лет тридцать, у нее были черные волосы, зачесанные назад, с пробором посередине, пустые фиолетовые глаза за очками в темной оправе и сжатые губы.

Казалось, она разжимала их только в случае крайней необходимости. На ней была белая блузка и черная юбка до колен. Ее тяжелая грудь, видимо, была заключена в бюстгальтер, и существовала вероятность, что и бедра ее затянуты в какой-нибудь архаичный корсет.

— Добрый вечер,— равнодушно сказала она.

— Я хотел бы повидать мистера Пемброка. Моя фамилия Бойд.

— А я мисс Апплеби, личный помощник мистера Пемброка. Потрудитесь войти, мистер Бойд. Вас ожидают.

— Ожидают?

— Так мне кажется.

Она провела меня внутрь через большой вестибюль. Равномерность движения ее ягодиц утвердила меня в мысли о том, что она носит корсет. Мы вошли в комфортабельную комнату с книжными полками, письменным столом и несколькими глубокими креслами, вероятно,— библиотеку.

— Подождите здесь, мистер Бойд,— сказала она,— мистер Пемброк присоединится к вам через несколько минут.

Она вышла и закрыла за собой дверь. Долго ждать мне не пришлось.

Типу, который вошел, было около сорока лет, у него были густые выющиеся седые волосы и небольшие усы. Высокий, худой, с загорелым лицом — человек, сошедший с рекламного плаката скотча.

Парень располагал тремя яхтами и считал себя важным бизнесменом.

— Пемброк,— холодно представился он.— Не надо крутить, Бойд. Масон позвонил мне, как только вы ушли от него, и сказал, о чем идет речь.

— Прекрасно. Это освобождает от объяснений.

— Возможно.— Он обошел письменный стол и сел на свое место.— Садитесь, Бойд. Разговор не будет долгим.

Я сел в ближайшее к нему кресло и вежливо стал ждать продолжения.

— Я не имею ни малейшего представления, где может находиться Луиза д'Авенди,— сказал он.— Масон подумал, что я ваш клиент, но мне удалось убедить его, что он ошибается. Вы постарались внушить ему это?

— Нет!

— Тогда кто ваш клиент?

— Он не хочет, чтобы его фамилия была названа.

— Но он дал вам список определенных людей, из которых кто-то может знать, где она находится. Значит, ваш клиент один из жителей нашего города, Бойд.

— Это лишь одна из версий. Мой клиент, возможно, близкий друг Луизы д'Авенди. Кто-то, кому она доверяет.

— Это кажется мне маловероятным,— сухо заявил он.— Мне также известно, что Мэсон дал вам сведения о деле, чрезвычайно конфиденциальном, в котором мы оба заинтересованы.

— О новом деревенском клубе...

— Я надеюсь, что Луиза появится в конторе Мэсона завтра утром в одиннадцать часов,— продолжал он.— Если она не явится, тогда, возможно, я соглашусь рассматривать версию вашего клиента о том, что она исчезла восемь дней назад.

— Мой клиент не думает, что Луиза д'Авенди исчезла добровольно,— мрачно сказал я.

Пемброк ошеломленно смотрел на меня.

— Вы предполагаете, что ее похитили?

— Или хуже. По мнению моего клиента, возможно, что она мертва.

— Убита! — воскликнул Пемброк.— Он долго смотрел на меня, потом покачал головой.— Это сумасшествие! Кому может понадобиться убивать Луизу. Боже мой?

— Не знаю. Мой клиент хочет, чтобы я ее нашел.

— Я не могу обсуждать это предложение, раз мне неизвестно, кто ваш клиент,— заявил он сердито.

— Как я вам уже сказал, он не хочет, чтобы его фамилия стала известна.

— Ненавижу играть в глупейшие игры с типами вроде вас, Бойд!

Он встал, обошел стол, открыл дверь и громко позвал: «Карл!» Взглянув на вошедшего, я с беспокойством подумал, что они, вероятно, сцапали Тарзана и надели на него шоферскую форму. Он был ростом, по крайней мере, два метра и имел длинные каштановые волосы. От каждого его движения форма рисковала лопнуть, под ней должна была скрываться гора мускулов. Но особенно меня насторожил пистолет в его правой руке. Он подошел к моему креслу и гнусно улыбнулся. Подтянутая мисс, вошедшая вместе с ним, остановилась в стороне и посмотрела на своего патрона.

— Я предоставляю действовать вам и Карлу,— сказал Пемброк.— Вы знаете, что я хочу?

— Естественно, мистер Пемброк,— ласково ответила она.— Имя его клиента.

Пемброк вышел из комнаты и закрыл дверь. Лево́й рукой шофер схватил отвороты моего пиджака, без малейших усилий поставил меня на ноги и старательно обшарил.

— Никакого оружия,— сказал он тоненьким голоском.

— Все будет намного проще, если вы скажете нам имя вашего клиента, мистер Бойд,— заявила мисс.

Шофер выпустил мой пиджак и ткнул мне дулом пистолета в щеку. Я неожиданно вновь очутился в кресле и увидел, как комната завертелась передо мной.

— Вы поняли, что я хотела сказать, мистер Бойд,— продолжала мисс Апплеби.

— Начинаю соображать,— ответил я, потирая ушибленное место.

— Прошу вас, фамилию? — настаивала она сухим тоном.— Или вы хотите, чтобы Карл продемонстрировал свое умение заставлять людей развязывать языки?

— Если он откажется говорить,— сказал Карл,— я могу поработать над ним и сделать его по-настоящему несчастным, а потом вы можете применить свои методы убеждения.

В ответ она фыркнула, и я подумал, что это что-то гнусное.

— Возможно, нам придется дойти до этого,— сказала она,— но я надеюсь, что мистер Бойд разумный человек.

Я проворчал, продолжая тереть щеку:

— Эх, проклятье! После всего этого, к чему ломать себе голову? Грег Стоупли.

— Ваш клиент — Грег Стоупли?

— Да.

— По просьбе мистера Пемброка я слушала его разговор с мистером Масоном по телефону. Он сказал, что ваш клиент дал список пяти человек, которые хорошо знали Луизу д'Авенди. Это точно?

— Разумеется.

— Тогда почему же Грег Стоупли фигурирует в этом списке? — холодно спросила она.

— Прикрытие,— ответил я.

Она подумала секунды две и потом, как бы с сожалением, кивнула головой.

— Я полагаю, что это более или менее логично.

— То же самое говорю и я.

— Почему Стоупли решил, что она исчезла?

Я быстро симпровизировал.

— Потому что она должна была встретиться с ним в Лос-Анджелесе для недели сумасшедшей любви, но не приехала. Он уверен, что добровольно она бы от этого не отказалась.

— Интересно,— прошептала девица.— Я проинформирую обо всем мистера Пемброка.

Она вышла из комнаты и плотно закрыла дверь. Эта горилла Карл сунул обратно пистолет в карман, сел на край письменного стола и широко мне улыбнулся.

— Вы очень легко отделались, мистер Бойд,— сказал он своим смешным голосом.— Небольшой удар по голове, и вот вы готовы все выложить!

— Что такое случилось с вашим голосом? — с сочувствием спросил я,— вас что, протащили через мусоропровод?

Издав какое-то шипение, он направился ко мне, но в этот момент дверь открылась, и он застыл на месте. Вошла подтянутая девица в сопровождении Пемброка. Она посмотрела на меня так, словно я был тяжело болен и страшно противен.

— Мисс Апплеби сказала, что ваш клиент Стоупли.

— Это так.

— Вас не долго нужно было уговаривать, чтобы вы предали его интересы.

— Я не создан для насилия,— сказал я.

Карл начал сопеть.

— Полагаю, что ваша миссия закончена, Бойд,— продолжал Пемброк.— Я свяжусь со Стоупли и скажу ему, чтобы он переслал вам чек в вашу контору в Нью-Йорке.

— Я еще не нашел Луизу д'Авенди,— возразил я.

— Не беспокойтесь об этом. Просто садитесь завтра в самолет на Нью-Йорк, а я прослежу, чтобы Стоупли не забыл послать вам чек.

— Вы управляете в Санта-Байя? — спросил я,— или только делаете вид?

— У меня достаточно влияния в этом городе, чтобы управиться с жалким частным детективом из Нью-Йорка,— ответил он сквозь зубы.

— Я брошу свои поиски только после того, как мне об этом скажет мой клиент, но не раньше.

— Ну что ж, вы сами решили свою участь, Бойд.

— У него отсутствует чувство уважения, мистер Пемброк,— безапелляционно заявила мисс Апплеби.— Такое нельзя перенести.

Вы правы, мисс Апплеби,— сказал Пемброк, кивнув головой.

— Преподайте ему такой урок, чтобы завтра он почувствовал себя счастливым, прыгнув в самолет.

— К вашим услугам, сэр.

— Я предоставляю вам действовать...— внезапно голос Пемброка зазвучал сдержаннее.— Разумеется, ничего особенного.

— Мне все понятно, сэр.— Она улыбнулась, что не предвещало мне ничего хорошего.— Мы дадим ему понять, что такое настоящее смирение.

Пемброк снова кивнул головой и покинул комнату. Карл опять взялся за свою пушку раньше, чем мне пришлось в голову его ударить, и я подумал, что мне пора переменить профессию.

— Я покажу вам дорогу,— сказала мисс Апплеби.

Я вышел следом за ней из комнаты. Карл со своим пистолетом шел позади. В глубине дома находилась лестница, по которой мы спустились в подвал. Можно было сказать, что это настоящий зал для игр, с лампами, освещающими голые стены.

На большом станке у стены находилось множество разных хлыстов, палок и других инструментов, еще более зловещих. Посреди зала было треугольное устройство из блестящих металлических стержней, вделанных в бетонный пол. Пара наручников свисала с острого конца тяги. Сбоку находился верстак из светлого дерева с грудой ремней.

Мисс Апплеби закрыла дверь и повернулась ко мне.

— Раздевайтесь, мистер Бойд,— приказала она.

— Не будьте идиоткой!

Двумя секундами позже моя голова превратилась в гудящий колокол. Карл снова ударил меня по голове дулом своего пистолета, правда, не так сильно, как в первый раз, но достаточно, чтобы это вызвало у меня собачью боль.

— Вы слышали, что она сказала? — прошипел Карл.

Это была моя минута. Это был момент, когда я должен был прыгнуть на Карла, и тем хуже для меня, что он был двухметрового роста и в руке у него была петарда.

Что же меня остановило? Уверенность в том, что я получу пулю в живот раньше, чем успею приблизиться к нему. Я подумал об этом с большой горечью и начал раздеваться.

— Привяжи его к треугольнику,— приказала мисс Апплеби после того, как я все снял с себя.

С пистолетом Карла, упирающимся в мой бок, у меня не было выбора. Я подошел к треугольнику, поднял вверх руки, и Карл заключил их в наручники. Я испытывал

ощущение индейки перед тем, как ее посадят в печь на Рождество.

— Это все, Карл,— сказала брюнетка важно.

— А я не имею права тоже немножко позабавиться? — спросил он обиженно.

— Я сказала, что это все! — твердо ответила она.— А где ключ от наручников?

— Вам не нужны ключи,— проворчал он.— Они на рессорах. На каждом есть маленький рычаг, их достаточно встряхнуть.

— Спасибо. Теперь ты можешь нас оставить.

Карл нехотя вышел из зала. Мисс Апплеби закрыла за ним дверь и задвинула засов, потом с улыбкой повернулась ко мне. Мне совсем не понравилась эта улыбка.

— Вы мазохист, мистер Бойд? — спросила она.

— Скорее, я нервный.

— Жаль. Было бы забавно, если бы вы могли получать удовольствие. Но, конечно, гораздо забавнее для меня, если вам это не доставит удовольствия.

Не торопясь, она сняла с себя блузку, потом наступила очередь юбки. Причина, по которой ее груди не трепетались при ходьбе, мне стала ясна. Она носила бюстгальтер и черный каучуковый пояс, который обхватывал ее так крепко, что ничто не могло пошевелиться. Подойдя к верстаку, она стала рассматривать коллекцию садистских инструментов и наконец сделала выбор.

— Вы знаете, что это такое, мистер Бойд? — спросила она.

— Хлыст.

— С семью кожаными ремешками. Вам будет приятно узнать, что он не повреждает кожу, конечно, если им пользуется опытный человек и не очень сильный.— Она довольно улыбнулась.— Но это вызывает самое восхитительное ощущение боли!

— Значит, восхитительное?!

Я усмехнулся. Она подошла к треугольнику и остановилась передо мной с широко раскрытыми фиолетовыми глазами за толстыми стеклами очков.

— Я дам вам возможность испытать это восхитительное ощущение, мистер Бойд,— проворковала она,— от плеч до колен. Что вы скажете на это?

— Я не выношу, когда меня трогают,— сказал я.— А к чему этот бюстгальтер и каучуковые штаны?

— Я обожаю чувствовать каучук на своем теле. Это так тепло и так прекрасно облегает...— призналась она.

Ее голос сорвался и глаза стали блестящими и влажными.

— Особенно в сочетании со стимуляторами! Несомненно, это так?

Легкая краска появилась на ее щеках.

— Вас это не касается, мистер Бойд. Это вопрос очень нескромный, и вы должны быть наказаны за это.

Ее левая рука потянулась к моему члену, чтобы немного погладить или поцарапать его своими ногтями. Страшная боль заставила меня закричать, а девица удовлетворенно засмеялась.

— Надеюсь, это научит вас не задавать грубых вопросов, мистер Бойд,— задыхающимся голосом проговорила она.— Теперь я буду...

Она остановилась, потому что кто-то стал колотить в дверь.

— Проклятие! — вырвалось у нее.— Кто бы это мог быть?

— Вы это узнаете, если откроете дверь,— тихо предложил я.

После некоторого колебания она направилась к двери. Так как мои запястья были на вершине треугольника, то ноги едва касались пола.

Я неуклюже сделал движение назад, моля небеса, чтобы наручники не звякнули. К счастью, никакого звука...

Тогда я сделал еще шаг назад, потом два быстрых шага вперед — все это, пока мисс Апплеби медленно направлялась к двери. Я повис, пользуясь наручниками, широко раздвинул ноги и прыгнул. Сомкнув ноги, как ножницы, вокруг талии девицы, я притянул ее к себе и опрокинул. Она громко закричала от страха, но я только крепче сжал ноги. Так, что ей стало трудно дышать.

За дверью продолжали стучать, но мне на это было наплевать. Я еще сильнее сжал ноги, и девица начала задыхаться.

Я немного отпустил ее, и она застонала.

— Вы поднимете руки и откроете наручники,— сказал я.— В противном случае, я задушу вас.

— Я не могу их достать,— жалобно сказала она.

Я дал своим ногам соскользнуть с ее бедер и, опустив их, повис на запястьях.

Она подняла одну руку, дотянулась до наручника и нажала на рычажок. Я резко раздвинул ноги, и она упала на пол с глухим стуком.

Мне стоило некоторого труда освободить вторую руку.

Сразу почувствовав себя намного лучше, я бесцеремонно поставил мисс на ноги. Она продолжала стонать, а я проворчал:

— Вы сделаете то, что я вам прикажу. Иначе я вас убью! Вы меня поняли?

— Я понимаю,— прошептала она со слезами в голосе.

— Снимите бюстгальтер и штаны.

Она попыталась протестовать, но я схватил ее за горло и начал душить. После этого девица стала послушной.

Она сняла с себя бюстгальтер и каучуковые штаны быстрее, чем казалось возможным. Ее груди были похожи на спелые большие плоды.

Но у меня не было времени заниматься ее красотами. Я толкнул ее в центр треугольника и надел наручники.

Из-за разницы в нашем росте кончики пальцев ее ног едва касались пола, и все ее тело было натянуто. На ней по-прежнему были очки в черной оправе, что довольно эротически контрастировало с ее бело-розовым телом. Я подобрал хлыст, который она уронила, и встал позади нее.

Я был почти уверен, что мой вид не очень пострадал от ее действий, но все же по-прежнему чувствовал себя скверно. И она должна была заплатить мне за это. Все семь ремешков просвистели, и она издала вопль, когда они опустились на ее ягодицы.

Бросив хлыст посреди зала, я подошел к верстаку и остановил свой выбор на тяжелой палке с наконечником. Я несколько раз взмахнул ею в воздухе — наконечник служит отличным оружием. Я вернулся к двери, в которую кто-то усиленно продолжал стучать, отодвинул засов и сделал шаг в сторону.

Дверь широко распахнулась, Карл двумя огромными прыжками влетел в зал и застыл при виде голого тела девицы, висевшего на треугольнике.

Так как она была очень занята тем, что кричала и стонала, то даже не заметила его появления. Но он ее увидел. Его глаза внезапно заблестели, и он облизал нижнюю губу.

Я сделал шаг и, размахнувшись, ударил его палкой по черепу. Он упал на колени, и я без труда забрал у него пистолет из заднего кармана.

Потом я бросил палку и стал поспешно одеваться. Когда я оделся, Карл, по-прежнему стоя на четвереньках, начал трясти головой, что-то бормоча себе под нос.

Выйдя из зала, я старательно закрыл за собой дверь.

Благо, с другой стороны тоже был засов. У Карла голова будет гудеть до завтрашнего дня,— подумал я.— Но мисс Апплеби, висящая голой на треугольнике, в его распоряжении, и ему будет нетрудно заняться ею, пока кто-нибудь не откроет дверь в подвал.

Когда я вошел в библиотеку, Пемброк работал за столом. Он уставился на меня округлившимися глазами, а, заметив пистолет в моей руке, заметно заволновался.

— Встать!

— Нет, послушайте, Бойд,— стал протестовать он,— может быть, я немного поторопился, но я уверен, что мы сможем...

Я прицелился в лампу на письменном столе в метре от него и выстрелил. Лампа разлетелась на тысячи осколков. Пемброк немедленно встал. Он был бледен, несмотря на бронзовый загар.

— Раздевайтесь! — приказал я ему.

— Я...

Я направил пистолет прямо на него, и его пальцы начали судорожно расстегивать пуговицы. Когда он разделся догола, я повел его в подвал, прижимая оружие к его боку. Дойдя до двери подвала, я слегка постучал в нее дулом пистолета, отодвинул засов и подождал несколько секунд.

— Бойд,— пробормотал Пемброк,— что вы собираетесь делать, Боже мой!?

— Заткнитесь!

Он замолчал, а я крепко ухватил его за шиворот, открыл дверь, потом сильно толкнул его, так что он полетел на середину зала.

Я рассчитывал, что Карл не откажется от хорошего трюка, испытал его на себе, и не был разочарован. Палка со свистом тяжело опустилась на голову Пемброка. Он упал лицом вниз и больше не шевелился. Карл появился из-за двери с совершенно безумным лицом, но я наставил пистолет ему в живот.

— Что вам надо? — простонал он.

— Я подумал, что втроем этим заниматься интереснее,— приветливо сказал я.— А вы как считаете?

Перед тем, как захлопнуть дверь и задвинуть засов, я успел разглядеть девицу, по-прежнему висящую на треугольнике.

Ее лицо было искажено гримасой боли. От колен и до талии она была покрыта красными полосами, делавшими ее похожей на зебру.

«Можно сказать, что Карл не терял времени даром, пока я отсутствовал,— подумал я,— и когда Пемброк придет в себя и захочет на кого-нибудь излить свою ярость, вероятнее всего, это будет мисс Апплеби. Безусловно, это самый несчастливый день для бедняжки».

5

Телефонный звонок разбудил меня около девяти часов. Я поискал рукой телефон и снял трубку.

— Мистер Бойд? — спросило красивое контрольно.

— Я думаю...

— Это Ширли Спинделросс,— продолжал голос.— У вас есть новости?

— Вы мне должны двести пятьдесят долларов.

— А-а-а, вы уже обнаружили Алису? — Она тихо засмеялась.— Я поставила ее имя в списке как премию, мистер Бойд. Не говорите мне, что вы жалуете свои деньги.

— Ну что ж, нет. У вас не друзья, а проклятая банда, Луиза д'Авенди. Единственная, кто не увлекается садизмом и бичеванием, это, кажется, ваша компаньонка в роскошном борделе.

— Как они реагировали на мое исчезновение?

— С недоверием и равнодушием,— ответил я.— Масон и Пемброк уверены, что вы появитесь сегодня утром в одиннадцать, чтобы обсудить дело с деревенским клубом. Вы там будете?

— Об этом не может быть и речи.

— Ваши знакомые думают, что у вас нет выбора, потому что они могут ликвидировать ваш симпатичный приют, заставив негодовать общественное мнение, например...

— Я вижу, вы не теряли зря время, мистер Бойд,— сказала она.— В ее голосе слышалось уважение.— Что вы обнаружили еще?

— Стоупли в Лос-Анджелесе всю неделю. Его жена неожиданно предположила, что вы можете быть с ним.

— А как вы нашли очаровательную Марш? — проворковала она.— По обыкновению, ненасытна...

— Она сделала предложение, но я ей ответил, что предпочел бы лечь спать со скорпионом.

Она расхохоталась.

— Судя по тому, что иногда мне рассказывал Грег, вы правильно себя вели. Ничего другого, мистер Бойд?

— До сих пор не установлено, что вы убили своего мужа.

— Я не сомневалась, что вы услышите об этом разные толки. Вы знаете, что какое-то время я была подозреваемой номер один?

— Да, что-то вроде этого. Вы могли нанять мафию, чтобы нанести этот удар. Но флики расследовали дело со всех сторон и ничего не нашли.

— Как к вам отнесся Нельсон Пемброк?

— Не особенно хорошо. Вы должны были сказать мне о Карле.

— Я об этом думала,— ответила она, не смущаясь,— но решила, что будет лучше, если вы сами его обнаружите.

— А что за очаровательная девушка эта мисс Апплеби!

— Боже правый! — воскликнула она испуганно. — Не говорите мне, что они показывали вам подвал при первом же посещении!

— Пемброк хотел узнать имя моего клиента, и после того, как Карл стукнул меня, пришлось ему сказать...

— Вы ему сказали?

Ее голос стал внезапно жестким.

— Я ему сказал, что Стоупли должен был встретиться с вами в Лос-Анджелесе для недели сумасшедшей любви, но так как вы не появились, он нанял меня, чтобы узнать, что же могло случиться.

— Мистер Бойд! — воскликнула она. Ее голос снова стал приветливым и мурлыкающим. — Какая замечательная выдумка!

— Пемброк сказал мне, чтобы я все бросил и возвращался в Нью-Йорк, и что он проследит за тем, чтобы Стоупли выслал мне чек на покрытие расходов. Он считал, что у него гораздо больше шансов найти вас, чем у меня. Так как я был не согласен с ним, то он попросил мисс Апплеби немного поучить меня уважению в подвальном зале.

— И как вы себя чувствуете?

— Не очень плохо, за исключением одного деликатного органа, который немного онемел. Но в конце концов, видя, как складываются обстоятельства, мисс Апплеби приняла обработку на себя. Вот только Карл допустил серьезную ошибку и оглушил своего патрона палкой, потому что по какой-то оккультной причине он принял Пемброка за меня. Вчера вечером я оставил их троих, запертыми в подвале. Может быть, они еще там. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Наступило молчание, продолжавшееся, по крайней мере, пять секунд.

— Это все правда, что вы мне сказали? — спросила она. В ее голосе слышалось явное недоверие.

— Абсолютная правда.

— На вашем месте, мистер Бойд, я была бы теперь очень осторожна. Нельсон Пемброк — человек мстительный.

— Я всегда очень осторожен и всегда очень терпелив. Итак, что бы вы хотели от меня?

— Я надеюсь, что вы будете катализатором, мистер Бойд, но чуть позже. Возможно, мне придется немного поменять свои планы. Когда я сегодня не появлюсь в конторе Брада Масона, они все трое начнут по-настоящему беспокоиться. Мне нравится ваша идея, что Стоупли ваш клиент. Вы не знаете, сколько времени он еще останется в Лос-Анджелесе?

— По словам Марш, он должен был вернуться уже через два дня, то есть, завтра.

— Дорогая Марш! Она должна себя чувствовать сейчас такой одинокой. Почему бы вам не нанести ей визит, чтобы ее утешить, а, мистер Бойд?

— Каким образом? — проворчал я.

— Скажите ей, что Грег — ваш клиент, и прибавьте вашу очаровательную историю о том, что у него было назначено свидание со мной в Лос-Анджелесе. — Она снова засмеялась. — Это будет страшным ударом по ее нравственности.

— Согласен. Что еще?

— Вы, естественно, встретились с Элоизой?

— Естественно.

— Пойдите туда снова и повидайте ее, — повелительно проговорила она. — Поделитесь с ней своими сомнениями, расскажите, что ваш клиент беспокоится за мою жизнь, потому что я почти уверена, что знаю, кто убил моего мужа и по какой причине.

— Я скажу это Элоизе и никому больше?

— С другими это может и не пройти, не так ли? Вы уже им говорили, что ваш клиент Грег Стоупли. По-моему, теперь нужно подождать, пока он их убедит, что это неправда. Тогда вы предложите им историю, которую и расскажете Элоизе.

— А это правда? — спросил я.

— Нет, но я хочу, чтобы Элоиза в это поверила.

— Только один вопрос. Вы не могли бы сказать мне, что же вся эта история означает в действительности?

— Я не могу это сказать, потому что сейчас еще рано. Я вас наняла, чтобы вы делали то, что я вам сказала, мистер Бойд, и я шикарно оплачиваю вас. Прошу этого не забывать.

— Я честно работаю на вас,— сквозь зубы процедил я.— Если бы вы, миссис д'Авенди, были около меня, я бы полизал вам задницу, чтобы убедить вас в этом. Но, конечно, очень осторожно.

— Не будьте вульгарным,— холодно сказала она.— Я вам позволю завтра утром в это же время.

— Ничего, если я истрачу немного ваших чудесных денег на Алису? — быстро спросил я.

Она бросила трубку. Я вылез из постели и проделал каждодневную процедуру: душ, бритье, одевание.

Было уже около десяти часов, когда я, закончив завтрак в баре, пошел на стоянку.

Так как была отличная солнечная погода, я ехал, опустив верх машины. Тщательно осмотрев себя под душем, я убедился, что мое мужское достоинство не пострадало, и перестал думать об этом. Мне также нечего было беспокоиться и об этой ненормальной, которая считается моей клиенткой, и об этой банде сексуальных маньяков, самым большим удовольствием для которых было истязать себя и себе подобных.

Я остановился перед домом Стоупли, поднялся по ступенькам на площадку и позвонил.

Мне пришлось долго ждать, прежде чем брюнетка с полотенцем на голове в виде тюрбана открыла дверь. Она была в банном халате, который едва прикрывал ей бедра.

— Я могла не сомневаться, что это вы, мерзкий тип. Вы вытащили меня из-под душа,— зло бросила она.— Что вам еще надо?

— Я кое-что обнаружил вчера вечером и думаю, что вы должны узнать об этом.

— Мне совершенно наплевать на то, что вы обнаружили. Можете отправляться к...

Она заколебалась и выражение любопытства появилось в ее темных глазах.

— И что это такое?

— Вы хотите, чтобы я сказал вам это на площадке?

— А, ладно,— сказала она, пожав плечами с возмущенным видом,— входите.

Я проследовал за ней в гостиную. Через окна-двери я видел солнечную лужайку.

— Вы приняли ванну, прежде чем встать под душ? — вежливо спросил я.

— Да, — сухо ответила она. — Но я не вижу никакой связи...

— Это просто, чтобы начать светскую беседу...

Марш устроилась в кресле, а я сел на диван напротив нее. Она закинула ногу на ногу, сильно обнажившись при этом, и я спросил себя, для чего она это сделала?

— Не стоит продолжать светский разговор, — сказала Марш. — Скажите мне, что вы обнаружили, и можете убираться вон.

— Вы ведь задавали себе вопрос, возможно ли, что ваш муж находится в Лос-Анджелесе вместе с Луизой д'Авенди? Я подумал и решил, что вы имеете право узнать правду.

— Какую правду?

— Это не из-за моральных принципов, — сказал я, нервно потрясая головой. — Просто я считаю, что вы должны быть в курсе этого дела.

— Перестаньте бормотать всякую чепуху и скажите мне, в чем дело, Господи!

Я спокойно соврал:

— Ваш муж — мой клиент. Он хотел, чтобы я пришел к вам и сделал вид, что разыскиваю его. Правда, он фигурирует в списке, но это сделано для отвода глаз.

— Грег — ваш клиент?

Она пристально смотрела на меня.

— Почему, черт возьми, он хочет отыскать Луизу?

— Потому что она должна была встретиться с ним в Лос-Анджелесе для восхитительной любовной недели, как он сказал, но Луиза не приехала. Он подумал, что с ней могло случиться несчастье, и поручил мне отыскать ее.

Она задыхалась.

— Подонок! Ничтожный паршивец! Я убью его, как только он вернется!

Она распрямляла и снова закидывала ногу на ногу, и на этот раз я был уверен, что она специально оголяла себя.

— А что заставило вас изменить решение и все мне рассказать, Данни? — Она выдавила из себя улыбку. — Ведь вчера наше расставание не было расставанием друзей.

— Это было исключительно по моей вине, — я снова солгал. — Я подумал о вчерашнем вечере. Это было неплохо.

— Но это совсем не в характере моего мужа! Боже мой! Он не знает, что его ждет, когда он вернется.

— Он меня нанял, чтобы я нашел Луизу д'Авенди,— сказал я, стараясь казаться правдивым.— Но я подумал, что мне не следует помогать ему обманывать жену.

— Я ценю это, Данни,— сказала она, улыбаясь уже совершенно непринужденно.— Я очень ценю это.

— Спасибо. Но у меня есть еще проблема — Луиза д'Авенди.

— Я хотела бы вам помочь, Данни. Я бы тоже очень хотела отыскать ее, чтобы вырвать у нее сердце!

— Ваш муж уверен, что с ней что-то случилось, что ее похитили и даже хуже, так он думает...

— Почему кому-то понадобилось что-то делать с Луизой?

— Она затеяла одно дело вместе с Пемброком, Масоном и Кэрл Деркас,— ответил я.— Может быть, существует кто-то, кто не хочет, чтобы дело состоялось?

— Кто, например?

— Иногда мне приходят в голову совершенно сумасшедшие мысли. Между прочим, я вспомнил, как вы мне сказали, что ваш муж занят сбытом недвижимости.

— Грег? — Она снова пристально посмотрела на меня.— Но ведь это он нанял вас, чтобы отыскать Луизу?

— Это тоже может быть просто хитростью, если он избавился от нее!

— О, господи! — Она медленно покачала головой.— Я не могу в это поверить, Данни. У него не хватило бы смелости.

— Никогда ничего не знаешь,— мрачно сказал я.— Самый спокойный тип в мире может решиться на невозможное, когда находится в отчаянном положении. Он вам ничего не говорил о деле, которым занимается?

— Вроде нет. Он мне говорил о новом деревенском клубе, но я плохо слушала его. Грег всегда пытается наладить какое-нибудь исключительное дело, которое позволит нам до конца дней жить припеваючи, но у него никогда ничего не выходит.

— На этот раз новый деревенский клуб?

— Да, в старом доме Луизы, наверху на холме.

— Я слышал, что она продала дом после смерти своего мужа?

— Да, одной своей приятельнице, Элоизе Харман.

— А ваш муж собирался заниматься этим делом вместе с кем-то?

— Если и были другие, то он ничего мне о них не говорил. Я сожалею, что не могу вам помочь, Данни.

— Понятно,— сказал я и встал.— Ну что ж, настало время покинуть вас, Марш.

— Так скоро? — Она сделала обиженную гримасу.— Теперь, когда мы стали настоящими друзьями, Данни?

— Вы сами знаете, что это такое,— неопределенно проговорил я.— Мне нужно действовать.

— А если вы вернетесь сегодня вечером пообедать со мной? Это было бы очень недурной местью Грегу, не так ли?

— Отлично. Около восьми часов?

— Все будет готово,— пообещала она и закусила нижнюю губу.— Вот увидите, это будет замечательно. Я умею делать такие вещи, о которых вы даже не мечтали, Данни!

— Охотно верю этому,— серьезно ответил я.— Значит, до вечера.

Я постарался поскорее дойти до своей машины, опасаясь, что ей вдруг станет невозможно дожидаться вечера... Возвращаясь в город вполне удовлетворенный проведенной работой, я обдумывал, что мне делать дальше.

Вернувшись в отель, я выпил стаканчик, перекусил, затем, найдя в справочнике номер телефона Масона и Деркас, позвонил им. Отозвался Масон.

— Она не приехала,— сказал он мрачно.— Мы ждали ее целый час.

— Значит, у нее действительно серьезные неприятности.

— Возможно, вы и правы. Мы решили пойти и зарегистрировать ее дом как бордель.

— Это не слишком-то хорошее начало для деревенского клуба.

— Может быть, но мы не можем ждать целую вечность.

— Я почти уверен, что Луиза д'Авенди или похищена, или убита,— сказал я.

— У вас невероятное воображение, Бойд. И Нельсон Пемброк не ваш клиент, это уже точно. Когда я сегодня утром произнес при нем ваше имя, мне показалось, что он готов задушить вас собственными руками.

— Меня смущает одна вещь. Судя по тому, что я слышал, Луиза д'Авенди продала свой дом сразу же после смерти, вернее, после убийства мужа. Продала своей подруге — Элоизе Харман.

Дом по-прежнему грезил о чем-то на вершине холма. Я нажал на кнопку звонка.

Через несколько секунд дверь с большой осторожностью приоткрыли, и темный девичий глаз с подозрением уставился на меня.

— Салют,— весело сказал я.— Я — Данни Бойд. Если можно, я хотел бы повидать Элоизу.

— Конечно,— ответили мне.— Входите.

Дверь полностью открылась. Я вошел в вестибюль и замер на месте. Судя по всему, девушка, стоящая передо мной, была лет двадцати, но выглядела она при этом странно.

Ее каштановые волосы были гладко причесаны с пробором посередине, и она была совсем без косметики. На ней были белый свитер с крупной надписью на груди «Санта-Байя Хиг» и короткая плиссированная юбка. Ее загорелые ноги были голы и обуты в теннисные туфли. В руке она держала большой леденец на палочке.

— Я знаю,— нервно сказала она.— Это глупо, да?

— Признаюсь, что вы меня поразили на минуту. Это что, маскарадный костюм?

— Если хотите. Я вынуждена быть его маленькой подружкой четырнадцати лет в то время, когда и ему самому было четырнадцать лет.— Она выразительно усмехнулась.— По-моему, я родилась тогда, когда ему уже было четырнадцать лет. Я вам клянусь, что есть много ненормальных, и мы их хорошо знаем, но этот парень уникальный. Это продолжается уже целую неделю. Вчера я была индейской скво, а этой ночью Алиса была исполнительницей канкана, приехавшей прямо из Тулузы.

— Что он придумает завтра, не могу себе даже представить! — Она улыбнулась.— В конце концов, это моя проблема! Как сказал кто-то, я бы этого не сделал, если бы это было не из-за денег!

Она повернулась ко мне спиной и начала быстро подниматься, и я заметил нечто интересное: маленькие детские штанишки под ее короткой юбкой. Внезапно она остановилась и оглянулась.

— Простите меня, я забыла. Вы найдете Элоизу в гостиной.

— Спасибо.

Она фыркнула и продолжала подниматься бегом. Я же, постучав в дверь, вошел в гостиную. Сидя в удобном кресле,

Элоиза курила большую сигару. На ней опять было длинное, до щиколоток, платье металлически-серого цвета.

— Мистер Бойд! — воскликнула она своим звучным низким голосом. — Вы должны были бы позвонить нам, прежде чем приходить сюда. Сегодня у Алисы выходной день, и она отправилась за покупками.

— Я хотел видеть вас, а не Алису.

— Если вы хотите только поболтать, то пожалуйста. — Она улыбнулась мне подчеркнуто дружелюбно. — Садитесь же, мистер Бойд.

Я сел напротив нее и выдержал искушение закурить сигарету.

— Я все еще не нашел Луизу д'Авенди. Я опросил всех людей, перечисленных в списке, который мне дал мой клиент, и никто из них не видел ее и не имел о ней никаких сведений в течение этой недели.

— Это действительно огорчительно, мистер Бойд. И я хотела бы помочь вам отыскать Луизу.

— Мой клиент думает, что с ней приключилось что-то очень серьезное, — решительно проговорил я. — «Она была уверена, — сказал он, — что обнаружила того, кто убрал ее мужа, и поняла, по какой причине».

— Откуда ваш клиент может это знать?

— Он не поделился со мной этим, — с обидой сказал я. — Но он очень беспокоится и боится, что ее или похитили, или убили.

— Луиза — моя компаньонка и мой лучший друг, — заявила Элоиза. — Вы пугаете меня, мистер Бойд. Но она часто исчезала на восемь дней и больше. Ей внезапно может взбрести в голову поехать в Сан-Франциско или Нью-Йорк, или Бог знает еще куда. Если бы я точно знала, кто ваш клиент, я, возможно, была бы спокойна. А вас послушаешь, так у него очень мрачное воображение!

— Вы мне сказали, когда я в прошлый раз был у вас, что Луиза после смерти мужа продала этот дом вам?

— Да.

— Масон и Пемброк отрицают факт продажи. Они пытаются заставить Луизу продать дом им, обещая ей за это проценты с дела. Они хотят устроить здесь деревенский клуб.

— Я тоже хотела бы рассматривать его как деревенский клуб, — ответила она с улыбкой.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Очень хорошо. — Она поджала губы. — Луиза не продавала мне дом, но говорила всем, что продала. Она

считала, что так будет лучше для нее — она собиралась жить здесь, в Санта-Байя. Но в этом случае она не была ответственна за то, что я сделала с домом.

— Разумеется, получая пятьдесят процентов от заработка борделя и не неся никакой ответственности?

— Что-то вроде этого.

— А по-вашему, кто убил ее мужа?

— Не имею ни малейшего представления. Городская полиция очень старательно проводила расследование, но убийцу не обнаружила... или убийц...

— У кого-то должна была быть основательная причина для этого убийства.

— Что бы там ни было, мне это неизвестно. Дальнейший разговор, мистер Бойд, мне кажется, ни к чему не приведет.

— Вы совершенно правы.— Я встал.— Спасибо за то, что вы меня приняли.

— Я бы очень хотела вам помочь. Я повторяюсь, но это чистая правда.

— Конечно. А кто эта девушка, открывшая мне дверь?

— Какая она?

— Каштановые волосы и темные глаза. Превращенная в девочку лет четырнадцати.

— А! — Она улыбнулась.— Это, должно быть, Даяна.

— У ваших девушек очаровательные имена.

— Они намного приятнее их настоящих имен.

— Она сказала мне, что они так забавляются уже восемь дней. Этот парень, видимо, выдумщик и, вероятно, богат!

Ее губы поджались.

— Даяна слишком болтлива.

— Она просто немного поговорила, впустив меня в дом. Ну и что ж? Одетая таким образом, с леденцом в руке, должна же она была что-то сказать!

— Без сомнения.— Она выпустила дым.— До свидания, мистер Бойд.

— До свидания, Элоиза. Когда я разбогатею, я тоже приду на недельку к вам.

— Мы будем очень рады,— ответила она без всякого энтузиазма.

Я вышел из гостиной и осторожно закрыл дверь. Посреди вестибюля я замер.

Около недели? Это была сумасшедшая мысль, но мне ничего не стоило проверить ее. Я открыл входную дверь

и закрыл ее, потом проскользнул в глубь вестибюля и быстро поднялся по белой лестнице.

Когда я дошел до лестничной площадки, передо мной оказалось восемь дверей.

Проблема заключалась в том, чтобы обнаружить ту, за которой была Даяна и ее ненормальный дружок. Существовал лишь один способ.

Первая и вторая комнаты были пустыми, и мне осталось выбирать из шести. В тот момент, когда я толкнул дверь третьей комнаты, мне почудилось, что мои глаза сыграли со мной злую шутку. Там находился большой волосатый тип, стоявший на четвереньках и повернутый спиной к двери, так что он меня не видел. Кавалеристка на его спине заметила меня и широко улыбнулась.

Это была высокая совершенно голая блондинка, но на голове у нее была шляпа, а на ногах сапоги для верховой езды со шпорами. Она твердо сидела верхом на волосатом типе и весело приветствовала меня.

— Чао! — бросила она мне.

— Чао,— пробормотал я.

Она уверенным жестом ударила хлыстом по ягодицам волосатого типа, и тот потопал по полу. Я закрыл дверь и подумал, что бар Джона Пила в Нью-Йорке не так уж плох.

Следующая комната была пуста, и остались лишь четыре двери по другую сторону коридора. Пропустив еще одну пустую комнату, я попал на интересный сэндвич, состоящий из двух рыжих девиц и старого плешивого типа посередине. Мое присутствие их совершенно не потревожило, и они продолжали делать то, что делали, но ближайшая ко мне рыжая, которая, по-моему мнению, была особенно активна, стала кричать, чтобы я закрыл эту проклятую дверь, потому что получается сильный сквозняк.

Седьмая комната оказалась крупным выигрышем.

Я уже научился открывать двери бесшумно, и они не увидели меня, когда я встал на пороге. Парень сидел на краю кровати. У него были очень редкие волосы. Чтобы компенсировать это, он отрастил их по бокам, и они вились вокруг его ушей, как две толстые гусеницы в конвульсиях.

Даяна, расположившаяся у него на коленях, сосала свой леденец и, видимо, умирала от скуки. Одной рукой он обхватил ее за талию, а другой нежно поглаживал бедро.

— Ты знаешь, милочка,— гнусавым голосом говорил тип,— я никогда не забывал бал в лицее. Ты помнишь это? Старик одолжил мне свою открытую машину, и мы после

бала отправились в Санта-Пойнт, и ты обещала, но не захотела!

— Вот как? Конечно,— сказала Даяна. Она опустила леденец.— Я хорошо помню.

— Я даже не сунул руку в твои штанишки, а ты стала кричать во все горло!

Его рука, гладившая бедро, опустилась к низу штанишек.

— Ну, а теперь я скажу тебе, моя милочка, одну хорошую вещь. На этот раз все будет по-другому.

— Уверена,— пробормотала Даяна.— Она заглушила зевоту.— Я не могу больше ждать, Грег!

— Я тоже,— сказал я.

Даяна издала вопль ужаса и спрыгнула с колен парня, выронив свой леденец.

Сахарный леденец упал на типа и, будучи достаточно мокрым, приклеился к его коже.

— Что это значит? — закричала Даяна.

— Простите меня, но мне нужно сказать два слова вашему приятелю.

— Вы должны были постучать! — возмутилась она.— Вы могли вызвать у меня сердечный приступ. Вы отдаете себе в этом отчет?

Она вышла из комнаты, хлопнув дверью.

Парень, сидевший на кровати, пробормотал что-то не-связное, оторвал леденец от своего толстого живота и бросил его на пол.

— Не знаю, кто вы такой, но я вас убью! — заявил он.

— Я Данни Бойд. А вы Грег Стоупли, не так ли?

Он встал, но и стоя имел вид не более внушительный, чем сидя. Описание его жены было точным: толстый старый пузан, довольно грязный, который должен здорово напиться, чтобы переживать свои фантазии. Или, может быть, это мечтатель, нуждающийся в том, чтобы напиться?

С толстым животом и тоненькими ножками он выглядел больше жалким, чем возмущенным.

— Вообще-то, вы должны были быть в Лос-Анджелесе,— невинным тоном сказал я.

— Я вас убью! — повторил он голосом еще более гнусным.

Парень сделал неуверенный шаг по направлению ко мне и медленно поднял правый кулак. Я поднял ногу, точно направил подошву своего ботинка ему в живот и толкнул его. Стоупли опрокинулся назад, его ноги стукнулись о кровать, и он упал на спину. На комодѣ стояли бутылка

с бурбоном, два стакана и блюдечко с кусочками льда. Я не торопясь сделал себе питье, и к тому времени, когда я покончил со своим стаканом, Стоупли выпрямился и держался за живот обеими руками.

— Это нечестно,— сказал он.— Вы ударили меня, когда я не смотрел.

— Почему вы не в Лос-Анджелесе? — настаивал я.— Ваша жена думает, что вы находитесь там.

— Пусть она отправляется к черту! — Он отвратительно захихикал.— Вы видели ее, эту шлюху? Жену, я хочу сказать. Я бы давно развелся с ней, если бы не этот закон общей собственности.

— Ваша жена считает, что вы находитесь в Лос-Анджелесе в компании Луизы д'Авенди.

— Что? — Он вытаращил круглые глаза.— Кто этот грязный лгун, который сказал ей подобную вещь?

— Я. Я пытаюсь отыскать Луизу д'Авенди. Я думал, что если я скажу, что вы находитесь вместе с Луизой, она поторопится заставить вас вернуться. Мне не надо было этого делать, а?

— Еще бы! — проворчал он.— Такая удача в моей жизни, и нужно было, чтобы вы все испортили!

— О чем вы?

— Одна неделя! Только одна неделя, чтобы поразвлечься, и все это за счет заведения. Боже мой, что еще может желать мужчина?

— Неделя и даром? На каком конкурсе вы выиграли такой приз?

— Это вас не касается! — огрызнулся он.— Я развлекаюсь здесь с понедельника, и у меня оставалось еще два дня. Итак, что если бы вы убрались отсюда, а?

— Я частный детектив,— сказал я ему,— и моя задача — отыскать Луизу д'Авенди.

— Тогда ищите ее,— прошипел он.— Ее здесь нет, ведь верно? — Он засмеялся.— Это последнее место, где можно искать Луизу — Снежную королеву! Держу пари, что она этого еще никогда не делала. С мужчиной, во всяком случае. Д'Авенди женился на ней из-за ее внешности. Это точно! И он никогда не мог дотронуться до нее!

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Когда она играла в Деда Мороза.— Его толстое лицо приняло ханжеский вид.— Вы представляете, Бойд? Вот так, не крича «караул», она спросила, не хочу ли я провести неделю здесь бесплатно?

— Скажите вашей жене, что вы по делам должны

поехать в Лос-Анджелес, и можете развлекаться здесь, сколько захотите!

Он медленно покачал головой и продолжал:

— Вы не можете знать, что здесь происходило, но я могу сказать вам, каких девушек я здесь видел... и имел. Тут была танцовщица канкана, потом скво, самая что ни на есть примитивная, с примитивными идеями об этих вещах, потом сэндвич с двумя близнецами, похожими друг на друга, как две капли воды, которые производят необыкновенное впечатление, а потом...

— Мне наплевать на это! Почему это Луиза д'Авенди вдруг стала такой щедрой?

— Я не задавал лишних вопросов. Когда получаешь шлюху даром, не смотришь на ее зубы.

— Хорошо,— быстро проговорил я.— Согласен. Расскажи мне немного о деревенском клубе.

— С компаньонами Масоном, Кэрл Деркас и Пембромком? Они мечтают об этом. Напрасная мечта, скажу вам! Луиза никогда не продаст дом, потому что она зарабатывает на нем слишком много.

— А вас это дело не интересует?

— Нет, старина.— Он добродушно подмигнул мне.— Для деревенского клуба этот дом не подходит, и ситуация тоже. Этот болван Пемброк ничего не понимает. Взгляните при случае на его «хижину». Вот такой солидный дом, да еще в укромном месте, как раз подошел бы нам.

Неожиданно открылась дверь и вошла Элоиза в сопровождении парня, который напомнил мне Карла. У этого типа были те же физические данные и, вероятно, такой же умственный уровень. И у него в руке был пистолет.

— Я не потерплю подобные вещи, мистер Бойд,— холодно сказала Элоиза.— Вы тайно пробрались в дом и вламываетесь к моим клиентам. Мне нужно защищать репутацию моего заведения, которой вы и так уже сильно повредили.

— Простите меня,— спокойно ответил я.— Я хотел поговорить с мистером Стоупли.

— Устраивайтесь по-другому,— резко бросила она.— Встречайтесь с ним в другом месте.

— Можно еще только пять минут? — спросил я без особой надежды.

— Чик! — приказала она.

Копия Карла наставила пистолет мне в грудь.

— Вы слышали, что сказала мадам?

— «Брысь». Только это.

— Проваливай!

Я подумал, что его сходство с Карлом увеличивается с каждой секундой.

Я направился к двери, и Даяна столкнулась со мной, когда снова бросилась на колени к Стоупли. Выходя в коридор, я слышал, как она ворковала:

— Не обращай внимания на этого болвана, дорогой. Расскажи мне еще немного о бале в лицее.

Дверь захлопнулась и мы стали спускаться. Когда мы подошли к входной двери, Элоиза широко распахнула ее и отошла в сторону.

— Вы — нежелательный гость в этом доме, мистер Бойд, — сказала она весьма убедительно. — Если когда-нибудь вам придет в голову глупая мысль позвонить в эту дверь, я скажу Чики, чтобы он занялся вами так, как он умеет это делать. И делать очень хорошо.

7

Вернувшись в отель, я поднялся в свою комнату. Было около пяти часов и было еще очень жарко. Несколько минут спустя дежурный по этажу принес мне большую порцию виски, которую я медленно выпил, пытаюсь размышлять. К тому времени, когда я прикончил стакан, я так ничего и не решил. Иметь клиентом Луизу д'Авенди — это хуже, чем не иметь клиентов совсем. Мне захотелось курить. Я не стал ждать установленного часа и закурил сигарету, посмотрев на свой профиль в зеркало.

Изображение мне показалось прекрасным, только немного искаженным беспокойством. Я отлично понимал, в чем дело.

«Что теперь, черт возьми, нужно делать?» — спрашивало изображение, и у меня не было на это ответа. Двумя минутами позже зазвонил телефон.

— Говорит Кэрл Деркас, — сказал голос, когда я снял трубку. — Вы нашли Луизу д'Авенди?

— Еще нет.

— Мне кажется, что нам надо поговорить, — мрачно сказала она.

— Согласен. Приходите ко мне в отель выпить стаканчик.

— Там слишком много посетителей. Я не хочу, чтобы меня видели вместе с вами, Бойд. В настоящий момент вы не очень уважаемая персона в Санта-Байя.

— Тогда где же?

— Я нахожусь в коттедже Парадис Бич. У Брада сегодня вечером собрание, и он вернется поздно. Согласны?

— Отлично.

Я подумал, что всюду, где я бываю в Санта-Байя, кто-то наставляет на меня оружие. Возможно, Кэрл Деркас не составит исключения. Я пристегнул кобуру с пистолетом калибра 38 и надел спортивный пиджак, под которым она не была заметна. Мне понадобилось минут двадцать, чтобы доехать до коттеджа.

Кэрл Деркас открыла мне дверь. Ее пламенные волосы были красиво уложены, а одета она была достаточно пикантно. Белая блузка была настолько прозрачна, что не скрывала ее небольшие острые груди, широкий кожаный пояс плотно обтягивал талию. Мы прошли в гостиную, и она указала мне на кресло.

— Я пью «Блуди Шери»,— заявила она.— Я считаю, что томатный сок нейтрализует алкоголь. Хотите попробовать?

— Почему бы нет? — приветливо ответил я.

Она приготовила напиток и дала его мне, потом уютно устроилась на диване напротив меня. Ее серо-зеленые глаза задумчиво рассматривали меня.

— Луиза не пришла в контору сегодня утром,— сказала она.

— Я допускал это.

— Брад был просто в бешенстве. Нельсон Пемброк тоже был очень недоволен. Кстати, о Пемброке. Что у вас с ним произошло?

— Что вы имеете в виду? — спросил я невинно.

— Он приходит в ярость каждый раз, когда произносят ваше имя. Вы нажили себе смертельного врага, Бойд. Пемброк становится очень опасен, когда задевают его интересы.

Я заметил:

— Я вижу, что вы уже можете сидеть.

Она жалобно улыбнулась.

— При условии, что буду осторожна. Я целый час потратила на то, что втирала в свой зад мазь, прежде чем лечь спать. Это успокоило боль.

— Вы должны были позвать меня. Я специалист по всяким мазям.

— Не сомневаюсь.— Она сделала гримасу.— Это вас, может быть, удивит, Бойд, но ваш восхитительный профиль меня совсем не пленяет. Я люблю некрасивых мужчин.

— После того, как я увидел Масона, я охотно вам поверю. У кого это зародилась мысль заняться садизмом? У Нельсона Пемброка?

— Это была глупая идея Брада.

— У Пемброка имеется очень интересный подвал в доме. Я посетил его вчера вечером.

— Да? — недоверчиво протянула она.

— Если Масон будет нуждаться в советах профессионала, то пусть пойдет в этот подвал и проконсультируется у личного помощника Пемброка мисс Апплеби.

— Да? — повторила она. — Я не знаю, о чем вы говорите, Бойд. Но что если мы вернемся к нашим баранам?

— Луизе д'Авенди? — спросил я.

— Я стала принимать вас всерьез, когда она подложила нам эту свинью в конторе, — продолжала Кэрол Дорсак. — Если бы она могла прийти, она бы пришла. Теперь они пойдут дальше и заставят записать ее дом как бордель.

— Хорошее начало для нового деревенского клуба. Экспубличный дом.

— Я вас прошу, остановимся на этом, — повысила она голос. — Теперь нам необходимо отыскать Луизу так же, как и вам. Мы могли бы работать вместе.

— Мой клиент сказал, что перед своим исчезновением она почти наверняка установила, кто и почему убил ее мужа. Вы что-нибудь знаете об этом?

— Нет. — Она внимательно смотрела на меня несколько секунд. — Это кажется невероятным. Полиция произвела расследование и ничего не нашла.

— А кто его убил, по-вашему?

— По-моему? — Снова пристальный взгляд. — У меня нет ни малейшего представления.

— Многие люди, с которыми я говорил, думают, что это могла быть сама Луиза.

— Почему? Правда, он был старше ее на двадцать лет и был набит монетой. Он оставил ей все. Но Луиза не способна убить кого бы то ни было. Это безумие так думать! — возмущенно проговорила она.

— Вы считаете себя ее подругой?

Она кивнула.

— Мы хорошие друзья уже около четырех или пяти лет.

— Но недостаточно хорошие, чтобы отказаться от сотрудничества с Масоном и Пемброком и не пытаться заставить ее войти в дело с деревенским клубом.

— Это совсем другое, — живо возразила она. — Дело

есть дело, и его не надо смешивать с личными отношениями.

— Вы были добрыми друзьями в тот момент,— допытывался я,— в момент совершения преступления. Вы, Луиза, Пемброк и Масон?

— Естественно! Но я не вижу никакой связи!

— А кто первым подал мысль о деревенском клубе?

— Забавная вещь! Грег Стоупли. Я полагаю, что это единственная хорошая идея, которую этот болван когда-либо имел.

— Тогда почему же он не в деле?

— Идея начинает носиться в воздухе, когда о ней говорят всему свету,— ответила она.— К тому же Грегу нечего внести.

— У Луизы есть дом, у Пемброка земля. А вы с Масоном?

— Способности тоже имеют значение. Мы можем интриговать, комбинировать и получать практически все, что хотим. А это нелегко, Бойд. Иногда дело требует особой деликатности. Еще существуют некие именитые граждане, и чтобы уговорить их, нужно иметь тонкость и способности убеждать.

— Как, например, три пули в голову, прежде чем столкнуть машину в овраг? — предположил я.

— Вы просто невозможный подонок! — Она делала видимые усилия, чтобы подавить злость.— Все это ни к чему, Бойд. Если я пригласила вас сюда, то только потому, что рассчитывала, что мы сможем договориться и будем вместе искать Луизу.

— Хорошо,— сказал я.— Кто-то, возможно, похитил ее, чтобы помешать подписать соглашение в вашей конторе сегодня утром.

— Я не представляю себе, кто бы это мог быть. Это был секрет нас четверых, и мы трое действительно хотим завершить это дело. Луиза ведь не сама похитила себя, не правда ли?

— Правда,— живо ответил я.— Тогда что, если мой клиент прав. Она напала на след убийцы своего мужа. А возможно, уже обнаружила его.

— Вы хотите сказать, что этот кто-то хотел помешать ей передать все полиции?

— Нужно признать, что у вас острый ум, Кэрл.

— Перестаньте издеваться, самодовольный дурак! — Она тяжело дышала.— Ладно, прошу прощения. Но единственная возможность заставить ее молчать...

— Убить ее, — закончил я.

Она невольно вздрогнула.

— Я даже не хочу думать об этом. Это слишком ужасно!

— Будем надеяться, что мой клиент ошибается. Как я уже сказал, я вижу лишь одну возможность, но вы не можете мне помочь ни с какой стороны. Итак, сотрудничество было отличным, пока продолжалось, но продолжалось оно недолго, не так ли?

— Может быть, все было бы гораздо легче, если бы вы мне сказали, кто ваш клиент? — продолжала она весьма убедительно. — Возможно, я его знаю — это бы прояснило ситуацию и представило дело в новом свете.

— Мой принцип — никогда не выдавать имени своего клиента без его разрешения. В настоящий момент клиент мне его не дал.

— Вы перестанете, наконец, издеваться надо мной, — презрительно бросила она. — Я знаю, что ваш клиент — Грег Стоупли. Он собирался любить Луизу в течение восьми дней в Лос-Анджелесе, и, когда она не приехала, вообразил, что с ней случилось что-то невероятное.

— Кто вам это сказал? — спокойно спросил я.

— Нельсон Пемброк сегодня утром. — Теперь она начала язвить. — Он нам также рассказал, как вы испугались, когда его шофер слегка ударил вас по голове.

— Его шофер? Работа Карла состоит только в этом?

— Я зря потеряла время, — сказала она. — Я надеялась узнать от вас что-нибудь, что помогло бы отыскать Луизу, но совершенно очевидно, что вы совсем не поумнели.

— Но зато я познакомился с очаровательными людьми. Все самобичующиеся!

— Допивайте и уходите, — недружелюбно сказала она. — Если у вас есть хоть на грош соображения, вы все бросите и вернетесь в Нью-Йорк. Нельсон совершенно не тот тип, который забывает или прощает!

— А что это такое? — спросил я. — Нечто вроде клуба? Вы собираетесь каждую пятницу вечером в подвале дома, а мисс Апплеби занимается с каждым по очереди?

— Вы отвратительный мерзкий подонок!

Черты ее лица исказились от ярости, она соскочила с дивана и бросилась на меня, пытаясь ногтями вцепиться мне в лицо. Было не время изображать джентльмена. Я схватил ее за запястье и сильно дернул — она потеряла равновесие и через секунду лежала на животе у меня на коленях вне себя от злости.

Я уже был готов отпустить ее, как она вонзила зубы в мою ладонь, причинив мне адскую боль. Я зажал ей ноздри, что вынудило ее открыть рот, и я освободил руку. Ее зубы оставили глубокие следы, которые начали кровоточить.

Я схватил обе ее руки и сильно сжал их одной рукой, стараясь на этот раз быть подальше от ее зубов, потом рванул ее пояс, от чего пряжка расстегнулась, и стал стягивать с нее юбку, в то время как она поливала меня отборной бранью. Так как на ней не оказалось трусиков, я решил, что не помешает дать ей хорошую порку. Я сбросил ее со своих колен на пол, подтащил к дивану, куда и бросил на живот.

На ее ягодицах еще были хорошо видны следы плетки. Я пустил в ход свой ремень, подумав о том, что мисс Апплеби, конечно, воспользовалась бы той стороной, где была пряжка, но я не был садистом, как она.

Я ударил ее шесть раз по заду, и при каждом ударе она испускала вопль, стараясь кричать все громче. Наконец я бросил пояс на пол, вернулся к креслу и взял свой стакан, стоявший рядом на столике. Кэрл Деркас рыдала, как потерянная, но больше от злости, чем от боли, как мне показалось.

Я спокойно посоветовал ей:

— Вам нужно будет лишь в течение часа втирать крем, и при небольшом везении вы сможете садиться завтра вечером.

Она ответила мне каким-то бессмысленным бормотанием. Я прикончил свой стакан, поставил его и направился к двери.

— Подождите! — закричала она.

Я обернулся и увидел, что ей удалось выпрямиться на руках и коленях. Ее великолепные рыжие волосы в беспорядке падали на плечи, а серо-зеленые глаза злобно смотрели на меня, делая ее похожей на ведьму.

— Это шлюха, Бойд! — продолжала Кэрл. — Она всегда была шлюхой. Она уже переспала со всеми: со Стоупли, Пемброком, Брадом. И она так же любит женщин. Вы знали это? Ваша мисс Апплеби и ее большая подруга Элоиза Харман. Он узнал об этом!

— Что вы такое говорите? Боже мой!

— Д'Авенди, — прошипела она. — Он узнал все, что она делала, и он не мог терпеть этого! Он хотел развестись! Ей надо было помешать ему. Она не желала терять все это:

большие деньги, дом и все остальное. Тогда она и убила его!

— Луиза находилась в Нью-Йорке, когда его убили,— спокойно возразил я.— Полиция досконально проверила ее алиби.

— Разумеется, Луиза была в Нью-Йорке, но здесь были ее друзья, не так ли?

— Кто из них, например?

— Среди других дорогая Элоиза, вот кто!

Это было правдоподобно, но только бы она не выплевывала слова мне в лицо.

— Как вы думаете, почему Луиза стала ее компаньонкой и позволила ей превратить дом в бордель? Луиза нуждалась в этих деньгах?

— Я не знаю, нуждалась ли она в деньгах, но этот домишко должен приносить немалые доходы. Если она не дорожит этим домом, почему бы ей не превратить его в выгодное предприятие? Ведь просто невозможно быть таким дураком, Бойд!

Она встала и попыталась натянуть юбку на бедра.— Если кто и не прочь избавиться от Луизы, то это ее друг — Элоиза. Хотите знать, почему? Потому что, когда Луиза подпишет бумагу об образовании нового деревенского клуба, Элоиза останется ни с чем! Нет борделя, нет клиентов, нет ничего!

— Предположим, вы правы. Предположим, что Элоиза убила д'Авенди и в виде компенсации получила свою часть доходов борделя. Но почему Луиза внезапно изменила свое решение через два года или даже позже?

— Потому что она знала, что ей уже не сохранить его,— ответила рыжая.— Мы можем закрыть ее бордель без особого труда, и Луиза это знает. Лучше получать доход с хорошего дела, чем очутиться с пустыми руками и остаться в дураках.

— Если Луиза знала это, то, несомненно, знала это и Элоиза.

— У Элоизы, возможно, были другие мысли.— Она нагнулась и подняла свой пояс.— Может быть, Элоиза решила помещать Луизе подписать наш договор, воображая, что сможет заставить нас забыть о проекте деревенского клуба.

— У вас потрясающее воображение, Кэрл,— сказал я,— почти такое же, как и ваш отвратительный характер.

— Это она ваша клиентка, это несомненно! — заорала она.— Элоиза! Она вас наняла, чтобы спутать все карты

и отвести от себя подозрения! Или, может быть, вы находитесь в сговоре с ней, Бойд. Вы уже похитили или убили Луизу, и вся эта история с частным детективом для того, чтобы запутать нас!

— Я могу вам сказать одну вещь, Кэрол. Место, где вы храните свои мозги, гораздо более привлекательно, чем ваша растрепанная голова.

Продолжая поносить меня, она намотала пояс на руку, замахнулась и направилась ко мне. Я видел, как блеснули кнопки поверх ее головы, и подумал, что надо наклониться. Она нелегко сдается. Но, занятая большой проблемой, она не обратила внимания на детали. Итак, она замахнулась...

Внезапно юбка соскользнула с ее бедер, Кэрол запуталась в ней и, пытаясь сделать шаг вперед, упала.

Она истошно завопила, ругая всех и вся, потом стала колотить ногами об пол.

Я открыл дверь и вышел в сумрак вечера. Я решил, что это лучшее, что я могу сделать, потому что знал — что бы я ни сказал, ничто ее не успокоит.

8

Марш Стоупли осторожно приоткрыла дверь и, увидев меня, широко улыбнулась.

— Я вас ждала в восемь часов, Данни. Но все равно, входите.

Она широко распахнула дверь и закрыла ее, когда я вошел.

— Я только что из-под душа. Мне нужно одеться.

Это было очевидно: за исключением крошечного белого лоскутка на месте трусиков, на ней ничего не было.

Маленькие высоко поднятые груди сияли белизной на великолепно загоревшем бронзовом теле.

Какой-то девиз был написан на белых трусиках, но я увидел лишь первое слово.

— Обращаться с...? — спросил я очень заинтересованно.

— С любовью, — ответила она и засмеялась.

— Чего только не придумают!

— Раз вы уже здесь, а обед будет готов не раньше чем через час, то не стоит терять время на одевание, правда?

— Моя дорогая, — серьезно ответил я, — сейчас мне не до подобных вопросов.

— Что вы такое говорите?

— Может быть, мы пройдем в гостиную и там выпьем

по стаканчику? Я почему-то думаю, что мне будет легче сказать вам все со стаканом в руке.

Она с подозрением посмотрела на меня.

— Вы уверены, что с вами все в порядке? — спросила она.

— Теперь я знаю все, но то, что я обнаружил, для меня крайне неприятно.

Мы вошли в гостиную, и я прямо направился к бару. Я приготовил для нас хорошо смешанный бурбон со льдом, но без воды, и дал ей стакан.

— Садитесь и выпейте немного, — сказал я.

— Я начинаю верить, что вы действительно приносите дурные новости, Данни. — Теперь в ее голосе звучало беспокойство. — Не тяните и рассказывайте.

— Я, правда, исключительный подонок, — мрачно сказал я. — Никогда бы не поверил, что у меня хватит совести так относиться к прекрасным женщинам. Но я не смогу остаться здесь, чтобы предаваться любви с вами сегодня вечером, зная то, что я знаю.

— Если вы немедленно не скажете мне все, я сойду с ума! — закричала она.

— Это о Греге. Я узнал об этом около часа назад.

— Что узнали?

— Он действительно был в Лос-Анджелесе, когда поручили мне найти Луизу д'Авенди. Это правда. Но он в тот же день вернулся сюда.

— В Санта-Байя? — Она ошеломленно смотрела на меня. — Вы уверены в этом? Я его не видела.

— Вот как? Вероятно, его никто не видел. — Я с безнадежным видом пожал плечами. — За исключением тех шлюх, с которыми он осуществлял свои фантазии в течение недели.

— Каких шлюх?

Она конвульсивно передернулась и поперхнулась сухим бурбоном.

Я похлопал ее по спине, и она утихла, однако ее искаженное лицо побагровело, и я надеялся, что это произошло не от виски, который она глотнула.

— Кто эти шлюхи? — наконец спросила она.

— У Элоизы. Он находится там с начала недели. Похоже, весь бордель к его услугам. Все фантазии, которые ему приходят в голову, исполняются — танцовщицы канкана, индейские скво, ученицы лица, две девушки враз... Все это должно было бы стоить ему целое состояние...

Она испустила приглушенный вопль.

— Грег всю неделю у Элоизы хватает одну девушку за другой?

— А иногда сразу двух девушек,— сказал я, чтобы усилить впечатление.

— Это правда?

Ее темные глаза сверкали, как раскаленные угли.

— Я его видел собственными глазами сегодня днем. Он был, как старый потрепанный Бахус, с маленькой подругой, ученицей лицея, на коленях. Она сосала леденец, а он пытался сунуть руку в ее штанишки. Похоже, он не имел особого успеха у этих учениц лицея.

Она опять издала приглушенный вопль, и на этот раз я был уверен, что бурбон тут ни при чем.

— Он тратит деньги, как будто они растут на деревьях. Наши деньги!

— Я поинтересовался их обычным тарифом,— рассудительно продолжал я.— Двести пятьдесят долларов днем и триста ночью.

Марш Стоупли стала быстро прикидывать общую сумму.

— Если он там находится с начала недели,— бросила она,— то уже потратил более трех тысяч долларов!

— Я подумал, что вы должны быть в курсе дела,— сочувственно сказал я.— Теперь передо мной дилемма. Вы замечательная женщина, Марш, и я хотел бы заниматься с вами любовью больше, чем с кем-либо, но как это теперь возможно? — Я развел руками.— Зная то, что я знаю...

— Вы очень милы, Данни...

Голос ее смягчился, и она погладила меня по щеке.

— Я понимаю, какое это произвело на вас впечатление. Но вы правы, что сообщили мне об этом. Я вас отблагодарю за это, клянусь вам! Мы будем любить друг друга так, как вам и не снилось. Но сейчас я хочу вас попросить о большой услуге.

— Вам достаточно сказать лишь слово, Марш,— торжественно заявил я.— Я полностью в вашем распоряжении.

— Не проводите ли вы меня в этот дом?

— Вы хотите пойти туда? — Я надеялся, что мой голос звучал достаточно удивленно.

— Я хочу пойти туда,— твердо сказала она.— Я думаю, что я его убью! Подождите меня здесь, пока я оденусь.

— Хорошо.

Я выпил свой бурбон, потом то, что осталось в ее

стакане и, так как я считал, что ночь будет долгой, налил еще. На секунду мелькнула мысль: «Зачем я веду себя как подонок?» Потом решил, что сейчас такие мысли ни к чему. Через пять минут вернулась Марш, уже полностью одетая. На ней был черный свитер, черные узкие брюки, а через плечо была переброшена большая черная сумка. В общем, получилась женщина-вампир, готовая наброситься на человека.

В течение первых десяти минут мы ехали молча, Марш спокойно сидела возле меня. Внезапно она схватила меня за руку.

— Без вас, Данни, я бы никогда ничего не узнала. Этот грязный подонок вернулся бы домой и засыпал бы меня разными подробностями о большом деле, которым он занимался в Лос-Анджелесе. — Она горько засмеялась. — Единственное, чем он не занимался всю эту неделю, мерзавец, так это именно делом!

— Вас, безусловно, не ожидает радостный прием, когда мы приедем туда, — осторожно сказал я. — Вы об этом подумали, Марш?

— Мне ни к чему думать об этом, — ответила она с некоторой снисходительностью. — Вы не видели меня в действии, Данни, особенно, когда в деле замешана другая женщина. У них не будет ни малейшего шанса.

— Элоиза — настоящий гренадер, и у нее есть вышибала — огромный тип из сплошных мускулов.

— Вы займетесь им, Данни, — твердо сказала она. — Я знаю, что вы настоящий мужчина. Я поняла это сразу.

— Может быть. Но для женщины Элоиза тоже очень сильна.

— Если бы я не знала вас так хорошо, я подумала бы, что вы боитесь.

— Это, скорее, вопрос стратегии.

Потом я рассказал ей о большой лестнице, ведущей в восемь комнат на первом этаже, и о том, что ее муж находится в одной из них.

— Нам придется преодолеть препятствие, которое представляет собой Элоиза, и, по всей вероятности, еще и вышибалу. Думаю, что смогу заняться им, но я еще никогда не бил женщину, во всяком случае, достаточно сильно, и у меня нет намерения начинать.

— Предоставьте Элоизу мне, — решительно сказала она. — С этим у меня не будет проблем. Займитесь вышибалой, большего я от вас не прошу.

Четверть часа спустя мы доехали до места, останови-

лись перед домом и вышли из машины. Я не знал, какую стратегию избрала Марш, но, безусловно, ей придется быть достаточно энергичной.

Марш быстро поднялась на площадку и стала судорожно звонить. Я осторожно держался позади нее и ждал, что будет. Секунд через десять дверь открылась. У Элоизы был очень величественный вид, когда она, удивленно подняв брови, свысока посмотрела на Марш.

— Вы не туда пришли, моя милочка,— заявила она с иронией.— Мы принимаем здесь только мужчин.

— В том числе и моего мужа,— прошипела Марш.— Отойди от двери, ты, толстая шлюха!

— Что?!

Лицо Элоизы внезапно покрылось пятнами.

— Как вы смеете говорить со мной таким образом?

Тут она увидела меня и повернулась:

— Вы опять пришли доставлять нам неприятности, Бойд!

Сказав это, она повернулась и крикнула внутрь дома своим пронзительным голосом:

— Чик! Чик!

Затем она обернулась к Марш, и это было ее большой ошибкой, так как Марш, достав из своей большой черной сумки аэрозольную бомбу, нажала на кнопку. Плотное облако ударило Элоизе в лицо, та отшатнулась, схватилась руками за глаза и завизжала. Я услышал в доме тяжелый топот, который быстро приближался, и прошептал Марш:

— Скажите ему, когда он добежит сюда, что я нахожусь снаружи, и не стойте у него на дороге.

Я отступил на шаг, чтобы спрятаться у стены, и стал ждать.

Топот становился все слышнее, и тут Марш выдала замечательный номер.

— Он снаружи! — заорала она и сделала неопределенный жест рукой.— Вы поймаете его, если поторопитесь! Он только что брызнул ей чем-то в глаза!

Раздалось что-то вроде рева, и Марш отошла от двери.

На мгновение передо мной мелькнуло красное лицо Чика, и я выставил ногу. Его берцовая кость больно ударилась о мою. Он успел издать еще несколько воплей, прежде чем покинул площадку. Он полетел в горизонтальном положении, слетел с площадки по трем ступенькам, и все без малейших усилий с моей стороны. К несчастью, моя машина стояла как раз перед входом в дом.

Чик, летевший головой вперед, со страшным шумом

врезался в металл и тяжело расплющился о корпус машины. Я от всей души пожелал, чтобы он не умер, и подошел убедиться в этом.

Он лежал неподвижно, но сердце его билось нормально и дыхание, хотя и слабое, но все же ощущалось. «Если ему повезет,— подумал я,— то он отделается жесточайшей головной болью. Двигаться он будет с трудом, но не умрет».

Я встал и внезапно обнаружил, что вокруг стало очень тихо. Марш и Элоиза исчезли с порога, и в течение нескольких секунд у меня было ощущение, что они обе испарились. Я осторожно вошел в дом. Никого. Тогда я прошел в гостиную, и все объяснилось. Марш действительно не теряла времени, пока я занимался Чиком.

Элоиза сидела в одном из кресел, но без обычного комфорта: ее руки были связаны позади сиденья какими-то большими кусками серого шелка. Можно было подумать, что вороны свили гнездо в ее волосах; по щекам текли слезы. Куски серого шелка — это все, что осталось от ее платья. На ней теперь были только бюстгальтер из черных кружев, черные трусики, черный пояс и черные нейлоновые чулки.

Она словно вышла из фильма ужасов немого кино. Рядом, с ней стояла задыхающаяся, но вполне довольная собой, Марш.

— Я думала, что это удержит ее на то время, пока я пойду и убью этого подонка там наверху,— сказала она.— Мне очень понравилось, как вы избавились от вышибалы.

Я посмотрел на слезы, которые текли по щекам Элоизы.

— Что вы брызнули ей в глаза?

— Очень дешевый одеколон. Он щиплет, как дьявол, но не причиняет вреда. Она будет плакать до тех пор, пока он не вытечет. А потом она будет плакать без всякого одеколona, можете мне поверить. Но начнем действовать, Данни. Я поднимусь. Хотите пойти со мной?

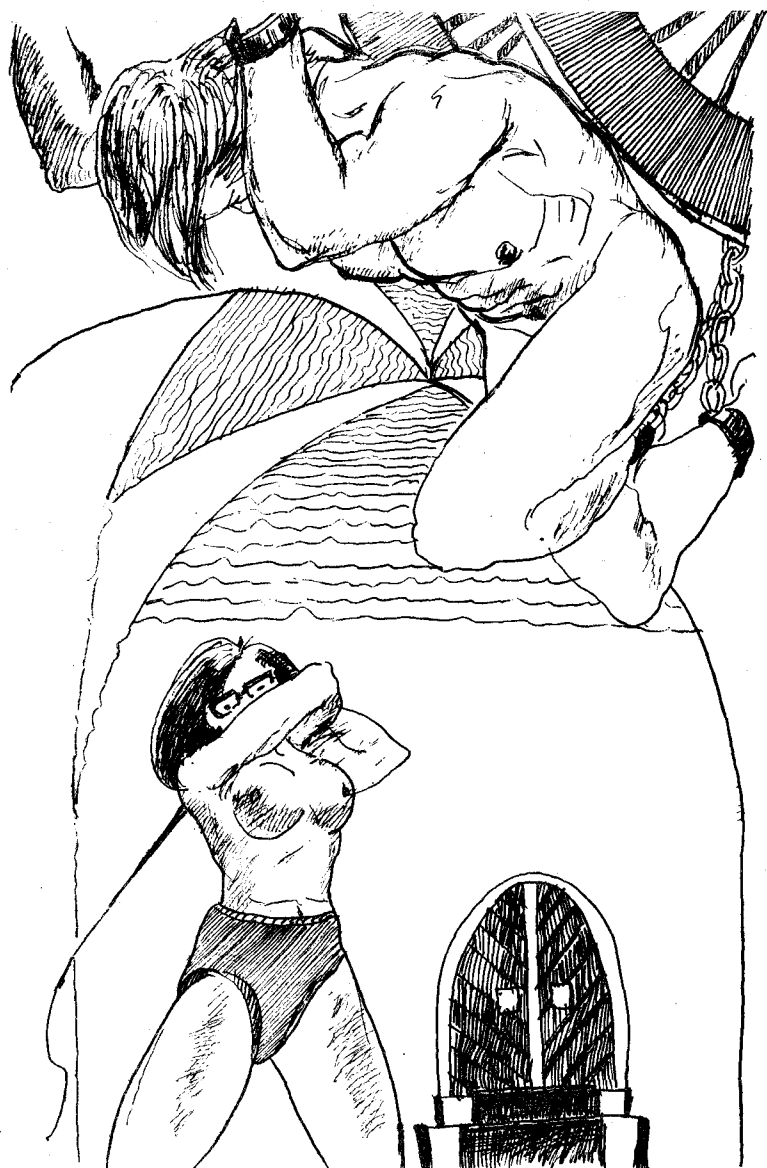
— Вы думаете, что я вам буду нужен?

— Нет, я подумала, что, может быть, вам хочется посмотреть.

— Я останусь здесь. Если я понадобится, вам стоит только позвать меня.

— Как хотите. Но не думаю, что этот мешок с салом будет для вас хорошей компанией.

Марш нагнулась и резким жестом заставила лопнуть одну из бретелек Элоизы.

Мне показалось, что Элоиза заплакала еще сильнее, если это только возможно.

— Настало время направить ее к живодеру, — прибавила Марш.

— К живодеру? — пробормотал я.

— Это туда отправляют старых лошадей в Англии, — весело объяснила она, — когда они не годятся больше ни на что. Из нее одной выйдет много нужных вещей!

Марш быстро вышла из комнаты, а я почувствовал нечто, вроде сочувствия, когда посмотрел на слезившиеся глаза Элоизы. Я подошел к бару, намочил свой носовой платок в холодной воде и вернулся, чтобы протереть ей глаза и лицо.

— По-прежнему щиплет?

— Нет, — ответила она.

Страшная злоба в ее голосе заставила меня отступить назад.

— Это вы ей сказали, не так ли, Бойд?

— Что ее муж провел здесь неделю? Теперь, когда вы об этом заговорили, я вспоминаю, что было что-то подобное.

— Это странно, но я на нее не сержусь. На ее месте я поступила бы так же. У меня была бы такая же реакция. Но вы! — Ее дыхание внезапно сделалось свистящим. — Вы все взорвали! Вы это знаете? Глупец! Больной кретин!

— Моя драма заключается в том, что я никогда не мог понять, что я должен взорвать и чего я не должен касаться. Теперь это понемногу проясняется.

— Я буду танцевать на вашей могиле! — пробормотала она.

— Не забудьте надеть тот же ансамбль, который на вас сейчас, — умоляющим голосом сказал я. — Это действительно здорово — Элоиза, как затрепанная почтовая открытка, которая выпускалась во Франции.

Она наградила меня весьма грубыми эпитетами. Я вышел из комнаты, а она продолжала сыпать ругательствами.

Я решил исследовать нижний этаж. Там находилась элегантная столовая, замечательно оборудованная кухня и, вероятно, комната Элоизы с большой кроватью и колоннами. Неожиданно я обнаружил небольшую квартиру: гостиная, спальня и ванная. Я прошел через гостиную, чтобы попасть в спальню, которую тоже нашел пустой. Из ванной доносился шум льющейся воды, что меня очень ободрило.

Толкнув дверь, я вошел, отодвинул панель из матового

стекла и залюбовался. Она стояла ко мне спиной, и шум льющейся воды заглушил шум отодвигающейся панели. Несколько прядей светлых волос выбились из-под купальной шапочки на затылок. Это была картина, от которой не хотелось отводить глаз.

Я протянул к ней руку, она вскрикнула и одним движением повернулась ко мне.

— Итак,— ласково сказал я,— это ведь Ширли Спенделросс! Как тесен мир!

— Это вы с вашими глупостями! — закричала она.— У меня мог случиться сердечный приступ!

— Неужели?! — удивленно протянул я.

— Что это вы шарите здесь, Бойд?

— Я подумал, что вы не можете быть далеко. Ни при каких обстоятельствах генерал не может быть далеко от своих войск.

— Вы невозможны! Убирайтесь отсюда, чтобы я могла выйти из душа и одеться.

— Согласен, но потом мы поговорим.

— Но прежде доставьте мне удовольствие и убирайтесь отсюда.

Она закрыла дверь, и наступившую тишину через несколько секунд нарушил звук выстрела.

— Что же это такое? — закричала Луиза.

Она глядела на меня широко открытыми глазами.

— Хороший вопрос. Вероятно, я должен пойти посмотреть.

Я бегом понесся по квартире к выходу и услышал звук второго выстрела.

Добежав до вестибюля, я понял, что пришел вовремя, чтобы присутствовать на спектакле.

Первой я увидел прыгающую через три ступеньки совершенно обезумевшую блондинку. На ней был только бюстгальтер и, судя по ее габаритам, эта одежда была не в силах выдержать свое содержимое.

Последнее конвульсивное движение привело девушку к подножию лестницы, и ее груди воспользовались случаем, чтобы полностью избавиться от бюстгальтера. Я подумал, что она приведет себя в порядок, так как ее грудь поднималась к самому ее подбородку, но она продолжала судорожно скакать и скрылась через открытую дверь.

Следом за ней появился Грег Стоупли — совершенно голый, с выпученными от страха глазами и дрожащий всеми членами.

За ним я увидел Марш Стоупли с пистолетом в руке. Он

еще раз изверг огонь, и я инстинктивно наклонился. Стоупли испустил жалобный стон и, казалось, еще ускорил бег по направлению к открытой двери.

Пуля повредила лепку потолка и осыпала Стоупли белой пылью, прежде чем он исчез за открытой дверью.

— Поганое дерьмо! Грязный развратник! — вопила Марш.

Она неслась по лестнице, как дикая кошка, преследующая добычу.

— Я тебе покажу! Ты узнаешь, что значит бегать к шлюхам за мои деньги!

Я подумал, что должен был познакомиться с содержанием ее черной сумки; но теперь было уже поздно. К тому же, видя впечатление, которое произвел ее тир, я понял, что те двое не решатся ни на что, пока у нее в руках оружие.

Марш проскочила мимо меня, рванулась к открытой двери, и тишина и спокойствие внезапно воцарились в доме. Я подумал, что Марш кончит тем, что упадет где-нибудь на лужайке, но это была не моя забота. Я повернулся и прошел в салон квартиры Луизы, однако ее там не было.

Обе комнаты и ванная были пусты, и я отправился в гостиную к Элоизе.

— Что означает эта стрельба? — спросила она.

— Марш пыталась угробить своего мужа, но она стреляла вслепую.

— Мне противно просить вас об услуге, — сказала она, — но не можете ли вы отвязать меня от этого кресла?

— С удовольствием.

Я развязал ее, она встала и принялась растирать себе одеревеневшие руки.

— Вы ее видели?

— Она принимала душ и теперь, если вы простите мое выражение, такое же старомодное, как и ваши причиндалы, она наострила лыжи!

— Вы просто дурак, Бойд! Вы могли все испортить!

Я сел в машину как раз в тот момент, когда Чик начал подавать признаки жизни. Он пошевелился, издавая слабые стоны. Что касается Марш, ее мужа и неизвестной блондинки, то Бог знает, где они находились. В конце концов, мне надо просто вернуться к себе. А если им придется бежать всю дорогу по городу, это будет настоящий праздник для туристов. Может быть, этого как раз и не хватает Санта-Байя: кавалькады голых, несущихся по главной ули-

це мимо всех этих магазинов с фальшивым антиквариатом и жалких салонов чая.

Вернувшись в отель, я пообедал в баре с решетками, похожем на вход в ад с его решетками над пылавшими поленьями, на которых жарились грешники. После всех событий мне менее всего хотелось опротивевших коктейлей с ромом в пластиковых стаканчиках. Так что я поднялся в свою комнату, чтобы самому приготовить себе напиток.

Десять минут спустя зазвонил телефон.

— Я охотно бы убила вас! — сказал ледяной голос. — Что вы там искали? Чего вы хотели? Разорить дом? Я вынуждена была уложить Элоизу в кровать, дав ей успокоительное. Что касается этой бедной девушки, которую гоняли по всему холму, то она до сих пор находится в истерике.

— Это называется действовать по собственной инициативе, — спокойно ответил я. — Я был уверен, что вы хотели, чтобы я что-нибудь предпринял, только вы не сказали, что именно.

— Было необходимо посадить Грегa Стоупли под колпак на неделю, — сказала она. — Лучшим способом было предложить ему этот дом с девушками за счет заведения. Теперь, вероятно, вы все разрушили.

— Элоиза употребила почти такие же выражения.

Я слышал, как она тяжело дышала.

— Я начинаю думать, что вы уже не сможете быть полезным, Бойд, — прошипела она.

— Тем не менее мне бы хотелось найти того, кто убил вашего мужа.

— Вы кого-то подозреваете?

— Почти весь свет думает, что это вы, и это самый логичный выбор. Так сказала Кэрол Деркас.

— И что Кэрол еще говорит?

— Она думает, что у вас интимные отношения с Элоизой, — равнодушно ответил я. — По ее мнению, Элоиза убила вашего мужа, чтобы оказать вам услугу, и в благодарность вы ей отдали свой дом, чтобы сделать из него роскошный бордель.

— У этой Кэрол много воображения, нет сомнения. Ее мысли варварские, но все же мысли.

— Забавно, но то, что она говорит, не лишено здравого смысла, — заметил я и стал ждать реакции.

— Ну что ж, вы действительно действовали как катализатор, Бойд. У вас есть какие-нибудь новости о Пемброке?

— Никаких.

— Они не замедлят появиться. Нельсон никогда ничего не забывает и не прощает. Самым лучшим для вас было бы уложить багаж и уехать в Нью-Йорк завтра утром — с первым поездом или самолетом.

— Это именно то, что хочет Пемброк.

— Я полагаю, что всунула вас в очень скверную историю, — призналась она. — Если вы хотите теперь покончить с этим делом, я не буду возражать.

— Как я вам уже сказал, мне хотелось бы остаться здесь, чтобы выяснить, кто убил вашего мужа. Я серьезно надеюсь, что это не вы, Луиза, поскольку это испортило бы наши отношения.

— Хорошо, оставайтесь, если хотите.

— И что теперь мне делать?

— По-моему, вам не нужно ничего делать. Все те волны, которые вы вызвали, скоро начнут заливать вас самого. — Она повесила трубку.

У меня был выбор — погрузиться в глубокие размышления или допить свой стакан и пойти спать. Мне понадобилось пять секунд, чтобы решить этот вопрос.

Я прикончил свой стакан и лег спать.

9

Наступило новое летнее утро в Санта-Байя. В небе без единого облачка сияло солнце, а главную улицу заполнили туристы цвета томатов.

Я направился к роскошному жилищу, в котором Стоупли проводил свою идиллическую жизнь. Мои часы показывали немногим больше одиннадцати, когда я приехал туда. Я подумал, что либо они уже успели стовориться, либо единственный, оставшийся в живых, сможет мне сказать что-нибудь.

Марш Стоупли открыла дверь и улыбнулась мне. Она была одета в желтое бикини, выгодно оттенявшее ее загар.

— Салют, Данни! — проворковала она. — Хотите кофе?

— С удовольствием, — ответил я вежливо.

Она провела меня в гостиную, пригласила сесть и подождать, пока она приготовит кофе, и направилась в кухню. Я не имел права на сигарету раньше полудня и грустно вздохнул. Это ведь вопрос силы воли, а в общем, на все наплевать! Я выкурил примерно половину сигареты, когда появилась Марш. Она села напротив меня и поставила кофе, ласково улыбаясь. Я заметил, что ее нижняя губа вздулась, как будто кто-то целую ночь кусал ее.

— У меня не было возможности поблагодарить вас, — сказала она. — Когда мы вернулись в дом, вы уже ушли.

— Я внезапно вспомнил об одном свидании. А как это закончилось для вас?

— Восхитительно!

— Вы никого не убили?

Она насмешливо улыбнулась.

— У меня и не было такого намерения. Я просто хотела убедиться в том, что у Грегa больше никогда не появится желание провести неделю в борделе. Я полагаю, что он получил хороший урок!

— А где Грег в настоящий момент?

— Одевается. Он немного вялый сегодня утром. У нас была очень насыщенная ночь. — У нее был вполне удовлетворенный вид. — Очень насыщенная. Я убедила его, что он может получить дома все, что нужно, причем гораздо лучшего качества, чем в борделе.

— Он должен быть ненасытным, — пробормотал я.

— Это я ненасытна, — весело сказала она. — Грег просто очень сексуален.

— Я в восторге, что все кончилось так хорошо.

— Все чудесно. Он вдвое увеличил сумму, которую мне дает, и в следующий раз, когда поедет в путешествие, возьмет меня с собой.

— Это, конечно, замечательно...

Я попробовал кофе.

— Я действительно очень благодарна вам, Данни. Если бы вы мне не сказали, где находится Грег, нам бы никогда не удалось так хорошо понять друг друга.

— Вы видели Элоизу перед уходом?

— Нам пришлось вернуться туда, чтобы Грег мог взять свою одежду, — приветливо ответила она, — а это большая глупая дубина, увидев меня, закричала и галопом умчалась. Это было очень смешно. Вы не находите?

— Ну что ж, я ее понимаю.

Мы выпили кофе, и она испытующе посмотрела на меня.

— Итак, — сказала она, — это было очень мило с вашей стороны, прийти повидать меня, Данни. — Она встала. — Еще раз спасибо за все.

— Я надеялся немного поговорить с вашим мужем, — вежливо сказал я.

Она сощурила глаза.

— На какую тему?

— Я подумал, что он с его знаниями сможет мне помочь.

— Вы хотите, чтобы он рассказал вам, как он провел эту неделю в борделе со шлюхами?

— Ни в коем случае! Ни за что на свете! — живо возразил я. — Я хотел поговорить об его опыте торговца недвижимостью.

— Хорошо, — нехотя согласилась она, — но не задерживайте его долго, он определенно устал.

— Этому я охотно верю, — от всего сердца согласился я.

Она вышла, а я стал ждать, размышляя, как тяжело сидеть, ничего не делая и не смея закурить сигарету. Через две — три минуты очень медленно вошел Стоупли — казалось, ему стоило большого труда передвигать ноги.

Он был бледен, как мел, и глаза с красными прожилками были печальны. Проволочившись к креслу, которое пододвинула Марш, он осторожно сел в него.

— Боже мой, Бойд, — тихо сказал он, — что я вам такого сделал?

— На что вы жалуетесь? — возразил я. — Вы в течение восьми дней бесплатно пользовались борделем и кончили тем, что счастливо сговорились со своей женой.

Он провел дрожащей рукой по губам.

— Это меня убьет. Она хочет доказать, что целуется лучше, чем все шлюхи города. Это далеко не так, но она дерет мне кожу, чтобы доказать это.

— Почему вы должны были исчезнуть на неделю? — спросил я.

— Что?

Он медленно сощурил глаза и у меня создалось впечатление, что мигнули красные огоньки.

— Луиза д'Авенди предложила вам бесплатно провести неделю у Элоизы, чтобы устранить вас.

— Проклятье! Это была благодарность за оказанную услугу, вот и все.

— Какого рода услугу?

— Это не имеет отношения к вам, Бойд. До сих пор вы доставляли мне только неприятности, так что убирайтесь из моего дома, и немедленно!

— Я частный детектив и должен отыскать Луизу д'Авенди, — сказал я. — Все во что бы то ни стало хотели узнать, кто мой клиент. Пемброк был так нетерпелив, что заставил свой персонал заняться мной. Тогда я назвал ваше имя.

— Мое? — проблеял он.

— Конечно. Я сказал им, что вы собирались провести веселую неделю в Лос-Анджелесе вместе с Луизой, и так как она не приехала, вы испугались, что с ней приключилось несчастье, и поручили мне отыскать ее.

— Почему вы меня ненавидите? — Он непонимающе покачал головой. — Ведь мы даже не были знакомы, а вы разрушаете мою жизнь.

— Пемброк будет потрясен, узнав, что вы вернулись в город. Думаю, он вам не поверит, когда вы начнете утверждать, что вы не мой клиент.

— Вы все разрушаете, — простонал он. — Вы знаете это, Бойд? Все!

— Может быть, все образуется, если вы кое-что мне расскажете. Пемброк скорее поверит мне, чем вам, что вы никогда не были моим клиентом.

Он задумался, и по выражению его лица было ясно, что это ему совсем не улыбается.

— Я полагаю, что у меня нет выбора, — с горечью пробормотал он. — Что вы хотите знать?

— Пемброк, Масон и Кэрл Деркас хотят завладеть домом Луизы и превратить его в деревенский клуб. Это точно?

— Точно, — пробормотал он мрачно.

— Они хотят заставить ее продать им дом, угрожая, в противном случае, зарегистрировать его как бордель.

— У Масона достаточно влияния для этого, хотя это нелегко, так как нужно убедить многих из тех, кто находится в числе клиентов Элоизы.

— Вчера вы мне сказали, что дом Пемброка гораздо больше подходит для деревенского клуба.

— Я сказал это?

На его лице внезапно появилось отсутствующее выражение.

— Может быть, вы не помните, — холодно произнес я. — В тот момент вы были наполнены до краев, и на ваших коленях сидела подружка из лицея.

Это воспоминание вызвало у него гримасу.

— О, эта, — пробормотал он.

— Тогда скажите мне, почему дом Пемброка больше подойдет для деревенского клуба?

— Откуда я могу это знать? — Он беспомощно пожал плечами. — Я просто так это сказал. Как вы сами выразились, я был наполнен до краев.

— Придумайте что-нибудь получше. Луиза исчезла,

потому что не хотела подписывать контракт с Пемброком и остальными членами банды. А почему вы должны были тоже исчезнуть на это время?

— Я вам клянусь, что ничего не знаю! Я даже не знаю, правда ли это. Я помогал Луизе в двух — трех делах, и, когда она предложила мне бесплатную неделю у Элоизы, я воспользовался этой возможностью. Нужно быть сумасшедшим, чтобы отказаться от такого!

— Как вы думаете, кто убил ее мужа?

Он сощурил свои красные глаза.

— Не имею ни малейшего представления.

— У всех у вас есть своя гипотеза, — прошипел я. — Какая у вас?

— Многие думали, что в этом замешана Луиза и что она ответственна за его смерть. Лично я никогда в это не верил. Разумеется, д'Авенди был старше нее на двадцать лет, и она не спала с ним. Но он отлично обходился без нее. Луизе было совершенно наплевать, что он ходил с остатками банды к Пем...

Он резко остановился, и я увидел капли пота, блестевшие на его лбу.

— К Пемброку? В подвальный этаж?

— Вы в курсе дела?

— Я был в этом зале, в котором мисс Апплеби — хозяйка церемоний, а внизу у нее каучук и прочее.

— Это настоящая сумасшедшая.

— А банда? Кто еще, кроме д'Авенди?

— Пемброк, естественно, Брод Мэсон и Кэрл Деркас. Мне кажется, что это все.

— Марш и Грег Стоупли?

— Ладно. Мы ходили туда два или три раза. Сначала это было нечто вроде группового секса, но Пемброк стал вскоре совершенно неудержим... и с этой ненормальной Апплеби... мы решили это бросить...

— Луиза никогда туда не ходила?

— Насколько мне известно, нет. Ее называли Снежной королевой. Может быть, она лесбиянка. — Он пожал плечами. — О ней с Элоизой ходили такие слухи! Одно определено — Луиза не интересуется мужчинами.

— А как это случилось, что она вышла замуж за д'Авенди?

— Без сомнения, из-за денег. Он, видимо, был счастлив получить ее для представительства и своего рода доказательства своей мужской полноценности. Зачем людям нужно демонстрировать такие вещи?

— А Элоиза когда-нибудь присутствовала на этих играх в подвале Пемброка?

— Нет. — Он немного поколебался. — Подождите, да, один раз. Пемброк сказал, что девочка Апплеби и она были вместе внизу и не хотели, чтобы их беспокоили. Кэрл Деркас заявила, что они две ненормальные шлюхи, но Пемброк уверил ее, что она ошибается. Апплеби не любила, когда кто-нибудь до нее дотрагивался, безразлично, какого пола. Один раз я слегка хлопнул ее по плечу, и она чуть не сломала мне руку.

— Знаете, вы были правы, когда сказали, что дом Пемброка — лучшее место для деревенского клуба. Оттуда расстилается фантастическая панорама на весь город до самого океана.

— И это так удобно, — добавил он. — Ни один пьяница не рискует ничем ночью, например, упасть с обрыва, как это может случиться у Луизы.

— А согласится ли Пемброк расстаться с домом?

— Безусловно, нет! — Он энергично покачал головой. — Пемброк богат, он любит свой дом, свою обстановку. Никакие деньги не соблазнят его продать свой особняк.

— Так что, если кто-нибудь будет очень воодушевлен этой мыслью, ему придется найти другой способ убедить его изменить свое решение?

— Не существует никакого другого способа, — твердо заявил Стоупли.

Появилась Марш, несколько возбужденная, и, бросив на меня недовольный взгляд, обратилась к мужу:

— Я не хочу, чтобы ты устал. Ты должен хорошенько отдохнуть — тебе понадобятся силы сегодня ночью, мой зайчик.

— Я собирался уходить, — сказал я, вставая.

— Вы не забудете поговорить с Пемброком? — с беспокойством спросил Стоупли.

— Не забуду, — сказал я.

Он упал в кресло и закрыл глаза, сильно зажмурился.

Марш проводила меня до двери. Она была полна неумеренной энергии, ничего хорошего не сулившей ее мужу.

— До свидания, Дanni, — дружелюбно сказала она. — Возможно, мы еще увидимся когда-нибудь.

— Возможно.

Она замаялась.

— Только не очень скоро, я вас прошу. Мы действительно будем очень заняты в следующие дни... и ночи.

— Скажите мне еще одну вещь, — сказал я. — В подва-

ле Пемброка вам уже пришлось попробовать сеанс бичевания?

Дверь хлопнула у меня перед носом.

Я пошел к своей машине, говоря себе, что невозможно всем нравиться.

Вернувшись в отель, я позавтракал и решил использовать остаток дня, чтобы обдумать план действий. Я растянулся на кровати и погрузился в мысли.

Было немногим более пяти часов, когда я проснулся. Приняв душ и одевшись, я спустился на стоянку взять машину. Мои размышления ни к чему не привели, и я решил нанести визит некоей персоне в Санта-Байя, которая вряд ли придет от него в восторг.

Через несколько минут я остановился около коттеджа Парадиз-Бич и постучал в дверь. В тот момент, когда дверь начали открывать, я с силой толкнул ее и услышал сердитое восклицание. Я полностью распахнул дверь, а Кэрол Деркас как раз обрела равновесие. На ней были тонкий свитер и ультра-короткие шорты, показывающие ее ноги в полной красе.

По выражению ее серо-зеленых глаз я понял, что желанен так же, как фининспектор.

— Опять вы! — закричала она.

— Опять я. А вы уже можете сидеть?

Ее губы скривились в злобной гримасе.

— Вы знаете, Бойд, я готова вас убить!

— В последний раз вы уже должны были убить меня.

А кто вы такая? Убийца-маньяк?

— Ладно, — она нетерпеливо качнула головой. — Короче.

Я сел на диван и с надеждой посмотрел на нее.

— Я охотно выпил бы немного виски.

— Не может быть и речи, — заявила она. — Вы ничего не получите, Бойд. Скажите просто то, что вы хотели сказать...

— Про клуб бичевания в подвале Пемброка. Вы посещали его.

— Мне известно, что у вас извращенное воображение, — сердито сказала она. — Вы не могли бы продемонстрировать его в другом месте?

— Все бывают в этом клубе, и вы в том числе, — продолжал я. — Вы и Масон, Марш и Грег Стоупли, естественно, Пемброк и его хозяйка-бичевательница — мисс Апплеби. Не надо забывать и д'Авенди, когда он был жив.

— Вы знаете, чего мне очень хочется? — с чувством

спросила она. — Отхлестать вас где-нибудь до бесчувствия, потом взять острый нож и...

— Но не Луиза?

— Что?

— Луиза не состояла в клубе даже тогда, когда ее муж был его членом. Не так ли?

— Я вам сказала еще в прошлый раз, что Луиза — шлюха, одинаково любившая как мужчин, так и женщин.

— Вы это сказали, но это неправда!

Она сделала гримасу.

— Скажем, что я немного преувеличила. Она никогда не бывала в этом клубе. — Кэрол злобно передернула плечами. — По-моему, она получает все удовольствия со своим другом Элоизой.

— Но ее муж бывал в клубе?

— Д'Авенди был большим шутником. Мышиный жеребчик. Он не мог оставить в покое ни одну женщину. Но почему он женился на Луизе, я никогда не понимала.

— Он жил со всеми женщинами в клубе?

— За исключением мисс Аплеби. — Ее губы искривились в усмешке. — Вот эта — совершенно сумасшедшая, Бойд!

— Я это заметил. Знаете, то, что вы мне рассказали, когда я в последний раз был у вас, кажется мне достаточно логичным. Действительно, если Элоиза убила д'Авенди, и в благодарность за это Луиза позволила той превратить свой дом в бордель, тогда возможно, что Элоиза причастна к исчезновению Луизы.

— Пожалуй, вы не так твердолобы, как кажется, — сказала она. — Виски?

— С капелькой воды.

Она подала мне стакан и села напротив меня, сжимая свой стакан обеими руками.

— Правда, Брад и я имели бы только двадцать на сто в этом деле, — сказала она, — но для нас и это очень выгодно. Надо затратить много времени, чтобы зарегистрировать этот дом как бордель, и это, конечно же, может повредить репутации будущего деревенского клуба.

— А в этом краю нет больше домов, подходящих для этого? — с невинным видом спросил я.

— В данной ситуации — нет.

— А дом Пемброка?

— Дом Нельсона?

Она засмеялась.

— Он не продаст его, даже если ему предложить цену, в десять раз превышающую его стоимость.

— Если вы в состоянии объявить дом Луизы борделем, почему бы вам не пригрозить Пемброку тем, что вы обнаружите, чем он занимается в подвале?

— И скомпрометировать всех нас?

— Вы совершенно правы. Это, без сомнения, глупо.

— Вы внезапно стали что-то очень благоразумны, Бойд.

— Потому что вы здесь единственная, у кого есть мозги, и потому что у меня всегда была слабость к рыжим.

— Странно...— Она закусилла нижнюю губу.— Я как раз думала об этом сегодня утром. Помните, когда вы ворвались к нам, Брад и я как раз пытались вспомнить некоторые самые острые моменты в подвале Пемброка. Так вот — это меня не разжигало. Но когда вы бросили меня поперек колен, это было уже совсем другое дело.— Какие-то огоньки зажглись в ее глазах.— Мне кажется, что многое зависит от того, кто именно сечет вас.

— Я это тоже понял. Особенно после того, как мне удалось освободиться от ваших зубов, когда вы впились мне в руку.

Она непринужденно засмеялась.

— Когда вы найдете Луизу, почему бы вам не вернуться сюда, Бойд? Мы сможем вместе сочинить настоящую демоническую музыку.

— А Мэсон?

— Пусть он идет к дьяволу,— коротко сказала она.

Я допил виски и встал.

— Скажите мне, Кэррол, вы боитесь Нельсона Пемброка?

— Его бояться решительно все, в том числе и я.

— А куда шел д'Авенди перед тем, как его убили?

— Я ничего об этом не знаю. А это важно?

Открылась дверь и появился Брад Мэсон. Увидев меня, он замер на месте, и лицо его омрачилось.

— Что вам сегодня надо, Бойд.

— Я задал один вопрос. Может быть, вы знаете ответ? Куда направлялся д'Авенди перед тем, как его убили?

— К себе домой,— ответил он.— Он вышел из дома Пемброка, это было очень поздно вечером, и отправился домой на своей машине. Только он так и не доехал до дома.

— После сеанса в подвале?

Мэсон неопределенно пожал плечами.

— Весьма возможно. Но совершенно естественно, что на следствии об этом не говорилось.

— А где вы были в тот вечер?

— Я находился в путешествии и вернулся только через два дня после преступления.

— А кто был тогда у Пемброка?

— Только жители дома. Так, во всяком случае, писали газеты, если память мне не изменяет: Пемброк, мисс Апплеби и Карл.

— Спасибо. Теперь мне нужно бежать.

— Но он вернется, когда найдет Луизу,— проскочила Кэрол,— у нас с ним дело идет на лад, а ты со мной ничего не можешь сделать!

— Подожди же, глупая шлюха!

Масон, полный ярости, стал наступать на нее, а она, отступив на шаг, схватила бутылку виски.

Я оставил их выяснять отношения и вернулся к машине. Когда я включил мотор, их вопли слышны были около машины. «Заниматься любовью с Кэрол Деркас — это все равно, что зайти в клетку, полную тигров,— подумал я,— но это все же может быть очень занимательно!»

10

Элоиза открыла мне дверь и ее лицо неожиданно приняло озабоченное выражение.

— Чик все еще в постели,— недовольно объявила она.— Врач сказал, что у него сотрясение мозга и он должен полежать в постели несколько дней. Итак, что же я должна сделать, чтобы вы оставили меня в покое, Бойд? Застрелить вас?

— Я огорчен за Чика,— ответил я.— Ведь я просто подставил ему подножку. На его несчастье, моя машина находилась как раз на его пути.

— Это лишняя причина ненавидеть вас. В мрачном юморе вы не очень сильны.

— Со мной сегодня нет ничьей разъяренной супруги. Все, что я хочу, это немного поговорить с Луизой.

— Не делайте из меня дуру. Луиза ушла добрый час назад, чтобы встретиться с вами в этом жалком баре.

— В каком баре? — спросил я.

— В том, который находится в конце Парадиз-Бич, где вы сможете рассказать ей о том, кто убил ее мужа и почему.

— Это то, что я сказал? — ошеломленно прошептал я.

— Это Луиза так сказала.

Ее глаза медленно округлились.

— Вы не звонили?

— Может быть, мне все же войти, и вы расскажете обо всем подробнее?

Мы прошли в гостиную, и Элоиза села в одно из кресел эпохи Людовика.

На ней было длинное турецкое платье, а ее прическа, как всегда, была безукоризненна. Но вид у нее теперь был не величественный, а просто испуганный.

— Я не звонил ей по телефону.

— Тогда это был кто-то, кто подделался под вас, — пробормотала она упавшим голосом. — Луизу легко было обмануть.

— Это не очень-то трудно. Всегда можно сказать, что голос изменился потому, что плохая связь или что-то в этом роде.

— Вы не пойдете в этот бар посмотреть, в чем дело?

— Она ведь ушла уже довольно давно и. лицо, завлекшее ее туда, безусловно, не теряло времени даром.

— Но вы единственный, за исключением меня, кто знал, что она здесь, — запротестовала Элоиза.

— Раз у меня было подозрение, что она дома, значит и кто-нибудь еще мог заподозрить то же. Не так уж трудно было догадаться, что она и есть моя клиентка, а этот дом наиболее вероятное место, где она могла прятаться.

— Что же с ней могут сделать? — спросила она с беспокойством.

— Не знаю, но ничего приятного, конечно.

— Вы должны что-то предпринять.

— Луиза и Элоиза — очень похожие имена.

— Ну и что? — нетерпеливо спросила она.

— Сестры?

Она испуганно кивнула головой.

— Сестры. И что это меняет?

— Вы приехали жить к Луизе в этот дом до смерти ее мужа?

— Приблизительно за три месяца до его смерти. Луиза пригласила меня.

— А что вы делали раньше?

— У меня был дом... в Неваде. Его закрыли.

— Власти?

— Синдикат, — она сделала гримасу. — Пятьдесят на сто, — этого им было недостаточно. Они хотели иметь свою содержательницу дома.

— Что вы думали о д'Авенди?

— Это был настоящий болван. Еще до женитьбы он знал, что Луиза холодная женщина, но это не остановило его. Но потом, в один прекрасный момент, до него окончательно дошло, что его молодая очаровательная жена, из-за которой ему многие завидовали, — просто бесчувственная деревяшка.

— Он вознаграждал себя, активно участвуя в оргиях у Пемброка?

— Без сомнения.

— И вы тоже?

Она покраснела.

— Два или три раза. Ведь я тоже живой человек, между прочим.

— Но с особыми вкусами? Поговаривают, что мужчинам нет места в вашей половой жизни.

— А какое это для вас имеет значение? Какое вам до этого дело? — злобно проворчала она.

— Признаюсь, я этого еще не знаю. Может быть, это связано с остальным. Судя по тому, что я слышал, вы были в этом подвале всего один раз, правда, на пару с этой подтянутой девицей — мисс Апплеби.

— Ах, вот оно что! Ну, что ж, — она вызывающе улыбнулась. — Да, я не люблю мужчин, я — мазохистка. Теперь вы удовлетворены?

— А д'Авенди искал к вам подход? Он приставал к вам?

— Да, несколько раз, но он скоро все понял.

— Не хотел в себе разочаровываться, а? Каждая женщина, которую он встречал, воспринималась им, как вызов, не так ли?

— Весьма возможно, — она пожала плечами. — Вы ничего не собираетесь сделать, чтобы спасти Луизу.

— Собираюсь и очень скоро. Даже мисс Апплеби представляла интерес для д'Авенди?

Она сухо засмеялась.

— Еще больше, чем я. Но у него никогда не было возможности дотронуться до нее.

— Эта мисс Апплеби довольно странная особа со своими жуткими атрибутами. Садистка, которая не выносит, когда кто-нибудь дотрагивается до нее, какого бы пола ни был этот человек. Ведь так? — Я помолчал. — Кое-кто утверждает, что это вы убили д'Авенди, а в благодарность за это Луиза позволила вам превратить ее дом в роскошный бордель, став вашей компаньонкой.

— Вы верите в это, Бойд?

— Во всяком случае, убийца был неопытен,— ответил я.— Профессионал сперва оглушил бы его, а потом уже толкнул машину под откос в надежде, что полиция примет это за несчастный случай. А спускать машину с трупом в черепе, у которого уже три пули,— потеря сил и времени. Это работа любителя в полной панике. Значит, убийство не было запланировано. Оно было совершено под влиянием импульса, внезапно. По-моему, вы не поддаетесь импульсам, Элоиза.

— Нет,— решительно сказала она.— Никогда.

— А почему Луиза была так холодна?

Ее пальцы начали барабанить по ручке кресла.

— Она на пятнадцать лет моложе меня. Я была профессиональной герл, а она была еще школьницей. Наши родители умерли, не было никого, совершенно никого, кто бы занимался нами, и это была для меня единственная возможность зарабатывать себе на жизнь. Луиза жила в той же квартире, что и я. Она слышала все, что происходило рядом, а раза два или три даже видела. Все это, вероятно, внушило ей отвращение.

— Она выросла и вышла замуж за д'Авенди. Когда у старшей сестры возникли неприятности, она предложила ей убежище.

— Нечто в этом роде,— согласилась Элоиза.— Но и она тоже нуждалась в помощи. Муж стал мстить ей за ее отвращение, заставляя ее смотреть, когда был с другой женщиной. Он бил ее. Это был по-настоящему скверный человек. Иногда он, возвращаясь домой пьяным после вечернего разгула, разрывал ее самые красивые платья и кидал их ей в лицо. Однажды он изнасиловал ее. Но даже такой мерзавец, как он, не захотел больше повторять этого. Это было нечто вроде любви с мертвецом, как он и сказал потом Луизе.

— Следовательно, он должен был куда-то исчезнуть?

— Что? — Она резко подняла голову и посмотрела на меня жестким взглядом.— Что вы еще такое вообразили после моих слов?

— Он должен был исчезнуть,— повторил я.— Вы обе страстно хотели избавиться от него, тем более, что в случае его смерти к Луизе переходили и деньги, и дом, не то что при разводе. Тогда вы придумали, как поступить, чтобы у Луизы было бесспорное алиби.

— Вы совершенно уверены, что вы в своем уме? — ледяным тоном спросила она.

— Итак, мы имеем любителя, охваченного паникой, который убил д'Авенди. Но это была не Луиза, она была в Нью-Йорке. Это были также и не вы, так как вы никогда не поддаетесь панике. А ни у кого другого не было оснований желать его смерти. Он состоял в банде Пемброка, безумствующей в подвале, и это было очень удобно для них. Существует лишь одна особа, которая могла убить его при сложившихся обстоятельствах.

— Раз вы такой умный, Бойд, скажите мне, кто она?

— Мисс Апплеби, подтянутая девица, она должна была быть вместе с ним в машине в ту ночь. Он доехал до вершины этого уединенного холма и захотел ее изнасиловать. Тогда она выстрелила в него. Она не выносила, когда до нее дотрагивались. Убив его, она впала в страшную панику и спустила машину с трупом под откос.

— Мисс Апплеби? Черт возьми, это невозможно!

— Это более чем возможно, и я полагаю, что вам это известно, Элоиза. Я предполагаю, что вы и устроили все это.

— Вы сошли с ума! — закричала она.

— Вы сказали д'Авенди, что единственная возможность позабавиться с мисс Апплеби — ее изнасиловать. После этого он решил подстеречь ее где-нибудь одну вне дома Пемброка. Может быть, вы также убедились, что в ящике для перчаток находился пистолет, или вы знали, что д'Авенди всегда имел оружие в машине.

— Вы совершенно сошли с ума, Бойд, — прошептала она.

Голос ее дрожал.

— После этого вы предложили Луизе, вообще не любившей жить в этом доме, превратить его в бордель, которым вы будете руководить.

— Это, по крайней мере, правда, — согласилась она. — Это был подходящий город, и здесь можно было создать отличный доходный дом. Подумайте обо всех этих ненормальных, которые бегут развлекаться в подвал Пемброка!

— Но тут Пемброк пришла в голову, как он считал, блестящая мысль — превратить этот дом в деревенский клуб, — продолжал я. — Однако и вы, и Луиза воспротивились этой идее. Еще бы, ведь бордель приносит вам огромный доход. Тогда Пемброк, заручившись поддержкой Масона и Кэрл Деркас, пригрозил закрыть ваш дом, если Луиза не согласится на его предложение. Когда же кто-то, воз-

можно, это был Стоупли, намекнул, что для деревенского клуба больше бы подошел дом Пемброка, вы тут же сообразили, как найти выход из опасной ситуации. План был прост: Луиза исчезает, потом на сцене появляется частный детектив, который по просьбе некоего неизвестного лица начинает вести расследование и тем самым вносит панику в ряды банды Пемброка. Чем дальше идет расследование, тем больше растет тревога Пемброка, особенно после того, как он узнает, что Луиза перед самым исчезновением якобы была близка к разгадке тайны убийства мужа. А затем, выбрав подходящий психологический момент, вы должны были преподнести Пемброку «сюрприз»: либо он продает свой дом, причем за ту цену, которую вы сами назовете, либо вы ставите полицию в известность о причастности мисс Апплеби к убийству д'Авенди, а также о тех оргиях, которые происходили в его подвале в течение ряда лет.

— Вы сошли с ума! — повторила она.

— Вставайте!

— Что?

— Мы пойдем искать Луизу. Я хочу, чтобы вы были со мной, когда мы ее найдем.

Она встала и недовольно посмотрела на меня.

— А куда мы пойдем?

— К Пемброку! Где, к дьяволу, вы думаете, она еще может находиться?!

С напряженным видом она медленно покачала головой.

— Я туда не пойду.

— Я нуждаюсь в вас, Элоиза, — надо будет отвлечь их внимание, чтобы я смог незаметно проникнуть в дом.

— Я не пойду туда! — закричала она. — Вы постучите в дверь и скажете им, что сходите с ума...

— Это вы постучите в дверь и скажете им, что сходите с ума от беспокойства. Да, Луиза была у вас, когда все думали, что она исчезла, но теперь она на самом деле исчезла. Два часа назад ей кто-то позвонил по телефону, и она быстро ушла. Вы не знаете, кто ей звонил, но вы уверены, что она находится в опасности, и вы пришли искать помощи у Пемброка.

— Он не поверит мне.

— Скорее всего. Но в тот момент он выслушает вас. Этого времени мне будет достаточно, чтобы проникнуть в дом и найти Луизу.

— Я не пойду туда! — повторила она.

— Если мы быстро не вмешаемся, они убьют ее, —

серьезно сказал я.— Вы это знаете. Идеальная ситуация — Луизу не видели в течение восьми дней или около этого. Я разыскиваю ее уже неделю. И если через несколько дней море выбросит ее труп на берег в сотне километров отсюда, не будет никакой связи между ее смертью и Пемброком. Он будет уверен, что сумеет заткнуть мне рот, и еще более уверен, что сможет подействовать на вас. Луиза мертва, и дом переходит к вам. Пемброк знает, что ему не будет стоить ни малейшего труда заставить вас сделать все, что он хочет, и получить ваше согласие сделать в этом доме деревенский клуб.

— Я не пойду туда! — в отчаянии закричала она.

— Даже для того, чтобы спасти жизнь вашей сестры?

— Я уже достаточно много сделала для Луизы. Вся эта идея была сумасшедшей и я сказала ей об этом. Я умоляла ее не делать этого, но она не пожелала меня слушать. Я умываю руки.

— Это же ваша родная сестра!

— Мне наплевать на нее! — Она выкрикнула эти слова мне в лицо.— Это она хотела любым способом избавиться от д'Авенди. Она его ненавидела до такой степени, что сама бы убила его и пошла в тюрьму, если бы мне в голову не пришла та идея. Это я сказала д'Авенди, что он сможет получить эту ненормальную мисс Апплеби, если захочет.— Ее безумные глаза пристально смотрели на меня.— А вы очень хитрый, Бойд? Я сказала ему, что если он выманит ее из дома Пемброка в уединенное место и изнасилует, ей это понравится. Этот бедный дурак поверил мне. Я надумала его положить пистолет в ящичек для перчаток. Я знала, что девица Апплеби нервничает, когда находится в изолированном пустынном месте,— например, на вершине холма — и ему придется показать пистолет, чтобы успокоить ее. Я не могла гарантировать полный успех, но шансов было много. Ну, а если бы это не прошло, я всегда бы могла придумать что-нибудь другое.

— Этот вопрос мучил меня с самого начала,— не погрешив против истины, сказал я.— Никаких фактов, никаких определенных причин, ничего, кроме банды сексуальных маньяков, которые бесятся от безделья.

Не слушая меня, она сказала неожиданно очень мягко:

— Хорошо. Итак, я теряю дом. Мне это безразлично. У нас были два очень хороших года, и я немало отложила, так что у меня солидный счет в банке — мне нечего беспокоиться. Пемброк предложил Луизе двадцать на сто

в этом деле в обмен на дом, и я охотно соглашусь на это.

— А Луиза?

— Пусть она убирается к черту, — взвизгнула она. — У меня давно костью в горле комбинации моей сестрицы. Пусть она сдохнет!

— Вы пойдете со мной, Элоиза, — сказал я.

— А каким образом? — Она засмеялась. — Понесете меня на плечах?

Я достал пистолет и направил на нее.

— Вы пойдете со мной!

— Ну что ж! Стреляйте!

Она откинула голову назад и истерично рассмеялась.

— Вы не посмеете, Бойд?

Она продолжала смеяться, когда я с силой ударил ее дулом пистолета по лбу. Перестав смеяться, она медленно осела на колени. Я попытался поставить ее на ноги, однако ее тело висело, как куль, а глаза были бессмысленны.

Я перекинул ее через плечо и отнес в машину.

У меня было все же небольшое утешение: если уж надо ударить женщину, то лучше выбрать мазохистку.

11

Когда мы приехали к Пемброку, Элоиза вполне пришла в себя.

У нее на лбу была шишка, но это совершенно не повлияло на ее физические силы.

Она не переставала осыпать меня ругательствами и проклятиями, и я бы наслаждался переливами ее голоса, если бы не был вынужден вцепиться в руль, который она хотела выхватить у меня.

Я остановил машину, вышел и открыл для нее дверь.

Элоиза сидела, скрестив руки на своей тяжелой груди, и враждебно смотрела на меня.

— Я не выйду из машины! Я останусь здесь!

Мне пришлось погрузить руки в ее прекрасный шиньон и одним рывком вытащить ее наружу. Испустив дикий крик, она отбежала от машины на гравийную дорожку, рухнула на нее так, что затряслась земля, и стала вопить. Потеряв остатки терпения, я сильно ударил ее ногой и приказал встать.

Слишком поздно я понял, что ошибся, сосредоточив все свое внимание на Элоизе, но ведь у меня не было выбора.

— Как это любезно с вашей стороны нанести нам визит,— проворковал голос,— и привезти с собой такую неожиданную гостью.

— Довольно необычным способом,— ответил я.— Я пришел с дружественным визитом, с расчетом установить мир.

— Я в этом не сомневаюсь,— сказал Пемброк.— Входите же. И вы тоже, Элоиза.

К этому времени Элоиза поднялась на ноги, правда, не без усилий. Ее величавый вид, как и прическа, были сильно потрепаны. Все же она успела тыльной стороной ладони ударить меня по лицу, потом медленно направилась к выходу. Я последовал за ней немного оглушенный, потому что Элоиза ударила меня с силой взбесившегося мула.

Мы вошли в элегантную комнату, уставленную книгами, и я плюхнулся в ближайшее кресло, откуда был немедленно извлечен Карлом. Вытащив мой пистолет из кобуры, он снова толкнул меня в кресло. Два или три раза я пытался встать, но потом махнул рукой и стал искать сигареты. Сейчас моя установленная норма табака казалась мне пустяком, не стоящим внимания. Элоиза с предосторожностями села в другое кресло и попыталась привести себя в порядок. У нее по-прежнему был встрепанный вид. Пемброк, усевшись на край письменного стола, смотрел на нас обоих.

— Я сбит с толку,— сказал он.— Вас, Бойд, я рано или поздно ожидал, но посещение Элоизы для меня сюрприз.

— Я решил, что она должна меня сопровождать,— сказал я.

— Это совершенно очевидно, принимая во внимание, с какой галантностью вы предложили ей выйти из машины. А почему?

— Вот уже два года, как убит д'Авенди. Я бы не хотел, чтобы погиб кто-то еще.

— Вы знаете, кто его убил?

— Знаю,— заверил я его.

Он с задумчивым видом нахмурил брови.

— Видите ли, это создает для нас некоторые проблемы. Вам придется гарантировать нам молчание. Но и в этом случае я не уверен, что можно верить этим гарантиям.

— Есть очень простой способ все уладить,— сказал я.— Предположим, д'Авенди пытался изнасиловать мисс Апплеби и она убила его, защищая свою честь. Любой прокурор примет это во внимание. В обмен за тайну

Элоизы Луиза подпишет контракт, который позволит создать в ее доме деревенский клуб и...

— Элоиза? — пробормотал он.

— Проклятый подонок! — заорала Элоиза. — Она была вне себя от злобы. — Я бы убила вас, Бойд.

— Это ответ на вопрос, который я задаю себе уже давно, — пробормотал Пемброк. — Какой дьявол мог уговорить д'Авенди, что у него есть шанс приблизиться к мисс Апплеби. Как я сразу не понял это?! Это был телефонный звонок Элоизы, когда она заявила, что ей нужно срочно повидаться с мисс Апплеби, но она не может покинуть свой дом. А мисс Апплеби с большим нежеланием согласилась на предложение Элоизы и позволила д'Авенди подвезти ее туда.

— Это ничего не меняет, — сказал я. — Держу пари, что вы бы не хотели, чтобы стало известно о роли мисс Апплеби в убийстве д'Авенди. К тому же Луиза подпишет вам контракт и вы получите то, что хотите — новый деревенский клуб.

— Скажите, Бойд, кто подал счастливую мысль об исчезновении Луизы и привлечения вас для ее поисков?

— Это же Луиза, черт возьми! — вмешалась Элоиза раньше, чем я успел открыть рот. — Она сумасшедшая! Я ей говорила, что это не пройдет, но она думала, что вы уступите под угрозой разоблачения мисс Апплеби как убийцы, обнародования всех этих ваших шуточек в подвале, всех ваших секретов! Таким образом, вместо того, чтобы продать вам дом для деревенского клуба, она вынудит вас продать ваш дом.

— Вы видите, Бойд? — Пемброк ласково улыбнулся мне. — Опять новые проблемы. Ведь не думаете же вы, что такая мерзкая интриганка, как Луиза, откажется, тогда как... — Он посмотрел на Элоизу и улыбнулся ей. — Тогда как ее сестра весьма рассудительная особа. Мы прекрасно могли бы сговориться с ней. Если бы дом был ваш, Элоиза, вы не возражали бы против нашей комбинации?

— Нет, — сквозь зубы ответила Элоиза. — Двадцать на сто мне отлично подходит.

— И все мы будем счастливы и удовлетворены. Но если Луиза убила своего мужа, а тяжесть ее преступления слишком большим грузом легла на ее совесть, и она в припадке отчаяния покончила с собой после того, как написала объяснительное письмо, тогда, действительно, все мы будем счастливы и довольны. Не так ли, Элоиза?

Она повернула голову и посмотрела на меня взглядом, полным ненависти.

— Вы совершенно правы. Все будут счастливы.

— Кроме него!

— Бойд представляет собой лишь ничтожную проблему,— заверил Пемброк.— Частные детективы приходят и уходят. Когда найдут труп и письмо Луизы, его миссия будет полностью выполнена, и никто не удивится, что его больше не видно в наших краях. Я уверен, что он доставит мисс Апплеби все удовольствия, которые ей захочется иметь в течение недели или двух. Когда его тело будет обнаружено где-нибудь далеко от Санта-Байя, он будет лишь одним из случаев в анналах нераскрытых убийств.

— Вам никогда не заставить Луизу написать такое письмо,— прошептал я в ответ.

— Наша дорогая мисс Апплеби обладает огромными возможностями убеждения,— заверил меня Пемброк.— Карл, проводите мистера Бойда в подвал и посмотрите, как там идут дела. Я хочу по-дружески поговорить с Элоизой, чтобы окончательно выяснить все малейшие подробности нашего общего дела.

— Встать! — проворчал Карл.

Дуло его пистолета больно уперлось мне в затылок.

Я встал и вышел из комнаты, сопровождаемый Карлом. Когда мы подошли к запертой двери подвала, Карл велел мне постучать.

Через некоторое время дверь наконец приоткрылась на сантиметр.

— Кто это? — нетерпеливо спросила мисс Апплеби.

— Карл,— ответил он своим тоненьким голоском.— Со мной Бойд. Мистер Пемброк просил меня сходить посмотреть, на чем вы остановились с миссис д'Авенди.

— Я полагаю, вы можете войти,— ответила она. У нее был очень нервный голос.— Пока я еще ничего не достигла.

Карл толкнул меня дулом пистолета и мы вошли в зал.

Мисс Апплеби в штанишках и бюстгальтере из каучука держала в руке плетку о семи хвостах.

Ее лицо покраснелось, безусловно, от больших усилий, а фиолетовые глаза за очками в черной оправе имели просто дьявольское выражение.

Луиза д'Авенди была подвешена на наручниках в центре металлического треугольника к нам спиной. Ее голова склонилась на сторону, светлые волосы рассыпались по плечам.

Вся ее спина, ягодичы, ноги до колен были, как у зебры, покрыты полосами. Полосы эти имели кошмарный вид и сильно кровоточили.

— Она молчит,— заявила мисс Апплеби.

Ее правая рука внезапно поднялась, хлыст просвистел в воздухе, и его концы упали на спину Луизы.

Ее тело слегка качнулось, но она не издала ни звука.

— Вы понимаете, что я хочу сказать? — продолжала мисс Апплеби. У нее был враждебный тон.— Настоящее ослиное упрямство!

— Она без сознания,— сказал я,— или мертва.

— Не будьте глупцом! — воскликнула мисс Апплеби.— Она притворяется.

— Одну секунду!

Карл внезапно стал беспокоиться.

— Патрон не хотел, чтобы ее забили до смерти.

— Она чувствует себя очень хорошо,— уверила его мисс Апплеби.— Она просто притворяется!

— Вы бы лучше проверили, Карл,— посоветовал я.— Может быть, она мертва!

Он осторожно обошел меня, потом стал пятиться назад к треугольнику, держа пистолет наготове.

— Если она потеряла сознание,— сказала мисс Апплеби,— можете выплеснуть на нее ведро холодной воды.

Карл продолжал пятиться.

Дойдя до треугольника, он дотронулся левой рукой до плеча Луизы, заставив ее немного покачнуться.

На таком близком расстоянии ее полная нагота должна была заставить его затаить дыхание. Именно это и произошло, но только по другой причине.

Ее большие широко раскрытые глаза смотрели на нас, но нас не видели, в них было осуждение, ее язык был так сильно зажат между зубами, что немного крови текло из уголков ее губ и капля за каплей падали на ее левую грудь.

— Она мертва! — воскликнул я.— Вы ее убили!

— Она без сознания,— возразила мисс Апплеби.— Вот и все.

Карл быстро прижал ухо к левой груди, пытаясь услышать биение сердца. На несколько секунд он почти забыл обо мне.

Я вырвал хлыст из рук мисс Апплеби и поднял его высоко над головой. Секундой позже все семь кожаных концов ударили по руке Карла и закрутились на ней.

Я сильно рванул хлыст, и Карл, потеряв равновесие,

сделал несколько судорожных шагов, чтобы удержаться на ногах. Оружие выскользнуло у него из рук.

Я снова рванул хлыст, который отвязался от его руки, и второй раз ударил его по шее и щеке. Он с истошным криком побежал, хватаясь руками за щеки и больше не обращал на меня внимания.

У него было только одно желание — как можно скорее удрать отсюда! Он бросился к открытой двери и помчался по лестнице, не переставая вопить.

Я подобрал пистолет, потом пощупал запястье Луизы и констатировал, что пульса у нее нет.

Мисс Апплеби стояла неподвижно.

Небольшой тик пульсировал в центре ее лба, и ее фиолетовые глаза страшно блестели.

— Она мертва, — сказал я.

— Нет, я причинила ей боль, но этого было недостаточно, чтобы убить ее.

— Вероятно, достаточно, чтобы вызвать сердечный приступ?

— Откуда я могла знать, что у нее большое сердце? Она должна была предупредить меня об этом.

— Она сама этого могла не знать.

Я наставил на нее пистолет.

— Теперь идите.

— Куда?

— Ваш патрон должен знать о случившемся. Вы должны ему сказать это сами.

— Мистеру Пемброку это не понравится, — она закусила нижнюю губу. — Он рассердится на меня. Вы думаете, что он привяжет меня к треугольнику?

Ее глаза неожиданно наполнились слезами.

— Это мне будет безразлично. Заметьте себе это. Если меня будет хлестать мистер Пемброк, то я это заслужила, не так ли?

— Двигайтесь! — прошипел я.

Мы поднялись в библиотеку.

По мере того, как мы приближались, все явственнее слышалось, как продолжал стонать от боли Карл, и голос Пемброка, искаженный страшной яростью.

Я заставил мисс Апплеби остановиться в трех шагах от двери и встал позади нее.

— Пемброк! — закричал я.

— Что?

— Все кончено. Луиза д'Авенди мертва. Я пойду, что-

бы вызвать полицию. Не пытайтесь помешать мне, я вооружен.

— Входите, и я разнесу ваш череп, Бойд! — заорал он.

— Это убийство — ваша большая ошибка, — совсем тихо прошептал я мисс Апплеби.

Она медленно кивнула головой.

— По моему мнению, самое лучшее, что вы теперь можете сделать, это войти и сказать ему, что это был несчастный случай, что у нее случился сердечный приступ.

— Вы думаете, он мне поверит? — прошептала она.

— Может быть, не сразу, но он вам поверит когда-нибудь, потому что это правда.

— Вы совершенно правы. Если я предложу ему похлестать меня на треугольнике, он, может быть, не будет так сердиться.

— Возможно. Стоит попробовать.

Она пошла, а я по-прежнему шел за ней, только на некотором расстоянии.

— Я иду, Пемброк, — закричал я секундой раньше, чем она появилась на пороге.

Последовали два быстрых выстрела, и Пемброк стал орать проклятья и ругательства, увидев, как тело мисс Апплеби повалилось на ковер.

Я всадил ему две пули прямо в грудь и он замолчал, опрокинувшись через письменный стол.

Внезапно наступила полная тишина.

Даже Карл перестал стонать и смотрел на меня испуганными глазами. Элоиза, упав в кресло, потеряла сознание.

Я проверил состояние мисс Апплеби.

Это заняло у меня лишь две секунды. Обе пули Пемброка достигли ее лба и находились в сантиметре друг от друга. Она была мертва — мертвое не бывает.

Я подошел к телефону позвонить капитану Шеллу, понимая, что будет очень трудно объяснить ему все эти убийства, но у меня не было выбора.

Рыжая дала мне виски со льдом, потом снова села на диван, держа свой стакан между сжатыми руками.

— Луиза и Пемброк мертвы, — пробормотала она, — не говоря уже о мисс Апплеби. Значит, это она убила мужа Луизы?

— Элоиза толкнула ее на это.

— Вам было, вероятно, очень трудно объяснить все это полиции?

— Вы говорите о капитане Шелле? — спросил я. Воспоминание об этой беседе заставило меня вздрогнуть. — Всю прошедшую ночь до восьми часов утра он допрашивал меня. Когда я вернулся в отель, то повалился на кровать и проснулся только в пять часов дня.

— А что будет с Элоизой?

— Я не слишком много знаю. Они ее еще допрашивали, когда я уходил. Шелл великодушно дал мне сорок восемь часов для того, чтобы я убрался из Санта-Байя, но не слишком далеко на тот случай, если ему еще раз понадобится допросить меня как свидетеля. Если Элоиза будет молчать, то, по-моему, все будет в порядке.

— Шелл ничего не сможет с ней сделать. Но, конечно, что уж верно, так это то, что он прогонит ее из Санта-Байя. И с борделем будет покончено. Он будет закрыт.

— Что говорит за то, что Элоиза дешево продаст дом, если завещание Луизы войдет в силу, — прошептала Кэрл Деркас. — Наше дело еще может состояться.

— У вас с Брадом?

— У нас недостаточно для этого денег теперь, когда Пемброка не стало.

— Ну что ж, пригласите в дело Грегга Стоупли.

При этой мысли ее лицо оживилось.

— Скажите пожалуйста! Это неглупая мысль!

Я отпил глоток виски.

— Вы предложите мне обед до?..

— Что значит «до»?

— Вы сказали, что мы сможем исполнить такую музыку, ну, просто демоническую... вдвоем. Я даже припас для этого скрипку.

Она громко расхохоталась. Потом в ее глазах появилось выражение сильного беспокойства.

— Да, но, Данни, если Брад появится в середине нашего концерта? Мне абсолютно наплевать на него, но я не хотела бы, чтобы дело с деревенским клубом полетело вверх тормашками.

— Вам совершенно незачем беспокоиться о Масоне, — очень авторитетно заявил я ей. — Не более часа тому назад я разговаривал с ним по телефону.

— И что вы ему сказали?

— Я ему рассказал про то, что произошло, и о том, что флики собираются задержать Элоизу, по крайней мере, на двадцать четыре часа. Итак, я дал ему возможность бесплатно воспользоваться борделем. Все девицы, которых он

только пожелает, будут в его распоряжении, поскольку он еще не знает, что произошло. Он так обрадовался, едва успел повесить трубку.

Она расхохоталась.

— Вы просто гений, Бойд!!

— Итак, как обед?

Она осторожно поставила стакан, потом встала.

Ее свитер и юбка исчезли мгновенно, и она выпрямилась передо мной, совершенно голая.

— К дьяволу обед! — воскликнула она. — Вы можете требовать от меня небольшой завтрак, но... позже!

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Неожиданно весна и теплое солнце растянули в Центральном парке зеленый ковер. По Пятой авеню прогуливались со своими пуделями небесные создания, демонстрируя ножки, одетые в нейлон.

Я отправился к югу, повернул на восток, на Пятьдесят третью улицу, и прошел на Мэдисон. Контора издательства Харлингфорда, занимающего стандартное шестизэтажное здание, находилась на втором этаже и была меблирована в ультрамодернистском духе. Для завершения впечатления от роскошной обстановки посетителей принимала высокомерная блондинка, которая не обратила на меня никакого внимания. С огорчением я подумал, что эта девица в настоящий момент выходит за рамки моих возможностей.

В конце концов она решила все же заметить мое присутствие и вопросительно подняла брови. Я повернулся к ней своим левым профилем, который, по моему мнению, лучше правого, но даже зрелище мужественного человека не смягчило ее.

— Меня зовут Бойд. Данни Бойд, — сказал я. — У меня назначена встреча с мистером Харлингфордом.

— А кого вы представляете? — спросила она с акцентом, который хотела выдать за буфемонтский, и брови ее поднялись еще на миллиметр.

— Я представляю предприятие Бойда, — ответил я. — А вы в этом году что представляете?

Кивком головы она указала мне на ближайшее роскошное кресло из белой кожи.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Бойд. Мисс Сунг через минуту займется вами.

— Может быть, вы меня плохо расслышали, — недовольно проворчал я. — Я не нуждаюсь в мисс Сунг. Мне нужна не дама, а парень, в смысле Харлингфорд. Сделайте

усилие, и сразу вспомните, что я именно это имя назвал с самого начала.

— Мисс Сунг — личная секретарша мистера Харлингфорда, — старательно выговорила она, словно имела дело с самым последним учеником в классе. — Прошу вас, садьтесь, мистер Бойд.

Я устроился в белом кресле, кожа которого затрещала так, будто она не выносила частных детективов. Мне почудилось даже, что кресло проскрипело: «Проклятье! Как низко упала наша контора!» У меня испортилось настроение. Я закрыл глаза и стал считать герлс, лихо работающими длинными ногами на сцене шантана.

— Мистер Бойд, — раздался приятный музыкальный голос. — Мистер Харлингфорд вас сейчас примет.

Я быстро открыл глаза. Передо мной стояла китаянка, из тех, чьи предки родились и выросли в Америке: кожа цвета слоновой кости, высокие скулы и немного раскосые сапфировые глаза. На ее полных губах играла спокойная приветливая улыбка.

— Я — Мария Сунг, личная секретарша мистера Харлингфорда, — добавила она наконец. — Фамилия Сунг вполне естественна, не так ли? А что касается моего имени — Мария, то я получила его от матери-француженки. — Она снова улыбнулась. — Все рано или поздно спрашивают меня об этом.

— Меня зовут Данни Бойд, — начал я, чтобы что-нибудь сказать. — Имя Данни досталось мне от предков-ирландцев, которые всегда и везде слушали звуки волынки, главным образом в кабаках.

Я дал ей возможность полюбоваться моим профилем и справа, и слева, потому что она этого заслужила, и сам осмотрел ее с ног до головы.

— Никогда не подумал бы, что это издательство, — продолжал я. — Может быть, мне следовало бы пролистать сначала какую-нибудь толстую книгу, чтобы не казаться дураком?

— Не стоит беспокоиться по этому поводу, мистер Бойд, — спокойно проговорила она. — Прошу вас, пойдемте, мистер Харлингфорд уже интересовался, не появились ли вы.

— Послушать вас, так можно подумать, что я опоздал на свидание на целый час, — буркнул я.

— Мистер Харлингфорд очень деловой человек, — недовольным тоном возразила она. — Он не любит, когда его заставляют ждать.

— Вот досада с этими мультимиллионерами,— мрачно проговорил я.— У них мания величия. Но некоторые их мании совершенно реальны. Как вы, например.

Личный лифт доставил нас на пятый этаж, и мы оказались в приемной господина генерального директора. Мисс Сунг подвела меня к двери из тикового дерева. Она деликатно постучала, открыла дверь, посторонилась, чтобы пропустить меня, и объявила:

— Мистер Бойд!

Я вошел и дверь за мной тихо затворилась. Комната, в которую я попал, не имела ничего общего с кабинетом. Ее скорее можно было бы назвать библиотекой знаменитого клуба охотников на лис. За рабочим столом, покрытым кожей, сидел тип с широкими плечами и обветренным лицом. Он был одет в костюм, который давал основания думать, что все модные портные Лондона трудились над ним, а цена за него позволила им сразу разделаться со всеми своими долгами.

— Я — Френсис Харлингфорд,— заявил тип. У него оказался внушительный, хорошо поставленный голос.— Садитесь, Бойд.

Я немного полюбовался обивкой кресла, прежде чем рискнул сесть в него.

— Красивая у вас мебель,— сказал я.— Чем она покрыта? Кожей авторов?

У него была приятная улыбка, которая открывала белые зубы, сильно контрастирующие с цветом его загорелого лица.

— Видимо, вас нелегко поразить, Бойд,— заметил он.

— Только некоторые женщины могли сделать это,— серьезно ответил я.— Но зато меня легко удивить, послав записку с приглашением на свидание, приложив к ней чек на две тысячи монет.

— Я подумал, что так будет проще,— сказал он.— Я кое-что узнал о вас за эти дни. Что угодно ради денег, и пусть мораль сама выпутывается, не так ли?

— Надеюсь, этот разговор вы завели не для того, чтобы прощупать меня, гожусь ли я для дела, которое вы мне хотите поручить? — с некоторым вызовом спросил я.— Итак, в чем оно состоит?

Харлингфорд поудобнее устроился в кресле и неспеша закурил сигарету.

— Мы решили издавать новый журнал,— начал он.— Ежемесячный, но не рассчитанный на широкую публику. Скорее, для избранных клиентов, постоянных читателей.

Стараемся, чтобы он был одновременно и разумным, и содержательным, без всяких литературных выкрутасов.

— Разве критики становятся менее дорогими, чем литераторы? — с невинным видом спросил я.

— Материалом служат реальные события, — продолжал он, игнорируя мой вопрос, — представляющие житейский интерес.

— Хотите опубликовать историю моей жизни? — спросил я, полный надежды. — Готовы рискнуть и пойти на неприятности с цензурой?

— Оставьте ваше остроумие для моей администраторши, Бойд, — сухо проговорил он. — Она приветствует людей, способных опуститься до ее уровня.

— Можно затеять с ней разговор, когда дойдешь до ее уровня? — радостно проговорил я, но тонкость моего замечания ускользнула от него.

— У меня есть журналист, специалист в этой сфере, который работал над одной историей в течение шести месяцев, но без всякого результата. И я пришел к вполне определенному выводу: история эта больше подходит следователю, а не писателю.

— Мне? — спросил я.

— Вам. — Он медленно кивнул головой. — У вас, как мне кажется, имеется примитивная грубость и резкость, которые помогут вам преуспеть там, где провалился писатель.

— Я умею также плевать в лицо людям, — сказал я. — Вы считаете, что и это может пригодиться?

— Возможно, — холодно ответил он. — Вы возьметесь за эту работу?

— Если вы потом не заставите меня описывать историю, которую я буду расследовать.

— Я хочу, чтобы вы обнаружили правду, — проворчал он. — Потом я найду писателя, который изложит эту историю. Две тысячи, которые я вам прислал, считайте авансом. Если вы хорошо проведете следствие, я готов дать еще две тысячи.

— А что, если дело займет не одну неделю?

— На ваш страх и риск, — сухо заметил он. — Короче, вы беретесь или...

— Берусь, — быстро проговорил я.

— Существуют некоторые обстоятельства, которые вы обязаны учитывать. Вы ни под каким видом не будете упоминать мое имя или название издательства, в какой бы ситуации не находились.

— Естественно. Даже если в подобной ситуации я обнаружу вашу администраторшу...

— Во-вторых, вы будете посылать свои рапорты прямо мне или моей личной секретарше мисс Сунг. Никто другой в этом деле не должен знать ни того, что вы делаете, ни причин, которые вас к этому побудили.

— Никаких вопросов.

— Очень хорошо.

Он выпрямился в кресле и энергично раздавил окурочек сигареты в пепельнице. Может быть этим он хотел показать, что при нужде расправится со мной так же, как с этим окурком?

— Вы когда-нибудь слышали об Ирен Манделл?

— Это имя вызывает какие-то ассоциации в моей памяти...

— Ею вы и должны заняться,— резко заявил он.— Ирен Манделл была актрисой...

— А! Теперь припоминаю! Она не играла в одной пьесе, которая с большим успехом прошла на Бродвее года два назад?

— Вторая женская роль,— холодно согласился Харлингфорд.— Вещь называлась «Мечта без пробуждения». Один из тех трюков психопатии, где реальна только душа. Вы поняли, что я имею в виду?

— Что-то вроде: «Мой дедушка был каннибалом, поэтому-то я и чувствую себя нормальным?»

Харлингфорд усмехнулся.

— Вы отлично подходите моей администраторше,— пробормотал он.— Я только прошу вас вовремя выставлять ее по утрам, чтобы она не опаздывала в контору.

— Я подумаю об этом,— обещал я.

— Ирен Манделл,— сказал он, возвращаясь к теме нашего разговора,— играла вторую роль в течение почти трех месяцев. Потом она покинула труппу. Из-за нездоровья, как писали в газетах. Ее роль слишком много требовала от нее: она играла женщину, которая мало-помалу, по ходу пьесы теряла рассудок. И это в течение шести вечеров в неделю, при двух утренниках. Об этом прямо не говорилось, но можно было понять, что у нее появилась нервная депрессия и что она нуждалась в длительном отдыхе. Через два дня газеты сообщили, что мисс Манделл тайно отправилась в деревню, но через месяц снова вернется к своей роли.

— И она больше не вернулась?

— Это было два года назад, Бойд. После этого ее никто

не видел. Никто не знает, где она находится, что с ней случилось, жива ли она еще.

— Вот след, который можно назвать скорее охлажденным,— немного озадаченно сказал я.

— Мой писатель разговаривал с людьми, которые ее хорошо знали: товарищи по сцене, друзья, импрессарио, режиссер, бывший любовник, лучшая подруга, и у всех была одна и та же реакция.— Его темные глаза засверкали.— Никто из них не интересовался Ирен Манделл. Им было наплевать на то, что с ней могло случиться, они не хотели этого знать и у них нет ни малейшего желания помочь кому бы то ни было узнать об этом... Как будто она вообще и не существовала!

— Вы полагаете, что я достигну больших результатов, используя метод Бойда, то есть при помощи ласкового тона и ударов по лицу заставлю их заговорить?

— Меня не интересуют методы, которыми вы можете достичь результатов, Бойд,— холодно проговорил он.— Просто получите результат. Дальше: из всей родни у нее осталась только сестра — Ева Манделл. Никто также не знает, где она находится. Думают, что она живет в Нью-Йорке или была там проездом. Я хочу вам сказать, Бойд... У меня есть нюх в отношении репортажей. Я просто чувствую, что есть нечто очень поразительное в этом непонятном исчезновении Ирен Манделл.

— Браво,— сказал я без всякого энтузиазма.

— Разве вы сами не чувствуете, старина? — Голос его задрожал от волнения.— Ирен Манделл была известной актрисой, пусть не звездой, но все-таки актрисой талантливой и человеком у всех на виду. А теперь вот уже два года, как она исчезла, и всем совершенно наплевать на нее! Но если это могло случиться с ней, то может случиться с каждым из нас. Кто станет беспокоиться о мистере Дюпоне или его жене, когда они исчезнут? Вы понимаете? Никто не находится в безопасности!

— Мне нужно будет купить новую дощечку с обозначением моей профессии,— проговорил я.— Моя почти совсем стерлась.

— У мисс Сунг имеется полное досье. Вы можете забрать его.— Его голос внезапно снова стал совершенно нормальным, и я почувствовал себя мужланом.— Как только найдете малейший след, немедленно рапортуйте об этом мне, каким бы ничтожным он вам ни показался. В досье имеются все сведения, которые позволят вам соединиться

со мной днем и ночью. Я рассчитываю, что вы будете постоянно держать меня в курсе дела. Это все, Бойд.

— Спасибо,— сказал я, вставая.— Никаких рукопожатий или пожеланий доброй удачи, прежде чем я отправлюсь в бой?

— Досье у мисс Сунг,— ледяным голосом повторил Харлингфорд.

Я закрыл за собой дверь и направился к столу личной секретарши. Через вырез платья можно было видеть сочный кусок ее ляжки. При моем появлении мисс Сунг оторвалась от бумаг.

— Как прошла беседа, мистер Бойд? — Ее улыбка была очаровательна.

— Отлично,— ответил я.— Он ест вместо бифштекса маленьких детей?

— У мистера Харлингфорда есть манера иногда выказывать себя немного суровым,— доверительно проговорила она.— Но ведь на нем лежит огромная ответственность.

— Этот костюм, который на нем? Прибыль должна быть потрясающей...

— Я приготовила вам досье, мистер Бойд,— оборвала она меня, вкладывая папку в большой конверт.— Здесь все сведения об Ирен Манделл, которые нам удалось получить.

— В том числе и номер вашего телефона?

— Простите?

— Мистер Харлингфорд,— сказал я торжественным тоном,— потребовал, чтобы я общался лишь с ним или с его личной секретаршей. Не только днем, но и ночью. Если, например, он отправится покататься на автомобиле, где я смогу найти вас ночью?

Ее улыбка вызвала у нее ямочки на щеках.

— Понимаю, мистер Бойд. Я напишу вам номер моего телефона.

— Вы хорошо сделаете, если также запишете и мой номер,— сказал я, полный надежды.— Никогда заранее ничего не известно. В один из вечеров вы можете вспомнить какую-то подробность, которую срочно надо будет...

— Это маловероятно, мистер Бойд. Если что-нибудь подобное случится, я сразу же уведомя мистера Харлингфорда и он найдет способ, как с вами связаться.

— Не сомневаюсь. Он из тех людей, которые знают, что доллар — это доллар.

— У него такая тираническая внешность,— заметила она,— но он рычит больше, чем кусает...

— Вы говорите со знанием дела. Он упражняется на вас?

— Если ваше внутреннее «я» чувствует себя униженным этой беседой, мистер Бойд,— холодно проговорила она,— то я прошу вас поговорить с администраторшей, а не со мной.

— Прямо настоящий заговор, чтобы бросить меня в объятия администраторши! — сказал я.— Неужели у меня такой же глупый вид, как у нее?

— Скажем, вы составите идеальную пару, и остановимся на этом,— приветливо заметила она.

— Вы хотите сказать, что «мы» составим идеальную пару? Я на этом настаиваю. Что, если мы вместе пообедаем сегодня?

— Невозможно! — проговорила она.— Вы будете работать. До свидания, мистер Бойд. И не беспокойтесь о вашем профиле, когда будете уходить. Я уже рассмотрела его под разными углами.

2

Он сидел, откинувшись на стуле и положив ноги на письменный стол, с сигарой в углу рта и в шляпе, сдвинутой на затылок.

— ...послушай, моя дорогая,— говорил он в трубку умоляющим голосом, хриплым и царапающим.— Я говорю тебе, что это нехорошо для тебя, это не звучит. Этот, с позволения сказать, продюсер, этот проходимец... Он не хорош для тебя, моя крошечка, и он платит гроши! Так что брось этого прохвоста и предоставь действовать старому Барни. Хорошо? Я буду звонить тебе не позже, чем завтра.

Он повесил трубку и медленным движением нижней части челюсти переместил горящую сигару из одного угла рта в другой, пристально глядя на меня.

— Итак, вы частный детектив? — с неприязнью проворчал он.— Для чего вы пришли сюда? Я работаю над реальными вещами, и меня уже тошнит от сыщиков, которых столько развелось на телевидении.

— У вас такой вид, как будто вы сами выскочили из фильма,— убежденно сказал я.— Урожая тысяча девятьсот двадцать восьмого года. И ваши носки плохо подобраны.

— Ну и что же? — Он энергично пожал плечами.— Вы пришли, чтобы критиковать меня?

— Я ищу одну актрису,— сказал я.— Она...

— Вы — продюсер? Продюсер, который нуждается в актрисе? — резко оборвал он меня. — Или хотите сделать несколько мерзких фотографий своим маленьким отвратительным аппаратом?..

Я схватил его за обе лодыжки, приподнял их над письменным столом и сразу выпустил. Его ноги ударили о пол с такой силой, что он выронил сигару изо рта.

— Я — лишь жалкий частный детектив, который старается заработать себе на жизнь, — терпеливо сказал я. — И, если вы не дадите, наконец, объяснить мне цель своего прихода, я вобью ваши зубы в глотку так далеко, что вам понадобится телескопическая щетка, чтобы чистить их!

— Я вижу, что мы оба цивилизованные люди, — заявил он торжествующим тоном. — Вам нужна актриса?

— Да. Ирен Манделл. Я хочу найти ее.

Он пожал плечами.

— Я тоже хотел бы отыскать Ирен. В течение двух лет ни одного слова, ни одного! Даже ни одной открытки!

Я подумал, что торжественность его тона, видимо, была у него хронической болезнью. У меня не было иного выхода, я располагал лишь двумя тысячами долларов, так что, оценив ситуацию, я вкратце пересказал ему все, что знал о причине ее ухода со сцены.

— Это в самом деле так, — сказал он и мрачно кивнул головой. — Все вечера подряд она должна была «терять педали». В третьем акте она находилась на сцене с начала до конца. А начинала с таких тирад: «Боже мой, как мне плохо!» Она находилась в безостановочном трансе! Даже собаке нельзя пожелать такое.

— Десять против ста, что вас это не беспокоило, а? — спросил я.

— Вы считаете, что я работаю ради удовольствия, да? — Его голос задрожал. — Но у Барни Миккера есть сердце. «Ты сенсационна, — сказал я ей, — действительно сенсационна. Но восемь недель! Сделай перерыв, а потом я найду тебе хорошенькую пьесу, которая даст тебе возможность играть каждый вечер». Но Ирен даже не захотела слушать милого Барни, а потом...

— Вы знаете, куда она поехала?

Миккерс решительно покачал головой.

— Я вам уже сказал. Ни одной почтовой открытки!

— И вы не пытались узнать, что же с ней случилось?

— У меня слишком мало времени, чтобы выращивать цветы, — энергично запротестовал он. — Здесь делают бизнес, и мне трудно было бы зарабатывать себе на жизнь

с этими несчастными десять на сто. Не говоря уже о том, что, по крайней мере, восемь пьес в год не выдерживают больше трех дней. Я имею возможность прохладиться, по вашему мнению?

— Вот то, что можно назвать спорным вопросом,— ответил я.— Кто был близок с ней?

Он сообщил мне имена, которые уже фигурировали в моем списке, потом, немного поколебавшись, добавил:

— Ева Манделл — ее сестра.

— Кто еще? — настаивал я.

— Ее частная жизнь принадлежит ей, это не мое дело. Спросите других, может быть, они что-то знают.

— Я полагаю, что все же заставлю проглотить ваши зубы только ради удовольствия,— угрожающе сказал я.

— Я прошу вас! — Он умоляюще протянул ко мне руки.— Никакого насилия! Они стоили мне двести долларов, а я еще даже не заплатил за них! Была одна девушка, которая помогала Ирен одеваться. Она также служила у нее горничной. Почему бы вам не обратиться к ней?

— Как ее зовут?

— Дайте подумать...— Он постучал пальцами по лбу.— Женни... Женни Шай! Вот, вот, Женни Шай!

— А где я могу ее найти?

— Я не господь Бог! В городе с восемью миллионами жителей, как я могу знать?

Он стал качаться в кресле взад и вперед с видимым нетерпением.

— Вы уже отняли у меня кучу времени и теперь хотите окончательно погубить мой день только потому, что я когда-то был импресарио Ирен Манделл?

— Если вы не знаете, где она, то кто может это знать?

— Может быть, мать? Или я должен знать адрес ее матери? Что вы еще хотите от меня? Написать для вас сценарий?

Я встал и несколько секунд молча смотрел ему в глаза.

— Не надо. Судя по вашей болтовне, вряд ли вы вообще умеете писать.

Я отправился в «Блек Ангус», чтобы позавтракать, потом вернулся в свою контору. Фран Кордан, моя очаровательная секретарша, рыжая, с зелеными глазами, которая ведет за пределами конторы жизнь, в которой я практически не играю никакой роли, подняла на меня слегка заинтересованный взгляд.

— Как прошла беседа? — небрежным тоном спросила она.

— Ему понадобился гениальный сыщик.
— А где вы его найдете?
— Харлингфорд не может предложить никого другого, кроме меня. Его судьба в моих руках.
— С каких пор вы перешли на этот жаргон, врун этакий? — сердито спросила Фран.
— С тех пор, как побеседовал с неким Барни Миккерсом, — ответил я. — Мы должны искать Женни Шау, горничную, моя дорогая.
— Где я должна искать ее? Под нашим письменным столом?
— Попробуйте в контрактах по найму, — предложил я. — Вы помните Ирен Манделл?
— Еще одна горничная?
— Ладно, начинайте с девушки Шау, — устало согласился я. — В этом агентстве, видно, моего профиля недостаточно.

Фран медленно и глубоко вздохнула, что заставило сильно увеличиться переднюю часть ее корсажа.

— Я по-прежнему держу здесь рекорд по окружности груди, — довольно проговорила она, — не забывайте этого.

— Никакой опасности, — сказал я. — Что вы делаете сегодня вечером?

— Небольшое расследование, — заметила она развязным тоном. — С одним шахтером из провинции.

— Шестнадцати лет?

— Шахтер, который добывает ураниум прямо под своим домишком где-то в Канзасе, — сказала она. — Если он разделяет большинство моих вкусов, я, возможно, куплю себе счетчик Гейгера и присоединюсь к нему.

Задумчивая улыбка все еще блуждала по ее губам, когда я прошел в свой кабинет. Усевшись за стол, я разложил на нем досье. Сведения были очень скудными: список из пяти имен, четыре адреса и фотография Ирен Манделл.

Первым в списке стояло имя Барни Миккера, импресарио Ирен.

Вторым шел Жером Вильямс — ее режиссер.

Следующими, с указанием адресов, были ее лучшая подруга Жеан Бертон и лучший друг — Роджер Лоувел. В конце списка, без адреса, фигурировало имя ее сестры, Евы Манделл.

Пять несчастных имен, четыре несчастных адреса и фотография. Это все, что после более чем пятинедельных поисков мог обнаружить опытный журналист. Значит, Хар-

лингфорд что-то от меня скрыл и, если я позвоню и спрошу у него об этом, полагаю, он ответит, что это для моего же блага. «Лучше будет начать с нуля, Бойд. Вы приступите к расследованию без навязанных идей, которые могут вам помешать...» Следовательно, могу сэкономить один телефонный разговор.

Я стал внимательно рассматривать фотографию Ирен Манделл. Это был портрет размером 24×36, на глянцевой бумаге, сделанный профессионалом и ретушированный экспертом. Портрет, безусловно, висел в свое время в фойе театра. С лица были убраны морщинки, а вместе с этим и все характерное для него. Только глаза с фальшивыми ресницами избегали ретуши, в них сохранилось выражение высокомерия. Чем больше я смотрел на них, тем больше эти глаза беспокоили меня. Для девицы, которая играла сумасшедшую, они были совершенно естественными.

Я положил фотографию обратно в досье и снова прочитал список имен. Харлингфорд сделал из меня коммивояжера, обязанного посетить нескольких клиентов. Я, возможно, должен буду обзавестись щетками и швабрами для следующих клиентов. За Барни Миккерсом следует режиссер Жером Вильямс, ему, может быть, нужен подметальщик. В конце концов, кто-то ведь должен подметать театр после представлений, не так ли?

Театр находился недалеко от Бродвея. Четыре человека на сцене, трое мужчин и женщина, репетировали какую-то вещь, держа в руках рукописи. Один из них, судя по манере поведения, был режиссер.

Я проскользнул в первый ряд и устроился рядом с каким-то молодым человеком. Он смотрел на сцену с озабоченным выражением на лице, выставив вперед огромные очки в черепаховой оправе. У него было такое хрупкое телосложение, что было удивительно, как ему позволяют выходить на улицу при сильном ветре.

— Жером Вильямс там? — спросил я у него, кивнув на сцену.

— Тише! — прошипел он и толстые стекла очков бросили на меня световой блик. — Ради Бога, тише! Кто вам нужен?

— Мне нужен Жером Вильямс!

— Да, это мистер Вильямс! — прошептал голосом убийцы молодой человек. — Теперь можете замолчать? Прошу вас!

Я снова посмотрел на сцену, приглядываясь к участникам репетиции.

— Кто эта актриса с потрясающей грудью?

Молодой человек неожиданно выпрямился и с оскорбленным видом посмотрел на меня.

— Это моя сестра,— с трудом проговорил он.

— Вам совершенно нечего извиняться,— решил я его утешить.— Вы должны гордиться тем, что у вас такая сестра. Как ее зовут?

— Жеан Бертон. Если вы сделаете еще хоть одно замечание, я выброшу вас из театра.

— Вы можете изображать из себя грубияна, потому что знаете, что гораздо слабее меня,— обвинительным тоном сказал я.— Они долго будут там болтать?

Из его горла в течение нескольких секунд неслись какие-то свистящие звуки, потом к нему снова вернулся дар речи.

— Кто вы такой, Боже мой? — спросил он с отчаянием в голосе.— И как вам удалось проскочить мимо привратника?

— Меня зовут Данни Бойд,— вежливо ответил я,— и мне это стоило пять долларов.

— Чего вы хотите?

— Поговорить с Вильямсом. И с вашей сестрой.

— Оставьте-ка мою сестру в покое!

— Какого черта вы изображаете из себя отца семейства? — пролаял я.— Разговор пойдет исключительно о деле.

— Что, занимаетесь поставками белого товара?

— Нет, ставим специальный спектакль. Нам не хватает живого скелета, а вы прекрасно подошли бы. Пятьдесят монет в неделю, и вы сможете купить все, что захотите. Ну, как?

Диалог на сцене внезапно прекратился, и наступившее молчание заставило меня поднять глаза. Вильямс уничтожающе смотрел на нас.

— Если мы помешали вашей частной беседе,— холодно проговорил он,— то прошу извинить.

Маленький блондин вскочил на ноги.

— Я очень огорчен, мистер Вильямс, но этот бесноватый... Он сказал, что его зовут Бойд и что он пришел повидать вас. Я пытался заставить его замолчать, но это ведь невозможно!

Вильямс подарил мне ледяной взгляд.

— Что вы хотите?

— Небольшой разговор... Но я не тороплюсь, подожду, пока вы кончите.

— Проклятье! — устало проговорил он. — Во всяком случае, репетиция сорвана. — Он бросил взгляд на актеров. — Отдохните четверть часа, дети мои, пока я отделаюсь от этого страхового агента.

Вильямс спустился со сцены и подошел к нам. Это был рослый парень, отличного сложения, хотя, на мой взгляд, ему не мешало бы скинуть с десятков килограммов. Чувствовалось, что он умеет держать себя в руках. Такой выдержкой обычно отличаются актеры и проходимцы, когда они хотят произвести впечатление.

— Исчезайте! — повелительно бросил он дрожавшему блондинчику. — В контракте Жеан нет пункта, в котором говорится, что я должен терпеть присутствие ее брата.

Бертон что-то проскулил и, согнувшись, как радиоантенна под ураганным ветром, засеменил к выходу.

— Вы только его не перевариваете или всех подряд? — с интересом спросил я Вильямса.

— Он относится к той категории людей, которых я не переношу. Да и вы не лучше, — проворчал он. — Предупреждаю, Бойд, если вы попытаетесь всучить мне какой-нибудь товар, я разделаюсь с вами по-своему.

Я стал объяснять ему свою миссию, но Вильямс принял страшно скучающий вид раньше, чем я кончил.

— Ирен Манделл? — нетерпеливо проговорил он. — Она, возможно, находится в доме отдыха или в могиле, кто знает?

— Я думал, что вы можете знать это, потому-то и задал такой вопрос.

— Два года вдали от Бродвея — это целая вечность для таких, как она, актрис, — пояснил он немного поучительным тоном. — Ирен Манделл умерла для театра.

— Вы в самом деле не представляете, где бы я смог найти ее труп?

— Нет, сожалею. — Его тон был категоричным. — Продолжая этот разговор, вы теряете время, Бойд. Да и у меня отняли немало времени.

— Во всяком случае, я очень доволен тем, что увидел, как вы репетируете, — вежливо сказал я. — Уже давно так не веселился.

— Это неотрагическая пьеса, — прошипел он.

— Примерно так я и думал, — согласился я, — но никак не мог найти подходящего слова.

Он презрительно отвернулся и поднялся на сцену. Ре-

шив встретиться с Жеан Бертон после репетиции, я направился к выходу.

В крохотном фойе меня поджидал тот самый хрупкий парнишка. Несмотря на слабый свет в помещении, я увидел, что у него светло-голубые, почти водянистые глаза, в глубине которых затаилась злость, смешанная со страхом.

— Я хотел сказать вам несколько слов, мистер Бойд, — торопливо начал он. — Я слышал весь ваш разговор с мистером Вильямсом...

— Он вас не очень любит, а?

— Вы же слышали, как он оскорбил меня! Да еще перед посторонним человеком! — Его губы искривились. — Подонок! Я вынужден быть его помощником, а он обращается со мной хуже, чем с механиком! За тех, по крайней мере, заступает профсоюз.

— Жизнь не всех балует, — ответил я. — Если вы задержали меня, чтобы поплакаться...

— Подождите! — Его костлявая рука схватила меня с неожиданной силой и пальцы больно впились мне в кожу. — Это важно, мистер Бойд! Я слышал, как вы сказали мистеру Вильямсу, что разыскиваете Ирен Манделл. Моя сестра очень любила ее.

— И что же?

— Почему бы вам не повидать ее сегодня вечером? Она будет рада помочь. Приходите к ней в восемь часов, я устрою так, чтобы она была дома.

— Очень хорошо, — сказал я. — А вы сами знали Ирен?

— Я видел ее всего два раза, — ответил он с некоторым сожалением в голосе.

— А ее горничную, Женни Шау?

— Очень смутно.

— Как вы думаете, где она может сейчас находиться?

— К сожалению, не имею представления.

Он сообщил мне адрес сестры, который у меня уже был, но я не сказал ему об этом, не желая огорчать.

— Благодарю вас за помощь, Бертон.

— Меня зовут Ян, — покраснев, сказал он. — Это было для меня удовольствием, мистер Бойд. Если я смогу еще чем-нибудь быть вам полезным, сообщите мне.

— Вы считаете нужным помогать всем или только частным детективам?

— Знаете, мне кажется, что Вильямс не жаждет того,

чтобы нашлась Ирен Манделл. Может быть, у него для этого есть причины.

— Какие, например?

— Я не могу этого сказать.— Он пожал плечами.— Но надеюсь, что вы их обнаружите.

3

Роджер Лоувел, дружок Ирен, фигурировавший в моем списке под номером четвертым, проживал на Пятой авеню, в секторе Двадцать девятой улицы. День еще не кончился, и я решил поехать к нему, надеясь застать его дома.

Дверь мне открыла горничная, одетая в униформу в стиле Голливуда, включая и воздушный передничек. Но когда она заговорила, то стала мало похожа на субретку. У нее был чисто американский акцент.

— Мистер Лоувел дома? — спросил я.

— Да, сэр.

Горничная вежливо улыбнулась, показав красивые зубы. Не кинозвезда, но достаточно соблазнительна, чтобы заставить Лоувела регулярно общаться со своей прислугой.

— От кого вы пришли? Как мне передать?

— Меня зовут Бойд,— ответил я,— но он меня не знает.

— Пожалуйста, подождите минуточку, мистер Бойд.— И с той же вежливой улыбкой она закрыла дверь перед моим носом.

Закурив сигарету, я размышлял о том, как лучше поступить: позвонить снова, выбить дверь или дожждаться ответа. Но вот отворилась дверь, и проблема была решена.

— Мистер Бойд, мистер Лоувел сейчас вас примет. Входите, пожалуйста.

Она провела меня через квадратный холл, открыла дверь в гостиную и звучно возвестила: — Мистер Бойд!

Лоувел оказался высоким широкоплечим мужчиной, а его костюм почти не уступал костюму Харлингфорда. Он стоял у окна спиной ко мне.

— Вы частный детектив, который разыскивает Ирен Манделл? — наконец спросил он сухим и резким голосом, по-прежнему глядя в окно.

— Да,— ответил я.

— Вряд ли я могу быть вам полезен. Я не видел ее в течение двух лет и не имею желания видеть. Она принадлежит тому периоду моей жизни, который я давно похоронил.

— Мой клиент придерживается другого мнения,— возразил я.— Я должен найти ее для него, а не для вас.

— Мне казалось, что вы должны быть умным человеком,— холодно проговорил он.— По-моему, я выразился достаточно ясно.

— Почему бы вам не проверить свою догадку, подарив мне свой взгляд? — спросил я таким же холодным тоном.— Умный вид сразу бросается в глаза, не так ли?

Он тихонько засмеялся, потом медленно повернулся ко мне.

— Вы не представляете, Бойд, как я хотел бы сделать это!

Решительным жестом Лоувел сорвал черные очки, и я увидел у него на месте глаз белые пятна.

— Мне очень неприятно,— с чувством сказал я.

— Не стоит того.— Он быстро надел очки.— Самое неприятное для слепого человека — это когда другие ничего не замечают. Я не буду помогать вам. Вы зря теряете время.

— Кто вам сказал, что я ищу ее?

— Вы задаете вопросы узкому кругу лиц, знавших Ирен достаточно близко,— торопливо пояснил он.— У них нет тайн друг от друга.

— Где может быть ее сестра?

— Не знаю. Два года назад я собирался жениться на Ирен, но она меня бросила, даже не сказав «прощай». Эта неприятная страница в моей жизни уже закрыта, и у меня нет ни малейшего желания ее снова открывать. Я полагаю, что вы сами сможете найти выход.

Я негромко пропел, переделав слова известной песни:

«Вот слепой за своими ставнями,

Он поет блюз своей Ирен...»

Его лицо окаменело.

— Я не могу вас выбросить наружу, к сожалению, но я могу отказаться разговаривать с вами, Бойд. Если вы будете докучать мне, я попрошу горничную вызвать полицию.

— Я не из тех людей, которые чувствительны к атмосфере,— сказал я.— Хорошо, я уйду. Но мне интересно, почему все так стараются не вспоминать про эту девочку Манделл? Что заставило всех забыть про нее? Дурной запах изо рта или что?

— Я буду медленно считать до пяти,— спокойно проговорил Лоувел,— и если вы еще будете здесь...

— Только не сбейтесь со счета! — зло бросил я с порога.

Субретка ожидала меня посредине просторного холла. Мне показалось, что ее что-то беспокоит, и я решил, что ничего не потеряю, если проверю некоторое предположение, которое внезапно пришло мне в голову.

— Тот прием, который вы мне оказали, и церемония препровождения меня к хозяину, — тихим голосом сказал я, когда оказался рядом с ней, — были прекрасно сыграны, слишком хорошо для простой горничной. Держу пари, что у вас имеется большой жизненный опыт, Женни, правда?

— Он вам сказал, что я Женни Шау? — прошептала она, указав на закрытую дверь.

— Я сам догадался, — честно признался я. — Все, что нужно для моей работы, — это гениальность!

— Он вам сказал что-нибудь относительно Ирен?

— Ничего. Он с кожей отрывает свои слова. В книге его жизни Ирен Манделл — забытая глава. Когда он ослеп?

Она немного поколебалась, затем решительно тряхнула головой:

— Я вам расскажу про Ирен, мистер Бойд, но не сейчас и не здесь.

— Превосходно! Когда мы сможем увидеться?

— Я сегодня вечером свободна, начиная с половины восьмого, и могу с вами где-нибудь встретиться.

Я вспомнил, что в восемь часов меня будет ждать Жеан Бертон.

— Я должен кое-кого повидать сегодня вечером, — ответил я, — но думаю, что это не займет много времени. В десять часов для вас будет удобно?

— Как хотите. Где я вас увижу?

— У меня. — Я заметил в ее взгляде внезапное недоверие. — Все будет хорошо, и, если я немного запоздаю, дождитесь меня.

— В компании с вашей женой? — спросила она и насмешливая улыбка озарила ее лицо.

— Совсем одна. У меня замечательный вид на парк. — Я сообщил ей адрес и, вынув из кармана ключ от квартиры, сунул ей в руку. — Согласны?

— Согласна, — сказала она. — Теперь вам лучше уйти. У него всегда уши настороже. Уж очень он хитер.

Ее рука внезапно замерла в двадцати сантиметрах от ручки двери. В замке повернулся ключ, дверь отворилась, и в прихожую вошла блондинка, одетая в белый шерстяной

костюм. В руке она держала живую норку, которую, видимо, прогуливала вместо пуделя. Но в остальном это была типичная красотка с Пятой авеню. Было бы забавно бросить ее в пруд и посмотреть, какой она выйдет из него.

— Простите, миссис Лоувел, — дрожащим голосом проговорила Женни Шау, — когда мистер Бойд уходил...

— Да? — Блондинка слегка приподняла брови. По выражению ее холодных голубых глаз я понял, что она сразу определила мой социальный статус. — По-моему, мы с вами незнакомы, мистер Бойд? Меня зовут Лорен Лоувел.

— Данни Бойд, — сказал я, — но бесполезно знакомиться со мной. Меня только что вычеркнул из своей памяти ваш муж.

— Вот как? Мне кажется, это немного слишком даже для моего мужа. — Она улыбнулась. — Вы, вероятно, что-нибудь продаете?

— Хуже, покупаю вещи ради небольшого дела. Очень рад, что мне удалось вас увидеть. У меня всегда была слабость к прирученным норкам.

Я направился было к двери, но молодая женщина не тронулась с места. Я остановился в десяти сантиметрах от нее. Если бы мы одновременно глубоко вздохнули, то могли бы, безусловно, коснуться друг друга. — Женни! — сказала она, не отводя от меня глаз. — У вас что-то пригорает.

— Да, миссис Лоувел, — пробормотала горничная и убежала в том направлении, где, как я догадывался, находилась кухня.

Лорен Лоувел продолжала молча рассматривать меня. Дыхание у нее немного участилось, что могло быть следствием влияния моего профиля, но ее холодный оценивающий взгляд вернул меня к действительности.

— Мужественный мистер Бойд, — тихо проговорила она. — Держу пари, что вы не такой ручной, как моя норка. — Вы хотите позабавиться?

Я насмешливо посмотрел на нее:

— Хотите позабавиться со мной прямо в холле?

Она отошла немного в сторону и я слегка задел ее, когда открывал дверь.

— Я позвоню вам, — сказала она невозмутимо в тот момент, когда я переступил через порог. — Ваш телефон в справочнике?

— Могу сообщить вам свой обычный тариф, если захотите, — вежливо произнес я.

— Через тридцать минут, мой милый, вы попросите

пошады,— безразличным тоном сказала она. Ее точеные пальцы ласково гладили норку.— Вы будете приручены за очень короткий срок, Данни Бойд, в мгновение ока!

Закрывая дверь, я услышал, как она засмеялась.

Около пяти часов я вернулся в контору. Фран Кордан собиралась уходить со счетчиком Гейгера, уже нацеленным на дружка из Канзаса.

— Мне не повезло с Женни Шау,— сказала она,— но я могу порекомендовать добрую югославку, если вам будет угодно. Она не говорит ни слова по-английски, но за три сотни долларов в месяц это просто находка, как мне сказали в агентстве.

— Я уже нашел ее,— сказал я небрежно.— Вот что значит гениальность.

— В какой тюрьме? — с любопытством спросила Фран.— Вооруженный грабеж?

— Ничего существенного не случилось? За время моего отсутствия? — спросил я, особенно не надеясь на это.— Вашингтон случайно не натравил на меня ФБР?

— Звонила мисс Сунг.— Фран достала из сумочки губную помаду и стала наводить красоту.— Просила вас связаться с ней как можно скорее. Но, если судить по ее голосу, ничего серьезного.

— Она как раз тот тип личной секретарши, который я надеялся найти в вас,— сказал я.— Когда вы решитесь прийти в контору в достаточно длинном платье?

— Когда вы придете в камзоле, мой милый Данни,— с твердостью ответила она.— Насколько мне помнится, мы с вами договорились, что между нами будут только служебные отношения!

— Совершенно согласен,— с чувством ответил я.— Если вы начнете приходить на работу в платье без застежек, я буду в восторге...

— Всего доброго, мистер Бойд,— прервала меня Фран.— Если вас убьют до завтрашнего утра, мне надо присылать цветы?

— Проследите только, чтобы могила была достаточно велика,— ответил я,— чтобы все девочки, которые придут проливать слезы на самый красивый профиль в Манхэттене, имели бы достаточно места.

Но я говорил впустую: Фран уже ушла.

Я прошел в кабинет, устроился в кресле и набрал номер телефона издательства Харлингфорда. Через пятнадцать секунд послышался ясный и мелодичный голос Марии Сунг.

— Спасибо, что позвонили, мистер Бойд,— сказала она.— Мистер Харлингфорд хочет узнать о результатах вашей работы за сегодняшний день.

Я подробно отчитался.

— Вы не потеряли зря день, мистер Бойд,— приветливо проговорила она.— Уверена, что мистер Харлингфорд будет в восторге.

— По вашему мнению, у меня есть шанс получить его журнал бесплатно? — с тревогой спросил я.

— Какое прекрасное чувство юмора, мистер Бойд! — воскликнула она.— Если узнаете что-либо важное сегодня, звоните в любое время, не стесняйтесь.

— Вы тоже звоните,— сказал я,— даже если в этом не будет необходимости. Для вас я всегда буду свободен, моя прелесть. Мой номер телефона...

— Это очень мило с вашей стороны, мистер Бойд,— оборвала она меня строгим голосом.— Поверьте, я вам очень благодарна.

Она повесила трубку. Я сделал то же самое, и тут услышал тихий кашель. Подняв глаза, я увидел на пороге комнаты какого-то типа.

Настоящая постная рожа. Высокий, худой, с покатыми плечами и морщинистым лицом. Густая шевелюра, преждевременно поседевшая и зачесанная назад, придавала ему доброжелательный вид, который не соответствовал его тусклым и мрачным глазам.

— Резиновые подошвы? — спросил я.— Или вы вошли на руках?

— Это вы — Бойд?

Его голос был таким же безжизненным, как и глаза.

— Если вы умеете читать, выйдите и прочтите, что написано на двери.

Он сделал несколько шагов — у него была небрежная походка — и осмотрелся.

— У вас приятная обстановка,— сказал он.— Дела, вероятно, идут неплохо, а?

— Кто вы такой? Агент по налогам?

— Меня зовут Карч,— медленно произнес он.— Это вам что-нибудь говорит?

— Не думаю.— Я пренебрежительно оглядел его.— Судя по внешнему виду, вы должны были умереть задолго до моего рождения.

— Очень смешно.— Он с неприязнью пожал плечами.— Может быть, слышали о Лу Кестлере?

— Кестлера знаю. Он контролирует половину рэкета в этой местности или даже две трети.

— Вот это разговор,— оживился Карч.— А я его правая рука, рука правосудия... Вот так!

Он выхватил из кармана револьвер с коротким, в восемь сантиметров, дулом. Застыв неподвижно в кресле, я подумал, что если он нажмет на спуск, то пуля проделает в моем черепе настоящий тоннель на таком расстоянии.

— Итак,— продолжал Карч,— я — правая рука Лу Кестлера, и когда Лу нуждается в том, чтобы прострелить мишень, то этим занимаюсь я.

— Ты ошибся мишенью, дружок,— хрипло запротестовал я,— у меня не было случая познакомиться с Кестлером.

— Лу никогда не забывает своих друзей. Его попросил об этом приятель, который оказал ему как-то одну услугу. А Лу аккуратно платит долги. Он просто спросил: «Кто?», и приятель ответил «Бойд!» Теперь дошло?

— Кто же этот друг, который хочет ликвидировать меня на сорок лет раньше моего последнего часа? — с грустью спросил я.

— Я же говорил конфиденциально,— ответил Карч недовольно.— Ты что, лишен морали?

Его рука внезапно нырнула в карман, и револьвер исчез.

— Не нервничай! — У него стал почти материнский голос.— Приятель Лу не такой уж жестокий. Пообещай, что удовлетворишь его просьбу — отказаться от работы, и все будет о'кей.

— Работы?

— Ты ищешь Ирен Манделл? — спросил он.— Брось, Бойд! Хочешь неприятностей? Зачем тебе тратиться на похороны? Ты забудешь про Манделл, приятель, Лу забудет про тебя.

— Как и мой клиент,— сказал я.— Правда, он не забудет двух тысяч долларов, которые дал мне вперед.

Карч сунул руку в нагрудный карман, вытащил оттуда конверт и швырнул на стол.

— Это причиняет мне боль,— жалобно проговорил он.— Я, Манни Карч, имеющий девять судимостей, играю роль рождественского деда с длинной белой бородой.

Я осторожно вскрыл конверт. Внутри лежали две тысячедолларовых банкноты.

— Ты слышишь, как звонят рождественские колокола? — Он загоготал.— Приятель Лу — парень с характе-

ром. Считай, что ты закончил работу и получил за нее деньги. Согласен?

— Согласен,— кивнул я.

— Я так и знал, что ты окажешься умником.— Карч почти с умилением смотрел на меня.— Если тебе когда-нибудь понадобятся мои услуги, не стесняйся. Сделаю в лучшем виде!

— Бесплатно? — озабоченно спросил я.

— Все будет отлично! — Он ухмыльнулся.— Я дорого стою, но всегда делаю хорошую работу, можешь спросить у Лу.

Развинченной походкой Карч направился к двери, но на выходе задержался и повернулся ко мне.

— Теперь мы друзья, не так ли? — У него снова был мрачный вид.— Все сделано полюбовно. Прости, что я это говорю, я знаю, ты не подводишь друзей, но на всякий случай... Вторая такая встреча уже не будет приятным разговором с двумя тысячами впридачу.

Он ушел, а я еще долго сидел в кресле, стараясь привести свои мысли и чувства в порядок. Нечто подобное я ожидал, но не так быстро. Итак, неизвестный благожелатель передал мне через человека Кестлера ровно столько же, сколько я получил от Харлингфорда. И это больше всего меня сейчас смущало.

4

Жеан Бертон, видимо, давно ожидавшая меня, открыла дверь после первого же звонка. Вблизи она была еще более привлекательна. На ней была надета кофточка из черного легкого шелка поверх шелковых вышитых брюк. Ее потрясающие груди так откровенно выделялись, что бросали в жар даже такого закаленного мужчину, как я.

Рыжие волосы были приподняты двумя прядями, которые потом вились вокруг ее лица. Ореховые глаза были быстрыми и живыми, а губы подвижными и красивыми. Настоящий динамитный заряд высотой в метр шестьдесят пять, но так хорошо сложенный, что не производил впечатления мощности.

— Вы — Данни Бойд? — спросила она теплым голосом.

— Это так,— ответил я, принимая умный вид.— А вы Жеан Бертон?

— Мой брат говорил мне о вас,— продолжала она.— Вы гораздо лучше выглядите, чем я представляла по

описанию Яна. О, я вижу, мне следовало закрыть зеркало к вашему приходу, тогда бы вы время от времени удостаивали бы меня взглядом,— иронически добавила она.

— Я рассматриваю свой профиль лица один раз в день,— возразил я,— чтобы посмотреть, нет ли у меня морщин. И, если я хоть на секунду перестану смотреть на вас, вызовите врача, чтобы он сделал мне укол гормона.

— Мне кажется, что вы мне очень понравитесь, когда я узнаю вас получше, Данни,— задумчиво проговорила она.— После второго стакана, например...

Я прошел за ней в гостиную, мебель которой... Впрочем, она могла входить в квартирную плату.

— Сначала угощу вас стаканчиком,— сказала она.— Я обычно пью сухой бурбон со льдом. А вы?

— Подойдет,— ответил я, осматриваясь.— На этом диване можно сидеть?

— На нем можно делать все, что угодно,— непринужденно ответила она.— Один режиссер продал мне его по дешевке. Он считал, что его вид слишком часто напоминал ему о собственной физиономии.

Я опустился на диван под возмущенный треск пружин. Жан принесла напитки и устроилась рядом, прижав ко мне одетое в шелк бедро.

— Яна нет? — спросил я.

— Вы шутите? — Она еще крепче прижала бедро.— Разве я нуждаюсь в помощи брата, принимая у себя частного детектива во плоти?

— Я подумал, что мне придется терроризировать его, как это делает Вильямс, и счастлив, что мы придерживаемся одного мнения, Жан. Это облегчает предстоящую работу.

— Не обольщайтесь, мой милый,— с легкой иронией сказала она,— и оставьте в покое этого подонка, Жерома Вильямса.

— Что он имеет против Яна?

— В том-то и дело, что ничего,— с горечью ответила она.— Такая уж у него манера — унижать подчиненных. Ладно, оставим это. Значит, вы пытаетесь разыскать Ирен?

— Безуспешно. Все молчат про нее, как сговорились. Можно подумать, что она была носительницей бацилл какой-то опасной болезни.

— В каком-то смысле так оно и было,— неожиданно заявила Жан.— Я была ее близкой подругой, но никогда не понимала ее. Она была очень странная, даже немного извращенная, но не в обычном смысле этого слова.

— Может быть, она была слишком впечатлительна, и та роль, которую ей приходилось исполнять на сцене...

— «Мечта без пробуждения»,— прошептала Жеан.— Мне всегда казалось, что такое название просто создано для Ирен. Я понимаю, что это звучит глупо, но в самом деле мне было очень трудно понять ее. Ее личные проблемы становились все более сложными, а она каждый вечер должна была изображать сумасшествие на сцене. Ирен была замечательной актрисой, но эта роль изматывала ее. По-моему, все так смешалось в ее мозгу, что в один прекрасный день она не смогла уже отличить свою роль от действительности. Она достигла такого совершенства в игре, что мечта о смерти стала ее собственной мечтой.

— Хорошо, она стала психопаткой,— нетерпеливо сказал я.— Что же произошло потом?

— Не знаю, Данни.— Жеан беспомощно пожала плечами.— Поверьте, я очень хотела бы это знать. Она нуждалась в отдыхе и отправилась в такое место, где ее никто не знал. Она даже мне не говорила никогда, куда собиралась поехать. Просто уехала, и я ее больше не видела.

— Припомните, пожалуйста, какие-нибудь подробности из ее личной жизни.

— Я знаю, что она общалась с Роджером Лоувелом и Жеромом Вильямсом. У обоих такой сволочный характер, что они могли довести до иступления кого угодно. Были еще двое. Ирен никогда не называла их имен и всегда говорила о них с таинственным видом. Правда, один раз она сказала мне, что если бы я узнала, кто они такие, то упала бы в обморок. Тогда я не обращала внимания на ее слова, знаете, многие девушки любят придумывать всякие небылицы. Но вот, когда она исчезла, я подумала, что эти люди существовали на самом деле.

— Почему?

— Все как-то странно восприняли ее уход. Вильямс не хотел даже говорить о ней и вел себя так, будто ее никогда не существовало. А мне на мои расспросы посоветовал поскорее забыть о ней, если я не хочу иметь больших неприятностей. Барни Миккерс сказал мне примерно то же самое. Оба вели себя так, будто чего-то боялись. Я не знаю, чего.

— А Лоувел?

— У Роджера была старая симпатия к Ирен,— с легкой улыбкой сказала Жеан.— Он был на самом деле очаровательным, пока не стал слепым. Мне кажется, что его ни в чем нельзя винить, особенно после того, что с ним

произошло. Роджер устроил дьявольский шум после исчезновения Ирен. Я разговаривала с ним месяц спустя. Он был уверен, что Миккерс и Вильямс знают что-то, если судить по той манере, с какой они отмалчиваются. Он пригрозил, что, если они будут и дальше молчать, то он обратится в полицию, наймет частных детективов, и поднимет такой шум в газетах, что все займутся ее розысками. В то время Роджер был парнем, способным выполнить свои угрозы.

— Почему же он отказался от этого?

Жеан с явным недоумением уставилась на меня.

— Разве вы ничего не знаете?

— Ах, правда,— сказал я.— Он болен.

— Но вы знаете, как это случилось? Все газеты писали об этом.

— Вероятно, я был в отъезде. Я работал в агентстве Крюгера и много разъезжал.

— Это произошло спустя три дня после нашего с ним разговора,— сказала Жеан с легкой дрожью.— Он вернулся к себе около трех часов ночи, вышел из машины и направился к входной двери. Было темно, и в этот момент кто-то брызнул кислотой ему в лицо.

Мои волосы встали дыбом.

— Сегодня днем я не заметил на его лице никаких шрамов.

— Он провел шесть месяцев в больнице,— беззвучным голосом проговорила она.— С помощью пересадки кожи удалось восстановить его лицо, но он остался слепым.

— Полиция нашла того, кто это сделал?

— Нет.— Она покачала головой.— Они ничего не смогли вытянуть из Роджера. Он утверждал, что нападающий принял его за другого, и ни словом не упомянул Ирен, лишив полицию отправной точки, от которой она смогла бы начать поиски преступника, не так ли?

— Вы полагаете, что вся эта история связана с исчезновением Ирен?

— Я уверена в этом, Данни,— твердо ответила она.

— И у вас есть какие-нибудь доказательства?

— Два дня спустя после этого случая, вернувшись из театра, я застала в квартире какого-то человека, который ждал меня. Я так и не поняла, как он проник сюда. Жуткий тип! — Она вздохнула.— Я в своей жизни никогда так не пугалась. У него был вид мумии.

— Высокий и сутулый? — спросил я.— Белые волосы, а лицо, как сортировочная станция?

— Откуда вы знаете? — Она круглыми глазами посмотрела не меня. — Это был он.

— Чего же он хотел?

— О, сушие пустяки: забыть об Ирен Манделл, в противном случае со мной случится то же, что и с Лоувелом. Я была парализована от страха и стояла, не шевелясь, слушая его ужасный голос! А его улыбка была еще ужаснее. — Дрожь потрясла Жеан. — Так могла улыбаться только смерть!

— Вам необходимо немного выпить, моя радость, — сказал я.

Подойдя к столу, где стояла бутылка с бурбоном, я налил новую порцию и вернулся к дивану.

— Спасибо, — сказала Жеан со слабой улыбкой, принимая стакан. — Данни, вы его знаете?

— Как-то видел однажды, — уклончиво ответил я. — Профессиональный убийца!

— А что, если он снова придет, если узнает о нашем разговоре? — испуганно спросила Жеан. — Хотя прошло уже столько времени... Что вы молчите, Данни, скажите, может такое случиться?

— Разумеется, нет. — Я успокаивающе похлопал ее по бедру. — У нее была горничная, Женни Шау. Вы не знаете, куда она делась после отъезда хозяйки?

— Не знаю. Вероятно, нашла другое место.

— Вы когда-нибудь встречались с ее сестрой Евой?

— Нет, — решительно ответила она. — Ирен часто говорила о ней, но я ее никогда не видела. Она однажды приходила в театр на спектакль, потом они обе ушли в какой-то клуб. В тот вечер я как раз болела, и мне не пришлось ее увидеть. Но мужчины говорили после мне, что она была прелестна. Одна из тех обольстительных брюнеток с горящими глазами и пятнами веснушек на каждой щеке. Совсем не похожа на Ирен.

— Ирен была натуральной блондинкой?

— Да, конечно.

Я опорожнил свой стакан и мрачно посмотрел на него.

— Похоже, меня окончательно убедят в том, что я гоняюсь за призраком, а Ирен Манделл моя собственная выдумка. Как, впрочем, и ее сестрица.

— Ирен существовала на самом деле, — напряженным голосом произнесла Жеан, — как и кислота, которая сделала Лоувела слепым.

И тут она зарыдала, уронив стакан на ковер. Я быстро

поставил свой стакан на пол и ласково притянул Жеан к себе.

— Спокойнее,— проговорил я.— Вы не можете изменить того, что случилось, моя милая.

Она не стала сопротивляться, и я почувствовал, как ее крепкая грудь прижалась к моей груди. Когда она подняла лицо, мокрое от слез, наши губы встретились. Существует техника Бойда для подобных операций. Космический взрыв. Это операция в трех действиях, с неожиданным результатом. Когда достигается третья стадия, девочка выведена на орбиту точно около вас. Результат гарантирован. Но на этот раз техника не сработала. Дойдя до третьей степени, я был уже совсем готов тоже поместиться на орбиту, но Жеан оставалась пассивной и даже не смотрела в мою сторону. Я с сожалением разжал объятия. Она выпрямилась и вытерла глаза краем кружев, которые скрывала в укромном месте.

— Простите, Динни,— сказала она тихо.— Весь этот разговор об Ирен... Я больше не могу...

— Не надо волноваться,— сказал я с фальшивой бодростью в голосе.— Надеюсь, ничего страшного с ней не случилось.

— Хотите еще выпить? — спросила она, заметно успокаиваясь.

— С удовольствием, но меня ждут,— ответил я, вставая с дивана.— Спасибо, Жеан, вы мне очень помогли.

— Вы верите, что найдете ее?

— Я ничего не знаю,— устало проговорил я.— Боюсь, что обнаружу только ее могильный камень.

Я направился к двери. У меня был идиотский вид парня, которого отшили в ответ на его заигрывания. Даже левый профиль не помог. Веко у меня стало подергиваться в тике.

— Динни! — тихо позвала меня Жеан, когда я взялся за ручку двери.— Я очень огорчена, но обещаю вам, что это не войдет у меня в привычку. Вы позвоните мне?

— Обязательно, и очень скоро,— заверил я, показав ей свой профиль, освещенный широкой улыбкой.

— Я была настроена провести очаровательный вечер,— с сожалением проговорила она.— А теперь буду плакать, пока не засну!

— Мы восполним это в следующий раз, мой ангел,— сказал я с уверенностью, которой у меня не было.

Было десять часов пятнадцать минут, когда я поднялся к себе. Если Женни Шау пришла вовремя, она должна была ждать долго, и, может быть... В квартире было темно. Значит, она не пришла и вряд ли теперь придет. Я повернул выключатель и вошел в гостиную.

Она лежала на ковре, и ее глаза, наполненные ужасом, были устремлены в потолок, не видя его. Широкие пятна крови проложили дорожку на ковре от дивана до того места, где лежало тело.

Я встал около нее на колени. Платье превратилось в сито. Я сосчитал четыре пулевых отверстия, но их могло быть и больше, скрытых в складках платья. Я дотронулся до ее руки. Температура была почти нормальной. Она, должно быть, умерла совсем недавно, не больше четверти часа тому назад.

Выпрямившись, я увидел сумочку, лежавшую на полу около дивана. Вокруг было разбросано ее содержимое. Обычная коллекция: губная помада, пудреница, гребень, бумажник, страховая карточка, немного денег, носовой платок и ключ от моей квартиры.

Медленно закулив сигарету, я напомнил себе еще раз, что в деле, которое поручил мне Харлингфорд, насилие неизбежно. Недаром он заплатил мне такую сумму денег. Визит Карча окончательно убедил меня в этом предположении. Может быть, с насилия все и началось два года назад, когда исчезла Ирен Манделл. Теперь я сунул нос в эту историю, и насилие вновь появилось со страшной жестокостью.

Я не сентиментален. Мне одинаково нравятся и радостный перезвон колоколов на рождество, и приятный звон монет в любой день недели, в том числе и 25 декабря. Но вид изувеченного тела Женни Шау привел меня в состояние бешенства.

Кроме того, я чувствовал некоторую вину. Может быть, ее бы все равно убрали, но мое приглашение ускорило ее гибель.

5

Полицейские давно уехали, оставив меня наедине с лейтенантом. Лейтенант уже подверг меня допросу по всем правилам, и я видел, что он готов снова повторить его. Это было его право, ничего не скажешь.

Лейтенанта звали Биксби. Он был бы лакомым блюдом на пикнике у каннибалов. Среднего роста, он весил, должно

быть, не меньше девяноста килограммов. Толстые щеки придавали ему вид невинного херувима, но его глаза, твердые, как агат, наполовину спрятанные в складках жира, разрушали это впечатление.

— Очень хорошо, Бойд,—протянул Биксби слабым голосом, который меня совсем не обманул.— В последний раз проверим факты. Ее звали Женни Шау, она служила горничной у некоего Лоувела, проживающего на Пятой авеню, адрес которого вы мне указали. Точно?

— Точно.

— Вы вернулись к себе домой около десяти часов пятнадцати минут и обнаружили ее мертвой... И больше вы ничего не знаете?

— Совершенно точно.

— Вы увидели ее сегодня дома у Лоувела в первый раз в жизни?

— Да.

— Какую технику вы применяете в отношении девочек? — Он восторженно свистнул.— Пять минут разговора в коридоре, и вот она в восторге берет ключ от вашей квартиры, чтобы вечером нагрянуть к вам. Может быть, употребляете какие-нибудь сугубо мужские духи, а?

— У меня было другое свидание в восемь часов,— осторожно ответил я.— Если у нее были нужные мне сведения, то мне хотелось как можно быстрее получить их. Моя квартира показалась мне самым удобным местом для встречи.

— Уточним еще раз: кто-то нанял вас, чтобы найти одну актрису, исчезнувшую два года назад. Сегодня днем в квартире Лоувела вы встретили ее бывшую горничную по имени Шау. Она сказала, что у нее есть сведения, которые она может сообщить вам. Тогда вы условились встретиться с ней здесь в десять часов вечера и дали ей ключ от своей квартиры. Так?

— Так.

— Может быть, вы пришли сюда немного раньше десяти часов? — дружелюбным тоном предположил Биксби.— И сами ее ухлопали, а?

— За что? — спросил я.— За то, что она отказалась вернуть мне ключ?

— Кто вас нанял, чтобы найти эту актрису?

Я закурил сигарету, стараясь потянуть время.

— Весьма сожалею, лейтенант,— медленно проговорил я.— Мой клиент не хочет, чтобы упоминалось его имя, ни

под каким видом. Теперь, когда произошло убийство, ему, вероятно, еще меньше захочется этого.

Лейтенант холодно меня рассматривал.

— Послушайте, Бойд. Я не могу сказать, что очень вас люблю, но, по крайней мере, вы не проходимец, который оперирует фотографиями для разводов или занимается подсовыванием микрофонов в комнатах отелей. Операции такого рода производят фурор на телевидении, но теперешнее дело — это не шутка. Бесполезно говорить вам это, правда? Вы скрываете от нас нужные сведения, пытаетесь покрыть своего клиента...

— Вы не могли бы оказать мне маленькую услугу? — без особой надежды спросил я.

— Например?

— Например, дать мне два часа, чтобы я мог известить клиента о том, что произошло. Я предпочел бы, чтобы он узнал об этом от меня, а не от вас.

Биксби посмотрел на часы.

— Сейчас половина двенадцатого, — заявил он. — Даю вам время до часу ночи.

— Спасибо, — пролепетал я, не веря своим ушам.

— Я согласился на это не для того, чтобы оказать вам услугу, — проворчал он. — Мне нужно поговорить с Лоувелом и с той мышкой, у которой вы были, Жеан Бертон, кажется?

— Да.

— Позвоните мне по телефону, — сказал он, галопируя к двери. — Если вы этого не сделаете, я превращу вашу лицензию в конфетти, а вас самого — в сосисочный фарш!

Он громко хлопнул дверью, оставив за собой последнее слово, но это уж было привилегией фликов. Существуют два рода людей, которым я предоставляю последнее слово перед занавесом: флики и мужья.

Я набрал номер, который мне дал Харлингфорд, и с нетерпением стал ждать ответа. Наконец, в трубке раздался голос, лишенный всяких интонаций:

— Резиденция мистера Харлингфорда.

— Мне нужно с ним поговорить, — сказал я.

— Мистера Харлингфорда нет дома, — ответил голос, но уже с холодком.

— Меня зовут Бойд, — зло рявкнул я. — Оставьте свои манеры для прислуги и соедините меня с мистером Харлингфордом!

— Мистер Бойд! — Голос стал немного теплее. — Мистер Харлингфорд действительно оставил инструкции, чтобы

ваши телефонные сообщения немедленно передавались ему, но, к несчастью, сэр, он вышел из дома, и мы не знаем, когда он вернется.

— А где он?

— К сожалению, сэр, этого я тоже не знаю.

— Когда я получу список всего того, что вы не знаете, я отрежу купон и пришлю его вам по почте.

— Хорошо, сэр.

— Скажите ему, чтобы он позвонил мне сразу, как вернется.

— Обязательно, мистер Бойд!

— Вы, случайно, не метрдотель?

Я услышал легкий смех, потом голос спросил:

— Мистер Бойд, разве я послал вам купон по почте?

С этими словами он повесил трубку. Разумеется, весь мир имеет последнее слово, за исключением Данни Бойда.

Я вытащил из кармана список имен, который дала мне мисс Сунг, вспомнив, что она записала на нем номер своего телефона. Сонный голос прозвучал в моем ухе, как колыбельная песня.

— Говорит Данни Бойд,— сказал я.— Мне необходимо немедленно увидеть вас.

— Невозможно,— сухо возразила она.— Вам было ясно сказано, что вы должны контактировать в случае необходимости только с мистером Харлингфордом.

— Я попробовал сделать это,— с живостью ответил я.— Его нет дома, и никто не знает, где он. Остались только вы. Какой ваш адрес?

— Если у вас есть сведения, вы можете передать их мне по телефону,— продолжала она так же сухо.

Меня разозлил ее тон.

— Я вернулся домой около десяти часов пятнадцати минут, чтобы встретиться с Женни Шау. И увидел ее на ковре, с четырьмя или пятью дырками от пуль,— холодно сообщил я, чеканя каждое слово.

На другом конце провода раздался приглушенный стон.

— Она была мертва? — слабым голосом спросила Мария Сунг.

— Даже не знаю, как мне ответить, чтобы не обидеть вас. Флики дали мне время до часу ночи, чтобы я потом сказал им, кто нанял меня. Теперь, надеюсь, вы дадите свой адрес?

— Отель «Маргарит», Восточная, Сорок восьмая улица,— быстро ответила она.— Вы знаете, где это?

— Еще бы,— ответил я.— Мы с лифтером были отменными друзьями, пока он не женился.

— Номер 807,— бросила она.— Вы бы поторопились, мистер Бойд!

Было пять минут первого, когда я постучал в ее номер, и она сразу открыла дверь. Беспокойство читалось в ее глазах, щеки были бледнее обычного и сильно контрастировали с черными волосами, отливающими медью.

На ней было надето кимоно поверх шелковых брюк. Красный цвет очень шел к ней. Выпуклости, которые угадывались под шелком, были приятно округлены.

— Входите, мистер Бойд,— своим музыкальным голосом проговорила она.— Мы вас ждем.

— Спасибо, Мария.— Я прошел впереди нее, чтобы войти в комнату, но внезапно остановился.

— Мы?..

— Какого дьявола, что произошло, Бойд? — раздался за дверью повелительный голос.

Я вошел и увидел восседавшего в кресле короля издатель, одетого в темно-синий смокинг.

Пройдя половину расстояния, которое нас разделяло, я упал в кресло и закурил сигарету.

— Итак,— нетерпеливо бросил Харлингфорд,— я жду ответа.

— Вы могли бы сэкономить мое время, если бы оставили метрдотелю свой адрес,— сказал я.

— Не будем говорить об этом. Я хочу знать, что случилось.

— Сегодня вечером Женни Шау была убита в моей квартире и мне пришлось вызвать полицию. Некий лейтенант Биксби занимается расследованием и хочет знать, кто поручил мне найти Ирен Манделл.

— Интересно, что вы сказали,— проворчал Харлингфорд.

— Я договорился с ним,— торопливо объяснил я.— Он дал мне время до часу ночи. Я подумал, что будет лучше, если вы сами сообщите ему об этом.

— Я не хочу быть замешанным в это, Бойд,— твердо сказал он.— Кажется, я достаточно ясно предупредил вас.

— Сегодня утром у нас на руках не было убийства,— напомнил я ему, не смущаясь его тоном.

— Послушайте! — На лбу его вздулись вены, лицо приняло напряженное выражение.

— Не сейчас,— оборвал я его.— Сначала постарайтесь выслушать меня. Я обнаружил в течение дня гораздо

больше, чем ваш репортер за шесть недель. И у меня сложилось впечатление, что все это лишь плод вашего воображения — и журнал, и эта история, которую вы мне выложили.

Я ожидал взрыва, но он не последовал. Харлингфорд закурил сигару.

— Верно.— Голос его звучал примиряюще.— Я лично заинтересован в том, чтобы найти Ирен Манделл. Все остальное действительно выдумка. Но теперь это не имеет значения. Вы должны найти убийцу Женни Шай!

— Подозреваю, что это сделали вы,— пошутил я.

— Что?! — Он мгновенно вскочил с кресла.

— Вы сами потребовали, чтобы я сообщал вам о результатах своего расследования. Кто, кроме вас, мог знать, что я назначил ей свидание, тем более, такие подробности, как место и время? Что вы скажете на это?

— Вы обвиняете меня в убийстве этой женщины? — хрипло спросил Харлингфорд. Его загорелое лицо приобрело пергаментный цвет.

— Я, кажется, ясно объяснил. А где вы были, когда я звонил вам домой?

— Он был со мной! — вмешалась Мария.

— Заткнись! — рявкнул на нее Харлингфорд.— Я плачу тебе не за то, чтобы ты делала мне алиби!

Он медленно приблизился ко мне. Пока я поднимался. Мария бросилась ему на грудь.

— Я прошу тебя, Фрэнк... Ну, пожалуйста...

Почти не напрягаясь, он влепил ей такую пощечину, что она отлетела к самой стене и рухнула на пол.

— «Золотые перчатки»,— ровным голосом сказал Харлингфорд, внимательно следя за мной.— Два года подряд я участвовал в полуфиналах, но не помню, чтобы видел вас, Бойд.

— Я вижу, что вы настоящий спортсмен и стараетесь не пускать в ход кулаки, когда имеете дело с женщиной...

Он размахнулся левой рукой в направлении моего профиля. Я инстинктивно пригнулся, и тут его правая рука нанесла мне мощный удар в солнечное сплетение. Видя все вокруг, словно в тумане, я успел увернуться от его левой, но его кулак содрал кусок кожи у меня с мочки уха.

Конечно, бокс — это искусство, но кто добровольно согласится быть подопытным кроликом? Я обнаружил, что чем дальше я от него держусь, тем легче ему избивать меня. Сделав неимоверное усилие, я подпрыгнул и со всей силы врезал ему каблуком по подъему ноги. Рявкнув от

боли, он схватил меня обеими руками за плечи, но я вцепился в него, как клещ, одновременно врезав ему коленом прямо в пах. Он упал на четвереньки, но тут же попытался встать. Когда его лицо оказалось на уровне моего солнечного сплетения, я нанес такой ослепительный удар в эту мишень, что Харлингфорд, закатив глаза, упал на ковер и уже не шевелился.

Теперь я мог, наконец, заняться своим животом и стал энергично растирать его, восстанавливая нормальное дыхание. Оглядевшись, я увидел небольшой стенной бар. Подойдя к нему, я схватил ближайшую бутылку и сделал из нее огромный глоток.

Услышав позади себя шорох, я стремительно обернулся, проклиная себя за потерю бдительности, но тут же успокоился: шуршало шелковое платье Марии Сунг, которая, придя в себя, с трудом поднималась на ноги. Налив немного рому в стакан, я дал ей выпить и помог добраться до кресла.

— Не надо было делать этого, мистер Бойд,— медленно проговорила она. Ее музыкальный голос звучал несколько расстроено.— Он очень злопамятен!

— Я больше не работаю на этого подонка. Надо же так ударить женщину!

— Таков Фрэнк Харлингфорд,— сказала она с болезненной улыбкой,— и тут уж ничего не поделаешь. Вам нужно уйти, пока он не пришел в себя.

— Как? Оставить вас наедине с ним?

— Ну, я вас очень прошу, уходите! Он не тронет меня, я уверена.

— Хорошо,— сказал я, пожав плечами.— Но сначала позвоню одному приятелю.

— Конечно.

Я направился к телефону, набрал номер и сообщил дежурному, что мне нужен лейтенант Биксби. Не прошло и десяти секунд, как он взял трубку.

— Говорит Динни Бойд,— сказал я.

— Ах, да! — В его голосе не слушалось особой радости.— Я вижу, вы позвонили даже раньше назначенного времени. Это довольно умно с вашей стороны.

— В этом городе нет частного детектива, умнее меня. Я не тот парень, который кусает руку, кормящую его. Хотите знать, почему?

— Потому что вы не посмели послушаться меня,— приветливо заметил он.

— Может быть, вы и правы. Моего клиента зовут Френсис Харлингфорд.

Наступила небольшая пауза, потом снова послышался его голос, слишком безразличный, чтобы понять, как удивлен лейтенант.

— Вы говорите об издателе Харлингфорде?

— Это единственный Харлингфорд, которого я знаю.

— Он с вами в настоящий момент? — оборвал меня Биксби.

— Да. Но он не может разговаривать по телефону.

— Почему?

— Кто-то наступил ему на ногу, — откровенно ответил я.

— Это одна из ваших шуток?

— Нет, это правда. Пока он лежит на полу. Если вы позвоните минут через десять, возможно, вам удастся поговорить с ним.

— Откуда вы звоните?

— Из отеля «Маргарит», апартаменты 807.

— Задержите его, если он захочет уйти, — сказал Биксби.

Я повесил трубку и осторожно направился к двери. Мария Сунг смотрела на меня из своего кресла.

— Вы сказали о Фрэнке лейтенанту?

— У меня было безвыходное положение.

— Фрэнк вам этого никогда не простит, — тихо сказала она.

— Каждый должен нести свой крест, — сказал я. — До свидания, Мария. Не могу сказать, что вечер был приятным, скорее мучительным.

Покинув отель, я направился к своей машине, размышляя над недавними событиями. И вот неприятность, которую приносит воображение: перестаешь замечать, что тебя ожидает и окружает. Я влез в машину, не бросив ни одного взгляда на заднее сидение, и сразу же был наказан за эту ошибку.

Холодное дуло пистолета прижалось к моему затылку.

— Мы совершили небольшую, хорошенькую сделку сегодня утром, — тихонько прошептал мне на ухо скрипучий голос, — и надо же было тебе взорвать все к черту!

Мне не нужно было напрягать память, чтобы узнать этот голос.

— Манни, я...

— Слишком поздно для разговоров, дружок! Теперь ты не имеешь на это права.

Я сидел за рулем, и он приказывал, куда надо свернуть.

— Послушай, Манни,— осторожно начал я, не желая его нервировать, пока он дружески держит револьвер у моего затылка,— клянусь, я здесь ни при чем!

— Может быть, губернатор?

— Я условился встретиться с горничной Ирен Манделл в десять вечера у себя на квартире. У нее был мой ключ...

— Валяй, не стесняйся,— заметил Манни.— Я не люблю затыкать рот парням, если им хочется поговорить.

— Когда я вошел к себе, она была мертвой. Кто-то всадил ей пять пуль прямо в грудь. Я подумал, что это твоя работа.

Странный звук раздался позади меня, и только через несколько секунд я понял, что он смеется.

— Я, мастер своего дела, и пять слив? У тебя хорошее чувство юмора! Давно я так не веселился!

— Я только что порвал со своим клиентом, так что у тебя нет причин убивать меня.

— Хочешь растрогать меня, дружок? — Его голос утратил добродушие.— У тебя маленькие дети, а у жены больное сердце?..

— У меня есть кое-какие сведения, которые заинтересуют твоего патрона,— дрожащим голосом сказал я.— Но если ты меня ликвидируешь, он их никогда не получит.

Он ничего не сказал, видимо, обдумывал мои слова.

— Даже не знаю, Бойд,— произнес он наконец.— Мне приказано ликвидировать тебя. Хорошо я буду, если доставлю тебя к Лу, а ты начнешь молоть чепуху. Мне нужно думать о своей репутации!

— Лу будет слушать во все уши, как только я начну говорить,— уверял я его с убеждением, которого на самом деле не имел.— Я гарантирую тебе это!

— О'кей! — сказал он, на этот раз без колебаний.— Но если ты, дружок, надуваешь меня, могу тебе обещать одно: это будет так долго и так мучительно, что ты будешь просить поскорее прикончить тебя.

— Что я люблю в тебе, Манни,— сказал я,— так это твое доброе сердце.

— Поворот,— прошептал он.— Мы едем к Лу.

Над дверью светилась голубая неоновая вывеска «У Майка». Когда мы вошли, внутри царил голубой полумрак. Тяжело дыша мне в затылок, Карч подвел меня к какой-то двери, за которой оказался узкий длинный коридор. Прой-

дя по нему и поднявшись еще на два этажа, мы снова остановились перед дверью.

Манни нажал на кнопку звонка, и дверь почти мгновенно открылась. Тип с плоской рожей и пытливыми глазами холодно воззрился на меня. Я почувствовал себя в роли быка, которого привели на заклание.

— Все в порядке, Джонни,— заверил его Карч.— Надо повидать Лу.

Поденок открыл дверь пошире и отошел в сторону, пропуская нас. Мои ноги погрузились в ковер, и я зажмурил глаза, ослепленный гигантским баром, сверкающим при свете ламп.

Повернувшись к нам спиной, на табурете сидела блондинка, обтянутая в золотистое шелковое платье, вырез которого простирался практически до ягодиц. Она повернула голову, и я увидел ее невыразительное лицо.

За стойкой негр в шикарном смокинге и рубашке с кружевным жабо о чем-то болтал, улыбаясь, с блондинкой, но, увидев нас, тут же убрал улыбку с лица.

— Он хочет с тобой поговорить, Лу,— заискивающе сказал Карч.— Извини, я подумал, что мы ничего не потеряем, кроме времени.

Лу задумчиво посмотрел на меня.

— Иди-ка, прогуляйся, Перл,— обратился он к блондинке.

— Скажи, пожалуйста! — запротестовала та пронзительным голосом.— Он меня прогоняет!

— У меня работа,— терпеливо объяснил он.— Пусть Джонни проводит тебя в бар и угостит стаканчиком. Вернешься через полчаса.

— Мне казалось, у тебя есть кабинет для всяких дел,— недовольно ответила она.

— Перл, курочка моя! — На его лице снова появилась сердечная улыбка.— Ты хочешь, чтобы я выбил тебе один или два зуба, да еще в присутствии гостя?

Блондинка спорхнула со своего табурета и почти бегом вышла из комнаты. Я понял, что здесь все имеют свои маленькие привилегии, и мне стало очень неуютно в этом обществе. Когда дверь за блондинкой закрылась, я оказался перед грустной действительностью — Кестлером и Манни Карчем. Влип, что и говорить!

Кестлер наполнил свой бокал какой-то жидкостью, похоже, «мартини-дри».

— Вижу, ты здорово поработал, чтобы убедить Манни привезти тебя сюда. Но теперь тебе придется попотеть еще

больше, чтобы убедить меня. Для меня ты уже мертв, а я ненавижу менять свои решения, не то начнут, в конце концов, говорить, что Лу Кестлер выживает из ума.

...Когда я закончил свой рассказ, Кестлер, казалось, не проявил особой заинтересованности.

— Манни ведь предупредил тебя, — почти с горечью сказал он. — Я дал тебе две тысячи, а ты... ты просто плюнул мне в лицо!

— А девочка, которую убили в моей собственной квартире, разве это хорошая реклама для меня? — возразил я. — Если я буду бросать расследование при первой угрозе, мне придется искать другую работу.

— Чего ты опасался? — тихим голосом спросил Кестлер.

— Мне нужно было позаботиться о лицензии, — с невинным видом ответил я. — Когда в моей квартире происходит убийство, что я мог сделать другое, как не объяснить фликам всю ситуацию?

— Ты говорил им о Манни?

— Ни в коем случае, — ответил я намеренно дрогнувшим голосом.

Кестлер закрыл глаза, потирая пальцами нос.

— Чего ты хочешь? — резко спросил он.

— Продолжать жить. Я не требователен. Этого будет достаточно.

— Так. А за три сотни метров отсюда изменишь свои планы? Чего ты хочешь еще, Бойд?

— Я хочу знать, кто убил Женни Шау и почему?

— Согласен.

Он допил свой «martini», потом снова наполнил стакан, но уровень жидкости в миксере почти не понизился. Мне хотелось бы знать, это его порция на ночь или он заготовил себе «martini» на целую неделю?

— У тебя есть один козырь, — холодно проговорил он. — Так как ты уже сказал фликам о Манни, будет немного стеснительным, если утром обнаружат твой труп. Итак, ты свободен. Но не тяни слишком сильно за веревку, Бойд. Манни — это артист. Он может сделать свое дело пятьюдесятью пятью различными способами, двадцать из которых — несчастные случаи.

— Я предлагаю торг, Лу, — сказал я. — Если Манни не убивал горничную, тебя должно интересовать, кто это сделал. Найми меня, и я его тебе найду.

Сзади раздался резкий смех Карча, а Кестлер ошеломленно посмотрел на меня.

— Ты уже выдал мне две тысячи монет,— продолжал я.— И дашь еще три тысячи, если я найду убийцу. Что ты на это скажешь?

— Для парня, который должен быть уже мертв, ты неплохо шутишь, Бойд,— медленно ответил Кестлер.

— Подумай о том флике, который ты сэкономишь, аннулируя контракт с Манни,— быстро проговорил я.— Если я найду убийцу Женни Шау за три тысячи, то это просто ничего!

— Да,— согласился он,— но есть одна маленькая деталь. У тебя слишком большая пасть, Бойд, и ты слишком широко раскрываешь ее перед фликами!

— Я исправлюсь, как только ты станешь моим клиентом,— возразил я.— За три тысячи долларов у тебя будут все преимущества!

— Это моя ошибка, босс,— вмешался Карч с горечью в голосе.— Если бы я сразу его уничтожил, у нас не было бы проблем!

— Никаких проблем! — заверил его Кестлер.— Ты правильно сделал, что привез сюда Бойда. Все идет хорошо.— Он внезапно повернулся ко мне.— По рукам, Бойд! Три тысячи монет, когда достанешь товар!

— Отлично,— сказал я,— теперь я могу уйти?

— Иди! Но помни, Бойд, я могу снова возобновить контракт с Манни.

— Разумеется, твое право. Мы с Манни настоящие друзья, не правда ли, Манни?

— Да, настоящие друзья,— подтвердил Манни.— Если так будет продолжаться, то мне придется поплакать над твоей могилой, мой мальчик.

Было немногим больше двух часов, когда я вернулся к себе. Не успел я сделать и двух глотков, чтобы промочить основательно пересохшее горло, как в дверь позвонили.

Прежде чем открыть дверь, я достал из ящика комода «Мастерпис 38», хотя ничто не указывало на то, что Кестлер мог снова изменить свое решение.

Но мне все-таки пришлось удивиться. Правда, это было приятное удивление при виде Марии Сунг. Она была одета в огромное меховое мантио. Только кончик носа и блестящие сапфировые глаза виднелись над воротником.

— Могу я войти? — робко спросила она.

— Что за вопрос? — ответил я, широко распахивая дверь.

Мария прошла в гостиную и упала на диван.

— Я хотела бы что-нибудь выпить, Данни, если можно,— совсем тихо проговорила она.

— Что бы вы хотели?

— Безразлично, лишь бы побольше.

Я щедро налил коньяку в бокал и поднес ей.

— У вас измученный вид,— сказал я.

Она слабо улыбнулась и, прежде чем ответить, сделала большой глоток.

— Я вам верю. У вас есть сигарета?

— Конечно.— Я протянул ей сигарету и зажег спичку.— Я хотел бы думать, что мой профиль, наконец, подействовал на вас, но боюсь, что вы пришли по другому поводу.

Она допила коньяк и протянула мне стакан.

— Еще, Данни, пожалуйста.

Я взял бутылку, наполнил стакан и передал ей, заметив, что у нее немного дрожали руки.

— Я видел закоренелых пьяниц,— сказал я,— но вы первая персона, которая начинает напиваться на рассвете. Может быть, вы также страдаете бессонницей?

— Произошла катастрофа,— сказала она с полуулыбкой на дрожащих губах.— Лейтенант появился до того, как он пришел в себя. Некоторое время все шло хорошо, и я подумала, что он взял себя в руки. Но когда лейтенант ушел, все сразу изменилось...

— Он снова стал грубым?

— Он всегда был грубым,— ответила она.— На этот раз была другая песня: я его предала и должна убираться ко всем чертям.

— Значит, он выкинул вас?

— Выкинул прочь! — выкрикнула она.— Мистер Френсис Харлингфорд больше не нуждается в услугах секретарши и любовницы. Нет, я не могу сказать, что он вел себя нечестно. Данни. Он оставил себе все, за что заплатил из своего кармана: квартиру, мебель, мои одежды... Это мантио,— она невольно пожала плечами под его тяжестью,— оно мое, и он позволил мне сохранить его. Между нами говоря, это имитация под норку, но оно у меня было до знакомства с Фрэнсисом.

— Только мантио? — изумленно спросил я.

— И то, что надето под мантио.

Она медленно сняла мантио. На ней были надеты лишь трусики да кружевной лифчик. На правом плече красовалась отвратительная ссадина.

— Он был не очень корректен, не так ли, Данни? — спросила она слабым голосом.

— Это не шутка? — недоверчиво спросил я. — Он выбросил вас на улицу, в глухую ночь, одетой лишь в эти штучки и меховое пальто?

— Вы медленно соображаете, мистер Бойд. — Она попыталась улыбнуться, но без успеха. — Я ведь сказала уже, что произошло. Я не знала, куда мне пойти. Потом решила, что у меня есть выбор: или выспаться в Центральном парке, или сдать на вашу милость!

— И вы предпочли меня кусту?

— Ну, да, — просто ответила она. — Поймите меня правильно, я не прошу милостыни. Ведь вы сказали мне, что я у вас всегда буду желанной гостьей, не так ли? Я готова заплатить обычную плату и даже приготовить вам утром завтрак. Разве это не разумное предложение?

— Даже великодушное! А теперь наденьте мантию и немного расслабьтесь, пока я налью вам еще стакан. Или вы хотите кофе?

Ее нижняя губа задрожала.

— Вы... Вы не хотите меня?

Я разом охватил ее взглядом: утонченно красивое лицо со слегка выступающими скулами, полные губы, изумительное тело, длинные ноги, небольшая грудь, гармоничная линия бедер, ясно обрисовывающихся под легким белым шелком...

— Я до такой степени хочу вас, моя прелесть, что это причиняет мне боль. Но разговор о ночлеге и завтраке охладили меня. Вы обе эти вещи можете получить бесплатно.

Глаза Марии расширились. Она сделала несколько шагов и упала мне на руки. Я подхватил ее, прижал к себе, и мои пальцы почувствовали шелковистость ее кожи.

Она спрятала лицо на моем плече, и ее ногти впились в мою грудь.

— Люби меня, Данни, — с чувством шептала она. — Люби меня, потому что я нуждаюсь в этом, потому что я прошу тебя об этом!

Ее тело все крепче и крепче прижималось к моему. Не стоило сопротивляться голоду, который охватил ее...

7

Около половины десятого утра я позвонил в свою контору и с удовольствием услышал свежий голосок Фран.

— Я хочу, чтобы вы немедленно пришли ко мне и принесли кое-какие носильные вещи,— сказал я.

— Какая замечательная мысль! — заинтересованно воскликнула Фран.— Еще одна фантазия из тысячи и одной ночи, мой маленький Данни?

— Я говорю серьезно,— сердито проговорил я.— Это слишком длинная история, чтобы рассказывать ее по телефону. Да вы, вероятно, ей бы и не поверили. У меня находится молодая женщина, которая нуждается в одежде. Все, чем она в настоящий момент располагает, это белье и меховое манто.

— Я полагаю, глупо спрашивать, откуда у нее меховое манто,— проворковала Фран.— Это норка?

— Ей нужно платье, чулки, словом, вы сами должны понимать, что ей нужно,— с яростью ответил я.— И перестаньте думать то, что вы думаете... Вы ошибаетесь!

— Но я ничего не думала,— терпеливо возразила она.— Какого она роста?

— Ваши вещи должны ей подойти,— сухо проговорил я.— И сделайте это как можно скорее!

— Рассчитывайте на меня, патрон,— с энтузиазмом бросила Фран.— Я слишком заинтригована!

Я повесил трубку и поймал улыбку на лице Марии.

— У вас неприятности? — с невинным видом спросила она.

— Ничего серьезного,— ответил я.

Мой шелковый халат был ей очень велик, но выглядел на ней гораздо приятнее, чем на мне. Атмосфера была уютной и даже интимной. Мария подливала мне кофе и предлагала отлично приготовленный бекон.

Покончив с завтраком, мы закурили, и я, наконец, решился задать ей вопрос:

— Итак, что же вы собираетесь делать?

— Даже не знаю,— честно ответила Мария.— Издательство Харлингфорда должно выплатить мне жалованье. Получу чек и займусь поисками квартиры.

— В этом нет никакой срочности, моя милочка,— с живостью проговорил я.— Вы можете здесь жить до тех пор, пока не найдете что-нибудь подходящее.

— На свой манер вы очень милы, Данни.— Она улыбнулась мне.— Но мне необходимо некоторое время пожить одной, и не потому вовсе, что вы не были очаровательны сегодня ночью, а из-за того, что воспоминания о Франке еще очень свежи в моей памяти.

— Согласен,— сказал я, скрепя сердце.— А если Френсис не даст вам компенсацию сразу?

— Не беспокойтесь об этом,— ответила она.— У меня солидный счет в банке.

— Тогда вот что, позвольте мне сходить за вашим чеком. Бесплатная услуга.

— Вы в самом деле хотите этого?

— Мне нужен предлог, чтобы посетить издательство Харлингфорда. Кстати, зачем он решил начать розыск Ирен Манделл?

Она медленно покачала головой.

— К сожалению, не имею ни малейшего понятия.

— У него для этого должна быть основательная причина. Ничего не знаете о том, что могло связывать его с Ирен Манделл?

— Я с ним знакома всего год,— медленно проговорила Мария.— Ему понадобилось два месяца, чтобы устроить меня на квартиру, а дома у него я была раза два, не больше.

— Где он живет?

— Логи Истланд. Живет один с прислугой. Время от времени устраивает приемы, и большинство приглашенных остаются на уик-энд.

Раздался резкий звонок.

— Извините, это, должно быть, Фран.

Я отправился открывать. В квартире появилась Фран с любопытством во взоре и чемоданом в руках. Я еще закрывал дверь, а она уже рассматривала Марию так, как умеют это делать лишь женщины.

— Фран,— заявил я, подходя.— Представляю вам Марию Сунг. Мария, это Фран Кордан, моя секретарша.

— Платье может быть немного велико,— критически заявила Фран,— но думаю, что оно все же пригодится.

— Вы очень любезны,— проговорила Мария своим нежным музыкальным голосом.— Данни, вы никогда мне не говорили, что ваша секретарша такая очаровательная.

— Существует масса вещей, которые он тщательно скрывает от девушек,— ответила Фран с легкой улыбкой.— Могу я задать вам только один вопрос?

— Все, что вы хотите,— приветливо ответила Мария.

Фран немного заколебалась.

— Только белье и меховое мантио? Это правда?

— Абсолютная!

— Как это случилось? — Глаза Фран блеснули, и она почти упала на стул, который я освободил.— Скажите мне

все! Я хочу знать подробности. Ничего не пропускайте! Я умираю от желания узнать эту историю.

Я быстро вмешался:

— Мои красавицы, я ухожу и предоставляю вам поле действий.

— Отлично. До свидания,— бросила Фран небрежно.

Получасом позже я стоял перед дверью Роджера Лоувела на Пятой авеню, ожидая, когда мне откроет кто-нибудь, но я определенно знал, что это будет не Женни Шай.

Дверь отворилась, и я увидел холодные и расчетливые глаза Лорен Лоувел. На ней были белая блузка из плотного шелка и кашемировые брюки, черные с белым. Массивные золотые запонки составляли комплект с тяжелыми золотыми серьгами. Красный шелковый кушак подчеркивал стройность талии, а красивые мокасины — небольшой размер ее ног.

— Вот как? — произнесла она, поднимая бровь.— Неужели это вы, мистер Бойд?

— Мне нужно срочно увидеть вашего мужа,— торопливо сказал я.— Так что откинем церемонии, хорошо?

Она молча повернулась и я последовал за ней. Войдя в гостиную, миссис Лоувел направилась к дивану и решительным жестом пригласила меня присоединиться к ней.

Я дважды обежал комнату глазами, но нигде не обнаружил следов Роджера Лоувела.

— Послушайте, мне нужен ваш муж, разве вы не поняли? — спросил я.

— Он вышел,— сухо ответила она.— Но при всех обстоятельствах я не хочу, чтобы вы надоедали ему сейчас. Он слишком расстроен.

— Ах да, несчастная Женни Шай!

— Всего бы этого не случилось, если бы вы не пришли сюда со своими дурацкими вопросами,— заметила она.

— А что дает вам основание столь решительно утверждать это?

— Если бы вы не уговорили ее прийти к вам, она была бы живой.

— Она была убита потому, что хотела сообщить мне какие-то сведения об Ирен Манделл. Ваш муж потерял зрение только потому, что два года назад захотел узнать, что же случилось с Манделл. Разве вас совсем не интересует, в чем тут дело?

— Почему вы не сядете? — Тон ее голоса изменился, став почти нежным.— Я достаточно долго смотрела на эту мужественную грудь, и она меня воодушевила.

Я сел возле нее. Ее великолепная грудь находилась в нескольких сантиметрах от меня.

— Вот так-то лучше, Данни. Ничего, что я так называю вас?

— Это лучше, чем называть меня Оскаром или Горацием. По крайней мере, так думали мои родители.

— Не понимаю, почему мы все время спорим.— Она улыбнулась, обнажив белые зубы с видом лакомки.— Можете называть меня Лорен.

— Согласен, Лорен. Очень рад, что мы стали друзьями. Манделл не вызывает в вас никакого любопытства?

Она нагнулась и осторожно положила руку на мое бедро, но вид у нее был серьезен.

— Данни, позвольте объяснить вам одну вещь, хорошо?

— Если вы намерены рассказать мне, как детей находят в капусте, то я уже об этом знаю! — уверил я ее.

— Я познакомилась с Роджером приблизительно три месяца спустя после этого случая,— продолжала она напряженным тоном.— Он находился в частной клинике в Вермонте. Ему не смогли вернуть зрение, но лицо восстановили. Мы поженились через два месяца после его выхода из больницы. Он много говорил мне об Ирен Манделл, но ни слова о том, кто и почему сделал его слепым.

— И вы не пытались выяснить причину?

— Доктора сказали, что у него был очень сильный нервный шок, и любое напоминание об этом случае могло вызвать у него нервное расстройство. Вот почему я и не хочу, чтобы вы мучили теперь его, Данни.

Ее пальцы стиснули мое бедро. Она еще больше наклонилась ко мне и коснулась грудью моей руки.

— Чего я не понимаю,— сказал я,— так это того, что Женни Шау служила здесь горничной. Она ведь была горничной Ирен Манделл.

— Я тоже не понимаю. Вернувшись в Нью-Йорк, мы поселились здесь, в его доме, и дали объявление о том, что требуется горничная. Женни предложила свои услуги, но не под своим именем. Она назвалась Женни Робертс. У нее были хорошие рекомендации, и мы ее наняли.

— Роджер должен был видеть ее раньше, у Ирен Манделл. Удивительно, как он не узнал ее голоса?

— Когда ты жених актрисы, я думаю, ты не обращаешь внимания на ее горничную,— задумчиво проговорила Лорен.— К тому же все горничные изъясняются на один манер, не так ли?

— Я не могу этого сказать. У меня никогда не было горничных.

— Данни! — Ее глаза стали немного влажными. — Почему мы не можем немного расслабиться? Хотите выпить?

— Вы считаете, что Роджер одобрит?

— Не нужно беспокоиться о Роджере, — ответила она с удовлетворенным вздохом. — Сегодня у него клубный день. Один из его друзей заезжает за ним утром и привозит только к вечеру.

— Среди его друзей нет ли, случайно, Френсиса Харлингфорда?

— Ну, да, разумеется. Он-то и отвозит его в клуб каждую неделю. Это лучший друг Роджера.

Ее ногти вонзились мне в бедро.

— Так вот, Данни, Роджер находится в очень хороших руках и будет занят целый день. Так что мы с вами можем спокойно выпить по стаканчику.

— А потом?

— Ну что ж... — Ее голос стал хриплым, и она зазывающе улыбнулась. — Ведь вы мне сказали, что у вас слабость к прирученным норкам. Лучший способ заставить мурлыкать норку, это быть с ней приветливым, а если это касается самочки, то немного потрепать ее.

— Это не подделка у вас здесь под блузкой? — грубо спросил я.

— Ну что ж, будьте мужчиной и проверьте сами!

Она взяла мою руку и крепко прижала к своей груди. Я почувствовал ее упругость под плотным шелком.

— Ничто нас не торопит, не так ли? — спросил я. — Впереди у нас целый день, пока Роджер играет в слепых моряков в своем клубе.

— Он счастлив, — безразлично проговорила она. — Подождите, я принесу выпить.

— Очень хорошо.

Она встала и направилась к бару.

— Вы интригуете меня, Лорен, — сказал я. — Почему вы вышли замуж за Роджера? Что же могло вас прельстить в этом слепом и к тому же нервном парне?

— Вы можете хоть ненадолго забыть о нем? — недовольно воскликнула она.

— Знаете, вы возбуждаете во мне любопытство, Лорен. Может быть, вы хотели остаток жизни посвятить человеку, который нуждался в постоянной помощи?

— Вы начинаете на самом деле раздражать меня, — сказала она жестко.

— Или, быть может, вы подумали: «Вот тип, набитый звонкой монетой, и к тому же слепой»? Маленькая Лорен выгадывала во всех направлениях. Полный материальный комфорт и апартаменты на Пятой авеню, а если станет скучно... как это говорится: «То, что не видит глаз, не может ранить сердце?»

Лорен повернулась ко мне. Ее выразительные глаза горели ненавистью.

— Убирайтесь отсюда! — яростно закричала она. — Убирайтесь прочь, мерзкий негодяй, подонок!..

— А вы не забыли старинный жаргон добрых старых дней, милочка!

Не успел я дойти до двери, как Лорен бросилась на меня, злобно потрясая кулаками. Я отстранился, схватил ее за пояс и с силой отшвырнул от себя. Она пролетела через комнату, стукнулась коленями о край дивана и повалилась на него.

Так она и осталась лежать, издавая жалостные стоны маленькой девочки, которой не удалось вырвать глаз у подруги.

8

Когда я вошел в его контору, он сидел с закрытыми глазами, в своей неизменной шляпе, сбитой набок, и с бесконечной сигарой, торчавшей изо рта, то ли размышляя о чем-то, то ли мечтая о суперзвезде, которая могла бы принести ему огромные барыши.

— Будь я трижды проклят, если это не Барни Миккерс, мой старый друг и лжец! — весело сказал я.

Барни испуганно захлопал глазами.

— Опять пришел! — с горечью воскликнул он. — Что теперь? Устроить вам ангажемент?

— В последнюю нашу встречу, это, значит, вчера, — с угрожающим видом посмотрел я на него, — вы вытащили из своей шляпы одно имя — Женни Шау. В полдень она улыбалась мне, пообещав встретиться со мной, а вечером я встретился с ее трупом в своей квартире...

— В чем вы хотите упрекнуть Барни Миккерса? — взвизгнул он. — Вчера вы меня немного расстроили, а у меня большое сердце и маленькие мускулы. Неужели вы считаете, что это я убил малышку?

Я обошел письменный стол, за которым он сидел, схватил за отвороты пиджака, приподнял над креслом

и разжал руки. Он с болезненным воплем рухнул всей задницей снова в кресло.

— Почему вы не сказали мне вчера, что два года назад у вас побывал некто по имени Манни Карч и пригрозил, что если вы будете интересоваться судьбой Ирен Манделл, он устроит вам медленную смерть?

Барни, жалобно глядя на меня, пожал плечами.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Я всегда был сторонником внезапной смерти. Я оборву вам уши и подожгу ваши лохмы. Обожаю волостью голову в укусе.

Я вырвал у него изо рта сигару и горящим концом вдавил ее прямо в галстук-бабочку.

— У вас только один шанс, Барни,— любезно сказал я.— Выкладывайте, что там произошло с сестрами Манделл, да поживее, пока сигара не прожгла вам глотку! Или хотите стать немым импресарио?

— Я вас прошу! — в беспамятстве залепетал он.— Остановитесь! Я скажу все, что знаю, правда, я знаю мало.

Я снова воткнул сигару ему в рот. Он с отвращением содрал с шеи галстук, вернее, то, что от него осталось.

— На этот раз никаких провалов в памяти, Барни,— предупредил я.— Иначе я превращу вас в пресс-папье!

— Хорошо, хорошо... Все скажу, все! Секунду... В Лонг Истланде устроили какой-то праздник. Это было в субботу, во время уик-энда. После спектакля Ирен и Ева отправились туда, а меня даже никто не пригласил. Конечно, такое ничтожество...

— Кто устраивал праздник?

— Какой-то книжный босс. Миллионер, что там! Роскошная яхта размером с «Куин-Мэри», громадный дом. Звали его Харлингфорд.

— Ну, хорошо, ближе к делу. Что же там все-таки случилось?

— Не в курсе, я же сказал, что меня не пригласили. Там были только шикарные люди, у которых полно монеты, даже рэкетеры...

— Вроде Лу Кестлера?

— Похоже.

— Дальше что?

— Клянусь, больше ничего не знаю!

— Хорошо. Теперь назовите тех, кто был приглашен, я хочу с ними встретиться.

— Вам недостаточно тех, кого я назвал? — возмутился он.

— Боюсь, что эти люди не любят откровенничать, не то, что вы, Барни. Найдите мне других собеседников.

— Ну, легавый, всю душу вытряс! — остервенился Барни. — Попробуйте поговорить с Жеромом Вильямсом, он тоже там был. Только ни звука обо мне!

— Да, так будет лучше, — согласился я.

Я почти дошел до дверей, как он неожиданно заорал:

— Эй, а если он снова ко мне придет?

— Кто?

— Ну, тот, что грозил медленной смертью?

— Манни?

— Вот-вот! Что мне тогда делать?

— Молиться про себя, — тихо сказал я, испытывая к Барни некоторую жалость.

Выйдя из его кабинета, я почувствовал волчий голод. Последние двадцать четыре часа прошли с таким напряжением, что стоили двухнедельного нормального существования, и мне необходимо было поддержать свой организм.

Я направился в «Тедер Вик», где отличная кухня, а вина — просто мечта! Там я заказал свой любимый коктейль «Лохмотья смерти» и устроил небольшой пир.

К театру около Бродвея я подошел около трех часов дня. Тот же привратник, который снова облегчил меня на пять долларов. Те же четыре персоны на сцене. И тот же впечатлительный молодой человек в огромных очках, сидящий в первом ряду. В общем, все было так же, как и вчера.

Я проскользнул в зал и, устроившись рядом с Яном, слегка толкнул его локтем, боясь испугать каким-либо вопросом.

— Тише! — автоматически бросил он, но тут же оживился: — Мистер Бойд! Как идет ваше следствие?

— Продвигается понемногу, — ответил я, — но очень и очень трудно. Знаете ли вы, что у вас есть дар предвидения?

— Да? — обрадовался он.

— Помните, вчера вы сказали мне, что, может быть, у Вильямса есть причины, по которым он не хочет, чтобы ее нашли?

— Да, разумеется, но... — Внезапно в его глазах появилось восторженное выражение. — Вы ее нашли?

— Я не совсем уверен в этом, но надеюсь, что да, — ответил я. — Мне нужно срочно с ним поговорить, конечно, не здесь. У него есть свой кабинет?

— У мистера Вильямса имеется все, что ему нужно, в том числе и кабинет, — с горечью сказал он.

— Вы не могли бы устроить мне свидание? У меня нет времени дожидаться конца репетиции.

— Не знаю,— ответил Ян Бертон слегка дрожащим голосом.— Это невыносимый человек.

Чувствительный диалог на сцене внезапно прекратился. Я поднял глаза. Вильямс испепелял меня взглядом. И в этом повторялся вчерашний день.

— О, нет! — Он закрыл глаза с трагическим выражением на лице.— Опять вы? Кто платит вам за то, чтобы вы мешали мне?

— Мне нужно поговорить с вами,— резко сказал я.

— На этот раз я прикажу выбросить вас вон,— с негодованием бросил он.— И, если вы когда-нибудь снова появиться в театре, я сделаю...

— Вчера вечером убили горничную Ирен Манделл,— перебил я его.— Не хотите со мной разговаривать, Вильямс? Могу устроить встречу с фликами!

Он немного подумал, потом нетерпеливо пожал плечами.

— Ладно, уделю вам пять минут. Нас достаточно уже беспокоили, не хватало, чтобы сюда нагрянули флики. Не понимаю только, чего вы добиваетесь от меня!

Он спустился со сцены, молча прошел мимо меня и исчез за дверью в глубине зала.

Настал момент показать себя на высоте. Я повернулся к трем актерам на сцене, в числе которых была и Жан Бертон, и быстро проговорил:

— Ну, что ж, отлично! Содружество нарушено. Можете отдохнуть, пока я буду убивать вашего режиссера.— И скрылся за той же дверью, оставив их с раскрытыми ртами.

Вильямс ожидал меня в конце коридора, нетерпеливо топая ногой. Я подошел к нему, и он проводил меня в кабинет, закрыв за нами дверь. Пока он усаживался за гигантский письменный стол, напуская на себя важный вид, я закурил сигарету и осторожно сел на фигурный стул.

Режиссер демонстративно посмотрел на свои часы, потом поднял на меня глаза.

— Я сказал — пять минут,— сухо проговорил он.— Вы потеряли уже две.

— Такой диалог, может быть, осчастливил бы Яна Бертон, потому что при всех обстоятельствах у него не было выбора,— сказал я.— Но, по-моему мнению, Вильямс, это хорошо для помойки.

Он побагровел.

— Я не желаю сидеть здесь и выслушивать ваши оскорбления, как вас там...

— Я уверен, вы прекрасно помните мое имя — Бойд! Два года назад Манни Карч вас здорово напугал, и вы не собираетесь ворошить прошлое. Но бывшую горничную Ирен Манделл убили вчера вечером. И флики знают, по крайней мере, пятнадцать способов, чтобы заставить вас заговорить, если вы попытаетесь скрыть то, что вам известно.

Вильямс внезапно потерял свой самоуверенный вид.

— Откуда вам известно про Манни Карча? — вполголоса спросил он.

— Это моя работа, — заметил я. — Я знаю множество вещей, в том числе про уик-энд у Харлингфорда в Лонг Истланд и людей, которые там присутствовали. Вы, например. Там также были сестры Манделл, Лу Кестлер... Барни Миккерс не был приглашен. А Роджер Лоувел?

— Он был. — Вильямс нервно кусал нижнюю губу. — Послушайте! Мне неприятно, что я ошибся на ваш счет, Бойд. Не обижайтесь на меня, но я считал, что вы суете свой нос в прошлое, чтобы извлечь какую-то выгоду для себя. Но теперь, когда убили Женни Шау, я понимаю...

— Избавьте меня от сентиментальных излияний, — сухо оборвал я его. — Все это может понадобиться для ваших пьес. Я хочу узнать, что произошло во время этого уик-энда. Почему Ирен Манделл исчезла именно тогда?

Он закурил сигарету. Его пальцы слегка дрожали.

— Я скажу вам все, что я знаю, и скажу очень охотно, Бойд, но знаю я очень мало.

— Тогда говорите!

— Я даже не знаю, с чего начать... Может быть, с самой Ирен?

— Если вам так будет легче, поговорим об Ирен.

Он сильно затянулся сигаретой, и взгляд его окутал туман воспоминаний.

— Ирен была странная девушка. Я никогда ее хорошо не понимал. По виду спокойная и вразумительная, но в глубине ее души таились страсти, почти устрашающие. Это была превосходная актриса, очень одаренная. Она стала бы просто гениальной актрисой, так как располагала всеми необходимыми для этого качествами: железной волей, дисциплиной, глубоким пониманием сценической техники...

— Меня все-таки больше интересуют события, которые

произошли у Харлингфорда! — сказал я почти умоляющим голосом.

— Сперва необходимо, чтобы вы поняли Ирен, — сказал Вильямс голосом, твердость которого меня удивила. — Она играла роль катализатора в происшествии, которое случилось в тот вечер.

Я капитулировал.

— Хорошо. Это ваша история, и рассказывайте ее, как считаете нужным.

— Нужно, чтобы вы точно представили себе ситуацию, — спокойно продолжал он. — Ирен не была красивой. Немного бесцветная блондинка, она быстро делала артистическую карьеру и имела огромный успех на Бродвее, особенно в «Мечте без пробуждения», вы помните эту пьесу?

— Теперь припоминаю, — проворчал я.

— Она была невестой очаровательного парня Роджера Лоувела, красивого, приятного и богатого. Кроме Ирен, он интересовался лишь одной вещью — плаванием на яхте. А потом появилась ее сестрица...

— Ева?

— Ева, — подтвердил Вильямс. — Она была полной противоположностью Ирен: жгучая брюнетка с такой грудью, что глаза вылезали на лоб, глядя на нее, и исключительно привлекательная. Ева — единственная девушка из тех, кого я знаю, которая даже в мешке из-под картофеля не потеряет своей соблазнительности.

— Ева была соблазнительна, согласен. Но что дальше?

— Ева не только была красоткой. Это была маленькая ведьма, совершенно без всякой совести. Как только она узнала, что Ирен невеста Лоувела, она стала играть в большую игру. Менее чем через две недели после ее приезда в Нью-Йорк она стала водить его за кончик носа. Он безумно влюбился в нее, Бойд. Никогда в своей жизни я не видел парня, до такой степени сходявшего с ума от девчонки!

— А как реагировала на это Ирен?

— Мне кажется, что никто не знал этого, — задумчиво сказал Вильямс. — Она прекрасно знала о том, что происходит. Но ей это было безразлично, по виду, по крайней мере. Она по-прежнему говорила о том, что, когда пьеса перестанет идти, она выйдет замуж за Лоувела, и всегда была очень приветлива с сестрой. До того знаменитого вечера!

«Боже мой, — подумал я, — когда же мы, наконец, дой-

дем до этого проклятого вечера? Только бы он больше не останавливался».

— Ева вообще не пила. Никто не обращал на это внимания. Она обладала той живостью и личным шармом, который не нуждался в алкоголе. Это приобрело значение только в тот вечер.

Роджер Лоувел был одержимым яхтсменом, вы об этом уже знаете. И Френк Харлингфорд был точно таким же. Он пригласил Роджера с его невестой на уик-энд, а также всех членов труппы, которых ей захочется привести. Так что нас собралась целая толпа для поездки в Лонг Истланд: Роджер, Ирен, Ева, Жан Бертон и я. Нет, Жан не смогла приехать. Мы явились туда на заре в воскресенье, но они, видимо, начали еще с вечера. Среди гостей я заметил Кестлера с какой-то пташкой и Карча. Полупьяный Харлингфорд тут же потребовал от нас, чтобы мы наверстали потерянное время.

Вильямс остановился, закурил следующую сигарету и вопросительно посмотрел на меня.

— Вы знаете, как это все происходит на такого рода вечеринках, когда в течение двух часов все напиваются. Все им потом кажется смешным. И когда Ирен стала упрекать Еву за то, что она не пьет, все присутствующие поддержали ее, говоря, что Ева ведет себя не по-товарищески. Ирен приставала к Еве, раздражая ее, говорила всем, что она не пьет потому, что боится показать себя в своем настоящем свете, а это будет ужасное зрелище. Ева бросилась на нее, и они стали таскать друг друга за волосы. После того, как их разняли, Ева попросила стакан. После шести стаканов она страшно опьянела.

— И это все? — проворчал я.

— Нет, — ответил Вильямс, покачав головой. — Харлингфорд стал приставать к Еве, как только она появилась, а когда увидел, что она совершенно пьяна, не отходил от нее ни на шаг. Я видел, как Ирен отвела его в угол и что-то шепнула на ухо. После этого он подхватил Еву на руки и отнес в свою комнату. Она кричала, чтобы он ее отпустил, но никто не обратил на это внимания, кроме Лоувела. Он хотел последовать за ними, но Ирен удержала его. Одним ударом кулака он отправил ее на ковер и бросился преследовать Харлингфорда. Но Манни Карч стал на его пути.

Он раздавил окурки сигареты, поднял глаза и улыбнулся мне.

— После этого я сам был некоторое время занят одной малышкой — бывшей пассией Харлингфорда. Один момент

мне казалось, что я добьюсь успеха, но в конце концов, около шести утра, она сбежала от меня. Мне необходимо было выпить, и я спустился в гостиную.

Я прошел за бар и приготовил себе хорошую смесь, которой можно было бы оглушить лошадь, и отключился раньше, чем успел выпить. Через два часа я проснулся, лежа на полу позади бара, и услышал тихий разговор Харлингфорда с Кестлером. Оба оказались совершенно отрезавшими. Я не слышал голоса Карча, но чувствовал, что он тоже здесь. По их тону я понял, что буду нежеланным собеседником, если появлюсь.

Харлингфорд умолял Кестлера оказать ему какую-то услугу. Прислушавшись, я понял, о чем идет речь. «Я был пьян,— говорил Харлингфорд,— она тоже, и, во всяком случае, я думал, что не неприятен ей. Внезапно она затихла. Что же я мог поделать, Боже мой! Газеты начнут травлю, они не поверят мне!» Он настаивал, чтобы Кестлер выручил его.

В конце концов Кестлер согласился и сказал, что он займется этим и что о подробностях они поговорят позднее, а Харлингфорд должен поскорее отправить по домам своих гостей, сказав им, что Ева уже вернулась в Нью-Йорк. Харлингфорд заметил, что Лоувел не удовлетворится таким объяснением и что нужно нечто большее, чем его слова, чтобы убедить его.

Кестлер возразил: «Ладно, пусть этим займется Ирен. Объясни ей, что в том, что произошло с ее сестрой, есть и ее вина. Если она будет отпираться, скажи, что я и Манни готовы поклясться в этом».

После этого они еще несколько минут поговорили, и Харлингфорд ушел, чтобы повидать Ирен. Я же остался там, где был, так как не был уверен в уходе Кестлера и Карча.

Вильямс энергично потер лоб рукой.

— Мы вернулись в Манхэттен к завтраку. Ирен удалось убедить Лоувела, так что он не выказал ни малейшего сомнения. Во всяком случае, я ничего не слышал. В последний раз я видел Ирен, когда отвез ее к ней домой.

— А потом,— сказал я,— когда она исчезла, вам не пришлось в голову рассказать полиции об услышанном разговоре?

— Конечно, разумеется.— Он вытер лицо носовым платком.— Я даже собрался это сделать, но один случай, вернее, два, заставили меня изменить намерение. Первый — когда Лоувелу выжгли глаза кислотой, второй — ви-

зит Манни Карча.— Он невольно вздрогнул.— Согласен, я был напуган! Но ведь я ничем не был обязан сестрам Манделл, Бойд, и, конечно, у меня не было ни малейшего желания быть до конца дней слепым, как Лоувел!

— А кому в голову пришла мысль сказать, что у Ирен нервная депрессия, и она уехала в деревню отдохнуть?

— Лоувелу. Два дня спустя после ее исчезновения он позвонил и предложил пустить слух о ее болезни. Ирен сказала ему, что Ева больше не хочет ее видеть после той отвратительной драки. Лоувел думал, что Ирен еще слишком взволнована, чтобы вернуться к своей роли в театре, и решила съездить куда-нибудь на пару дней развеяться.

— В конце концов, вы добились результата с этой малышкой, о которой говорили? — небрежно спросил я.

— Я больше никогда ее не видел,— ответил Вильямс.— Ба! Одна потеряна — десять новых найдено. В настоящий момент я увлечен Жан Бертон. Почему я не заинтересовался ею раньше? На этот раз все козыри у меня в руках. Она просто мед, когда дело идет о ее братце, а я понемногу извожу его. Уверен, что в самом скором времени Жан сдастся, пока ее братец совсем не ошалел.

Я встал, Вильямс быстро вскочил из-за стола и подошел ко мне.

— Я вам сказал все, что знал, Бойд,— с беспокойством уверял он.— Я доверяю вам и знаю, что вы не станете вмешивать меня во все это. Да, Бойд? Будьте справедливы! — Он протянул мне потную руку.— Итак, пожмем друг другу руки, как мужчины.

Он совершил ошибку, подсунув мне под нос свое благообразное лицо. После его откровений я понял, что не ошибся в своем впечатлении от этого человека еще при нашей первой встрече, и сейчас он показал себя таким, каким я его представлял. Парень, который скрывал преступление и к тому же добивался любви женщины, шантажируя ее своим скотским отношением к ее брату.

Я погрузил свой правый кулак в его живот, наполненный жиром, и он медленно стал складываться под моей рукой, как медуза. Согнувшись пополам и обхватив живот руками, Вильямс застонал от боли, и по его щекам покатались слезы.

— За что? — всхлипнул он.

— За то, что вы имели наглость подумать, что я вашего поля ягода,— ответил я.— И оставьте в покое брата Жана, Вильямс, в противном случае я вернусь и расправлюсь с вами.

Я вышел из кабинета и прошел по коридору к зрительному залу. Жеан и Ян ожидали меня по другую сторону двери.

— Итак? — стремительно спросил Ян, сверкая очками. — У него оказались одна или две хорошие причины?

— Даже три, — сказал я. — На вашем месте я бы не торопился. Мне кажется, что мистер Вильямс не скоро придет в свое нормальное состояние.

— Данни! — Жеан положила свою руку на мою и слегка сжала ее. — Я хочу сказать вам, что больше никогда не буду вести так глупо себя, как это случилось вчера вечером. Никогда!

— Я буду помнить об этом, моя прелесть, — сказал я с широкой улыбкой.

— Я немного надеялся на то, что он откажется говорить, и тогда вам пришлось бы его немного встряхнуть, — огорченно произнес Ян.

Я попытался утешить его:

— Нельзя получить все сразу, малыш! Пока что у него заболел живот.

9

И вот я снова в конторе Харлингфорда. При виде меня блондинка так же надменно вскинула брови.

— Нет, это исключено, — сухо заявила она в ответ, услышав, что я хочу увидеться с Харлингфордом. — Мистер Харлингфорд никого не принимает без предварительной договоренности о встрече с ним.

Она возмущенно уставилась на меня, словно евангелистский пастор, которому посоветовали молиться молча.

— Послушайте, ведь я вас вижу сейчас, так?

— Я вас очень прошу, мистер Бойд, — холодно проговорила она, — не пытайтесь установить между нами какие-то частные отношения. У меня много дел.

— Ну вот, вы даже не спросили меня, кого я представляю. Уверен, что это заинтересует мистера Харлингфорда.

— Сомневаюсь. Ну, хорошо, если я задам вам этот вопрос, вы обещаете уйти?

— Конечно.

— В таком случае, кого вы представляете, мистер Бойд? — с легкой улыбкой спросила администраторша.

— С удовольствием отвечаю, — сказал я, возвращая ей улыбку. — Мисс Сунг.

В ее глазах появилось удивленное выражение, и она

сняла трубку. Через две минуты я входил в кабинет, в котором теперь на месте Сунг сидела блондинка с умным лицом, лет двадцати пяти.

— Мистер Бойд? Мистер Харлингфорд ждет вас. Проходите, пожалуйста.

Он сидел за письменным столом. У него был по-прежнему самоуверенный вид, только загорелое лицо было немного бледнее, чем обычно. Я с удовольствием увидел пластырь, который украшал его нос.

— Итак, значит, вы представляете мисс Сунг? — насмешливо сказал он. — Я все гадал, куда она могла пойти вчера вечером после того, как я выкинул ее на улицу, а про вас даже не вспомнил, мистер Бойд. Мне и в голову не пришло, что у Марии может оказаться такой плохой вкус.

— Вопрос стоит о выплате ей жалованья, — сказал я. — Я пришел за ним.

Он громко расхохотался.

— Скажите ей, что она может получить у меня расчет только через суд.

Я сел в ближайшее кресло и закурил сигарету.

— Боюсь, это выйдет вам боком! Достаточно будет только рассказать всю историю в вашей приемной и объяснить, по какой причине Мария Сунг здесь больше не работает.

Немного помедлив, он нажал на кнопку. В кабинет вошла блондинка.

— Мисс Ден, — бросил Харлингфорд, — немедленно подготовьте чек на триста долларов на имя Марии Сунг. Мистер Бойд заберет его, но прежде пусть распишется.

— Хорошо, сэр, — сказала мисс Ден, кивнув головой. — Это все?

— Возможно, вы понадобится мне сегодня вечером, — сухо сказал он. — Я хочу ознакомиться с некоторыми материалами, в частности с историей Ирен Манделл. Она мне совершенно необходима для первого номера.

— Хорошо, сэр, — степенно проговорила она и вышла, вызывая покаяние бедрами под шелковой узкой юбкой.

Я посмотрел на Харлингфорда с вежливым интересом.

— История Ирен Манделл?

— Точно так. — Он одарил меня бледной улыбкой. — Это вам что-нибудь говорит?

— Судя по тому, что я узнал, история Ирен Манделл может составить сенсационную серию, — ответил я. — Для начала описание потрясающей оргии у одного миллионера, закончившейся мучительной смертью женщины за запер-

той дверью. Это может заставить публику дрожать в течение нескольких недель. Второй эпизод: сделка, заключенная миллионером с королем преступного мира, чтобы избавиться от трупа.

— Вы должны были быть писателем, Бойд,— спокойно сказал он.— У вас богатое воображение.

— Ну, что ж, тогда я предложу свою историю лейтенанту Биксби,— сказал я.— Он до такой степени лишен воображения, что способен поверить мне.

— На вашем месте я не слишком бы полагался на лейтенанта,— осторожно заметил он.— Прошлой ночью я объяснил ему, что нанял вас для того, чтобы расследовать исчезновение Ирен Манделл для своего нового журнала. Я даже вынужден был сказать ему, что вы пытались меня шантажировать после убийства Шау, угрожая сообщить полиции, что у меня были другие причины для расследования и что журнал существовал лишь в моем воображении. Биксби согласился, что я правильно сделал, отказавшись заплатить вам две тысячи долларов, которые вы требовали у меня.

— А разве вам не обойдется намного дороже выпуск нового журнала только для того, чтобы оправдать всю эту ложь?

— Каждое новое издание — это ход в покере,— ответил он почти радостно.— Я привык рисковать.

Я молча глядел ему в глаза какое-то время, затем произнес неторопливо:

— Мистер Харлингфорд, хотите, я немного пофантазирую насчет той знаменитой ночи? Только для того, чтобы позабавиться, а?

— Ну, что ж,— проворчал он,— если это вас забавляет... Тем более, что чек еще не готов.

— Итак,— начал я,— вы договорились с Кестлером, чтобы он помог вам избавиться от трупа. Он это сделал, и с тех пор вы у него на крючке. Держу пари, что он уже получил кучу монет за эти два года и будет по-прежнему доить вас до самой вашей смерти. Но тут у вас появилась гениальная мысль: нанять типа вроде меня и выяснить, куда исчезла Ирен Манделл. Вы знали, что в ходе расследования я непременно выйду на Кестлера, и тот начнет нервничать. Если он ухлопает меня, будет скверно, но ведь может случиться так, что я ликвидирую его первым. Правда, на это было мало шансов, и вам оставалось надеяться, что я все-таки успею найти Ирен Манделл и сообщить вам, где она находится. После этого моя судьба вас бы уже не

интересовала. Сначала вы прибегаете к рукам Ирен, затем требуете от Кестлера прекратить вымогательство, иначе вы с Ирен дадите показания о том, что он убил Еву, но не могли раньше заявить об этом, потому что вам угрожали смертью.

— Я уже сказал,— проворчал он,— что у вас необыкновенное воображение.

Однако в его голосе уже не было прежней уверенности, и я увидел некоторую тревогу в его глазах. По всей видимости, он лихорадочно пытался сообразить, откуда у меня эти сведения. У него могли быть только два объяснения: или я получил их от Кестлера, или я уже нашел Ирен. Так что он должен был находиться в большом смнении, к моему полному удовольствию.

— Где-то, мой дорогой Фрэнк,— небрежно проговорил я,— находится труп Евы Манделл. Возможно, он был уже обнаружен, но не опознан, но я его найду. Это будет сенсационный репортаж для вашего журнала, даже если вам не придется его прочитать.

Я встал и вышел из кабинета, чувствуя лопатками его тяжелый взгляд.

Мисс Ден все приготовила. Я подписал расписку и взял чек.

— Мистер Харлингфорд теперь свободен? — приветливо спросила она.

— Да. Но это будет продолжаться недолго. И если я позволю себе процитировать фразу из своего последнего труда, то это прозвучит так:

«Поскорее срывайте розы жизни». Или еще лучше: «Любовь — это дитя свободы, но у норки твердая цена».

— Мне кажется, у вас не все дома, мистер Бойд,— холодно проговорила она, но взгляд ее мне показался задумчивым.

— Мы все должны сохранять свое равновесие,— закончил я.— Я хочу сказать, баланс счета.

Фран Кордан подняла на меня строгий взгляд, когда я вошел.

— Уже шесть часов,— произнесла она ледяным тоном.— Мой шахтер меня ждет.

— Это то, что называется профессиональной пригодностью, моя прелесть! Потому я плачу вам так много. Я даже удивлен, что вы вернулись сюда. Сегодня утром

у вас был такой вид, что я не ожидал вас увидеть раньше, чем через неделю.

— Мы очень подружились с Марией. — Фран небрежно посмотрела на свои ногти. — Она в самом деле замечательная девушка. Так восхищалась вашим благородством. Я думала, что задохнусь от удивления.

— Да?.. А что нового в конторе?

— Три раза звонил лейтенант Биксби. Он, кажется, не совсем вами доволен и ждет вашего звонка.

— Ну, что же. Считайте, что меня нет. Что еще?

— Мария сказала, что пока она сможет ночевать у меня.

— А где она будет ночевать сегодня ночью? — быстро спросил я.

Фран захлопала ресницами.

— О-о-о... Бойд, — протянула она. — Вы заставляете меня краснеть.

Она встретила меня в шикарном платье из тафты, с огромными лютиками и достаточно широким декольте, чтобы можно было видеть гармоничные движения ее груди. Блестя глазами, Мария наблюдала за моей реакцией.

— Тебе нравится? — спросила она.

— Потрясающе! — проговорил я хриплым голосом. — Итак, ни одного поцелуя, чтобы приветствовать меня? Мне кажется, что когда человек возвращается к себе после работы, он может надеяться, что обожаемая цыпка тоже обожает его...

Она скользнула в мои объятия движением, полным грации, и страстность ее поцелуя заставила меня понять, почему мужчина никогда не находит готовым обед в течение первых двух недель совместной жизни.

...Наконец мы почувствовали блаженную усталость. Я отправился приготовить выпивку, а Мария тем временем налаживала дыхание.

— Я устроюсь у Фран, пока не найду себе подходящую квартиру, — заявила она, все еще немного задыхаясь. — Она сказала тебе об этом?

— Конечно. Во всяком случае, я рад, что ты переехала уже сегодня.

Я сел рядом с ней и мы выпили.

— Да, кстати, — спохватился я. — Вот твой чек, держи!

Она взяла чек и удивленно посмотрела на него.

— Не может быть!

— Как видишь, может.

— Я думала, ты пошутил, когда сказал, что идешь повидаться с ним.

— Это было очень просто,— скромно сказал я.— Он почти не спорил.

— Ты замечательный, Данни! — Она импульсивно нагнулась ко мне, чтобы поцеловать, но тут же отпрянула.— Разве ты вынужден всегда таскать с собой пистолет?

— Я этого не думаю. С тобой я, безусловно, не нуждаюсь в его помощи.

Я прошел в спальню, отстегнул пистолет и повесил его на спинку стула.

Когда я вернулся в гостиную, Мария вопросительно посмотрела на меня: — Какие у тебя планы на сегодняшний вечер, Данни?

— Послушайте, Мария Сунг,— проговорил, я подражая Фран,— вы заставляете меня краснеть.

— Я говорила о еде,— не удержавшись, фыркнула она.

— А что, если мы отправимся в одно шикарное и интимное местечко, где нас ждет роскошный обед? — предложил я.— Местечко, в котором обедают при свечах и поэтому невозможно прочесть цены. Я сегодня хочу бросать деньги на ветер!

— А если мы пообедаем здесь? — тихо предложила она.— Я купила превосходное говяжье филе и бутылку вина. Никаких свечей, но если ты хочешь, я буду чиркать спичками, пока ты будешь есть, а потом наступит твоя очередь.

— Идет.

— Тогда пойду все приготовлю.

Она встала с дивана и дразнящей походкой направилась в кухню.

— А я пока приготовлю питье,— весело сказал я.— Мне нравится такая жизнь! Что еще нужно мужчине?

Я приготовил напитки и хотел было попробовать свой коктейль, когда раздался звонок. Скрепя сердце, я направился к двери, убежденный, что это лейтенант Биксби. Только его не хватало!

Я открыл дверь и тут же страстно захотел увидеть лейтенанта Биксби. Мертвые, глубоко посаженные глаза смотрели на меня без малейшего выражения, и я подумал, что они, вероятно, перестали жить после первого убийства, совершенного ради денег.

— Вот как,— немного нервно сказал я.— Манни Карч... Что-то случилось?

— Небольшой разговор,— прошептал Манни.— Согласен?

Он прошел в гостиную, не дожидаясь ответа. Когда я присоединился к нему, он уже взял один из стаканов.

— Ты, вероятно, ждешь компанию, дружок? Не волнуйся, я буду действовать быстро.

— Тогда все в порядке,— с надеждой сказал я.— Что тебя беспокоит?

— Важно только то, что беспокоит Лу,— холодно заметил он.— Как только ты вышел из кабинета Харлингфорда, он позвонил Лу и сказал, что ты слишком много знаешь.— Манни сделал добрый глоток виски, деликатно держа стакан обеими руками.— Ты испортил этому парню печень, дружок! Он хочет, чтобы вмешался Лу, поэтому я должен ликвидировать тебя сегодня вечером.

Воротник рубашки стал душить меня.

— И что же ответил твой босс?

Карч не торопился с ответом и катал стакан в руках.

— Лу считает, что ты парень с головой, Данни,— наконец проговорил он.— Он справился о тебе кое у кого и считает, что мы с тобой могли бы действовать рука об руку. Если цена окажется подходящей.

— И что же? — прохрипел я.

— Он хочет сделать тебе предложение.

— Уже было одно предложение,— сказал я.— Три тысячи долларов, которые Лу готов заплатить, если я найду убийцу Шау.

— Согласен,— кивнул Карч.— Теперь тебе делают такого же рода предложение. Лу интересуется, откуда ты узнал об этом? Ни он, ни я, ни Харлингфорд тебе ничего не говорили. Следовательно, существует кто-то другой, который все слышал. Согласен?

— Согласен,— прошептал я.

— Все может провалиться, Лу больше не играет. Ему кажется, что он знает, кто убил Шау. Харлингфорд! Этот тип считает, что теперь, чтобы ему вылезти из этого дерьма, надо убивать. Сначала девочку Шау, потом тебя.— Манни с грустью покачал головой.

— И что вы хотите от меня?

— Очень простое и разумное соглашение.— Манни одним глотком покончил с содержимым стакана.— Ты условишься с тем, который слышал разговор, чтобы он молчал. Если понадобятся деньги, ты их получишь. Затем я помогу тебе найти тело Манделл, и Харлингфорда арестуют за два убийства.

Я широко открыл рот, но он жестом остановил меня:

— Лу считает, что ты в сущности выполнил работу, которую он тебе поручил: найти убийцу девочки Шау.

Он достал из кармана тяжелый конверт и бросил мне. Я неловко поймал его. Не нужно было быть ясновидящим, чтобы догадаться о его содержимом.

— Это твои три тысячи монет, обусловленные контрактом,— сказал Манни.— Итак, сделка заключена?

Я несколько раз подбросил конверт на ладони, с удовольствием отметив его приятную тяжесть.

— А если я скажу «нет»?

— Ну, не шути так, дружок,— поморщился Манни.— Ты сам знаешь ответ.

— Да-а-а! — Я сунул конверт в карман.— Сделка состоялась, дружок.

— Отлично. Я всегда думал, что ты не шляпа! — Он быстро встал.— Итак, пойдём, Бойд, а? Чем скорее мы провернем это дело, тем лучше будет для всех.

— Нужно идти сейчас? — слабым голосом спросил я.

— Лу сказал, что надо действовать быстро. Моя машина внизу.

Дверь кухни неожиданно отворилась, и Мария танцующей походкой появилась в комнате.

— Через десять минут, дорогой,— радостно бросила она,— можно будет есть. Ты приготовил питье?..— Тут она заметила Манни Карча.— О, я не знала, что ты не один.

— Я этого тоже не знал,— сказал Манни, холодно посмотрев на меня.

— Ты не дал мне возможности сказать тебе об этом,— сухо возразил я.— Это Мария Сунг. Мария, представляю тебе Манни Карча.

Это имя не произвело на нее никакого впечатления. Она вежливо улыбнулась и наклонила голову.

— Рада познакомиться с вами, мистер Карч.

— Будет лучше, если ты возьмешь ее с собой,— заявил Карч.— Харлингфорд может вбить в свою тыкву ликвидировать тебя самому. Нельзя, чтобы девочка оставалась здесь одна, когда он появится.

— Она может запереться на ключ и никого не пускать.

— Ты воображаешь, что запертая дверь может остановить этого помешанного? — проворчал Манни.— Она поедет с нами, не стоит рисковать.

— Хорошо,— согласился я.— Пойди за пальто, моя милая. Нам надо ехать.

— Сию минуту? — Она ошеломленно посмотрела на меня. — Данни... такая замечательная говядина!

— Если вы до такой степени голодны, то съедите ее и после возвращения, — сухо сказал Манни. — Пошли!

Мария с безнадежным видом покачала головой и отправилась в спальню за манто.

— Я готова, — проговорила она недовольным тоном, выходя оттуда. — Но если дело идет о какой-нибудь шутке, Данни Бойд...

— Не беспокойся, — сказал я. — Мы скоро вернемся. Одну минуту, я возьму пиджак.

Войдя в спальню, я протянул руку, чтобы снять со спинки стула пистолет, но Манни, который неотступно следовал за мной, прокрипел:

— Оставь свой огонь здесь, дружок. Там, куда ты идешь, он тебе не понадобится. Гарантирую, что стрельбы не будет.

— Как хочешь, дружок, — недовольно согласился я и надел пиджак.

Мы вышли на улицу, и Манни открыл дверцу сверкающего, почти нового «бьюика».

— Садись за руль, дружок, — сказал он. — Циркуляция действует мне на нервы. Я сяду сзади, а девочка может сесть рядом с тобой.

Он сунул мне в руку ключ зажигания и устроился сзади раньше, чем я успел запротестовать.

— Куда поедет? — спросил я.

— В Лонг Истланд, дружок, — прошептал Манни Карч. — Сегодня вечером мы многое сделаем.

10

Поместье Харлингфорда занимало десять гектаров на вершине холма, с которого было видно море.

Я остановил «бьюик» в центре мощеного двора, окруженного с трех сторон толстыми стенами, и выключил мотор. Вокруг стояла такая тишина, что было больно ушам.

— А где прислуга? — спросил я.

— Ими уже занялись, — ответил Манни. — В барке никого нет. Тебе не о чем беспокоиться, дружок.

— Хорошо, — сказал я. — Тебе играть, Манни!

— Да. — Он открыл заднюю дверцу машины. — Пошли поработаем. Может быть, будет лучше, если девочка останется в машине, пока мы не покончим с делом?

— Я пойду с вами, Данни,— вмешалась Мария.— Это место наводит на меня ужас.

— Если ты пойдешь с нами, моя дорогая,— безрадостным голосом возразил я,— то тебе будет еще страшнее. Так что оставайся здесь.

Я выскочил из машины, прежде чем она успела что-либо возразить, и последовал за Карчем, который с решительным видом пересекал двор. Глаза мои понемногу привыкли к темноте, и я стал различать предметы при свете звезд. Фасад дома выходил во двор, а два его крыла образовывали прямой угол.

Карч обогнул левое крыло и направился по дорожке в сторону от дома, которая привела нас к какому-то сараю. Манни толкнул дверь и, войдя внутрь сарая, зажег фонарик. В сарае хранились садовые инструменты.

— Иди сюда, дружок,— прошептал он.— Возьми лопату.

— Две лопаты, ты хочешь сказать? — спросил я.

— Ты разве не можешь один за три тысячи монет вырыть яму?

Взяв первую попавшуюся под руку лопату, я вышел из сарая, но, взглянув на Манни, решил, что он окончательно спятил. Сосредоточенно рассматривая bussоль при свете фонарика, он развернулся лицом к югу, затем, сделав двадцать шагов, повернул на восток, отсчитал еще пятнадцать шагов и остановился.

— Ну, ты даешь! — восхищенно проговорил я.— Прямо заправский землемер!

— Заткнись! — пролаял он.

Луч фонаря описал полукруг и уперся в дерево, находившееся на расстоянии двух с половиной метров от нас. Подойдя к дереву, Манни осмотрел ствол.

— Все правильно,— удовлетворенно заметил он.— Это здесь. Ты видишь, дружок?

Я пригляделся и увидел вырезанную ножом на стволе дерева большую букву «Х».

— Черт возьми! — воскликнул я.— Как в еженедельной передаче о пиратах. Хочешь, чтобы я поднял черный флаг, прежде чем начать рыть яму?

— Два года, дружок,— равнодушно проговорил Манни,— целых два года прошло, а я нашел его сразу. Удачное место мы выбрали, как ты думаешь?

— Может быть. Только почему именно здесь?

— Он хотел избавиться от трупа, и Лу охотно помог ему. Еще бы, этот парень сразу сообразил, как он начнет

выбивать монету из Харлингфорда за молчание. Подумать только, если бы мы утопили труп или закопали бы в другом месте! Докажи тогда, что Харлингфорд имеет к нему отношение!

— Я все понял, Манни, дальше не объясняй,— прервал я его.— Харлингфорд, видимо, пытался прекратить платежи. Тогда вы пригрозили, что если он будет ерепениться, то флики получат анонимное письмо, в котором будет указано место, где находится труп.

— Вот именно, да еще в собственном поместье,— сипло рассмеялся Манни.— Первоклассный сюрприз! Но есть еще один.

— Если не секрет, какой?

— Не гони, расскажу попозже,— сухо ответил он.— Начинать копать, где стоишь, примерно на метр двадцать в глубину.

К счастью, земля оказалась мягче, чем я думал, и я стал энергично орудовать лопатой, пока мне не пришла в голову неожиданная мысль.

— Какого черта, Манни,— медленно проговорил я,— прошло два года, и мы выкопаем только скелет. Как доказать, что это Ева Манделл?

— Ее опознают по зубам,— безразличным тоном ответил он.— Ты должен об этом знать, детектив!

— Ладно, согласен. Но как доказать, что она была убита Харлингфордом?

— Это и есть второй сюрприз, о котором я тебе говорил.— Манни тихо засмеялся.— Понимаешь, дружок, когда мы приехали сюда, она еще дышала.

— Что?

— Во всяком случае, она была здорово изувечена, и я не уверен, что она смогла бы выжить,— равнодушно сказал он.

— Но раз она была жива?..

— Это был контракт,— прошептал Манни.— Один из лучших, какие я имел от Лу. И эта дрянь чуть-чуть не испортила мне все дело!

— Значит, ты ее убил? — пролепетал я.

— Очень аккуратно, она ничего не почувствовала,— спокойно ответил он.— Я всадил ей пулю в затылок. Таким образом, никаких неприятностей с контрактом. Потом стер отпечатки пальцев с пистолета и зарыл его позади сарая с инструментом. Флики легко найдут его, если мы подсказем, где искать.

— Теперь это не имеет никакого значения, раз остался

только скелет,— медленно проговорил я.— Харлингфорду трудно будет объяснить присутствие трупа с пулей в голове, выпущенной из оружия, зарытого позади сарая.

— Продолжай копать, дружок, надо покончить с этим до рассвета,— нетерпеливо сказал Манни.

— Да, конечно. А ты пока сходи проверь, как там Мария. Ей, наверно, сейчас чудятся всякие кошмары.

— Это верно. Если она со страху закричит, то ее услышат за километр в такую тихую ночь.

Он скрылся в темноте, и я, немного выждав, прокрался в сарай. Дверь была открыта, поэтому можно было не бояться, что она заскрипит. В сарае было совершенно темно, но я не решился чиркать спичками, чтобы не услышал Манни, и стал осторожно продвигаться вперед. Я ощупывал все предметы, надеясь найти нечто такое, что могло бы послужить мне оружием. Наконец, мои руки натолкнулись на какой-то металлический предмет, и я на ощупь определил, что это гаечный ключ. Времени оставалось немного, вот-вот должен был вернуться Манни, поэтому пришлось удовлетвориться этой находкой.

Я поспешил к дереву. Карч еще не вернулся, так что у меня оставалось время обдумать, куда спрятать ключ длиной тридцать сантиметров. Он был довольно тяжелый, и я решил сунуть его в брюки под ремень. Затем застегнул пиджак, чтобы не было видно, как отвисают брюки под тяжестью ключа, схватил лопату и стал быстро копать, чтобы наверстать потерянное время.

Через некоторое время послышались чьи-то шаги, и я остановился, чтобы закурить и привести свои нервы в порядок. Из-за деревьев вынырнули два силуэта.

— Добрый вечер,— задыхаясь, проговорила Мария, когда они подошли ко мне.— Мистер Карч решил, что будет лучше, если я присоединюсь к вам, чем сидеть одной в машине.— Она засмеялась нервным смехом.— А ты, я вижу, ищешь клад?

— Если хочешь,— ответил я, сделав в темноте гримасу.— Все идет хорошо, Манни?

— Отлично! — Он внезапно направил мне в лицо луч фонарика, на мгновение ослепив меня, потом осветил яму.

— Осталось примерно тридцать сантиметров,— сказал я, почувствовав тревогу.

— Ладно, завязывай с этим делом, дружок,— заявил Манни.— Уже достаточно глубоко.

Раздался глухой стук, и Мария с криком свалилась в яму лицом вниз.

— Что это значит?...— закричал я, но Манни вытянул правую руку, и в свете фонарика блеснул «Магнум» с коротким дулом.

— Я хочу те три тысячи монет, дружок,— сказал он.— Брось мне конверт, только аккуратно.

Луч фонарика резко переместился, и я увидел в глубине ямы перекошенное от ужаса лицо Марии.

— Скажи своей девчонке, что если она попытается вылезти из ямы, я тебя застрелю,— спокойно продолжал Манни, направляя на меня фонарик.— Ну, давай, флик,— холодно проговорил он.

Я достал из кармана конверт и бросил ему.

— Что случилось? — спросил я.— Ты сошел с ума или что?

— Лу сказал, что ты равнодушен к флику,— прошептал он.— И Лу был прав. Стоило мне потрясти перед твоим носом этими тремя тысячами, и ты попал в западню!

— Мы заключили соглашение,— настаивал я.— Почему же вы нарушили его?

— Это ты во всем виноват! — пролаял он.— Разрушил самую замечательную комбинацию, которую когда-либо проворачивал Лу. Пять тысяч каждый месяц, и Харлингфорд был только рад, выплевывая их. Но теперь убийство Шау насторожило фликов, и Лу решил навести порядок. Мы приготовили для фликов хорошую сказку, достаточно правдоподобную.

— Я все еще не понимаю, о чем ты говоришь,— раздраженно сказал я.

— Ты слишком много знаешь, дружок,— пояснил он,— и есть только один выход. На метровой глубине лежит Манделл, а сверху будешь ты! Дальше все просто. Флики явятся сюда, обнаружат твое тело и решат, что тебя прикончил этот подонок — Харлингфорд. Ему останется только застрелиться вот из этого пистолета, который сначала обработает тебя.

— Ты его вежливо попросишь покончить с собой в нужный момент? — иронически спросил я.

— Он такой же, как и ты, дружок,— спокойно ответил Карч,— и у него нет никаких шансов оправдаться. Давай, спускайся к своей девчонке!

Я спрыгнул в яму и обнял прижавшуюся ко мне плачущую Марию.

— Меня раздражает ее присутствие,— прошипел он.— Ложитесь оба на живот, живее!

— Нет! Я не хочу! — закричала Мария. — Данни, спаси меня!

— Я могу покончить с ней, не утруждая себя, — спокойным тоном продолжал Манни. — Когда я делаю свою работу, никто не подсказывает мне, как ее делать, даже Лу. Так что скажи, чтобы она легла, иначе ее конец будет менее приятен!

Я взял Марию за плечи и осторожно пригнул ее вниз. Она со стонами стала вырываться.

— Слушай меня внимательно, — прошептал я ей на ухо. — Делай все, что я тебе скажу, и ни о чем не думай! Ты меня слышишь, Мария? — Я резко встряхнул ее. — Доверься мне, и с тобой ничего не случится. Все будет хорошо. Ты поняла меня?

— Да! — простонала она, и я услышал, как у нее стучат зубы.

— Тогда ложись и ни о чем не беспокойся, — громко сказал я.

— Многие девочки пожалеют тебя, — скрипуче засмеялся Манни, — ловко ты их уговариваешь!

Повернувшись спиной к Карчу, я нагнулся над Марией, делая вид, что помогаю ей лечь, и осторожно вытянул ключ из-под брючного ремня.

— Отличная работа, — издевательски сказал Карч, — теперь твоя очередь.

— Да, — ответил я, медленно выпрямляясь. — Последний вопрос, прежде чем ты начнешь работу, ладно?

— Поторопись, дружок, мне еще многое надо сделать, — нетерпеливо сказал он.

— Ты забыл про парня, который подслушал разговор между Харлингфордом и Лу в то утро.

— Не забыл, дружок, — насмешливо ответил Манни. — Он молчал в течение двух лет, не так ли? Тогда что же он, по твоему мнению, сделает, когда узнает, что случилось с таким смельчаком, как ты?

— Я полагаю, что он... — начал я и как бы невзначай приблизился к краю ямы, поближе к бандиту.

Я располагал временем не больше секунды и должен был добиться успеха с первого удара... или отдать Богу душу в яме, вырытой собственными руками. Размахнувшись, я с такой силой нанес удар в сторону Манни, стараясь попасть ему в челюсть, что не смог удержать ключ в руке, и он упал где-то в темноте. Послышался неясный шум падающего тела, и фонарик скатился в яму, прямо к моим ногам. Мгновение спустя я был наверху и в двух

метрах от себя обнаружил неподвижно лежавшего головореза. Опустившись перед ним на колени, я попытался приподнять его, но он тут же повалился на бок, как большая тяжелая кукла. Приглядевшись внимательнее, я понял, что ключ, не достав челюсть, ударил его по адамову яблоку и раздробил шейные позвонки. Ни крови, ни царапин. Чисто проделанная работа! Я невольно подумал, что такая работа доставила бы удовольствие Манни. Поэтому я с чистой совестью обыскал его, пока не нашел конверт с деньгами, принадлежавшими мне по праву.

11

После того, что с нами случилось, я решил больше не церемониться. Отыскав в сарае огромный заступ, я выставил самое большое окно в доме Харлингфорда и отправился к Марии. Заметив на краю ямы револьвер Манни, я положил его в карман. Мария лежала без сознания, и мне пришлось нести ее до самого дома. Включив свет, я положил ее на диван. Все лицо Марии и даже ее меховое мантио было покрыто липкой глиной. Сейчас она была похожа на персонаж из фильма ужасов.

Мое шестое чувство привело меня прямо к бару. Взяв ближайшую бутылку бурбона, я наполнил половину большого стакана и опорожнил его одним глотком. Потом наполнил второй стакан и направился к Марии, по дороге очищая грязь со своих ботинок о ковер, который, вероятно, был привезен прямо из Персии. Мария уже пришла в себя и теперь пыталась подняться.

— Спокойно, моя прелесть, — сказал я. — Теперь все идет хорошо.

— Данни? — Она устремила на меня вопрошающий взгляд. — Вероятно, я потеряла сознание? Я не помню...

Внезапно она выпрямилась и бросилась ко мне.

— Этот ужасный тип! Этот злобный сумасшедший! Он нас убьет!

— Успокойся! Я уже занялся им, так что тебе ничто не грозит. Вот, выпей это.

Я протянул ей стакан с бурбоном. Она сделала несколько глотков, потом подняла голову.

— У меня жуткое состояние, — простонала она. — Такое ощущение, будто я не мылась три месяца.

— У нас достаточно времени, — заверил я ее. — Когда ты допьешь свой стакан, я разыщу ванную, и ты сможешь

помыться, мне все равно нужно позвонить по телефону в два места.

Вернувшись, я застал Марию порозовевшей от выпитого бурбона и довольно оживленной. Объяснив ей, как дойти до ванной, я долил свой стакан и устроился за столиком с телефонным аппаратом. Немного отхлебнув из стакана, чтобы придать голосу необходимую хрипоту, я набрал номер телефона Харлингфорда. Мне пришлось долго ждать, прежде чем на другом конце провода подняли трубку.

— Кабинет мистера Харлингфорда, — произнес женский голос, и я сразу узнал его, хотя в нем не чувствовалось то спокойствие, с каким говорила со мной мисс Ден сегодня днем.

— Мне нужно немедленно переговорить с ним, — хрипло прошептал я. — Вопрос жизни и смерти!

— Простите... — сухо начала она, но я тут же добавил:

— Это Манни Карч... проклятие...

— Вон что!

Она так резко положила трубку на стул, что у меня зазвенело в ушах. Послышались невнятные голоса, потом снова взяли трубку.

— У телефона Френсис Харлингфорд!

— Манни Карч, — прошептал я очень старательно. — Произошла ошибка, вернее, осечка, дружок, удар не состоялся.

— Что? — Наступила небольшая пауза. — Не вешайте трубку! — резко сказал он и положил трубку, но я продолжал слышать его голос. — Глория, у меня деловой разговор и очень конфиденциальный. Так что, дорогая, не подождешь ли ты немного за дверью?.. Но, Боже мой, кто может увидеть тебя там?

Наступило молчание, потом снова раздался резкий голос Харлингфорда:

— Вам не удалось захватить его? Я думал, что все было оговорено с Кестлером?

— Я тоже, дружок, — прошептал я. — Но мы оба были обмануты, оба!

— Что такое вы говорите, Боже мой! — Жалобная нотка проскользнула в его голосе. — Кестлер поручил вам ликвидировать Бойда, что произошло?

— Лу сговорился с Бойдом, — прохрипел я. — Подонок, фальшивый друг! Я уже собирался уничтожить его, еще две секунды, и он был бы ликвидирован, и тут Лу напал на меня.

— Он стрелял в вас? Вы серьезно ранены?

— Да,— прошептал я.— Мне понадобился целый час, чтобы добраться до дома.

— Что же такое случилось с Кестлером? Сошел с ума? — взволнованно спросил Харлингфорд.

— Лу решил, что я мертв. Я слышал, о чем они говорили. Этот подонок Бойд все предусмотрел!

— Предусмотрел, что? Скажите же, Карч, черт возьми...

— Сейчас...— Я мастерски издал легкий стон.— Так вот, он знает все. Как мы спрятали труп Манделл по вашей просьбе, а потом заставляли вас платить за это. Тогда вы наняли Бойда, чтобы припугнуть нас, но он слишком далеко зашел, и вы решили убрать его. Он знает, что это вы убили ту девчонку, Шау, и теперь они вместе с Лу хотят все свалить на меня и на вас.

— Что?.. Как?.. Что они задумали? — завопил Харлингфорд.

— Сейчас они поехали к Лу. Малость подзаправятся, а потом займутся вами. Бойд уже придумал, что он скажет фликам. Мол, когда он узнал о том, что вы натворили, он решил пока не вмешивать полицию в это дело и поехал к вам, чтобы выяснить, действительно ли вы виноваты. Но как только вы увидели его, то сразу выхватили пистолет, и ему пришлось выстрелить в вас. Законная защита!

— Так они едут ко мне, чтобы убить меня? — дрожащим голосом спросил он.

— Только один Бойд. Так что вы еще можете расправиться с ними, но надо действовать быстро.

— Что я должен сделать? — жалобно спросил он.

— Бойда пока можно не считать. Его интересуют лишь деньги, которые ему заплатил Лу. А вот Лу действительно опасен. Он нас обоих надул!

— Подонок и шантажист! — в ярости воскликнул Харлингфорд.— Как подумаю, сколько денег я выплатил ему в течение двух лет... Ну, ладно, так что вы предлагаете?

— У вас есть оружие, дружок?

— Разумеется.

— Тогда не ждите Бойда,— сухо прошептал я.— Поезжайте к Лу и верните ему долг той же монетой.

— Хорошо,— заявил он, немного подумав,— но что мне это даст?

— Послушайте, дружок, у меня пуля в позвоночнике. Меня хватит ненадолго, но я еще немного поживу. Вы поедете к Лу и пристукнете его, после чего спрячетесь

в каком-нибудь месте. Через час я вызову фликов и признаюсь, что я убил Лу, потому что вынужден был защищаться. Я попрошу их приехать за мной поскорее и отправить меня в госпиталь.

— Но к чему этот героизм, Карч? — недоверчиво спросил он. — Это совершенно на вас непохоже.

— Вы пристукнете Лу, а я скажу, что это сделал я, и вы можете быть спокойны, вбейте себе это в голову, Харлингфорд! Никто вас не тронет! Я предлагаю вам это потому, что Лу меня обманул. Потому, что он в меня стрелял, и теперь я умираю. Я хочу только одного — чтобы Лу получил сполна, а вы единственный парень, способный это сделать.

— Согласен! — с живостью воскликнул Харлингфорд. — Только вы уверены, что сможете через час позвонить фликам. Что, если вы умрете раньше?

— Я буду жить дольше, чем Лу, дружок, — прохрипел я. — Не беспокойтесь, я не отброшу кости раньше телефонного звонка.

— Хорошо, я сейчас же еду, — напряженным тоном проговорил он. — Желаю удачи, Манни!

— И вам того же, дружок!

В справочнике Манхэттена я нашел номер телефона бара «У Майка» и набрал его. Трубку взяла Перл.

— Перл, позови-ка Лу, да побыстрее! — прохрипел я.

Она пронзительно рассмеялась. Я представил ее сидящей на табурете у бара с голой спиной.

— Позвать тебе Лу, болван? — прошипела она. — Ты что, взбесился или пьян? К чему беспокоить Лу? Я могу объяснить тебе все, что...

— Позови мне Лу, девушка! — оборвал я ее.

— Ладно, ладно, — проговорила она испуганно. — У тебя нет ни малейшего чувства юмора, вот горе! Эй, Лу, сокровище! Тут Манни хочет поговорить с тобой по-мужски.

— Что случилось, Манни? — раздался спокойный голос Лу.

— Неприятности, — прошептал я. — Тебя обманули, дружок. Харлингфорд сговорился с Бойдом. Я хотел, как было условлено, ухлопать его, но Френк выстрелил в меня из-за кустов, мерзавец!

Я рассказал Кестлеру примерно такую же басню, что и Харлингфорду, разумеется, переставив имена.

— Ты один, Лу? — спросил я тем же тихим и шипя-

щим голосом, которым начал уже гордиться.— С тобой никого нет, кроме Перл?

— Нет,— грубо ответил он.— Я отпустил Джонни к своей девочке.

— Тогда будь осторожен, дружок, Харлингфорд собирается прихлопнуть тебя.

— Не беспокойся, Манни. Этот подонок получит свое.

— Он может появиться у тебя с минуты на минуту,— сказал я.— Лучше я повешу трубку.

— А ты, Манни? — тихо спросил он.

— Со мной все кончено,— сказал я, чувствуя почти слезы на глазах.

— Я могу что-нибудь сделать для тебя?

— Ты можешь сделать мне хорошие похороны, дружок,— прошептал я.

— Ты их не заслужил, подонок! — Его голос внезапно стал жестким.

— Как это, дружок? — пробормотал я.

— Ты здорово меня обобрал,— проскрежетал он.— Пять тысяч долларов только за то, чтобы ликвидировать этого прохвоста Бойда, а ты еще к тому же промахнулся! Это твоя последняя работа, мошенник, ты все равно получил бы отставку при всех обстоятельствах!

— Ты сумасшедший, Лу! — хрипел я.

— Я нашел себе другого парня. Угадай — кого? Джонни! У парня есть амбиция, и я уже сделал ему предложение пристукнуть тебя. Это была бы его первая работа. Я пообещал ему тысячу монет. Знаешь, что он мне сказал? — Кестлер неожиданно рассмеялся.— «Чтобы иметь честь ликвидировать Манни Карча, я бы сделал это бесплатно!» — Его голос снова стал жестким.— Салют, бродяга! Помойся, прежде чем сдохнуть!

Он резко повесил трубку. Я подождал четверть часа, выкурив две сигареты, затем позвонил Биксби.

Лейтенанта на месте не оказалось, дежурный отказался сообщить, где находится. Тогда я заявил ему, что у меня есть важные сведения относительно убийства Женни Шау, и он дал мне номер телефона Биксби.

Тот отозвался только после четвертого звонка.

— Биксби! — пролаял он.— Что надо?

— Это Бойд, Данни Бойд,— вежливо проговорил я.— Вы меня помните?

— Я искал вас весь день,— ответил он довольно холодно.— А вы ждали середины ночи, чтобы позвонить мне?

— Мне кажется, я нашел труп Евы Манделл,— сказал

я, не обращая внимания на его слова.— Должен также заявить, что здесь находится труп Манни Карча, которого я убил по всем правилам законной самозащиты.

В это время вернулась Мария. Без косметики, она казалась еще привлекательнее. Один взгляд на ее платье с огромными лютиками придал мне сил больше, чем переживание крови.

Я выложил всю историю лейтенанту Биксби, скрыв от него некоторые детали: три тысячи долларов, полученные мною от Кестлера, телефонные звонки Харлингфорду и Лу.

— Мисс Сунг подтвердит ваши слова относительно Карча? — сухо поинтересовался он.

— Конечно.

— Почему вы сразу не сообщили мне о том, что вам рассказал Жером Вильямс?

— Я собирался это сделать, лейтенант, в тот же вечер,— постарался я ответить очень убедительным голосом,— но, как только я вернулся к себе, появился Карч и увел меня, так что с этого момента я был слишком занят, чтобы звонить по телефону.

— Остер Бей находится не в моем секторе,— недовольно проворчал он.— Я предупрежу городскую полицию, чтобы они занялись трупом Карча. Нужно будет также найти останки Евы Манделл. Вы хорошо сделаете, если останетесь на месте.

— Будьте добры, лейтенант,— стал просить я.— Мисс Сунг страшно потрясена всем происшедшим и хочет поскорее вернуться в Манхэттен. Должен признаться, что я тоже не в форме. Мы ничем не можем быть полезными фликам сейчас.

— Ради мисс Сунг я окажу вам услугу,— торжественно сказал он.— Слушайте хорошенько, Бойд. Вы отправитесь прямо в Нью-Йорк, отвезете мисс Сунг домой и сразу же приедете в мое бюро, слышите?

— Согласен, лейтенант,— радостно ответил я.— Я вам очень благодарен!

Я повесил трубку и с улыбкой посмотрел на Марию:

— Вот я и в дружбе с фликами! А теперь — домой, моя дорогая!

— Восхитительно,— ответила она безразличным тоном.— А сколько человек будут нас преследовать?

Была полночь, когда мы подъехали к моему дому. Я вручил Марии ключ и объяснил:

— Мне надо нанести один визит. Поднимись наверх и отдыхай, я скоро вернусь.

— Ты думаешь обо всем, Данни.— Мне показалось, что в ее голосе послышался холодок.— Спасибо за этот очаровательный вечер. Я в самом деле забавлялась, как сумасшедшая.— Она посмотрела на меня со странным огоньком в глазах.— На свете найдется немного девушек, которые имели счастье выбраться из собственной могилы!

— Я куплю тебе другое меховое мантио,— смиренно проговорил я.

— Меня беспокоит не мантио,— раздраженно возразила она.— Меня беспокоят те десять лет моей жизни, которые я потеряла за сегодняшний вечер!

12

Лорен Лоувел открыла дверь и посмотрела на меня с легким удивлением.

— Опять наш детектив! — воскликнула она.— Вы часто наносите визиты среди ночи?

— Только когда это необходимо, например, сейчас,— ответил я.— Ваш муж дома?

— А где он может быть?

Она повернулась ко мне спиной, и я последовал за ней в гостиную. На ней были надеты матроска цвета шампанского и бархатные брюки. Глаза мои, как радары, устремились к ее вихляющим бедрам.

Роджер Лоувел, сидя в кресле около окна, курил сигару. Он повернул в мою сторону голову, как только я вошел в комнату, и у меня создалось впечатление, что он внимательно рассматривает меня.

— Это мистер Бойд, дорогой,— объяснила Лорен.— Он утверждает, что ему необходимо повидать тебя.

— Я уже предупреждал мистера Бойда, что не интересуюсь Ирен Манделл,— отчетливо проговорил он.— И ничего не произошло с тех пор такого, чтобы я стал ею интересоваться.

— Кроме смерти вашей горничной! — резко сказал я.

— Что вы хотите? Буду вам благодарен, если вы будете по возможности кратким.

— Согласен.

Лорен сидела на диване со скрещенными ногами. Неожиданно она улыбнулась мне и сделала знак, чтобы я сел рядом с ней. В тот момент, когда я усаживался около нее, она выпрямила ноги и прижала свое бедро к моему, наблюдая за моей реакцией с насмешливой улыбкой на губах.

Я почувствовал себя неловко, потом сообразил, что Лоувел не мог видеть этого, и смущение мое прошло. Лорен внимательно наблюдала за мной, и моя реакция не ускользнула от нее. Ее бедро еще сильнее прижалось к моему, и скверный огонек замерцал в глубине ее иронических глаз.

— Большая часть того, что я должен сказать, мистер Лоувел, боюсь, произведет на вас тягостное впечатление. Но я считаю, что вы должны быть в курсе дела. Вы имеете право знать больше, чем кто-либо другой, замешанный в эту историю.

— Я привык к тягостным сюрпризам за последние два года, мистер Бойд.— Горькая улыбка тронула его губы.

— Хорошо. Постараюсь быть кратким. Начнем с того момента, когда Френсис Харлингфорд нанял меня, чтобы отыскать Ирен Манделл или хотя бы выяснить, что с ней произошло. Он сказал, что это ему нужно для иллюстрированного журнала и дал мне список людей, которые ее хорошо знали. Я обошел их всех. Барни Миккера, импресарио, который сообщил мне о Женни Шау — бывшей горничной Ирен Манделл, Жеан Бертон — ее подругу и Жерома Вильямса — ее режиссера, которые утверждали, что ничего не знают. Потом Роджера Лоувела, парня, который собирался на ней жениться. Ваша горничная показалась мне особой, хорошо играющей свою роль, и это меня насторожило. Когда я прямо сказал ей, что она Женни Шау, она даже не стала отрицать этого и казалась почти довольной, что нашла кого-то, с кем могла бы поговорить об Ирен Манделл. Мы условились встретиться в тот же вечер в десять часов у меня в доме. Как вам известно, она была уже мертва, когда я вернулся домой.

— Стоило приходить сюда ночью, чтобы сообщать мне то, что я давно знаю, — недовольно проговорил Лоувел. — Если у вас есть что-нибудь новое, выкладывайте поскорее, а нет...

— Сейчас будет и новое, — заверил я его.

Я рассказал ему все, начиная с первого посещения Манни Карча, передавшего мне угрозы Кестлера, вплоть до последних событий.

Когда я закончил, Лоувел долго молчал. Лицо его, казалось, окаменело. Затем он, нащупав стоявшую возле него пепельницу, раздавил в ней окурочек сигары и произнес:

— Ваша история превосходна, Бойд. Но мне точно известно, что это не труп Евы Манделл.

— Почему вы так думаете? — удивился я.

— Я знаю это, — просто сказал он.

— Вы можете знать об этом только в одном случае,— настаивал я.— Если вы видели Еву Манделл после уик-энда.

В это время Лорен отрицательно покачала головой, адресовав мне радостную улыбку, осторожно подсунула мою руку под свою матроску и прижала ее к голому телу.

— Я не имею ни малейшего желания спорить, Бойд,— сухо заявил Лоувел,— но я знаю, что если труп там и существует, то принадлежит он вовсе не Еве Манделл.

— Но вы же не думаете, что такой тип, как Харлингфорд, стал бы платить пять тысяч в месяц шантажисту в течение двух лет, если бы не был уверен в этом.

— Я не могу говорить за Харлингфорда,— проворчал он.

— Вы воображаете, что два таких профессионала, как Кестлер и Манни Карч, могли ошибиться в личности трупа, которым они пользовались для такого сенсационного шантажа?

Пальцы Лорен снова повели мою руку и прижали ее к правой груди. Влажные глаза, которыми она смотрела на меня, полуоткрытый рот — все говорило о том, что она испытывает неудержимое желание.

— Роджер устал, мистер Бойд,— задышавшись, проговорила она.— Мне кажется, лучше положить конец разговорам.— Она сильно прижала мою руку к своей груди и закрыла глаза.— Я... Я провожу вас...

— Минуту! — сердито вмешался Лоувел.— Мы не закончили. Вы считаете меня лгуном, Бойд?

— Я думаю, что вы просто заблуждаетесь.

— Я поклялся, что никогда в жизни не стану говорить об этом,— глухо проговорил он.— Но теперь какое это имеет значение? Как вам известно, я был женихом Ирен Манделл. Я любил ее, Бойд. Потом я познакомился с ее сестрой Евой и потерял голову. Это было какое-то наваждение, будто меня вдруг подменили. Ничто не имело смысла, кроме нее.

Я резко выдернул руку из захвата Лорен и встал.

— Вы были не единственным, с которым это случилось,— спокойно сказал я.

Он, казалось, меня не слышал.

— В тот вечер,— продолжал он напряженным голосом.— Ирен заставила ее выпить. Я не мог упрекать Ирен за ненависть к сестре. Ева просто украла меня у нее. И тогда...

— Она знала про садистские наклонности Харлингфор-

да, особенно с женщинами,— прервал его я,— и сказала ему, что у Евы такая же натура. Она возбудила в нем его неудержимый садизм до такой степени, что он не мог более сдерживаться.

— В этот момент я покинул Еву,— прошептал Лоувел.— Я видел, как Харлингфорд поднял ее и унес из комнаты. Я хотел вмешаться, но Лу Кестлер и его горилла преградили мне путь, и у меня не хватило смелости драться с ними. Вот почему у Евы появилась такая ненависть ко мне: ведь я клялся ей, что сойду с ума или умру, если она не выйдет за меня замуж. Она была права! Такой негодяй, как Харлингфорд, взял ее силой, а я был лишь простым зрителем...

— Роджер,— пробормотала Лорен горловым голосом,— мой дорогой бедняжка! Не нужно больше говорить об этом, это так тебя расстраивает!

— Нет! — возразил он, энергично покачав головой.— Я держал это в себе так долго... Может быть, настал момент сказать правду?

На его лице отражалась целая гамма чувств.

— Я знаю, что труп, зарытый в Остер Бей, не мог быть трупом Евы,— заявил он,— потому что перед тем, как получить в лицо кислоту, я ясно видел человека, который это сделал.

— Ева? — спросил я очень тихо.

— Да, Ева! — яростно воскликнул он.— Но даже страдая от ожогов, я мог понять, почему она сделала это, и жалел ее. О, это было не благородство сердца или христианское милосердие, понимаете, Бойд? Я испытывал отвращение к самому себе. Я ненавидел себя так, как она могла ненавидеть меня, и понял справедливость ее мщения.

— Нам всем нужно выпить, мне кажется,— сказала Лорен слегка взволнованным голосом.

Она встала и направилась к бару, но на этот раз не произвела на меня ни малейшего впечатления.

— А вы не могли ошибиться? — спросил я у Лоувела.— Было темно, она вышла из тени, и вы могли видеть ее не более секунды.

— Нет,— твердо возразил он.

— Что на ней было надето?

— Не помню. Плащ, кажется...

— Но ведь именно благодаря одежде вы узнали ее?

— Ее черные волосы... «Темный ангел». Так я называл ее шутя. Родинки на обеих щеках, они были такими заметными, как фабричная марка.

Лорен сунула стакан ему в руку, потом протянула стакан мне.

— Спасибо, сейчас выпивка — в самый раз, — поблагодарил я ее.

— Мы все нуждаемся в этом, — повторила она и вернулась к бару.

Ее лицо совершенно потеряло выражение сексуальности и желания. Я даже подумал, не показалось ли мне все это.

Лоувел пил молча. Выражение облегчения неожиданно появилось на его лице, как будто он совершенно перестал интересоваться разговором. Я не мог оставить его в таком состоянии.

— Хорошо, перейдем к Ирен, — поспешно сказал я. — По словам Вильямса, последний раз он ее видел в воскресенье днем.

— Я никогда больше не видел Ирен, — безразличным голосом ответил Лоувел. — Она исчезла, и через некоторое время можно было подумать, что она никогда и не существовала. Это странно, не правда ли? Но я теперь даже и вспомнить не могу, какой она была, Ирен Манделл!

— У меня есть теория относительно Ирен Манделл, — заметил я, — и я ее вам изложу.

Я продолжал быстро, чтобы не дать ему возможности перебить меня.

— Утром, в то воскресенье, Вильямс, кроме всего прочего, слышал, как Кестлер советовал Харлингфорду рассказать другим, что Ева рано утром уехала в Нью-Йорк. Харлингфорд протестовал, говоря, что Лоувел никогда не поверит этому, и уж, конечно, не он сможет убедить его в этом. Кестлер тогда предложил сказать Ирен, что она тоже виновна в смерти своей сестры и теперь должна убедить Лоувела, что Ева действительно уехала в Нью-Йорк. «Если она начнет протестовать, скажи ей, что Мэни и я готовы присягнуть, что она это все организовала», — говорил Кестлер.

— Боже мой! — воскликнула Лорен. — Неужели вам не надоест столько раз повторять одно и то же?

— Замолчи! — зарычал Лоувел с неожиданной злостью.

В первый раз мне удалось пробудить его любопытство.

— Моя теория состоит в том, что, вернувшись в Нью-Йорк, Ирен была охвачена паникой. Если Кестлер и Карч исполнят свою угрозу, она будет обвинена в смерти сестры вместе с Харлингфордом, и он может попытаться заставить ее замолчать навсегда. Кроме того, ей следовало опасаться

Лу Кестлера, который уже дал понять Харлингфорду, что тот должен платить за молчание. Он мог заставить платить и Ирен, и тогда она до конца дней своих окажется в кабале.

— Почему вы не пишете книги? — дрожащим голосом спросила Лорен. — Мы могли бы их читать сами вместо того, чтобы сидеть и слушать вас?

Лоувел нагнулся вперед в своем кресле, внимательный и напряженный.

— Я слушаю, Бойд, — нетерпеливо произнес он.

— Я предполагаю, что она в самом деле сбежала, чтобы где-нибудь спрятаться в деревне на первые недели, — сказал я, — и увезла с собой Женни Шау. Но она вернулась после того, как в вас плеснули кислотой. Она вернулась к вам и сказала, что по-прежнему любит вас и хочет выйти за вас замуж.

— Выбор ваших слов просто замечателен. Он очень точен, — осторожно заметила Лорен. — И что же дальше?

— Но она боялась, что Ева может сделать с ней то же самое. Пока вы находились в Вермонте и подвергались хирургическим пластическим операциям, Ирен занялась изменением своего лица. Ничего страшного, я полагаю: слегка изменив форму носа, скулы, овал лица, она превратилась в другую женщину, Лорен Лоувел.

— Гениально, мистер Бойд! — Лорен стала аплодировать. — Вы правы, я была Ирен Манделл, а стала Лорен Лоувел. Разве это важно? Обе эти женщины любят своего мужа одинаковой любовью.

— Это становится важно, если труп, зарытый в Остер Бей, принадлежит Еве Манделл, — возразил я.

— Я вам сказал уже, что это невозможно! Ева плеснула мне в лицо кислотой! — заорал Лоувел.

— Очень сожалею, но вы ошибаетесь. Вы видели женщину, может быть, одетую в плащ...

— Я вам сказал уже, — кричал вне себя Лоувел. — Я видел черные волосы и две родинки! Это была Ева!

— Конечно, — грубо ответил я. — Вы и должны были их видеть, неужели вы не понимаете? Что такое родинки? Две точки, сделанные карандашом! А черные волосы? Парик!

Лоувел откинулся на спинку кресла. Смертельная бледность покрыла его лицо.

— Он лжет! — вмешалась Лорен. — Не верь ему, Роджер, он хочет обмануть тебя! И я не знаю, по какой причине! Когда вчера он застал меня вечером здесь одну, он пытался изнасиловать меня, он...

— Закройся!

Он сказал это тихим голосом, но так внушительно, что она испуганно замолчала.

— Последняя деталь,— продолжал я устало.— Женни Шау убили, чтобы помешать ей говорить со мной. Но ее не было на вечере у Харлингфорда, она была здесь, в Нью-Йорке. Так что она не могла знать того, что произошло.

— И тогда? — сухо спросила Лорен.

— Кто хотел помешать ей говорить со мной? Харлингфорд? Кестлер? Или Манни Карч? Что такое опасное для них она могла знать? Зато она знала, что Ирен Манделл стала Лорен Лоувел. Я предполагаю, что она давно догадывалась, кто вас ослепил. Вот по этому поводу она и могла дать очень важные сведения. Она могла сказать, что в тот вечер, когда все случилось, Ирен находилась в Нью-Йорке. Может быть, Женни видела парик, которым воспользовалась Ирен, и спрашивала ее об этом?

Я продолжал, подчеркивая каждое слово:

— Если бы Женни выдала Ирен, многие люди, начиная с вас, не стали бы спрашивать, где Ева Манделл. Продолжение было бы таким логичным, Лоувелл... Женни доказывает, что Лорен — это Ирен Манделл. Ирен, загримированная под Еву, брызнула кислотой... Где видели Еву в последний раз? У Харлингфорда. Так постепенно готовилось убийство... Женни собиралась сообщить мне кучу сведений. Лорен не могла допустить этого. Она пришла в мою квартиру раньше меня и убила Женни Шау. Пять пуль в груди, выпущенных в упор! Разве это не типично для женщины, которая отомстила своей сестре, передав ее в руки пьяного садиста? Которая отомстила своему любовнику, сделав его слепым?

— Я не могу поверить... что она убила Женни... — в ужасе пролепетал Лоувел.

— У вас есть револьвер? — спросил я.

— Да.

— Где вы его храните?

— В верхнем ящике секретера. Я поищу его.

Он встал, обошел комнату с уверенностью, которая вырабатывается долгой привычкой. Его тонкие пальцы нащупали ящик, открыли его, и стали шарить внутри.

— Его здесь больше нет! — дрожащим голосом проговорил он.— Кто-то взял его!

— Дай мне посмотреть,— сухо сказала Лорен.

Она тихонько оттолкнула его, на секунду закрыв телом секретер, потом резко повернулась.

— Ты ошибся ящиком, дорогой,— сказала она насмеш-

ливым тоном, держа в руках оружие.— Он был в третьем ящике, как раз там, куда я его положила после возвращения ночью от мистера Бойда... после смерти бедняжки Женни.

— Кажется, теперь мне следует вызвать полицию,— вежливо произнес я.

— Не надо спешить, Данни,— возбужденно сказала Лорен, направив в мою грудь револьвер, который только что достала.— Не заставляйте меня нервничать, понятно? — Она ослепительно улыбнулась.— Я убийца очень импульсивного характера, человек, который быстро выходит из себя! Ведь вы видели тело Женни, не правда ли?

— Бедная Женни! — прошептал Лоувел.— И бедная Ева!

— Они получили то, что заслужили,— сухо проговорила она.— Я всегда слежу за тем, чтобы люди, оскорбившие меня, не оставались безнаказанными, как это было и с тобой, дорогой Роджер!

Она снова посмотрела на меня, и безмерная злоба, которая сверкала в ее глазах, подействовала на меня почти с физической силой.

— У вас было много шансов, мистер Бойд, не так ли? Но вы решили быть благородным по отношению к слепому мужу! Это очень опасно с вашей стороны, мистер Бойд, так обращаться со мной, как вы позволили себе в этот вечер! Я могу проследить за тем, чтобы вы получили то, что заслужили!

Лоувел медленно приблизился к ней, опираясь правой рукой на секретер.

— Лорен! — ошеломленно проговорил он.— Я никогда не отдавал себе отчета... Ты сумасшедшая!

— Помолчи! — злобно воскликнула она.— Никогда не говори этого, слышишь?

— Сумасшедшая,— тихо повторил он,— Ева, Женни, я сам... Я спрашиваю себя, что могли мы сделать такого, чтобы заслужить столь ужасную участь?

— Остановись, ты слышишь меня? — завопила она.— Остановись или я остановлю тебя, как я остановила эту дрянь, которая постоянно шпионила за мной!

— В течение этих двух долгих лет,— с отчаянием продолжал Лоувел,— правильный ответ никогда не приходил мне в голову... Злобное, жестокое существо...

— Я заставлю тебя замолчать,— закричала Лорен в исступлении, прижав револьвер к его груди.

«Судьба и так была несправедлива к Лоувелу, и нельзя

допустить сейчас его смерти», — мелькнуло у меня в голове. Я выхватил из кармана револьвер Карча и старательно прицелился в правое плечо Лорен. Однако Лоувел находился ближе к своей жене, чем я предполагал. Почувствовав прикосновение дула к своей груди, он инстинктивно выбросил руку вперед, толкнув Лорен в плечо. Она потеряла равновесие, и в это мгновение я нажал на спуск. Несколько секунд она стояла неподвижно. Перед ее платьем быстро покрывался пятнами красного цвета, затем она медленно стала падать.

— Лорен!.. — позвал Лоувел задушенным голосом. — Где ты, Лорен? — Он стал поворачивать голову направо и налево, прислушиваясь. — Лорен, где ты? — Слезы медленно потекли по его щекам. — Ради всего святого, что с ней случилось?

— Она умерла, — тихо сказал я.

13

Биксби нетерпеливо тер свои красные щеки и с неприязнью смотрел на меня.

— Если бы вы прямо поехали ко мне в бюро, как я вам говорил, она, возможно, была бы жива.

— У меня не было никаких доказательств, — возразил я. — Мой единственный шанс заключается в том, чтобы вывести ее из себя, чтобы нервы ее не выдержали. Я вам объяснил, каким образом она была убита. Это был несчастный случай. Уж не думаете ли вы, что я намеренно убил женщину?

— Я ровно ничего не знаю, — прошипел Биксби. — У вас был полноценный свидетель, когда вы убили Карча, хотя это звучит невероятно, учитывая его репутацию. Вам можно было бы присудить медаль за это.

Он снова провел рукой по лицу.

— Возможно, все так и произошло, как вы говорите. В любом случае, ей бы плохо пришлось: электрический стул или больница для умалишенных. Я не жалею ее. Но меня раздражают ваши методы, Бойд!

— Мои методы, лейтенант? — глупо повторил я.

— За кого вы себя принимаете, Боже мой! — пролаял он. — Вы считаете, что можете таким образом вершить правосудие и стрелять по своему желанию людей? Вы воображаете, что ваша лицензия частного детектива вас к тому обязывает?

— Нет, сэр,— покорно проговорил я.— Но факты говорят о том, что у меня не было другого выбора.

— Может быть, это болезнь? — Он втянул воздух через ноздри.— И все люди, втянутые в эту историю, заболели ею? В противном случае, зачем Френсис Харлингфорд стал бы врываться к Лу Кестлеру, горя желанием всадить ему пулю в череп?

— И он сделал это? — возбужденно спросил я.

— Еще более странно,— продолжал Биксби,— что Лу ожидал его с пистолетом в руке. Такое впечатление, что они собирались драться на дуэли.

— Вы увезли Харлингфорда, лейтенант? — равнодушно спросил я.

— Да, разумеется.— Он подозрительно посмотрел на меня.— В фургоне для мяса. Он выходил, пятясь, из квартиры Лу, когда на лестнице появился Джонни Статини. Кажется, он заменил Карча в должности убийцы, проделав сегодня вечером свою первую и последнюю работу. Он просто остановился, держа в руке револьвер, не мешая Харлингфорду отступать, и когда его череп коснулся дула, он нажал на спуск. Два раза.

— Вы... э... задержали Джонни? — нервно спросил я.

— Да,— ответил Биксби. Голос его выдавал волнение.— Мы прибыли на место как раз в тот момент, когда он уложил Харлингфорда.

— Ну, что же, вот это дело,— сказал я.— Что касается двух других, то это не большая потеря.

Черты лица Биксби смягчились.

— Я задержал Вильямса, чтобы допросить его,— сказал он.— Сейчас у меня на руках большое количество подписанных свидетельских показаний. Какой мерзавец этот парень! Он знал уже в то самое утро, когда это случилось, что девушка была мертва, но никому об этом не сообщил. Он позволил верить такому славному парню, как Лоувел, что та женщина, которую он обожал, сделала его слепым. Я доставил себе удовольствие обвинить мистера Вильямса в двух преступлениях.

— Очень хорошо, лейтенант! — с энтузиазмом воскликнул я.

Он посмотрел на меня, нахмутив брови.

— А теперь уходите. Вы мешаете мне работать!

— Ухожу,— проговорил я недовольно.

Когда я дошел до двери, он хрипло позвал меня.

— Да, лейтенант? — спросил я, оборачиваясь.

— Два телефонных разговора из дома Харлингфорда

были зарегистрированы на городской телефонной станции. Один в десять часов с половиной, другой — через четверть часа. Самое забавное, первый разговор был с кабинетом Харлингфорда, а второй — с кабинетом Кестлера.

— Я-то ломал голову, что делал Манни, пока я копал,— задумчиво проговорил я.

— Я не знаю, что делал Манни в десять часов с половиной,— сказал Биксби, и неожиданная улыбка осветила его лицо.— Но, во всяком случае, могу сказать, чего он не делал: он не звонил Харлингфорду. Полицейский врач определил время смерти Манни. Он умер не позднее десяти часов.

— Странно,— проникновенно сказал я.

— Есть еще кое-что более странное,— тихо сказал он.— Одна из телефонисток на мгновение присоединилась к линии во время первого разговора — простая проверка исправности линии. Она вспомнила голос, потому что он показался ей зловещим и угрожающим. Что-то вроде шепота, который вызывал дрожь. Да, она слышала, как собеседник дважды назвал обладателя зловещего шепота по имени Манни. Что вы думаете об этом?

— Неизвестные силы,— уверенно проговорил я.— Оккультные силы жизни и смерти. Злобное решение индивидуума, который наметил себе целью сделать это и закончил его уже после своей смерти. Мистика...

— Да-да! — резко оборвал он меня.— У меня есть показания вашей подружки Марии Сунг.

— Отлично,— недоверчиво протянул я.

— Она говорила мне о вашей храбрости.— Он иронически рассмеялся.— Но потом у вас произошла реакция. Например, когда вы говорили по телефону, у вас почти не стало голоса, вы были вынуждены почти все время шептать.

— Я этого не помню,— твердо сказал я.

— Она сказала мне про три тысячи долларов, которые дал вам Карч, чтобы убедить вас, что дело было честным.— Биксби с восхищением потряс головой.— Ну и ну! Наша касса для вдов и сирот рассчитывает на часть этой суммы.

— Тысячу? — спросил я без особой надежды.

— Не будьте жмотом, Бойд! — Он с упреком посмотрел на меня.— Пятнадцать сотен!

— Завтра же отправлю чек, обещаю вам. Теперь я могу удалиться?

— Безусловно.— Он широко улыбнулся.— И спасибо за сенсацию!

— Сенсацию? — удивленно спросил я.

— Я всегда мечтал о сенсации, которая случается, когда разоблачается шантаж.

Он все еще удовлетворенно посмеивался, когда я закрыл дверь.

Ночь неожиданно посвежела, и пока я ожидал такси, меня пробрала дрожь. «Бьюик» Манни по-прежнему стоял у тротуара. Но я предпочитал не трогать его. С той удачей, которая сопровождала меня сегодня вечером, меня могли задержать за кражу машины прежде, чем я успел бы доехать до своего дома. Наконец, показалось такси, и четверть часа спустя я был уже дома.

Осторожно открыв дверь, чтобы не разбудить Марию, я на носках прошел в гостиную.

Настольная лампа бросала свет на диван, освещая пару красивых голых ножек. Подойдя ближе, я увидел, что Мария, на которой была надета самая восхитительная в мире пижама, крепко спит. Исключительно из научных соображений я пощекотал ее голый живот. Позади вдруг раздался женский голос. Это было так неожиданно, что я едва не подпрыгнул к потолку.

— Эй! Убери лапы!

Я круто повернулся, решив, что схожу с ума, и увидел в кресле напротив другую пар ног, таких же красивых и тоже голых.

— Фран? — пролепетал я. — Как вы сюда попали?

— Мария боялась остаться одна после того, что ей пришлось пережить этой ночью, — холодно ответила Фран. — Она позвонила мне и я пришла составить ей компанию. Мы решили быть великодушными и предоставить спальню вам.

— Это действительно очень мило с вашей стороны, — с чувством заметил я. — К тому же, у Марии очень комфортабельный вид на этом диване.

Я пристально посмотрел на Фран, потом слегка вздохнул и покачал головой.

— Что такое с вами? — с беспокойством спросила она. — У меня рука или нога какая-нибудь ненормальная, чего я еще не заметила, или что?

— Я не знаю, как вы, — с восхищением проговорил я, — но если мне приходится спать в кресле, я целый день чувствую себя разбитым.

— Вы не один в таком положении, — с живостью откликнулась Фран.

— У меня гениальная идея, — скромно сказал я. — Бу-

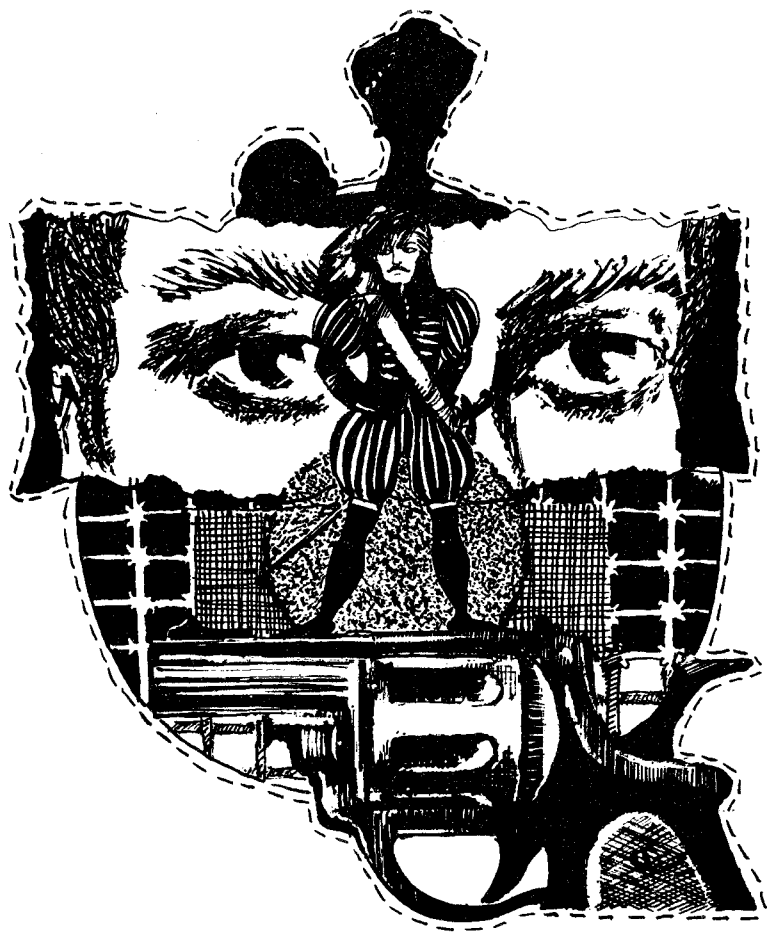
дет, на самом деле, жаль беспокоить Марию, она спит так сладко. Почему бы не разделить спальню между нами двумя?

Какой-то момент ее взгляд оставался ледяным, потом она улыбнулась.

— Этот Бойд...— пробормотала она.— Он всегда идет напролом к цели...

Она грациозно вскочила на ноги и прошла в спальную комнату.

Разумеется, я последовал за ней, жадно наблюдая ритмичные движения ее бедер.

ГУЛЯЙ, ВЕДЬМА

Она демонстративно скрестила ноги и явно любовалась ими. Миссис Адель Блейр — представилась моя первая клиентка таким тоном, словно ее имя должно быть известно каждому.

Передо мной сидела брюнетка в сапфирно-голубой обложке со светлым бантом под пышной грудью. Ее талия и без того была высока, а грудь величественно попирала шелк платья, но бант, надо признать, баснословно усиливал эффект. Мне подумалось, что мистер Блейр счастливчик, либо напротив — несчастный малый, а может статься, то и другое одновременно.

Темные глаза посетительницы изучали меня, светясь и пульсируя, как лампочки компьютера. Невольно захотелось показаться в лучшем свете, я слегка повернул голову, зная выгодные стороны своего лица.

— Мистер Бойд, — сказала она низким контральто, — мне посоветовали обратиться к вам в детективном агентстве Крюгера.

— Да, две недели назад, — начал я, но, вспомнив о новенькой вывеске над дверью «Контора Бойда», решил не объясняться.

— Вам дали прекрасный совет, — добавил я просто.

— Там сказали, что вы были их лучшим детективом, — миссис Блейр улыбнулась.

— Значит, ваше дело слишком горячо для Пайля Крюгера, — я улыбнулся в ответ. — Это единственная причина, когда он отказывается от клиента.

— Ошибаетесь, — вымолвила она не очень уверенно.

— Почему бы нам не поговорить начистоту? — спросил я. — Позднее, быть может, вы будете просто вынуждены лгать мне.

— Вы всегда так разговариваете с клиентами, мистер Бойд?

— Не знаю,— признался я.— Вы моя первая клиентка. Она равнодушно пожала плечами.

— Перейдем к делу. Оно касается моего мужа.

— Развод?

— А вы не занимаетесь делами о разводах?

— Я берусь за что угодно, лишь бы хорошо платили.

Ее губы скривились в усмешке.

— Мистер Крюгер так и сказал. Нет, речь идет не о разводе.

Ее ноги магнитом притягивали мой взгляд. Крутой изгиб бедер, туго обрисованный шелком, волновал. Да, эта женщина способна вскружить голову любому, и Данни Бойд, вероятно, не исключение.

— Мой муж — Николас Блейр. Вы, безусловно, слышали о нем.

— Вы так уверены?

Она жеманно поджала губы.

— Это величайший актер наших дней! Шекспировский театр! Вы бываете в театре, мистер Бойд?

— Нет, с тех пор, как закрыли «Бурлеск». Но верю вам на слово.

— Благодарю,— иронично кивнула она.— Муж старше меня... Он уже много лет не выступал, но хочет вернуться в театр.

— А вы хотите, чтобы я помог ему в этом?

Она подалась вперед.

— У вас не найдется закурить, мистер Бойд?

— Пожалуйста,— я подвинул пачку через стол.

— Спасибо,— она чиркнула настольной зажигалкой и глубоко затянулась.— Это ужасно, но Николас сошел с ума!

— Ага, так вы хотите, чтобы я вернул ему ум? И где же он его потерял — в Асторе?

Она порывисто поднялась, но тотчас села снова.

— Все так скверно.., а дальше будет еще хуже,— прошептала миссис Блейр.— Нужно что-то предпринять для его же пользы, мистер Бойд!

— Думаю, вы нуждаетесь не во мне, а в психиатре.

Она решительно покачала головой.

— Это невыполнимо! Но в одном вы правы — больница — единственный выход. Для его же пользы! Бедный Николас!

Я закурил.

— Почему вас не устраивает обычная процедура, медицины и прочий джаз?

— Невозможно.— Она устало провела рукой по лбу.— За многие годы у Николаса в театральном мире сложилась репутация чудака, которому все позволено. Но я-то знаю его лучше, и вижу, что эксцентричность уже переросла в безумие... Другие ничего не замечают. Конечно, Аубрей тоже догадался.

— Аубрей?

— Его сын от первого брака,— пояснила она.— Поймите, если Николас узнает, что предстанет перед доктором... О! Он великолепный артист, он будет вести себя как самый разумный человек в мире.

— Значит, безумным его находите только вы и Аубрей?

— Мы, как самые близкие люди, знаем Николаса лучше других.

— Безусловно,— кивнул я.— Каким образом вы предполагаете изолировать вашего супруга?

Пожав плечами, она устало вздохнула.

— Не знаю. Я затем и пришла к вам. Помогите мне, окажите услугу в столь деликатном вопросе...

— И надолго вы хотите его изолировать?

— Естественно, до полного выздоровления! Боюсь только, мой несчастный Николас неизлечим.

— Мне тоже так кажется,— посочувствовал я.— Ваш муж богат?

— Не сказала бы,— она заколебалась,— он скопил немного, будучи звездой Бродвея... Имеет некоторый доход от ценных бумаг.

— А его сынишка, Аубрей, еще в школе учится?

— Что вы! — в ее глазах мелькнула усмешка.— Ему около тридцати.

— Привлекательный парень?

— Почти как вы, мистер Бойд.— На миг ее лицом овладело смущение.— А почему вы спрашиваете?

— Древнейший фокус,— сказал я жестко.— Старик женится на молодой, его сын жаждет соединиться с мачехой, не потеряв при этом денег отца! Должен заметить, миссис Блейр, вы нашли оригинальное решение. Ничего лучше и не придумать, кроме убийства!

Она презрительно сжала губы.

— Не говорите чепухи, мистер Бойд! Меня заботит только здоровье мужа.

— В Нью-Йорке достаточно врачей. Не потому ли вы просите повернуть это грязное дельце, что считаете и меня недоумком?

Моя клиентка вскочила и устремилась к выходу. Дав дойти ей до двери, я небрежно произнес:

— О самом главном вы даже не заикнулись.

Резко остановившись, она медленно повернулась.

— О чем?

— Сколько вы собираетесь заплатить за эту... конфиденциальную услугу?

— Пять тысяч долларов.

— Пять тысяч! — я рассмеялся. — Рисковать карьерой за такую сумму?!

— Что ж, поищу кого-нибудь другого. — Она взялась за дверную ручку.

— Скажем — двенадцать, — произнес я. — Столкнемся? Она снова обернулась.

— Двенадцать, — повторил я. — И две тысячи — на расходы.

— Какие?

— Пока не знаю, но думаю, их не избежать.

— Ну и наглость! — возмутилась посетительница. — У меня нет такой суммы! Восемь. И тысячи — на расходы.

— Десять и две, — отчеканил я.

— Девять. И полторы — авансом, это мое последнее слово! — поспешно воскликнула миссис Блейр. — Или соглашайтесь, или...

Подумав пару секунд, я улыбнулся.

— Согласен.

Моя клиентка вернулась к столу и достала из сумочки чековую книжку. Через минуту я рассматривал чек на 1500 долларов, выписанный Д. Бойду.

— Теперь мы деловые партнеры, не так ли?

— Конечно. — Я спрятал чек в верхний ящик стола.

— Как вы это сделаете? — резко спросила женщина.

— Что вы имеете в виду?

— Перестаньте кривляться, иначе заберу чек и уйду.

— Интересуетесь, как я позабочусь о бедном Николае? Еще не придумал. Прежде всего не мешало бы его увидеть.

— Это легко организовать. Завтра он будет в студии на чтении пьесы. Вас лучше всего представить как друга Аубрея.

— Малыш не станет возражать?

— Конечно, нет! — Она прикусила губу. — Будьте разумны, мистер Бойд.

— Называйте меня просто Данни,— попросил я.— Похоже, мы подружмся?

— Наши взаимоотношения чисто деловые,— усмехнулась она.— И очень надеюсь — скоро прекратятся.

— Увы моим мечтам,— с горечью произнес я.— Все время работал на Крюгера, наконец обзавелся своей конторой, сижу, бездельничаю, и вдруг входит прекрасная дама...

Мы поболтали еще минут пять, потом Адель поднялась.

— Я захвачу вас отсюда завтра в десять утра,— сказала она.— Аубрей будет со мной.

— На поводке? — хмыкнул я. Ответом она не удостоила. Только бедра покачивались то ли презрительно, то ли обещающе, но я проводил их взглядом до самой двери.

Едва исчезло соблазнительное видение, я заглянул в стол удостовериться в реальности другого чуда. Как знать, может с этого чека и начнется процветание «Конторы Бойда».

Через десять минут появился второй клиент. Вошел без стука и ногой захлопнул дверь.

Высокий молодой человек отличался хорошим телосложением, тонкими, плотно сжатыми, губами и голубыми глазами.

Покуривая, я наблюдал за приближением холодных глаз, и в моем взгляде он не нашел взаимного тепла.

— Вижу, вы новичок, мистер Бойд? — спросил вошедший. Его голос не уступал росту.

— Верно,— кивнул я.— Недостаток опыта заменяю энтузиазмом.

— Энтузиазм — опасная штука, мистер Бойд.

Я смотрел на незнакомца с откровенным обожанием.

— Вы вновь абсолютно правы. Вас, случайно, не Конфуцием зовут?

— Бывает, и чувство юмора приносит неприятности,— добавил посетитель без всякого выражения.— Надеюсь, оно не покинет вас после моих слов.

— Хотелось бы.

Он склонился над столом так, что его глаза оказались в шести дюймах от моих.

— Несколько минут назад вы беседовали с актрисой. Чего она хотела?

— Актриса? — мое удивление было искренним.

— Ададь Ромайн,— кивнул он нетерпеливо.— Или она представилась как миссис Блейр?

— Надеюсь, ответ вам также понравится, Конфуций! Уберите из моей конторы свой любопытный нос и все прочее, пока я вас не вышвырну!

— Аделъ в большой игре,— невозмутимо сказал он,— слишком большой для такого щенка, как ты, Бойд. Ты сильно пострадаешь, мальчик. Если она уже заплатила — оставь деньги себе и забудь о ней. С претензиями не придет — гарантирую.

— Если вы ее распорядитель, ей стоит подумать о замене,— сказал я.

— Я вижу — мой долг убедить тебя в серьезности происходящего,— неожиданно мягко произнес клиент.

— Вы и гороскоп мой принесли? — спросил я насмешливо, до сих пор не принимая его всерьез. И напрасно. Правая рука незнакомца стремительно вырвалась из кармана, удар пришелся между глаз, и я опрокинулся вместе со стулом. Передо мной клубился красный туман.

Его пальцы вцепились в ворот моей рубашки, он рывком приподнял меня и снова ударил.

Я лежал на дне темного омута. Где-то на поверхности, в тысяче футов от меня мерцал свет. Наконец удалось вынырнуть и я открыл глаза.

На колени я поднимался минуты две, а чтобы встать на ноги, ушло не меньше пяти минут. Конфуций уже покинул кабинет.

Посреди нового ковра красовалось широкое чернильное пятно. Белая кожа кресла и стульев была испорчена ножом. В столе лежал чек, разрезанный на тонкие полоски. Все это навело на мысль, что Конфуций — псих, и его тоже необходимо изолировать. И я решил, что при очередной встрече изолирую его надежно,— я его убью.

2

— Что случилось с вашей мебелью? — спросила миссис Блейр.

— Отдал в чистку,— ответил я.— В конце концов, она простояла в кабинете целый день, а вы же знаете, какая нынче мебель. Да, кстати, я потерял ваш чек.

— Я выпишу другой,— кивнула она.— Конечно, приостановив платеж по первому. Знакомьтесь, это — Аубрей.

Он был высок, но толстоват. Каштановые волосы вились, ухоженные усы дополняли ансамбль. Карие глаза

разглядывали меня доброжелательно, он улыбнулся, показав ровные зубы, и сказал:

— Как поживаете, мистер Бойд? Адель считает, что вы сможете решить нашу проблему. Поверьте, я заранее благодарен.

— Ее благодарность стоит девять тысяч долларов,— отозвался я.

Послышался резкий звук, словно залаяла собака, и я не сразу сообразил, что смеется новый знакомый.

Миссис Блейр посмотрела на часы.

— Мы опаздываем,— быстро сказала она.— Идемте, нам еще нужно придумать историю вашей дружбы.

Аубрей хмыкнул.

— Быть может, вы учились вместе в Йельском университете? — сказала Адель.— Где вы учились, мистер Бойд?

— В агентстве Крюгера,— усмехнулся я.— И если уж мы старые друзья, меня зовут Данни.

— О'кей, Данни,— кивнул Аубрей.— Прошлый год я отдыхал в Пальм-спринг, мы могли встретиться там?

— Вполне,— согласился я.— Отдыхали — от чего?

— От Нью-Йорка,— он вздохнул.— В чем дело, старик?

— Я решил, что вы где-то работаете.

Он засмеялся.

— Я далек от этого, мой друг. Порой немного играю на бирже, чтобы убить время.

— Договорились,— торопливо прервала миссис Блейр.— Пальм-спринг, прошлый год. Едем быстрее!

Я потрогал царапину на лбу.

— Полегче на поворотах,— попросил я.— У меня дыра в голове.

— По-моему, не больше, чем вчера,— насмешливо улыбнулась Адель.

— Это даже хорошо,— пробурчал Аубрей.

— Тогда поехали,— выдавил я сквозь зубы.

Мы добрались в Ист-Сайд за тридцать минут. Студия выглядела внушительно.

Посреди запыленного зала стояли женщина и мужчина. Другая пара сидела на древней деревянной скамье и наблюдала за первой. Наши шаги гулко отдавались в пустом помещении.

— Прекрасная Офелия! Нимфа в... — мужчина повернул голову и заметил нас.— Кстати о нимфах,— переключо-

чился он.— Это моя жена, темноволосая Адель, мой сын и незнакомец.

— Хэлло, отец,— улыбнулся Аубрей.— Знакомься, мой друг Данни Бойд. Рад видеть вас всех.

— У нас есть для вас роль призрака, Данни,— сказал Николас Блейр.

— Пригласите же меня, и ваш Гамлет наконец узнает, что такое настоящий призрак! — заявил я, пожимая артисту руку. Он был просто гигантом. Черные волосы, густые и длинные, еще не знали седины, но лицо уже изрезали морщины. Прямой красивый нос выдавал аристократизм духа.

— Разрешите представить вам остальных,— раздался его бас.— Мой малость двинутый продюссер — Вернон Клайд.

Лысый мужчина смотрел мрачно. Не вставая со скамьи, он помахал рукой.

— Приветствую.

— Рядом с ним — моя мать, Лоис Ли.— Николас расплылся в улыбке.

— Это у нас такой юмор,— откликнулась актриса.— Я играю мать-королеву. Словом, добро пожаловать в сумасшедший дом, мистер Бойд!

— Спасибо! — я вежливо посмотрел на королеву. Ей было лет тридцать пять, пышные формы.

— И, наконец, очаровательная Чарити Адам! — широким жестом Блейр представил стоящую перед ним девушку.

— О, я всегда считал, что в каждой блондинке Ева проявила свое милосердие,— произнес я, любуясь девчонкой.

Чарити Адам хихикнула.

— Мы продолжим репетицию, Николас? — спросила она.

— Гости — это лучший способ избавиться от дел,— пророкотал актер.

Чарити Адам была привязана к искусству со всем пылом молодости. Я не спускал с нее глаз. Светлые, коротко стриженные волосы. Темный облегающий свитер и черные узкие брюки подчеркивали совершенство ее слабой фигурки. Мне подумалось, что она без лифчика, но ее грудь красива и не нуждается в нем пока. Стройные длинные ноги завершали картину.

— Счастлив с вами познакомиться,— внезапно произ-

нес Николас.— Не подозревал, что у моего сына есть друг.

Аубрей нервно хихикнул.

— Мы подружились в Пальм-спринг, папа. Там я проводил свой последний отпуск, помнишь?

— Нет,— резко бросил Николас.— Твоя жизнь — сплошной отпуск.

— Оставь его в покое, Никки! — капризно попросила миссис Блейр.— Не огорчай наших друзей.

Брови Николаса приподнялись.

— Разве вас легко вывести из себя, Даниэль?

— Конечно,— подыграл я.— Нервишки плохие. Даже врач перестает задавать мне вопросы, боясь нервного припадка.

Вернон Клайд поднялся со скамьи.

— Если на сегодня все, почему бы не пойти куда-нибудь выпить? — спросил он.

— Замечательная идея,— подхватил Николас.— В этой студии не выветривается запах смерти. Мне необходим напиток покрепче, чтобы перебить его!

— Вы забываете об искусстве! — воскликнула Чарити.

Блейр пожал плечами.

— Гамлет подождет до завтра.

Девушка помрачнела.

— Как вы можете так говорить, Николас! Вы должны все время жить этим. Это нужно чувствовать вот здесь! — она приложила руку к сердцу.

— Дорогая,— Лоис Ли выглядела смущенной,— такой жест способен растревожить мужчину, будьте осторожней!

Николас повернулся ко мне.

— Чарити — поклонница Станиславского,— объяснил он.— Вы знаете, Даниэль, главное — метод. Бедный Виль Шекспир! Слава богу, он не дожил до того дня, когда его пьесы подвергли методам!

— Ноги устали,— с горечью сказал Клайд.— Почему бы не выпить где-нибудь поблизости?

— Пойдемте все же к нам,— пригласил Николас.

— Без меня, дорогой,— Лоис Ли покачала головой.— У меня свидание с парикмахером, надеюсь на изумительную прическу!

Аубрей толкнул меня локтем в бок.

— Разве они не удивительны? — хрипло зашептал он.— Одно слово, актеры. Не знаю чем, но они так отличаются от остальных, согласны со мной?

Блейры жили на Восьмидесятой Восточной улице в роскошной квартире. Я бы от такой тоже не отказался, будь у меня достаточно средств.

Хозяин сразу направился в угол гостиной, к бару. Один Николас готовил коктейли, а дюжина других смотрела на меня со стен: Николас — Лир, Николас — Макбет и так далее. Из всех шекспировских героев он не сыграл разве только Клеопатру. Но рано или поздно, сббив с лица лишние волосы, он наверняка сыграет и ее.

Чарити Адам принесла мне джин с тоником.

— Вы актер, Данни? — тихо спросила она.

— Нет.

Девушка потеряла ко мне всякий интерес.

— Тост! — провозгласил Николас. — За первый успех в жизни Аубрея! Он приобрел друга. Салют! Даниэль Бойд! Блейр-младший с трудом изобразил на губах улыбку.

— Перестань, отец. Данни еще не привык к твоим шуткам.

— Не могу себе отказать, мой мальчик, — сказал Николас, — надеюсь, все в порядке, Даниэль?

— Не уверен, — ответил я. — У вас острые зубы, Никки-бой.

В комнате наступила тишина. Я увидел дрожащие руки Аубрея. Затем Николас расхохотался и напряжение спало.

— Вы не артист, Даниэль? — спросил он.

— Нет, я имею довольно загадочное занятие, вы будете очень удивлены...

— Что вы думаете о Шекспире? — торопливо обратилась ко мне Адель. — Вам нравятся его пьесы?

— Никогда не читал, — сознался я.

— Типичный ответ! — хмыкнул Вернон Клайд.

— Да! — Кивнула Адель. — А Лоис Ли играет королеву!

— Сколько горечи, дорогая! — усмехнулся Блейр. — Ты же знаешь, твой опыт в музкомедиях не очень годится для драмы.

— Ты чертовски хорошо знаешь, я не играла в музыкальных спектаклях! — со злостью выкрикнула Адель. — Я хорошая актриса, а ты не дал мне шанса показать себя!

— Мне надлежало хорошенько подумать, женюсь на артистке. — Николас печально покачал головой. — Моя первая жена была всего лишь продавщицей и не требовала первых ролей!

— Ты не дал мне и самой маленькой роли, — угрюмо отмахнулась она.

— Я не мог этого сделать, — просто сказал Николас. —

Мы достаточно об этом говорили, дорогая. Боюсь, в другой раз ты потребуешь и Аубрею роль Горацио! — он рассмеялся с удовольствием. Но лицо его сына покрылось красными пятнами.

— Пожалуйста,— поднял руку Клайд,— без семейных ссор! С минуты на минуту может заявиться Лемб, давайте будем большой дружной семьей без мышьяка в стаканах.

— Волк в овечьей шкуре,— тихо пробормотал Николас.— Когда мы все вместе притворяемся тут перед ним, меня тошнит!

— Все же, будь с ним полюбезней, Никки,— попросил Клайд.— Не забывай! Я задолжал ему 15 тысяч! В некотором роде он наш ангел-хранитель.

— Ангел? С такой-то физиономией? — заметил Николас.— Между прочим, пусть и он будет любезен со мной, если хочет вернуть свои денежки.

— О, Боже! — безнадежно воскликнул Вернон и пригубил бодрящую смесь.

— Хотите, я буду с ним любезна? — спросила Чарити и покраснела.— Я имею в виду, если это поможет постановке.— Она на секунду прикрыла глаза, затем мечтательно сказала: — Я выйду на сцену в красном!

Николас заметил скуку на моем лице.

— Опять метод,— объяснил он.— Пометки автора их не волнуют. Они все видят в своем свете, в своем цвете! Согласитесь, Даниэль, это же безумие!

Чарити обиженно захлопала ресницами.

— Я только хочу помочь!

— Не надо,— вяло произнес Клайд.— Нам и так хватает неприятностей.

Заметив, что никто не собирается наполнить мой бокал вновь, я сам направился к бару.

— Должно быть, вас шокирует здешняя атмосфера,— хозяин улыбнулся.— Вы впервые столкнулись с домашней жизнью артистов?

— Все нормально.— Я сделал глоток.

— Что он может знать о жизни! — с пафосом воскликнула Чарити.— Он, человек, с якобы загадочной профессией!

— Гораздо больше, чем вы предполагаете,— просто сказал я.— О'кей! Вы, конечно, можете заставить людей верить вам в театре. Но уберете декорации, свет рампы, и что останется? Да ничего!

— Вы так считаете, Даниэль? — пророкотал Николас Блейр.

— Да, я считаю, что вам удастся дурачить театральную публику лишь потому, что она желает быть обманутой.

— Чепуха! — прогремел Николас. — Не удивительно, что вы друг Аубрея.

— Вне сцены вы не надуете никого! — разошелся я. — Полминуты, и каждый поймет плохую игру при хорошей мине. Никто не поверит, что вы — большой художник, Никки-бой.

— Аубрей, выставь этого типа из моей квартиры! — рыкнул Николас.

Аубрей притворился, что не слышал.

— Прекрасный ответ, — подзадорил я. — Означающий, что вам нечем крыть, Никки, и вы публично это признаете.

— Ничего подобного! — закричал он. Его ноздри раздувались не меньше, чем у меня, когда я смотрел на Чарити Адам. — Будь я проклят, если стану спорить с каким-то снобом, предпочитающим стриптиз Шекспиру!

— Это тоже не ответ, — вставил я. — Держу пари, что вне театра вы не одурачите никого!

— Не будьте кретином!

— Пари вас не устраивает. Боитесь потерять деньги? Или в чем дело, Никки-бой?

Казалось, через секунду он взорвется, но Блейр сдержался.

— Ваши условия, Даниэль! — неожиданно проговорил он. — А уж там посмотрим, актер я или нет.

— Ол райт, делаю конкретное предложение. Вы считаете себя настолько сильным актером, что в реальной жизни сможете дурачить экспертов в течение, скажем, пятнадцати минут?

— Конечно!

— Ставлю тысячу, что у вас не получится.

Наступило молчание. Его нарушил Вернон Клайд.

— Все это заходит слишком далеко...

— Помолчите! — отрезал Николас. — Я принимаю пари.

— О'кей! — я огляделся вокруг. — Как насчет того, чтобы ваша жена хранила ставки?

— Не возражаю, — нетерпеливо сказал он. — Теперь назовите условия: роль, эксперты, время и место.

Я сделал вид, что задумался.

— Облегчу задачу и Вам, и себе, — произнес я немного погодя. — Вам — роль полегче, а мне — эксперта пожестче.

— То есть?

— Вам — роль актера, представляющего, что он действительно Гамлет, а его жена — мать-королева, которая задумала его отравить.

— Вы шутите? — уставился он на меня. — Это же слишком просто!

— Погодите, — усмехнулся я. — Теперь об эксперте. На эту роль я предлагаю психиатра. Согласны?

Вернон Клайд прочистил горло.

— Давайте забудем всю эту чушь и выпьем, — неуверенно сказал он.

— В самом деле, почему бы нет?.. — кивнул я.

— Так-то лучше, — проворчал продюссер. — Когда придет Лемб...

— Простите, — перебил я. — Надо еще утрясти маленькую деталь. Если вы не возражаете, Никки-бой, я готов получить свою тысячу.

— Что? — Николас вскипел. — Держите свое испитое хайло на замке, Вернон, пока вас не спрашивают! Пари остается в силе, Даниэлы!

— Рад за вас, — кивнул я. — Минуту назад решил, что празднуете труса.

— А мне показалось, вы никогда не читали Шекспира? — он взглянул на меня изучающе.

— Только басни в школе, про ту самую овечку, которая финансирует вашу постановку.

Николас залпом допил бокал.

— Психиатр — ваш друг, не так ли? Вы заранее все обговорили, чтобы сообща облапошить старину Блейра?

— Хороший вопрос, — хмыкнул я. — Мы обсудим его немедленно. Вы доверяете своей жене?

— Во всем, кроме того, что она способна играть Шекспира, — коротко ответил он.

— В таком случае, пусть миссис Блейр выберет психиатра, тот назначит время и только Адель будет знать, куда и к кому мы едем.

— Согласен. — Николас посмотрел на жену. — Ты сможешь организовать это, дорогая?

— Полагаю. — Она пожала плечами. — Хотя все это дико, но если вы настаиваете...

— Я хочу заставить Даниэля уважать мою профессию, — выдавил Блейр сквозь зубы. — И тысяча долларов тоже достойна уважения, не так ли, мистер Бойд?

— Вы правы как никогда, — кивнул я.

Частную клинику в Коннектикуте окружал лес. Территория большого двухэтажного здания была огорожена высоким забором.

Я сидел в кабинете доктора Фрезера с весьма озабоченным видом. На нем не было ни белого халата, ни темных очков. Он мало походил на психиатра в своем дорогом костюме, да и пострижен был не хуже меня.

— Чем могу быть полезен, мистер Бойд? — спросил вежливо доктор.

— Видите ли, — замялся я, — дело касается моих друзей... — И я выдал ему историю о бывшем актере, перенесшем в жизнь сценическое действо. Будто у него возникла навязчивая идея, он считает себя Гамлетом, а свою жену — матерью-королевой, решившей его отравить.

Лицо Фрезера оставалось беспристрастным. Тогда я добавил, что пока муж не слишком опасен, но состояние день ото дня ухудшается, чем и поделилась со мной его жена, как со старым другом семьи.

— Чего вы хотите от меня? — осторожно спросил Фрезер.

— Вы не могли бы посмотреть его, доктор? Если необходимо, пусть он останется здесь на некоторое время, под наблюдением специалистов. Его жена, поймите, находится в постоянной треве, а это тоже может кончиться нервным срывом, либо еще чем похуже.

— Хорошо, я посмотрю вашего друга, мистер Бойд. Когда вам удобней приехать?

— В любое время. Чем быстрее, тем лучше.

— Завтра в одиннадцать вас устроит?

— Отлично.

— Договорились, — он вежливо кивнул.

Когда я вышел из клиники, что-то меня тревожило. И только включив мотор, я сообразил, в чем причина моего беспокойства — в лечебнице стояла абсолютная, неестественная тишина. Что же они делают с пациентами, добиваясь подобного порядка?

Около трех часов, вернувшись в контору, я обнаружил в кабинете Адель Блейр в великом раздражении.

— Я жду вас уже час, — заявила она. — Где вы пропадали?

На ней было другое платье — темно-вишневое, с пуговицами сверху донизу.

— Ездил в Коннектикут.

— Зачем? И это идиотское пари вчера!

— Я беседовал с доктором Фрезером. У него частная психиатрическая лечебница в Коннектикуте.

— Вот как? — в ее глазах появилось любопытство.

— Мы договорились, он примет нас завтра, в одиннадцатый.

Женщина перевела дыхание.

— Вы уверены, Данни, что все пройдет без шума?

— Поговорим об этом, но сперва выпишите чек, — предложил я.

Она открыла сумочку и протянула мне новый чек, взамен уничтоженного Конфуцием. Для сохранности я убрал его в сейф.

— Доктор Фрезер, — сказал я, — внушает доверие. — Уверен, все будет тихо.

— Что вы ему сказали?

— Вы — мои давнишние друзья, Николас — бывший актер, вообразил себя Гамлетом, а вас — матерью-отравительницей, ситуация в любой момент может выйти из-под контроля.

— Теперь мне понятно ваше вчерашнее поведение. Что же будет дальше, после... — она замялась, — представления?

— Это уж зависит от Фрезера, — усмехнулся я, — и от мастерства вашего мужа.

— Хорошо, — кивнула она. — Значит, вы заедете за нами в девять тридцать?

— Именно так. И не забудьте, что в кабинете Фрезера вам надлежит выглядеть несчастной, страдающей супругой.

— Если вы помните, я — актриса! — парировала Адель. — Вы полагаете, его сразу оставят в клинике насовсем?

— Сомневаюсь. Но ваш муж окажется под наблюдением, для начала неплохо. И на первое время я оплачу содержание Никки в лечебнице. Пожалуй, это даже лучше, чем немедленное признание Николаса сумасшедшим.

— Время покажет, — заметила миссис Блейр. — Надеюсь, вы понимаете, что я расплачусь с вами полностью лишь после того, как буду уверена в благополучном исходе дела?

— Конечно, — я усмехнулся. — И скажите Никки-бою, что нашли доктора по телефонному справочнику.

— Вы хотите что-то добавить? — посмотрела она выжидающе.

— Поцелуйте за меня Аубрея,— улыбнулся я.— Как вы думаете, этот терьер не перебежит на сторону папашки?

В следующее мгновение она залепила мне пощечину. Кольцо с бриллиантом впилося в щеку.

Я поднялся и за пуговицу роскошного платья притянул ее к себе, затем обхватил за плечи и прижался губами к губам. Ее тело обмякло и некоторое время было послушным, но потом напряглось. Она начала молотить кулаками по моей груди. А я тем временем позволил своим рукам соскользнуть на ее талию, и затем на округлые бедра. Она отшатнулась.

— Вы... Вы...— задышалась Адель от негодования.

— Когда занимаешься грязными делишками, невольно общаешься с такими же людишками,— сказал я спокойно.— Я грязный человек, миссис.— И дважды ударил ее по лицу.

Она уставилась на меня с открытым ртом, словно не могла поверить, а через секунду ринулась отомстить, размахивая руками. Я бесцеремонно оттолкнул ее.

— Возможно, раньше вы не боялись мужчин, дорогая.

— Я... я...

— Вы хотите сказать, что будете ждать меня завтра, в девять тридцать!

— Я убью вас! — прошипела она.

Мадам вылетела из кабинета, хлопнув дверью. Впрочем, я умер бы от удивления, поступи она иначе. Такой характер по мне. Я сам грубиян и знаю это, но я привлекательный грубиян.

Десятью минутами позже дверь без стука отворилась, как и накануне, будто переключили программу телевидения. Но на этот раз вошли двое — Конфуций и, вероятно, его помощник.

Конфуций аккуратно закрыл дверь и посмотрел на меня.

— Вы что-нибудь здесь забыли? — удивился я.

— Ты не извлек урока из первой встречи, Бойд,— спокойно ответил он.— Придется сломать тебе шею.

Я взглянул на его сообщника. Весил он не менее 350 фунтов, этакая глыба с гладкими, зализанными назад, волосами.

Вынув сигару из верхнего кармана, он откусил кончик и выплюнул к моим ногам. Его голубые глаза обдавали холодом, а вообще этот тип был похож на бульдозер — клубы дыма он пускал мне в глаза.

— Херби,— кивнул толстяк в сторону Конфуция.— Он защищает мои интересы.

— Херби? — я с интересом оглядел Конфуция.— Неужели мать назвала его так! Восхитительная картинка из детства представляется мне. Буквально слышу слова его мамочки: «Херби, сынок, не обижай маленькую девочку, ее крики разбудят всю округу!» Хорошенькое имечко для психопата!

— Мне начинает это нравиться, Бойд,— зловеще заметил Херби.

— Повторяю,— проговорил толстяк,— Херби защищает мои интересы.

— Выходит, Адель Блейр — ваш интерес.— Я окинул его взглядом.— Думаю, для нее вы чересчур толсты.

— Адель действительно интересуется меня,— сказал он.

— Очень рад. Продолжайте.

— Мое имя Лемб.

— Читал вашу книгу,— ответил я.— А сейчас вы финансируете постановку старины Вилли?

Лемб махнул рукой в сторону Херби.

— Этот Бойд просто нахал. Я зря теряю время, болтая с ним. Слов он не понимает.

— Я готов поучить его уму-разуму, мистер Лемб,— ощерился Херби.

Лемб присмотрелся ко мне и пожал плечами.

— Не знаю, почему эта ведьма наняла частного сыщика,— сказал он очень тихо.— Да впрочем и неважно. Единственное, чего я хочу, чтобы Блейр не думал ни о чем, кроме постановки. Она обходится мне достаточно дорого. Именно поэтому, Бойд, вы не будете работать на миссис Блейр.

— Ремонт мебели оплатите вы или Херби?

— Рисуетесь? — спросил он.— Играете звезду Голливуда? А Херби вам еще заплатит — герой дешевого вестерна!

— Вы, недоделанный боров,— тихо начал я,— катитесь к черту вместе со своим Херби. Мне и без вас хватает способов пощекотать нервы, когда я в этом нуждаюсь!

— Ол райт,— сказал Лемб, пожав плечами. Он посмотрел на Херби.— Займитесь им.

Тот направился ко мне, доставая руки из карманов.

— На этот раз, Бойд,— мягко сказал он,— я разделюсь с тобой основательно.

Кулак Херби рванулся к моему лицу, я отпрянул в сторону, балансируя на правой ноге, а левой ударил его по

почкам. Он рухнул на пол и лежал, корчась от боли, но не стонал.

Склонившись над ним, я стрел борта пиджака, рывком поставил противника на колени и проверил кулаком прочность его носа. Теперь Херби лежал уж совсем смирно.

— Ну-ну,— прохрипел Лемб.— Достаточно.

— Черт возьми,— хмыкнул я,— это только начало. Вам придется подождать, пока я разнесу его на куски.

— Оставьте парня! — прохрипел толстяк.— Или я прикончу вас!

На меня смотрел короткоствольный револьвер 32 калибра. Я усмехнулся.

— Нашли дурака? Да вы ни за что не выстрелите здесь!

Выстрел заглушил последнее слово. Пуля прошла в дюйме от моей головы. Медленно оглянувшись, я увидел дыру в стене.

— Хм, однако, вы не шутите,— мой голос дрогнул.

— Вам лучше уйти отсюда, Бойд,— тихо предложил Лемб, все еще держа палец на спусковом крючке.— Очнувшегося Херби я остановить не смогу, даже если захочу.

Не имеет смысла спорить с человеком, когда в его руках столь убийственный аргумент. Я направился к двери.

— Помните, Бойд,— прищурился толстый,— если еще раз встретитесь с Адель, я выхлопочу вам место в морге!

Я хотел было обсудить вопрос, но тут Херби заворочался, приходя в себя, и мне показалось самым разумным покинуть кабинет.

4

— Значит,— сказал Николас, когда автомобиль въехал в открытые ворота,— я сыграю роль сумасшедшего в сумасшедшем доме?

— И проиграете тысячу долларов,— заявил я,— не забывайте об этом, Никки-бой.

Блейр пожал плечами.

— Вам прежде говорили, Даниэль, что вы странный человек?

— Однажды. В Кони-Айленде, одна блондинка. Пусть вас не обманывает моя внешность, Никки, под оболочкой — золотое сердце.

— Четырнадцать каратов,— холодно вставила миссис Блейр.

Я остановил машину перед главным входом, мы вышли. Николас с любопытством посмотрел на жену.

— Ты действительно нашла это местечко по телефонному справочнику?

— Конечно,— торопливо бросила она.— Думаешь, я хочу, чтобы ты потерял тысячу долларов, которые, к тому же, придется занимать?

— Верно.— Блейр вздохнул.— Пойдемте. Вы проверили свои часы, мистер Бойд?

— Будьте спокойны.

Я открыл тяжелую дверь. Медсестра вопросительно оглядела нас.

— Миссис и мистер Блейр к доктору Фрезеру,— сказала Адель.— Встреча назначена на одиннадцать часов.

— Вас ждут,— пробормотала девушка, кивнув в сторону кабинета.— Входите.

Первой шла Адель, я замыкал шествие. За дело она взялась быстро, не дав доктору опомниться.

— Я — миссис Блейр, помните, мы вчера говорили по телефону? Это мой муж Николас и наш друг мистер Бойд.

Фрезер поздоровался, пожал руку Николасу, а затем мне.

Он усадил нас перед столом, я закурил сигарету и посмотрел на часы,— было десять минут двенадцатого. По лицу Николаса пробежала виноватая улыбка, он кивнул, и тоже взглянул на часы.

Неожиданно Блейр вскочил на ноги и стал бегать по кабинету, засунув руки в карманы.

— Это заговор! — выкрикнул он.— Еще один ваш заговорщик!

— Заговор? — вежливо переспросил доктор.

— Именно! — пробасил артист и подозрительно уставился на жену.— Что теперь скажешь, дорогая королева?

— А-аа,— мрачно протянул Фрезер,— Гамлет?

— О! Я не сомневался, что вы знаете меня! — воскликнул Николас.

— Я знаю такую пьесу,— ответил психиатр.

— Ерунда! — завопил Блейр.— Жизнь реальна, как никогда, где вы видите тут игру?

— А разве нет? — доктор поднял брови.

Николас ткнул пальцем в сторону Адель.

— Ее спросите! Ее! — заорал он.— Во мне и по сей час звучат слова призрака — отца моего, знай это, неверная королева!

Фрезер взял со стола ручку и подвинул бумагу.

— Давайте начнем сначала,— предложил он.— Ваше имя Николас Блейр и...

— Вы оскорбляете меня,— гордо и тихо произнес актер,— я — Гамлет, принц Датский, вы это отлично знаете.

— Прекрасно,— согласился психиатр.— А кто же я? Меня вы знаете?

— А как же? Вы — рыбак.— Николас улыбнулся.

— Я — доктор Фрезер! — терпение врача истощилось.

— Тогда станьте рыбаком. Я так хочу! — Николас играл великолепно.

— Значит, вы Гамлет, и хотите, чтобы я стал рыбаком? — резко спросил доктор.— Тогда кто эта леди?

Николас перевел взгляд на Адель, потом снова на Фрезера.

— Вы, глупец! Это же моя мать-королева! А это,— он указал на меня,— могильщик. Человек без чувств.

Доктор повернулся к миссис Блейр.

— Как давно это с ним?

— Последние два дня, доктор,— упавшим голосом сказала Адель.— Раньше он не был таким, а сейчас, сейчас... постоянно.

— Вы хотите сказать, ваш муж не отличает времена принца Датского от наших? С телевидением, автомобилями и телефонами?

— Да, это так,— печально кивнула женщина.— Для него ничего не существует.

В глазах Николаса стояла пустота. Он медленно обошел стол и встал позади доктора, а затем начал ощупывать его голову.

— Конец! — сказал он.— Бедный Йорик!

— Йорик? — доктор вопросительно посмотрел на Адель.

— Вы помните сцену на церковном дворе, доктор Фрезер? Могильщик отбрасывает в сторону череп бывшего придворного по имени Йорик,— подсказала она.

Голова психиатра отдернулась от пальцев Николаса.

— Идите на место, сядьте! — жестко приказал он.

Блейр медленно поковылял к стулу.

— Разве я трус? — задался он вопросом.— Как называют меня жители? — он взглянул на Фрезера и продолжил,— но у меня печень индюка и труса.

— Пожалуйста, сядьте, мистер Блейр! — резко повторил врач.

Проигнорировав его слова, Николас повернулся и опять медленно стал подходить к столу.

— Кровавый негодяй! — он уставился на психиатра, у которого в этот миг отвисла челюсть. — Безжалостный, бесчувственный негодяй! О, месть!

Фрезер выпрямился.

— Садитесь, последний раз прошу!

Николас отвернулся от него.

— И скажите, чтобы она не пила, — пробормотал он. — Но уже слишком поздно! О, Боже!

Он внезапно подскочил к Фрезеру, лицо искажено безумием, в глазах жестокий блеск.

— Нет! — закричал он. — Заприте двери! Стража! — он сунул руку в карман и достал нож.

Николас еще на шаг приблизился к столу, и я увидел, что Фрезер нажимает кнопку вызова санитаров.

— Умри тоже! — воскликнул актер, грозно надвигаясь на психиатра.

Фрезер отклонился назад, вжался в спинку стула, палец не отрывался от кнопки, по лицу струился пот.

Дверь распахнулась, вбежали санитары. Один стал заламывать Николасу руку, второй с силой сжал запястье, артист вскрикнул от боли и выронил нож. В комнате наступила тишина.

Внезапно Николас Блейр захохотал.

— Хорошее представление, Даниэль? — Он смотрел на меня победителем. — Уверен, 15 минут уже прошло, и вы должны мне тысячу долларов.

Я с сожалением взглянул на него и отвернулся.

— Вы что? — удивился он, — онемели от потери тысячи долларов?

Фрезер выразительно посмотрел на санитаров.

— Выведите его. Он опасен.

Они зажали Николаса между собой и поволокли к двери.

— Отпустите меня! Будьте вы прокляты! — выкрикивал он. — Я такой же нормальный, как вы все! Это же пари!

— Уведите его! — крикнул доктор.

— Что происходит? Все сошли с ума?! Это была шутка, пари! Возможно — глупая, но... Даниэль, скажите им! — хрипел Блейр.

Я посмотрел на Фрезера и беспомощно пожал плечами, потом закурил. Дверь закрылась, секунд десять мы еще слышали голос Николаса. Оборвался он внезапно. Слишком внезапно.

— Бедный! — воскликнула Адель дрожащим голосом и приложила к глазам носовой платок.

Доктор Фрезер записал что-то, затем выпрямился:

— Миссис Блейр, боюсь, ваш муж страдает тяжелой формой шизофрении.

— Ему можно помочь, доктор? — с надеждой в голосе спросила актриса.

— Надеюсь. Но потребуются много времени, — ответил Фрезер. — Для вас это будет ударом, миссис Блейр, но ваш муж действительно опасен, и должен быть изолирован немедленно.

— Нет! — с ужасом воскликнула она.

— Так будет лучше для всех, — сказал психиатр убежденно. — Мы сделаем все возможное для его скорейшего выздоровления. До отъезда вам нужно подписать некоторые бумаги.

Адель рыдала. Я заботливо склонился над ней.

— Все это ужасно, да, но вы не сможете помочь Никки так, как это сделает доктор Фрезер. Вы должны подписать бумаги, дорогая.

— Да-да, вы правы, — она все еще всхлипывала, — как это тяжело, как дико!

— Поверьте, миссис Блейр, — сказал Фрезер почти с нежностью в голосе, — как бы не было это тяжело, но это лучшее, что вы можете сделать для супруга сейчас.

— А на Рождество пришлете ему открытку, — вставил я, и, повернувшись к Фрезеру, пояснил, — я думаю, немного юмора не повредит.

— У вас богатое чувство юмора, мистер Бойд, — холодно ответил психиатр. — Очевидно, вы плохо представляете себе, что сейчас происходит с миссис Блейр. И вообще, в силах ли кто-то понять, как бывает сильна любовь жены к мужу.

— Кто-кто, доктор, а я понимаю, — заверил я его.

5

В четыре часа мы вернулись в квартиру Блейров, и я вошел вслед за Аделью в пустую гостиную.

— Аубрея нет?

— Сегодня он за городом. — Миссис Блейр рассмеялась. — У него живот прихватывает в подобных ситуациях. Он вообще весьма тщательно избегает передовой, на случай, если все сорвется.

— Он с друзьями? — спросил я, но махнул рукой. — Меня не касается, не очень сожалею об его отсутствии.

Хозяйка тепло улыбнулась.

— Отпразднуем, Данни! — ее голос нежно вибрировал. — Все прошло отлично. Вы гений! Приготовьте нам выпить, что-нибудь необычное!

— Я сделаю напиток «Хохочущая вдова».

— Название многообещающее. Каковы ингредиенты?

— Три капли горького перца на две части водки и одну — джина. После второго бокала перестанете обращать внимание на его вкус, — пообещал я.

— Просто заупокойная по Николасу.

— Как знать, может и он там веселится в смиренной рубашке?

Она расхохоталась.

— Думаю, это был величайший триумф Никки! Он вполне заработал тысячу долларов.

— Я верну долг, когда он выйдет, конечно, если буду к тому времени жив.

Я отправился к бару, Адель куда-то исчезла. Вернулась она, когда я уже глотнул адской смеси, подошла и протянула чек на девять тысяч долларов. Я спрятал его в карман.

— Спасибо.

— Вам спасибо, — кивнула она, — за быструю и хорошую работу. Буду рекомендовать вас всем своим подругам. Если такого рода штучки войдут в практику, вы сможете требовать с Фрезера комиссионные!

— Уже думал об этом, — усмехнулся я.

— Скажите мне, Бойд, в юности вы воровали пенни у слепых?

— Только десятицентовики. Я негодяй?

— Я люблю вас! — мечтательно воскликнула она.

— А мне казалось — ненавидите?

— Это было вчера. Сегодня все иначе. И по чудесному совпадению Блейра-младшего тоже нет дома!

Ее глаза расширились.

— Неужели вы все еще презираете меня, Данни?

— Это было вчера, — я поднял бокал. — Выпьем за сегодня!

Опустошив бокал наполовину, она вернула его.

— Дополните, пожалуйста. Я сейчас вернусь.

Минут через пять она вернулась, переодевшись в черный сатиновый халат.

— Выпейте, вам станет чрезвычайно весело! — подтолкнул я к ней бокал. — Замечательный у вас халат, он делает вас бесподобно красивой. Так должна выглядеть каждая женщина, но это редко кому удается.

— А ваш профиль, Данни-бой, хорош почти так, как вы воображаете.

— Ничего не поделаешь, я чертовски привлекателен! Женщины влюбляются в меня с первого взгляда! А вот с вами этого не произошло, чем вы меня страшно заинтриговали.

Адель одним духом допила бокал, у нее перехватило дыхание.

— Вы ударили меня! — крикнула она, когда вернулся голос. — Я никогда не забуду этого, Данни Бойд!

— Никогда не забудете и никогда не простите?

— Вообще, мне это даже понравилось. Новые ощущения.

Она вновь наполнила свой бокал.

— Я скажу вам кое-что, Данни. — Она сделала глубокий вдох.

— Поведаете о своей жизни, дорогая? — спросил я. — Ненавижу откровения женщин.

— Нет, это относительно теории... теории, будто женщина одевается для того, чтобы пленить мужчину. Глупости!

— Почему? — я приподнял брови.

— Это определенно не так! — она допила третий бокал и продолжила: — Когда женщине действительно нравится мужчина, она делает совершенно противоположное!

— То есть? — с недоумением спросил я.

Одним рывком она развязала пояс, полы халата распахнулись, неторопливое движение плеч — и он упал к ее ногам. Под ним ничего не было, кроме самой Адель.

Она медленно повернулась вокруг своей оси.

— 115 фунтов, — похвасталась она — ни унции лишней!

Я всегда считал, что 16 лет — худший возраст. Только начнешь понимать, что такое женщина без одежды — и тут же тьма разочарования: они увядают, они толстеют. Жизнь не переполнена девушками с обложек журналов.

Но Адель не вызвала разочарования. Фигура у нее была великолепная, кожа белая. Нарушал гармонию треугольный шрам на левом бедре.

— Вы будете только смотреть? Вам этого достаточно?

Медленно пошел я к ней. Воротник сдавил горло, рывком освободился от него. Адель ждала, опустив руки вдоль бедер.

— Снова собираешься меня ударить? — прошептала она, едва я приблизился.

— Что, у Аубрея сильная правая рука?
— Оставь его! — отмахнулась она.
— Укус змеи?
— Называй, как хочешь. Может, все-таки, обнимешь меня?

— Имею и такие намерения.

Она дернула волосок на моей груди.

— Когда-нибудь ты перестанешь болтать?

Обхватив ее бедра, я приподнял тело, положил к себе на плечи и понес через комнату. Она впиалась в мое плечо. В ответ я шлепнул ее по близлежащему и наиболее подходящему месту. Раздался удовлетворенный визг.

— Как там Аубрей? Наш мальчик скоро вернется? — полюбопытствовал я.

— Черт с ним! — отмахнулась Адель. — Он и сам может приготовить себе выпивку!

— Значит, остаюсь только я?

— Ах, у и меня нет выбора! — она мелодраматично вздохнула. — Ничего, если я буду стонать?

— Ол райт, у меня есть затычки для ушей.

В половине седьмого мы вполне респектабельно пили джин с тоником.

— Мне пора идти, — сказал я.

— Почему? — Адель в шелковой блузке и брюках поднялась с кушетки.

— Дела ждут.

— У тебя свидание? — она повернула ко мне голову. — Ты не Тарзан?

— Это ты — Джейн. А я устал.

— Тогда не спеши, — попросила она. — Скоро вернется Аубрей, может, принесет нам поесть.

Я обреченно пожал плечами.

— Если бы были силы, я все-таки ушел бы домой. Но потерял всю энергию!

— Другие играют в гольф и теннис, плавают, давая выход своей энергии! Смешай мне еще бокал.

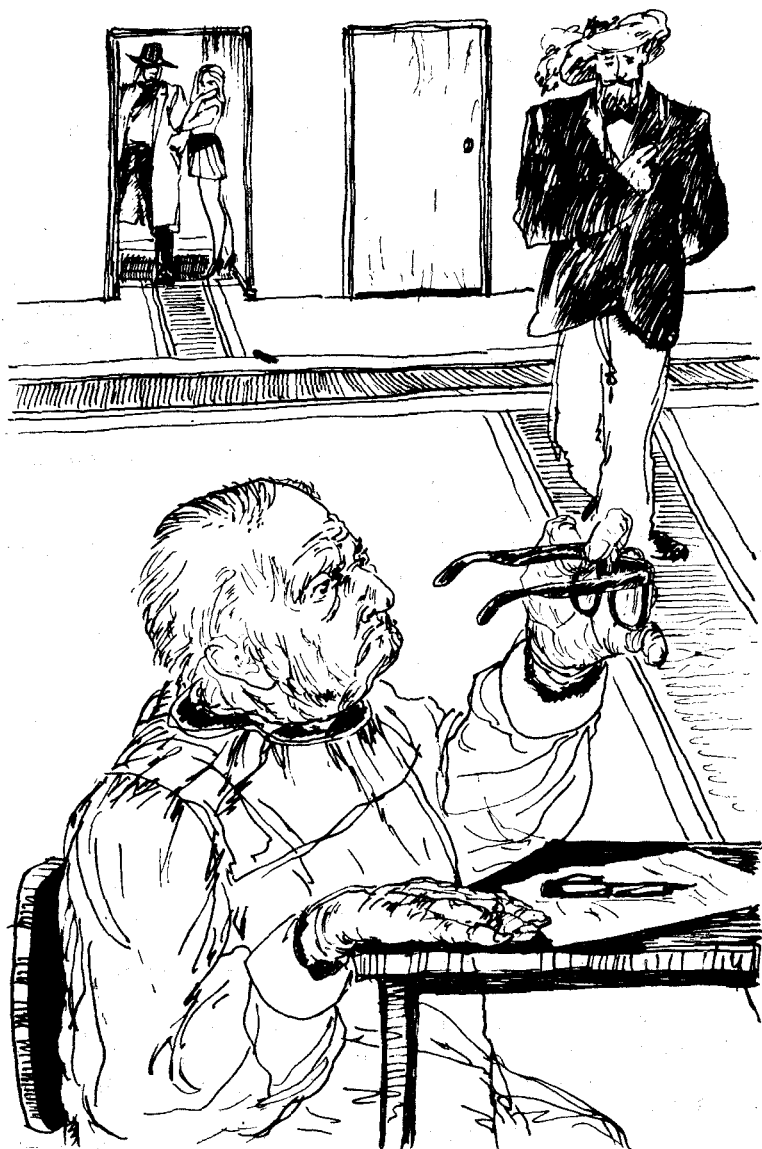
— Я устал. Как видишь, и мой бокал пуст, а я тоже хочу выпить.

— Лентяй! — забирая бокал, она поцеловала меня. — Безжалостный! — Адель отправилась к бару.

Я только успел закурить, как услышал, что открывается дверной замок.

Увидев меня, Аубрей заулыбался.

— Хелло, Данни. Все в порядке?

— Предположим, он скажет нет,— буркнула миссис Блейр,— ты снова помчишься за город?

Он оглянулся.

— Хелло, Адель, я тебя не заметил. Все в порядке, не так ли? Иначе вас бы здесь не было.

— Ты угадал,— смиростивилась она.— Данни провернул изумительное дело. Иди ко мне, приготовь напитки, а я расскажу, как все произошло.

Она закончила рассказ, Аубрей принес мой бокал и энергично потряс руку.

— Мои поздравления, старина! — промурлыкал он.— Первоклассная работа!

— Жаль, что вы не видели.

Он нервно подергал усы.

— Жаль, конечно, но мне нужно было повидать приятеля.

— О'кей! — кивнул я.

Аубрей приободрился.

— Теперь, когда все кончено, это можно отпраздновать. Выше бокал, Данни!

— Погодите,— остановил я,— что — кончено?

Он выглядел, как ребенок, забравшийся ночью в кухню и не нашедший там ничего вкусенького.

— Разве нет? — с трудом выдавил он.— Разве отец не изолирован?

— Это только цветочки,— терпеливо произнес я.— Вы не забыли о Верноне Клайде и Чарити Адам? Они присутствовали при заключении пари, слышали слово психиатр. Как вы думаете, что они предпримут, узнав об изоляции Николаса Блейра?

Аубрей резко хохотнул.

— Не стоит беспокоиться! Мы им просто ничего не скажем, я думал об этом. Старик утром вышел из дому, мы его больше не видели — вот и весь разговор! — Он был весьма доволен собой, но я нашел его радость преждевременной.

— Возможно, они не будут беспокоиться день, два, три от силы, а потом позвонят в полицию, в больницы, в морг...

— Ох! — лицо Аубрея стало серым.

— Вы сделаете иначе,— сказал я.— И перестаньте кусать губу!

— Извините,— вздрогнул он,— когда я нервничаю, не замечаю, что делаю.

— Наверное, то же самое он говорит девушкам! — съязвила Адель, но бедный парень ее не слышал.

— Что же делать, что делать, Данни? — повторял убитый горем сынок. — Я малость выпил, джин, в голове сумбур...

— Вы должны сказать им, где отец, — заявил я твердо. — Все, что от вас требуется — рассказать правдоподобно следующее: Никки-бой ночью вообразил себя Гамлетом, с ножом гонялся за женой. Если кто надумает справиться у Фрезера, доктор подтвердит версию.

Адель нежно засмеялась.

— Добрый, добрый старый Никки.

Аубрей тоже улыбнулся.

— Да, я понял, мы так и скажем... Решил, что он Гамлет, чуть не убил Адель, едва удалось ее спасти...

— И поскольку, — подсказал я, — миссис Блейр незадолго до несчастья беседовала с доктором Фрезером, именно в его лечебницу утром увезли вашего бедного папочку. Все.

Аубрей источал безмерную благодарность.

— Да не улыбайтесь во весь рот, когда будете делиться горем, — добавил я, взглянув на его счастливую физиономию.

— Конечно! — воскликнул он.

— Просто, ни на секунду не забывайте, что любите Никки, как...

— Сын? — с улыбкой от уха до уха предположил Аубрей.

6

Окна моей квартиры выходят в парк. Конечно, квартирка могла бы быть и побольше, но когда приводишь даму, это не имеет особого значения. Естественно, если твой профиль неотразим!

Я сидел в кресле лицом к окну и потягивал коктейль; перед глазами стояло лицо Аубрея. Как безмятежно и счастливо произнес этот малый «Сын!»

В отношении себя тоже не надо обманываться. Если существуют уровни подлости, то за прошедшие 24 часа я достиг подлейшего из их. Вспомнился взгляд Никки-боя, когда его выводили из кабинета. Насколько внезапно оборвался его голос! «Уведите», — приказал Фрезер, и в тот момент фраза меня не задела.

Допивая второй бокал и выкурив еще одну сигарету, я, наконец, отыскал ответ. Нельзя оставлять Николаса в лечебнице. Я заварил кашу, мне и расхлебывать. Адель

Блейр выдала девять тысяч, теперь я свободен от обязательств, более она не является моей клиенткой.

Немного погодя пришла весьма интересная мысль. Если жена выложила кругленькую сумму, чтобы упрятать мужа в психушку, то сколько может заплатить сам Николас за освобождение?

С этой минуты Николас Блейр стал моим клиентом, даже не подозревая об этом.

Я сразу почувствовал себя лучше, подошел к зеркалу, подмигнул самому себе и сказал: «Так-то, брат! Кое-что мы уже получили, глядишь, и еще перепадет». Парень в зеркале ухмыльнулся: «Ты хоть себе-то не ври! Подошел полюбоваться собой, все остальное тебя мало интересует».

В Коннектикут я приехал поздно вечером. Ворота уже закрыли. Охранник разглядывал машину, словно меня и не было. Я сказал, что хочу повидать доктора Фрезера, парень остался глух и нем. За пять долларов он все же сходил к главному корпусу и назвал Фрезеру мое имя.

— О'кей, — кивнул охранник, возвращаясь, — доктор разрешил впустить вас.

— Передайте ему при случае, — сказал я, въезжая на территорию, — закрытые ворота отпугивают клиентов. Скажем, если бы я был чокнутым, то ни за что не попал бы на прием!

— А вы уверены в своем уме? — удивился охранник. — У вас что, справка на этот счет имеется?

От неожиданности я не придумал ответа.

Медсестры в холле не было. Я коротко стукнул в дверь кабинета и вошел. Фрезер разговаривал по телефону и даже не взглянул на меня. Я закурил и стал ждать, размышляя, что заставило его заниматься психиатрией.

Наконец, доктор положил трубку и спросил:

— Что случилось, мистер Бойд?

— Извините мою назойливость, — начал я весьма учтиво, — весь день меня не покидает мысль о Николасе Блейре, я беспокоюсь о нем...

— Вы не одиноки, — врач улыбнулся, — я тоже беспокоюсь о нем.

— Видите ли, весь день я думал и пришел к выводу, что Николас просто переутомился. Последнее время он очень много работал. Не этим ли объясняется его поведение?

— Очень интересно, — как-то странно произнес Фрезер, — и что вы еще надумали за этот день?

— Хотел бы увидеть его, поговорить...
— Мне тоже хотелось бы с ним поговорить.
— Что? — я одеревенел.
— Блейра нет в клинике. Нет, — тихо сказал психиатр. — Пару часов назад он уехал.
— Вы отпустили Николаса? — с надеждой в голосе воскликнул я.

— О, нет, — с горькой иронией произнес Фрезер. — Инициатива принадлежала исключительно нашему пациенту. Вы с миссис Блейр уехали, он вскоре успокоился, казался совершенно инертным. Обычная депрессия после буйного приступа, — так мне подумалось. — Психиатр устоял в пол. — Но я ошибся, мистер Бойд. Страшно ошибся. Санитар понес ему ужин, Блейр напал, сломал парню руку, закрыл его в палате и помчался к выходу. У крыльца, к несчастью, стоял автомобиль.

— Вы хотите сказать, какой-то дурак оставил в машине ключи? — выпалил я.

Доктор вздрогнул.

— Автомобиль был мой.

— И Никки удалось уехать? Его не смогли остановить?

— Ворота были открыты, — начал оправдываться врач и вдруг сорвался, — никогда! Никогда за прошедшие пять лет не происходило ничего подобного, никогда!

— Как говорят юные девушки, — усмехнулся я, — всегда что-то происходит в первый раз.

Вдруг в глазах психиатра я заметил огонек мести. Он сделал глубокий вдох.

— Позвольте вам сообщить кое-что, мистер Бойд. — Он затянул паузу. — Если ваш друг утром играл — он величайший в мире артист!

— Но...

— Это было не представление, — Фрезер говорил жестко. — Блейр — маньяк, его преследует мания убийства. То же самое я сообщил полиции.

— Полиции?

— Именно. Я обязан информировать власти в случае побега сумасшедшего, — кисло заявил он. — Вы и не представляете, чем это грозит человеку с моим положением. Последний час непрерывно звонят репортеры, я отказываюсь отвечать им.

— Вижу, мне здесь делать больше нечего, — я поднялся.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Буду искать Николаса.

— Мой совет, мистер Бойд,— максимальная осторожность, когда найдете его.

— Он так опасен?

— Да! Особенно для вас и миссис Блейр! Это же вы привезли его сюда и оставили!

Я понуро кивнул. Доктор встал, снял пиджак и повесил на плечики.

— Почему вы не уходите, мистер Бойд?

— Уже ухожу,— я пошел к двери.

— Мистер Бойд!

Наши глаза встретились. Фрезер через силу улыбнулся.

— Сегодня я не могу навестить моих больных. Не желаю их видеть...— он замолчал неопределенно.

— Вы хотели еще что-то сказать?

— Да,— Фрезер неуверенно кивнул.— Что же именно? Я знаю... Нет, простите, мистер Бойд, простите... Прошедшее выбило меня из колеи, вот и все.

У квартиры Блейров стоял полицейский.

— Что вам нужно? — подозрительно спросил он, когда я приблизился.

— Повидать миссис Блейр.

— Несколько поздновато для визитов, не находите?

— Я старый друг семьи. Мое имя Бойд, меня примут.

— Оставайтесь на месте, пока я выясню,— он нажал кнопку звонка.

Слегка приоткрыв дверь, Адель спросила, в чем дело. Но тут увидела меня.

— Данни! Весь вечер пытаюсь дозвониться вам!

— Леди, вы знаете этого парня? — спросил полицейский.

— Конечно,— она отмахнулась.— Входи, Данни!

— Ну, о'кей,— ухмыльнулся блюститель порядка.

Войдя в квартиру, я отправился знакомой дорожкой к бару. Адель тоже весь вечер пила, полупустая бутылка и бокал поведали мне все без слов.

Она вцепилась в мою руку и мешала готовить коктейль, в глазах метался ужас.

— Вы слышали? Слышали о...

— Я ездил к Фрезеру. Вам повторить его рассказ?

Она покачала головой.

— Что же нам сейчас делать?

— Найти Николаса раньше полиции. Единственный вариант. Я не против властей, но не хочу, чтобы вся наша история предавалась огласке.

Адель выхватила бокал из моих рук.

— Я боюсь, Данни! — Ее ногти впились в мою кожу даже сквозь рукав. — Ты не знаешь Никки! У него жуткий нрав, а после того, что мы сделали...

— Успокойтесь, — я, наконец-то, сделал глоток. — Он сюда не придет.

— Он убьет меня, — она вздрогнула. — Я знаю, придет и убьет!

— Не придет, — повторил я. — Под дверью торчит полицейский.

— Хотелось бы верить, — прошептала она. — Ты просто пытаешься меня успокоить.

— Сейчас я больше забочусь о себе. Сюда Никки-бой не явится, но куда-то он все же пойдет? Есть у него друг?

Адель раздраженно хмыкнула.

— Ну, а к Вернону Клайду он может отправиться?

— Не уверена. Хотя...

— Где он живет?

— В шести кварталах от нас.

Адель дала адрес Клайда. Допив джин с тоником, я воспрял духом. Подумал, стоит ли предупреждать Клайда звонком о своем визите, и решил, что обойдусь без этого.

— Где наш песик Аубрей?

— Ушел, — быстро сказала она. — Еще в восемь ушел, а если уже слышал о Никки, думаю, и не вернется. — Она осушила бокал. — Он же труслив, как...

Мы одновременно услышали, что входную дверь кто-то открыл. Адель оцепенела от страха, прислушиваясь к шагам. В комнату вошел Аубрей, миссис Блейр облегченно вздохнула.

— Хелло, Данни. Рад снова видеть вас здесь, но что происходит?

— Ваше удивление естественно, но поверьте, я вернулся не за тем, чтобы обольстить Адель.

— Я этого и не имел в виду, — покраснел он. — Что здесь делает полиция? Мне пришлось доказывать, кто я такой, чтобы попасть в свою квартиру!

— Никки сбежал из клиники несколько часов назад, — сообщил я. — Полицейский приставлен охранять Адель, да и вас, надо полагать.

Глаза Аубрея вылезли на лоб.

— Вы хотите сказать, что отец... — он рухнул на ближайший стул. — Кошмар!

— Еще бы, — согласился я.

— Как ему удалось? — нервно воскликнул Блейр-младший.

— Сбил с ног санитаря, увел автомобиль Фрезера.
— Какой смысл обсуждать это! — воскликнула Адель. — Данни, вы должны найти Никки раньше полицейских ищеек!

— Отличное предложение, — кивнул Аубрей.

— Нью-Йорк — большой город, не так-то просто найти человека. Но я отправлюсь на поиски и позвоню через пару часов.

— Обязательно найдите его, Данни! Я заплачу. Как только вы отыщете отца, я выпишу чек. Скажите, сколько?

— Весьма любезно, Аубрей. — Я оглядел его сверху донизу. — Десять тысяч.

— Не слишком ли, старина? Адель уже отдала вам десять с половиной за два дня работы...

— О'кей, — я пошел к выходу. — Не хотите — не надо. И будем надеяться, что старик действительно не заявится.

— О чем это вы? — испуганно спросил Аубрей.

— А вам невдомек? Сейчас Никки-бой наверняка обдумывает, почему Адель решила от него избавиться.

— Не говорите так! — покраснел Аубрей. — Мы заплатим, только найдите его!

— Отлично, — улыбнулся я. — Спешу на поиски.

— Да, уж пожалуйста. Все замечательно, не так ли, Адель?

— О, замолчи! — она повернулась к нему спиной.

Аубрей, казалось, вот-вот расплатится.

— Ну, Адель, я только хочу быть полезным.

— Вы можете что-нибудь сказать о Чарити Адам? Где она живет? — спросил я.

— Нет, — сказала миссис Блейр.

— Никки затаился у кого-то. Иначе его бы уже схватили. О Лембе вы что-нибудь знаете? Где он живет?

— В небольшом отеле «Осиденталь» на 49-й Восточной улице, — сообщил Аубрей.

— Так, два места есть. Что-нибудь еще?

— Не знаю, — Адель пожала плечами.

— Минуточку! — воскликнул Аубрей. — Мы забыли о Лоис!

— Причем тут Лоис Ли? Ты в своем уме? — возмутилась Адель.

— О! Я думал, ты знаешь, дорогая, — ответил Аубрей. Они уже несколько недель вместе спят.

Она несколько секунд смотрела на него, словно ничего не понимая, и пошла к бару.

— Я был уверен, что она знает, — пробормотал Аубрей.

— Где можно найти Лоис Ли?
— О, да она в том же отеле.
— Вы хотите сказать, она живет с толстяком Лембом?
— Нет, у них разные номера. Словом, я пошутил.
— Три места есть, для начала хватит,— сказал я и поднялся.— Если что-то выясню — позвоню.

7

Я трижды нажал кнопку звонка у квартиры Вернона Клайда. Продюссера не было дома, или его не было только для меня. Я уже собрался уходить, когда дверь внезапно приоткрылась дюймов на шесть и на меня уставились два темных глаза. Потом я увидел черный свитер, возможно тот же, что вчера, но брюки на ней были розовые.

— Привет, Чарити,— улыбнулся я.— Вы еще помните Данни Бойда?

Она всматривалась в меня, не шелохнувшись... Я самодовольно решил, что девушка наконец-то оценила мои данные.

— Вернон дома? Я хочу поговорить с ним. Это не займет много времени.

— Индиго,— тихо прошептала девушка, и дверь еще чуть-чуть приоткрылась.

— Что? — я вошел в квартиру,— что вы сказали?

— Индиго,— повторила она.— Ничего, кроме индиго. Я не стал уточнять, что она имеет в виду.

— Где Вернон?

— Клак-клак,— монотонно повторяла она.

— Что за черт! Вы изобрели новый Эсперанто?

Отвернувшись, она начала раскачиваться из стороны в сторону.

Понаблюдав за нею некоторое время, я схватил ее за руку.

— Послушайте, у меня нет времени. Я хочу видеть Вернона.

Глядя сквозь меня, она ответила:

— Я машинистка. Я печатаю и ничего больше. Не думаю, не чувствую, просто делаю свою работу, клак-клак...

— Ну что ж, мисс печатная машинка,— усмехнулся я,— прекратите на минутку свою работу, мне нужен Вернон Клайд.

Она вздрогнула и вырвала свою руку из моей.

— Никаких вопросов.— Ее голова медленно раскачивалась туда-суда.— Никаких вопросов,— повторила она и на

какой-то миг ее глаза сфокусировались на мне. — Я помню вас, человек со странной работой.

— Отлично! Скажите, пожалуйста, где найти Клайда?

Ее голова продолжала работу маятника.

— Никаких вопросов, — сказала она безразличным тоном. — Все остальное — пожалуйста. — Посмотрев на меня в упор, Чарити заявила: — Все, что хотите. Что вы хотите, Данни Бойд?

Она рывком сорвала с себя свитер. Моя наблюдательность не подвела — лифчика на ней не было, а грудки оказались восхитительными.

— Все, что хотите, — зачистила девушка. — Вы хотите меня, Данни Бойд? Я не буду возражать. Только не задавайте вопросов. Понятно? Все, что угодно, но не задавайте вопросов.

Случается, на моем лице царит глупое выражение. Но на этот раз оно было наиглупейшим.

— Извиняюсь, — сказала она, очевидно, истолковав это по-своему, — мне, конечно, надлежит снять с себя все.

Расстегнув брюки, девушка скинула их и осталась в узеньких голубых трусиках. Я прочистил горло.

— Послушайте!...

— Понимаю, — кивнула она, — мне и это снять? Или вы предпочитаете сами? Как вам нравится, Данни Бойд? Все, что пожелаете!

Ничего другого не оставалось, я ударил ее по лицу, чтобы прекратить эту комедию. Она заплакала. Дав ей немного поплакать, я опять спросил:

— Так где же Вернон?

Чарити начало трясти, она пыталась что-то произнести, ее горло спазматически дергалось, не давая выходу звуку. Наконец, с большим усилием овладев своими движениями, она кивнула на спальню.

— Черт возьми! Вы не могли сказать этого сразу?

Качая головой, она молчала. До меня стало доходить, что задавать вопросы бессмысленно. Одеться она и не подумала, продолжая раскачиваться из стороны в сторону с отсутствующим взглядом.

Я повернул ручку, дверь легко подалась, и я вошел в спальню. Кошмар в стиле Достоевского был хорошо освещен верхним светом. Я никогда не видел так много крови, даже не подозревал, что ее столько в человеке. Усиливало жуткое зрелище то, что вся комната была выдержана в светлых тонах: потолок цвета слоновой кости,

белые стены, пол застелен белыми овечьими шкурами. Даже кровать — из белого дерева, правда покрыта шелковыми черными простынями. Высокие зеркала окружали постель так, что лежащий на ней находился как бы в окружении четырех своих двойников.

Кровь была всюду: на стене, под открытым окном, на овечьих шкурах, на черных простынях, где и лежало тело Клайда Вернона. Взглянув на труп, я невольно отвернулся, здесь поработал маньяк. Он кромсал и терзал ножом тело даже после смерти. Я вернулся в гостиную, плотно прикрыв за собой дверь.

Встретившись с моими глазами, Чарити перестала раскачиваться.

— Индиго, — прошептала она. — Все индиго, а я машинистка. Клавиши движутся ритмично туда-сюда, не надо думать, клак-клак.

Я вновь ударил ее по щеке, не сильно, затем только, чтобы привести в чувство.

— Расскажите, что здесь произошло?

— Вы спрашиваете о Верноне? — еле слышно шепнула она.

— О ком же еще! Или в этой квартире несколько трупов?

— Не знаю точно, — сказала она медленно, наморщив лоб. — Наверное, час прошел... эти шестьдесят минут стоили мне шестидесяти лет жизни. Не знаю, чего вы хотите от меня.

— Зачем вы его убили? — безжалостно спросил я.

— Я?! Думаете, это... я? Я убила его? Нет, нет, неправда, я не делала этого!

— Кто же?

— Не знаю.

Она метнулась в сторону.

— Я убью себя! Вот что я сделаю! Я убью себя, и вы еще пожалеете, да-да, в моей смерти будете виновны вы!

Приметив в углу бар, которым уже не воспользуется Вернон Клайд, я направился к нему и достал бутылку бренди. Наполнив два бокала, один я протянул Чарити. Она покосилась с опаской.

— Я не пью крепких напитков.

— Это вместо лекарства. Выпейте.

Девушка решилась, я составил ей компанию. Затем убрал пустые бокалы в бар и закурил сигарету. Лицо девушки оживилось румянцем. Больше того, заметив мой взгляд, она поспешно прикрыла грудь руками.

— Почему я в таком виде? — прошептала она.

— Вы что, совсем не помните, как предлагали себя, чтобы я только не задавал вопросов?

— Что? — с недоверием протянула она.

— О'кей, значит, не помните. Шок, это бывает, — заметил я. — Достаточно заглянуть в спальню, чтобы понять ваше состояние.

— Будьте добры, отвернитесь, — попросила девушка, — я хочу одеться.

— Почему бы и нет? Пожалуйста. — Впервые в жизни я не стал спорить с женщиной в подобной ситуации и пошел к бару.

— У вас есть сигареты? — спросила Чарити через некоторое время. Несмотря на то, что она была абсолютно одета, щеки смущенно алели. Я прикурил две сигареты и одну протянул ей.

— Спасибо, — она глубоко затаилась.

— Не хотелось бы волновать вас, дорогая, — сказал я, — но Клайд с каждой минутой становится холоднее.

Чарити сделала вторую, не менее интенсивную затяжку, и начала рассказ.

— Вернон пошел в спальню, я сидела здесь, слушала пластинку, которую он только что поставил. Когда она закончилась, а он все еще не возвращался, я позвала его, но ответа не дождалась. Вернон выглядел усталым, и я отправилась в спальню посмотреть, не уснул ли он с сигаретой в зубах, с ним раньше случалось такое.

— Что дальше?

— Дальше... ничего, — девушка задрожала. — Сплошной ужас. Я думала, что надо позвонить в полицию, но телефон в спальне, а войти туда еще раз... А потом я просто испугалась, что если позвоню в полицию, там решат, будто убила я.

— Никто не заходил в квартиру, пока Клайд находился в спальне?

— Никто.

— Тогда кто его убил? Тип о трех головах с другой планеты?

— Можно подняться по пожарной лестнице. Она проходит рядом с окном спальни, — сказала девушка.

Я вспомнил, что окно там действительно открыто, предположение имело смысл. Если Вернон стоял спиной к окну, нападавший, проникнув с пожарной лестницы, мог оглушить его, Клайд упал на кровать, и убийца набросился на жертву, нанося удар за ударом.

— Пожалуйста, дайте мне еще бренди,— попросила Чарити.

Я наполнил бокал и подал ей.

— Спасибо,— она выпила и взглянула с благодарностью.— Я, кажется, ожила.

— Самое время перестать пить.

— Сейчас это мало меня заботит.

— Меня устраивает версия с пожарной лестницей,— сказал я.— Не подскажите, кто бы это мог быть? Да, и давно ли вы здесь?

— Около шести недель.

— Бросьте шутить! — взорвался я.— Никогда больше не пейте бренди!

— Я не шучу,— возразила Чарити.— Вы спросили, как долго я здесь живу...— девушка потупилась.

Теперь я устался на нее.

— И что заставило вас влюбиться в Клайда? — спросил я со злостью.— Его лысая голова, или роль, которую он дал?

— Актрисе нужен жизненный опыт, чтобы хорошо изобразить жизнь на сцене. Не будь у меня такого опыта, обычного для всех женщин, как бы я могла надеяться на роль?

— Сколько вам лет, милая?

— Девятнадцать.

— Рановато вы приобрели свой опыт! — заявил я.— Кто еще знает, что вы жили с Верноном Клайдом?

— Никто, насколько мне известно. Мы были осторожны. Я никогда никому не говорила, да и он, уверена — тоже.

— Не будьте столь уверены,— возразил я и посоветовал собрать вещи.

— Куда я пойду?

На секунду я прикрыл глаза.

— Родственники у вас есть?

— В Омахе.— Она попыталась улыбнуться.— Не думаю, что там будут мне рады. Я — паршивая овца в семье, блестящий пример того, что случается с непослушными девочками. Они все считают меня проституткой, и уж конечно не желают принимать в подобной роли.

— Что-нибудь придумаем,— сказал я,— все же соберите свои вещи.

— Вся моя одежда войдет в чемодан.

— Отлично.

На сборы ушло десять минут. Чарити стояла в центре

гостиной с саквояжем в руках, с обмотанной шарфом головой, и напоминала школьницу, оставленную судьбой один на один с огромным миром.

К счастью, выходя из дома, мы ни с кем не столкнулись. А когда я отъехал от тротуара, то вообще испытал огромное облегчение.

— Куда вы меня везете?

— К себе на квартиру. Там что-нибудь придумаем. Сейчас три часа утра, не время искать номер в отеле.

— Мистер Бойд, простите, — покраснела девушка, но я не ишу больше опыта...

— Почему бы вам не звать меня Данни? — предложил я. — В конце концов, мы друзья по несчастью, связаны, так сказать, одним трупом.

Когда мы поднялись в мою квартиру, Чарити оставила чемодан посреди комнаты и подошла к окну.

— Прекрасный вид, — прошептала она.

— Не знал, что приду с вами. А то бы выкрасил стены в индиго, — хмыкнул я. — Может, снимете пальто и присядете?

— Спасибо, я лучше постою.

— Черт побери! — я начал сердиться. — Возможно, для Клайда вы и были Венерой, но у меня нет проблем такого рода!

Она покорно сняла пальто и примостилась на ближайшем стуле. От выпивки и сигарет отказалась. Тогда я предложил то же самое себе и с удовольствием выпил и закурил.

— В подобных случаях опрашивают всех знакомых убитого, — сообщил я. — Рано или поздно полицейские зададут вопросы и вам. Вы заходили с Верноном Клайдом в его квартиру, найдется кто-нибудь, кто видел вас и придется отвечать, девочка.

— Что же мне говорить? Где, например, я жила последние месяцы?

— Здесь. Этого не смогут подтвердить, но и опровергнуть тоже.

Я отнес бокал на кухню, где царил беспорядок, но довольно сносный.

— Кофе на столе, Чарити, — сказал я, вернувшись в комнату. — Мясо в холодильнике, можете пожарить. Остаток ночи вам лучше провести здесь. Утром найдем, если хотите, другое место. В вашем распоряжении спальня, отдыхайте.

— Спасибо,— осторожно откликнулась девушка.— Мне уже достаточно жизненного опыта.

— А мне нужно идти,— буркнул я.— Однако, вы непоследовательны. Не так давно сбросили передо мной всю одежду, а сейчас, очевидно, круто изменили намерения.

Впервые она улыбнулась легко и открыто.

— Это вы совершили ошибку, мистер Бойд. Надо брать тогда, когда предлагают.

— Непременно воспользуюсь вашим советом в следующий раз.

В этот момент мне подумалось, что я могу встретить Херби и толстяка еще до исхода ночи. Для очередной встречи с психом Херби не мешает захватить друга. Я пошел в спальню, там, в верхнем ящике бюро — мой надежный друг. Даже два. Магнум может остановить слона, но его трудновато носить незаметно. Зато Смит-Вессон 38 калибра — как раз то, что надо. Я сунул револьвер в карман брюк.

Чарити не спускала с меня глаз до самой входной двери, и в последний момент спросила:

— Куда вы?

— Знаете, как мечтают ответить мужья женам? Но не смеют,— я усмехнулся.— Ухожу. Вернусь к завтраку. Задержусь — не беспокойся! — Девушка улыбалась.— А вам, Чарити, я скажу больше: до моего прихода не уходите и никому не открывайте. У меня ключ.

— О'кей, Данни! Кажется вы — не волк. Мне хорошо с вами, и впервые я чувствую себя в безопасности,— она улыбнулась застенчиво.— В самом деле, мне еще ни разу не было так хорошо.

— Вы восхитительны! — я засмеялся.— Ваш способ защиты эффективнее, чем полгода занятий дзю-до!

— Прежде, чем разочаруетесь, думайте обо мне, как о сестре, Данни.

— Никогда.— Отметил я твердо.— По крайней мере, пока вы не носите лифчик.

— До свидания, Данни! — Совсем уж нежно пропела девушка.— Можно один вопрос? Кто убил Клайда, как вы думаете?

— Понятия не имею.— Я помахал ей рукой.— Пока, Чарити. Пижама в ящике бюро.

Уже на лестнице ее вопрос остановил меня. Кто же убил продюссера? И тотчас перед глазами, одна за другой, возникли две картины: спальня Клайда, его искромсанное

тело на кровати и мой кабинет, каким он стал после первого посещения Херби.

Я не спеша пошел к автомобилю. Смит-Вессон приятно холодил бедро.

8

Половина пятого утра чертовски неподходящее время для визита к людям, знакомство с которыми ограничено полудюжиной слов. Тем не менее обстоятельства заставили меня нажать кнопку звонка и ждать, как я уже ждал у квартиры Вернона. Оставалось уповать только на то, что за этой дверью не поджидает другой труп.

После второго звонка дверь приоткрылась, сколько позволила цепочка.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Данни Бойд, — отозвался я. — Нас с вами познакомили на репетиции пару дней назад, мисс Ли.

— Да, припоминаю. Что вам нужно в столь ранний час?

— Необходимо поговорить о Николасе Блейре. Разговор не терпит отлагательства.

— Подождите минутку.

Цепочка зазвенела, и дверь широко распахнулась.

— Пожалуйста, проходите в гостиную. Я сию минуту присоединюсь к вам, — сказала Лоис Ли.

Стоя на мягком ковре, я с интересом огляделся. Большая комната была обставлена со вкусом, стены украшали цветные репродукции.

Спустя две минуты хозяйка стремительно вошла в гостиную, халат летел за нею, как планер. Готов поклясться, более прозрачной ткани, чем та, из которой был сшит халат — не существует. По крайней мере виден был кружевной лиф ночной сорочки, который, в свою очередь, откровенно демонстрировал все прелести волшебной груди. Если Аубрей сказал правду, то надо признать, Никки-бой знал, что делает.

— Бойд, — прищурилась актриса. — Данни Бойд, да, помню. Если не возражаете, я буду называть вас Данни. А вы меня — Лоис.

— Не возражаю, — кивнул я.

— Хотите кофе?

— Нет, спасибо. Никак не пойму, утро сейчас или ночь.

Лоис кивнула и поправила халат.

— Не умею носить эти проклятые вещи как надо, — улыбнулась она. — И не знаю, почему.

— Вы не созданы для них,— смело ответил я.— Одежда нужна тем, кто не имеет ваших форм. Но прятать такое тело, как у вас, просто несправедливо по отношению к окружающим.

— О, вы опасный молодой человек! — хозяйка обворожительно улыбнулась и жестом пригласила сесть на кушетку. Сама она села рядом, тесно прижав свое бедро к моему, вероятно надумав выяснить, так ли я опасен на деле, как на словах.

— Вам удобно? — любезно поинтересовалась актриса.

— Вполне.

— Прекрасно. А теперь скажите, что случилось с Николасом, и почему вы явились в такую рань?

— Вы разве ничего не слышали?

— Слышала по радио,— ответила она.— Но не знаю подробностей и схожу с ума. Невозможно представить, его называют опасным маньяком, он почему-то оказался в психушке, сбежал... Бред какой-то. Вы можете что-нибудь объяснить, Данни?

— Большей частью да. Хотя считал, что вы уже в курсе всего.

— Почему?

— Никки-бой... Он ведь здесь?

— С чего вы взяли?

— Мне известно,— усмехнулся я,— у него есть для этого причины.

Она очень естественно рассмеялась, массивная грудь еще больше натянула кружевной лиф.

— Как вы деликатны, Данни! Интересно, кто вам об этом сказал?

— Его сын.

— Аубрей? Это лохматое чудовище? Не могу понять, как Никки мог произвести такое на свет! — она улыбнулась.— Хм, странно, с чего же он взял, мы не давали повода, как будто... Занимался бы лучше своими репетициями, глядишь, лет через десять и поставит любительский спектакль.

— О чем вы? Разве Аубрей актер?

Лоис отрицательно покачала головой.

— С полной уверенностью заявляю нет! И никогда им не был. Но — тайные амбиции. Он ездит на частные репетиции по меньшей мере трижды в неделю и устроил из этого тайну. Я узнала совершенно случайно, моя подруга руководит этими неуклюжими попытками создать нечто.

— Вот так новость! — неподдельно удивился я.

— Мы забыли о Никки,— напомнила она.— Скажите же, наконец, что привело вас ко мне столь неотложно?

— Я надеялся переговорить с самим Николасом, и он здесь, не так ли?

— Разумеется, нет. Если не верите — осмотрите квартиру.

— Плохо,— я вздохнул.— Но надеюсь, рано или поздно он все-таки придет. Ему нужна дружеская поддержка, и, по-моему, единственный человек, кому он может довериться сейчас,— вы.

— Я ему не друг, Данни,— мягко возразила актриса,— я любовница, а это гораздо больше, чем просто друг.

— Вы значительно укрепили мою точку зрения,— заявил я.— Николас Блейр придет сюда обязательно.

— И что же?

— Не могли бы вы передать, что нам необходимо встретиться как можно быстрее? Скажите, что я сумею помочь ему.

— Так же, как помогли его изолировать? — холодно спросила Лоис.

Я вскочил на ноги.

— Он здесь?

— Я же сказала, нет.

— Тогда откуда вы знаете о моем участии во всей этой истории?

Мисс Ли встала, и глядя мне прямо в глаза, сказала:

— Он был здесь. Уже ушел.

— Вы в этом уверены?

— Еще бы! Да и зачем мне обманывать вас?

— Куда он пошел?

— Вы думаете, я отвечу вам? Святая наивности! Я и так сглупила, сказав, что Никки приходил. Не рассчитывайте на мою помощь, Данни!

— Он отправился к Вернону Клайду, я угадал?

— Странное предположение, молодой человек.— Ее лицо побледнело.

— Значит, он пошел туда?

— Какая разница, куда он пошел?

— Вернон Клайд мертв,— жестко сказал я.— Его тело кромсали ножом и до, и после смерти. Жуткую картину застал я на квартире продюссера, до конца дней она будет преследовать меня!

— Я... не могу...— Лоис покачнулась и упала.

Я мог подхватить ее, но она увлекла бы и меня своей

массой, что толку? Когда падает башня, не пытайтесь ее удержать.

Вода могла испортить ковер, а мне лишние заботы не нужны. Сходив на кухню, я принес из холодильника поднос со льдом. Лоис все еще лежала без чувств. Я наклонился и осторожно засунул несколько кусочков льда ей под лиф.

Уже через секунду она резко поднялась, завопив. И вздохнула с облегчением, когда извлекла последнюю ледышку из теплого убежища. Ее взгляд пылал ненавистью.

— Вы... вы сделали эту гадость?

— Признайте, потрясающий способ привести человека в чувство, — хмыкнул я. — И никакой грязи на ковре!

— Отвратительно! — брезгливо воскликнула она. — Девушка теряет сознание, а вы первым делом норовите добраться до ее груди!

— Я вел себя как джентльмен, мисс Ли. Во всем виноват лед.

Лоис вскочила на ноги, дошла до дивана и растянулась на нем. Затем она начала как-то смешно извиваться и дергаться, очевидно, затаившаяся льдинка не давала покоя. Раздался треск рвущейся ткани, и ночная рубашка разорвалась почти до живота. Она осмотрела себя без тени смущения, и с торжествующим возгласом отбросила лед в сторону.

— Я все же думаю, вы сделали это с каким-то мерзким намерением, — Лоис уничтожающе посмотрела на меня.

— О! Да вы можете разбогатеть на одной демонстрации своих богатств! — воскликнул я, глядя на нее с восторгом.

Она, было, рассмеялась, но сразу остановилась.

— Что вы говорили о Верноне? Это правда?

— Правда.

Девушка удрученно кивнула, затем расправила плечи.

— Это не может быть Никки! Я уверена.

— Возможно, — спокойно согласился я. — Но тот, кто это сделал, намеренно устроил все так, чтобы подозрение пало именно на Николаса Блейра.

Лоис задумалась.

— Не пойму, — сказала она наконец, — почему вас так интересует Никки? Или вы все еще работаете на эту ведьму?

Я сел рядом с ней и закурил.

— Наверное, это прозвучит смешно, но у меня есть своя этика, — сказал я. — Никогда не предаю клиента. Меня наняли, чтобы изолировать мешающего супруга, и я

сделал это. Но не могу сказать, что с легким сердцем. Я начал искать выход и нашел. С Адель меня больше ничто не связывает, и у нас не было оговорено, что, упрятав Никки в клинику, я не должен попытаться вызволить его оттуда.

— Понимаю, — кивнула мисс Ли. — Хотя не очень на вас похоже.

— Ну, — просто пояснил я, — существует еще небольшая деталь. Жена уплатила 9 тысяч за изоляцию мужа, и я предполагал, что пострадавшая сторона даст еще больше за свое освобождение.

— Вымогатель! — презрительно бросила Лоис.

— Я бизнесмен. И не спрашивайте, в чем разница.

Актриса смотрела на меня с изумлением.

— Почему вы рассказали все это мне?

— Случилось непредвиденное, — признался я. — Вчера вечером я поехал в Коннектикут переговорить с Никки-бом, но он уже сбежал. Доктор заявил, что его ищут как опасного маньяка. Затем смерть Клайда. Таким образом, на нем теперь висит убийство и потребуются немалая сумма, чтобы спасти Николаса от виселицы.

— Вы так и не сказали, — заметила она, — почему разоткровенничались со мной?

— О, вы не только очаровательны, Лоис, — сказал я. — Вы достаточно умны. Девушка с вашими данными, имеющая такую квартиру и мебель...

— Может заплатить еще больше, лишь бы спасти возлюбленного? — подхватила она.

— Надеюсь.

— Уже рассвело. — Лоис вздохнула и посмотрела на зашторенное окно. — Пойду приготовлю кофе.

Минут через пять она вернулась, поставила поднос на кофейный столик и подала мне кофе. Под чашкой я обнаружил чек на пять тысяч долларов.

— Вы наняты, Данни, — заявила мисс Ли. — Это задаток. Получите столько же, если докажете невиновность Никки или найдете настоящего убийцу. А когда опровергнете диагноз об его сумасшествии, я заплачу еще пять. Вас устраивает?

— Отлично, Лоис! — я улыбнулся. — Приятно иметь дело с леди.

— Я свое слово сказала. А что можете сказать вы? Как долго ждать добрых вестей?

Допив кофе, я встал.

— Отправляюсь немедленно и постараюсь опередить полицию.

— Мудрое решение,— ее тон стал вновь игривым.— Оно устраняет соблазн, по крайней мере.

— Соблазн?

— Добавить ваш скальп к тем, что уже имеются на моем поясе,— Лоис усмехнулась.

— Если я и бледнолицый, мадам, то лишь потому, что давно не был во Флориде!

Она глубоко вздохнула, снова затрещала рвущаяся ткань.

— Думаете, Данни, я не смогу?

— Думаю,— ухмыльнулся я.— Попробуйте тронуть меня хоть пальцем...

С яростным нетерпением задребезжал звонок.

Хозяйка моментально вскочила на ноги.

— С ума можно сойти! — Девушка метнулась к двери.— Никки вернулся!

Сделав всего два шага, она едва не потеряла ночную рубашку, расплзшуюся уже донизу. Лоис осмотрела себя и покачала головой.

— Пожалуй, лучше открыть вам, Данни. Не стоит давать ему лишнего повода для расстройства.

Кивнув, я быстро прошел через маленький холл и отпер дверь.

Херби сделал резкий выпад правой рукой и вонзил палец мне в пупок. Я ударил его по носу и тоже получил некоторое удовольствие.

— Отложим на потом, Бойд? Вообще-то, мы пришли не за тобой,— пробормотал Херби.

9

Лоис запахла в халат, и вероятно, считала, что выглядит вполне пристойно. И то правда, сейчас ее вряд ли можно было назвать голой. По меньшей мере, нагота была слегка задрапирована.

Мои размышления безжалостно прервали.

— Я должен найти Блейра! — сердито воскликнул Лемб.— Неужели непонятно? Без него не состоится спектакль!

— Конечно, мистер Лемб,— поддакнула артистка.— Вполне согласна с вами. Я ведь тоже очень привязана к Никки, к тому же хочу сыграть королеву в его Гамлете! Но поверьте, он ушел часов шесть назад и скорее всего не

вернется. Мистер Бойд вот тоже разыскивает его с раннего утра, и уже собрался уходить, когда вы... — она бросила взгляд на Херби, — прибыли.

— Где, черт возьми, Блейр?

— Повторяю еще раз, — холодно сказала Лоис, — не знаю. Я обеспокоена не меньше вашего.

Толстяк хмыкнул и повернулся ко мне.

— А вы что скажете?

— Если бы я знал, где найти Николаса, не торчал бы здесь до сих пор.

Херби окинул хозяйку взглядом профессионального вивисектора.

— А почему бы и нет? — промурлыкал он.

— Не умничай, Херби! — рывкнул Лемб. — Ты тоже пока не нашел Блейра!

Молодчик пожал плечами.

— Почему это все шишки на меня? С виновника и спрашивайте, он устроил нам лишние хлопоты.

— Да. — Лэмб снова повернул голову в мою сторону. — О нем я тоже не забыл. Бойд, я ведь, кажется, предупреждал, что Адель принесет вам неприятности? Но вы не послушались.

— Каждый стремится заработать, — возразил я.

— Веселый малый, — Херби ухмыльнулся.

— А что-нибудь пооригинальней? — спросил я. — Например так — «Вы, Бойд, умрете смеясь, от колик»?

— Вы умрете без смеха, Бойд, — мрачно произнес Лемб. — Я предупреждал, еще раз подойдете к миссис Блейр — окажетесь в морге. Вы, кажется, приняли это за шутку. Но я не шучу такими вещами, Бойд.

У меня пересохло во рту, я вдруг понял, плохи мои дела, так плохи, что хуже некуда. Флойд Лемб глуповат и сам по себе вряд ли очень страшен, но рядом с ним психопат Херби. В подобной комбинации смерть становится заурадной штукой, вроде жертвоприношения их жуткому, кровавому божку. И жертвой для заклания избран Дanni Бойд.

Смит-Вессон Херби выгреб из моего кармана, еще когда мы шли от двери в гостиную, чем сильно напугал Лоис.

Лемб сказал, что убьет меня, и он сделает это. Или Херби. Неважно, кто из них нажмет спусковой крючок. Меня бросило в пот.

Под Лембом заскрипел стул.

— Полагаю, мисс Ли сказала нам все, — кивнул он Херби, — нет нужды оставаться здесь дольше.

— Как скажете, — хмыкнул тот.

— Ол райт, — Флойд поднялся. — Мы уходим, вставай-те, Бойд.

Рубашка прилипла к спине. Они могут прикончить меня в любой момент, как только мы покинем квартиру. В лифте, в автомашине. Чем быстрее, тем лучше, как сказал этот головорез. Возможно, он воткнет мне нож в ребра, даже не дожидаясь кивка хозяина.

— Погодите! — Я хотел выиграть время.

— Я сказал, мы идем! — рыкнул Лемб.

Вытащив из кармана чек, только что выписанный Лоис Ли, я протянул его Флойду.

— Взгляните, подпись может вас заинтересовать.

Он выхватил чек, пробежал глазами и уставился на хозяйку квартиры.

— За что он получил деньги, мисс Ли?

— Это задаток, — она нервно облизнула губы. — Я заплатила мистеру Бойду, чтобы он нашел Никки. Он получит еще пять тысяч, если найдет настоящего убийцу Клайда, а потом...

— Клайд? — перебил Лемб. — Что вы болтаете?

— Он мертв, — быстро сказал я. — Думал, вы уже осведомлены. Клайда зарезали ножом. — Я посмотрел на Херби, его глаза пылали ненавистью.

— Почему вы ничего не знаете? — обрушился Флойд на своего помощника.

— Может, об этом знает только тот, кто его прикончил? — язвительно спросил Херби.

— Бойд? — протянул толстяк. — Но зачем ему убивать Вернона?

— За деньги, — лаконично брякнул Херби. — Может быть, ему заплатили? Запихал же он в психушку Блейра!

— А может быть, твоя голова набита кирпичами? — Лемб фыркнул. — Такое тоже может быть, Херби?

Он снова посмотрел на чек.

— Если я правильно понял, вы наняли Бойда? — он взглянул на Лоис.

— Да, — кивнула та. — Я доверяю мистеру Бойду. Думаю, у него больше шансов найти Никки, чем у кого бы то ни было, включая и полицию.

— Хитрый дьявол! — Херби скис. — Вы еще тогда сказали, что Бойд — хитрая лиса, не так ли, босс? Дайте ему медали!

— Заткнись! — взорвался Флойд. — Я уже сказал, мы уходим. Вы с нами, Бойд.

— Как скажете, конечно,— с готовностью ответил я.
— Хм, у меня, кажется, появился еще один пройдоха,— пробормотал толстяк.

— Послушайте, Флloyd,— быстро атаковал я.— Адель наняла меня, чтобы избавиться от мужа. Вы приказали отступить. Но дело сделано, ничего не изменишь. А сейчас мисс Ли заплатила, чтобы я отыскал и спас Николаса. Вы, кажется, ничего не теряете, давая мне возможность сделать это. Если же Блейр не будет найден, плакали ваши денежки, как я понимаю.

Херби захохотал.

— В другой раз он продаст вам поливальную машину! Я не обратил на него внимания.

— Видите ли, я ищу Блейра, чтобы вытащить его из беды, в которую сам же втянул. Волей-неволей, я одновременно работаю на вас, Лемб. Что вы скажете на это?

— Малый так и напрашивается на медаль, босс!

— Херби! — Лемб потер лоб.— Верни ему револьвер. Нравится ему это или нет, но он действительно работает на меня!

Херби совсем сник, но не двинулся с места.

— Ты слышал? — прошипел Флloyd.— Я не люблю повторять!

Херби достал револьвер из кармана, подержал в ладони и нехотя протянул мне. Как только друг вернулся в мои руки, я моментально перестал потеть.

— Я не останусь в долгу, Бойд! — злобно выдавил из себя Херби.— Но расплачусь чуть позже.

— Конечно,— я усмехнулся.— Твой нос — чуткий кредитор.

— Пойдем! — властно окликнул его Лемб.— А вам, Бойд, советую поскорее привести Николаса Блейра.

— Будет сделано,— я насмешливо посмотрел ему в глаза.

Херби послушно поплелся за хозяином, но когда тот вышел в коридор, обернулся и прогнусавил:

— Береги себя, Бойд. Это доставит мне радость.

— Непременно, малыш,— я рассмеялся.— А ты позаботься о своих почках!

Как только дверь за ними закрылась, Лоис снова растянулась на диване.

— Жуткий тип,— сказала она.— Мне было страшно от одного взгляда на него. Кто он?

— Кого вы имеете в виду?

— Вы отлично знаете, кого! Ужасный Херби. Настоящий скорпион.

— Этим все сказано,— кивнул я.— Отправляюсь искать Никки-боя.

— На вашем месте я была бы поосторожней с этим типом,— Лоис содрогнулась, наверное, представив себе Херби.— Первый мужчина в жизни, так испугавший меня!

— А сколько мужчин напугано вами?

— Ну, трудно сказать,— она задумалась и неожиданно рассердилась.— Уходите, Данни!

В половине восьмого я сел в автомобиль и поехал домой, решив, что Никки-бой может и подождать, пока я немного посплю.

Повернув ключ в замке, я вспомнил о Чарити Адам и тихонько открыл дверь, стараясь не разбудить девушку.

Меня встретил пристальный взгляд моего магнума, и надо сказать, это не принесло мне чувства облегчения.

— Входите, Даниэль. Я давно вас жду,— мягко сказал Николас Блейр.

— А я давно ищу вас, Никки-бой,— в тон ответил я и ногой захлопнул дверь.

— Очень рад видеть вас,— заявил артист.— Вы и представить не можете, как я желал встречи с вами с того самого момента, когда санитары выволокли меня из кабинета. «Скажите им, Даниэль!» — кричал я.— «Скажите, что это шутка, пари!» Но что сделали вы? Молча отвернулись, Даниэль.

Магнум он держал в руке твердо. Его палец лег на спусковой крючок, не оставляя ни малейшей надежды. Я отчетливо представлял, что сейчас произойдет.

— Почему вы молчите, Даниэль? — спросил Блейр.— Не отнялся ли у вас язык?

— Вас изолировали,— пробормотал я, чтобы сказать хоть что-то.— Но это поправимо.

— Весьма любезно, Даниэль! — его голос гремел.— Это можно поправить, так вы сказали? А как же Адель? Вы же расстроите мою женушку? Она вас наняла, понесла расходы, а? — его глаза потемнели.— О! Как вы с ней, должно быть, веселились, возвращаясь в Нью-Йорк. Еще бы, это так смешно, вы изолировали меня с моей же помощью! Наверняка нож, которым я размахивал, вызвал ваш восторг, так ведь, Даниэль?

— Это помогло,— уныло промямлил я.

— А я думал о том, что вы хохочете надо мной, я представлял эту картину весь день! Аубрей тоже в восторге от папаши-шизофреника, это уж точно. Наверное, смеялся до слез при мысли, что его старик бьется головой в стену сумасшедшего дома!

— Успокойтесь, Николас,— сказал я.— Где Чарити Адам?

— Девочка спит,— он кивнул в сторону спальни.— Я пришел сюда рано утром, и она мне открыла. Единственное существо, которое искренне радо меня видеть. Она накормила меня, сварила кофе, мы выкурили по сигарете и бедняжка отправилась спать, естественно не зная, что я ждал вас, чтобы убить!

— Естественно,— поддержал я.— Вы видели Вернона Клайда?

— Нет. Я был там, но никто не открыл.

— Он убит этой ночью,— сообщил я.— Если вам интересно, Никки-бой, скажу больше. Объявят, что это сделали вы. Псих сбежал из клиники и в безумном ослеплении зарезал друга. Вы по уши в дерьме, Никки-бой.

— Откуда мне знать, что вы не врете?

— Рано или поздно тело обнаружат.— Я вздохнул, подумав, что и мое тело могут обнаружить.— Чарити была там, разве она вам ничего не сказала о Верноне?

— Нет.— Он нахмурился.

— Значит, побоялась вашей реакции,— вскользь заметил я.— Не стоило ломать руку санитару, Никки-бой, после этого на вас повесили ярлык жестокого маньяка.

— Что за чепуха, черт возьми! Я никому ничего не ломал! — возмутился Блейр.— Я даже не видел никого, когда выходил. Все двери настежь, так что мой побег до смешного прост!

— Вы хотите сказать, что ушли из клиники беспрепятственно?

— Точно!

— И вас никто не пытался остановить?

— В том-то и дело! — Николас вдруг насторожился.—

А что это меняет?

— Очень многое, может быть.— Я на секунду задумался.— Выслушайте, Никки-бой, хотя я понимаю, что вы готовы меня растерзать. Похоже, вам устроили ловушку. Для начала загнали, не без моей помощи, в психушку, затем организовали побег и сообщили властям об опасном шизофренике, одержимом манией убийства. И, наконец, в ночь, когда вы разгуливаете по Нью-Йорку, действитель-

но совершается жуткое убийство, заметьте, знакомого вам человека. Вы следили за моей мыслью, Николас? Могу добавить только одно. Я охотно помогу вам выбраться из беды, если вы не возражаете.

— Да я разmozжу вам голову, Даниэль! А затем повидаюсь с женой, — он нехорошо усмехнулся. — Не знаю, что с ней сделаю, но ручаюсь, она уже не останется такой, какая сейчас, если вообще выживет!

— О'кей! — я повысил голос. — Знать вы и вправду маньяк-убийца, и я зря теряю время! — я уже кричал. — Что же вы? Стреляйте в меня! Разнесите мою башку вдребезги!

Я орал, и краем глаза следил за дверью спальни. Подумать только, неужели так крепок сон этой девчонки!

— Всему свое время, Даниэль, — с издевкой сказал Блейр. — Что вы орете, как истеричка? Мне спешить некуда. Хочу, чтобы вы попотели малость, мне ведь тоже пришлось попотеть, как вы думаете?

— Благодарю, — буркнул я. — Не желаете ли посчитать капли?

Дверь спальни приоткрылась.

— Ну, что же вы не продолжаете, Даниэль? — спросил он мягко. — Помнится, вы большой охотник до разговоров. Актеры могут дурачить людей только на сцене, не так ли, мой друг? А каково ваше мнение теперь, Даниэль?

Лицо Чарити, появившееся в проеме, стало блее полотна, когда она увидела револьвер в руке Николаса.

— Я размышляю, Никки.

— О чем, если не секрет?

— Если бы у меня в руке был камешек, я бросил бы его вам за спину. Вы инстинктивно оглядываетесь, а я прыгаю, и обезоруживаю вас. Неплохо?

Чарити сделала глубокий вдох.

— Никки! — закричала истошно девушка.

Блейр подпрыгнул, будто подстреленный, и повернулся к ней лицом. В тот же миг я бросился вперед, и всем своим весом налетел на него со спины. Никки-бой, описав в воздухе дугу, ударился о стену и сполз на пол. Осторожно подняв магнум и поставив его на предохранитель, я передал револьвер Чарити. Потом склонился над актером, и обнаружил, что перестарался. Но внимательно его осмотрев и ошупав, я убедился, что шея не сломана, и другие кости целы тоже. Стало немного легче. Я перетащил Николаса в спальню, положил на кровать и связал руки на спине.

К этому времени девчонка тоже пришла в себя.

— Он очень опасен? — прошептала она.

— Конечно. Спасибо, дорогая, вы спасли мне жизнь. Правда, могли бы сделать это и десятью минутами раньше.

— Если бы вы вернулись пораньше, — надулась она, — его бы здесь не было! А я бы, возможно, не спала!

— Чарити Адам! — начал я важно, — не так давно вы утверждали, будто жизненный опыт вам больше не нужен! — я засмеялся.

— А разве я не могу изменить свои планы? Или девушкам это не свойственно?

— Э-ээ, мы обсудим вопрос в другой раз, — хмыкнул я. — А вообще-то, есть такая присказка, про здоровый дух и здоровое тело...

— Спасибо, профессор! — хихикнула она. — Эй, куда вы опять?

— Мне нужно повидать одного человека... Вернусь к ленчу.

— Постойте, Данни! Неужели вы бросите меня одну? Что я буду делать? Он вот-вот очнется...

— Я запру спальню, дорогая.

— А что, если ему станет по-настоящему плохо?

— Вызовите врача. Но не позволяйте ему одурачить вас. Поверьте, ради его же безопасности, ему лучше оставаться здесь.

Пока Чарити не надумала новых вопросов, я быстро закрыл дверь. Из-за чего столько разговоров? Не так уж трудно присмотреть за связанным человеком часок-другой. Черт побери! Я даже забыл получить с нее квартплату в этой суматохе!

10

— Доктор Фрезер занят, мистер Бойд, — сказала медсестра ледяным тоном и победоносно поджала уголки губ.

— Чем занят? — усмехнулся я.

Она секунду смотрела мне в глаза, как бы проверяя собственную выдержку, но тут же стала смотреть сквозь меня, что было для нее гораздо проще. Здесь я не мог требовать, и мне дали это понять.

— Как долго он будет занят? — спокойно спросил я.

— Понятия не имею, мистер Бойд.

— Полчаса? Три недели? У него что, неприятности?

— Не смейте мне грубить, мистер Бойд, — назидатель-

но сказала девица.— И пожалуйста, сейчас же перестаньте курить!

Я выбросил сигарету в окно. Всем своим видом она подчеркивала, что не встречала еще человека отвратительнее меня.

Прошло десять минут.

— Доктор все еще занят? — спросил я вежливо.

— Не могу сказать вам ничего нового, мистер Бойд.

— Очень плохо.— Я улыбнулся.

Через десять минут я снова повторил вопрос, и получил прежний ответ.

— Вы уверены, что он в самом деле занят? — поинтересовался я.— Или это трюк для меня? Ваш док надеется, что я не высижу в приемной больше двух дней?

— Не знаю, мистер Бойд.

— Похоже, зима будет долгой,— я изобразил зевок.— Вы играете в пинокль?

— Конечно, нет!

— Жаль.— Я облокотился на стол и уставился ей в глаза. Медсестра резко отпрянула от меня и чуть не опрокинулась вместе со стулом.

— Знаете,— понизил я голос,— я ведь сам психиатр-любитель.

— Весьма опасная практика,— заявила мадам.

— Скажите,— заворковал я доверительно,— когда вам доводилось видеть шорты доктора Фрезера — вы краснели?

Она вскочила и убежала в коридор. Вскоре зазвонил телефон, я поднял трубку и ответил. На другом конце провода стояла напряженная тишина. Наконец, голос Фрезера спросил:

— Кто это?

— Это Данни Бойд, доктор,— утешил я его.— Слышал, вы очень заняты?

— Почему вы отвечаете по служебному телефону? Где медсестра?

— Играет трагедию, рвет на себе волосы.

— Да вы пьяны!

— Ничуть. Просто устал, Фрезер, ждать вас. У меня есть к вам дело, оно тоже устало ждать, доктор Фрезер!

— У нас нет общих дел, мистер Бойд! — убийственно заявил он.— Если не покинете помещенье в течение трех минут, я вызову полицию!

— А не пожалеете, доктор? — осведомился я.— Мне есть что сказать вам, Фрезер. Вам, или тому парню со

сломанной рукой, вы меня слышите? И если разговор не состоится, в полицию позвоню я. По этому телефону.

— Зайдите ко мне,— выдохнул он.— Могу уделить не более пяти минут.

— При некоторых обстоятельствах это целая жизнь! — я повесил трубку.

Когда я вошел, доктор Фрезер сидел за своим столом, как монумент.

— Буду весьма благодарен, если вы изложите свое дело в двух словах,— сказал он строго.— Меня ждут дела.

— Постараюсь,— я усмехнулся.— Дело в том, уважаемый доктор, что три часа назад я имел удовольствие поговорить с Николасом Блейром.

Он чуть не свалился со стула.

— Его задержали? Полиция?

— Нет,— я улыбнулся,— ищейки его не найдут.

— Вы понимаете, что, помогая прятаться безумцу, нарушаете закон?

— А сколько законов нарушили вы, Фрезер?

— Вон отсюда! — прохрипел он.

— Придется вам кое-что напомнить,— спокойно продолжал я.— Николас Блейр был опасным человеком в течение пятнадцати минут. Настолько опасным, что вы посоветовали жене оставить его под присмотром, вызвали санитаров и поставили диагноз — шизофрения.

— И я прав! — воскликнул доктор.

— Тем же вечером,— сказал я невозмутимо,— Блейр ушел из клиники, ушел, но не сбежал, его никто и не пытался остановить! Больше того, двери настежь, у входа автомобиль с ключами. Заметьте, ваш автомобиль, доктор Фрезер.

Закуривая, я наблюдал, как он пытается унять дрожь в пальцах.

— Что вам от меня нужно?

— Правды, Фрезер, ничего другого.

— Какой правды?..

— Не передергивайте, док,— предупредил я.— Начнем с нашей первой встречи. Мы с вами переговорили, вы назначили аудиенцию на следующее утро, я уехал. Что было дальше?

Внезапно распахнулась дверь и в кабинет влетела медсестра с покрасневшими глазами.

— Доктор! Доктор Фрезер! Меня никто так не оскорблял!

— Убирайтесь с моих глаз, бесполое существо! — отчетливо выговаривая каждое слово, прорычал док.

Девушка отшатнулась, в глазах застыл смертельный ужас. Я встал и прикрыл за нею дверь.

— Пять лет мечтал сказать ей это! — возбужденно пробормотал врач.

— Продолжим? — посмотрел я ему в глаза.

— Да-да, мистер Бойд, — торопливо заговорил он. — Я вижу, вы многое знаете, лучше уж рассказать все. После вас ко мне пришел другой посетитель. Он знал о вашем с Блейром пари.

— И что потом?

— Этот человек сказал, что тоже хочет подшутить над Николасом Блейром и нуждается в моей помощи. Меня разозлило то, что вы отняли время из-за ерунды, а предложение этого парня просто взбесило. Я хотел выставить его из кабинета... — Фрезер вымученно улыбнулся.

— Но вам предложили денег, — помог я ему.

— Да. — Фрезер вытер пот со лба. — Парень был очень настойчив, он говорил, что понимает, насколько абсурдна его просьба, но все же намерен добиться моего согласия. Ради удовлетворения своей прихоти он готов был пожертвовать на мою клинику три тысячи долларов.

Я вновь закурил, ожидая продолжения.

— Заметили, какая здесь тишина, мистер Бойд?

— Заметил, — кивнул я. — Тишина у вас просто... стерильная!

Доктор попробовал улыбнуться, но ему явно было не до смеха.

— Вы, наверное, уже догадались, почему?

— Ну, — я усмехнулся, — возможно, все ваши пациенты спят под гипнозом дни и ночи напролет.

— Здесь нет пациентов, мистер Бойд. Больница пуста. Я уже сократил штат сотрудников до минимума, и все равно с трудом свожу концы с концами. Эти деньги оказались очень кстати...

— Итак, вы согласились затянуть розыгрыш за три штуки, — прервал я лирическое отступление. — Что было дальше?

— Вы присутствовали, когда миссис Блейр подписывала бумаги. Я тоже подписал их. Но беда в том, что подписи одного медика недостаточно, чтобы поместить человека в психиатрическую клинику. Эти документы — блеф. Николас Блейр был оставлен здесь противозаконно. Вы с миссис Блейр уехали, после полудня позвонил тот человек. Каза-

лось, он был доволен развитием событий, но тут же последовала очередная просьба. Я должен был предоставить Блейру возможность бежать. Он дал четкие инструкции, моя машина с ключами в замке была их, с позволения сказать, заключительным аккордом.

Таким образом, я получил три тысячи и беспокоился только об автомобиле, решив, что шутки на этом прекратились.

Но сам шутник, видимо, еще не успокоился. Он буквально приказал сообщить властям о побеге сумасшедшего по имени Николас Блейр, и при этом подчеркнуть, что сбежавший смертельно опасен.

Сначала я расхохотался, даже подумал, что напоследок он просто разыгрывает меня, но потом увидел его глаза, и... Он подсказывал шаг за шагом и требовал... Мне ничего не оставалось...

— У него были бумаги, подписанные вами, номера банкнот, которые он вручил вам, верно?

Фрезер чуть заметно кивнул.

— Отлично продуманный шантаж. Ваша карьера, ваше будущее — все под угрозой.

Доктор сверлил глазами пол.

— Все так, — вздохнул он обреченно. — Надо сказать, веселый молодой человек облегчил мне задачу. В полицию он звонил сам, но от моего имени, меня попросил только представить формулировки, соответствующие, якобы, состоянию Блейра. Появилась история о сломанной руке, ну, вы сами знаете...

Через некоторое время он позвонил еще раз, заверил, что теперь уж скоро игра закончится и он прекратит охоту. Я поверил и вздохнул облегченно. Но прошло уже 18 часов, как Блейр уехал, и конечно, я больше не видел веселого господина.

— Он назвал свое имя?

— Химмельман... или что-то в этом роде, — врач горько усмехнулся.

— Вы узнаете его при встрече?

— Я, кажется, до смерти буду помнить его лицо! — с отчаянием простонал Фрезер.

— Высокий, толстый, карие глаза, хорошие зубы, нервно подергивает свои усы? — скороговоркой начал перечислять я, ожидая, что глаза моего собеседника выскочат на лоб от удивления. Он только уныло качал головой.

— Нет, нет, нет. Ничего похожего. Если хотите, я опишу вам его, мистер Бойд.

— О'кей, только не говорите, что у него две руки и две ноги.

— Ему около 35 лет,— сказал психиатр.— Высокий, атлетически сложен. Тонкие, приятные черты лица, ну...— док запнулся,— приятные — в чисто физиологическом описании. Его лицо ужасно! Эти бледно-голубые глаза! — Фрезер чуть не задохнулся от одного воспоминания, но овладел собой и добавил,— на нем дорогой костюм.

— Блестящее описание, Фрезер! — я вскочил на ноги.

— Погодите-ка, еще одно. Он недавно попал в аварию, нос немного поврежден.

— Да,— подтвердил я.— И еще у него неприятности с почками, но этого не видно.

Доктор положил руки на стол, пальцы больше не дрожали.

— Что же сейчас, мистер Бойд?

— Самое лучшее, док, если вы немедленно отзовете от Блейра собак. Придумайте что угодно, скажите, что произошла страшная ошибка и никакого маньяка-убийцы нет, и побега — не было, и главное — Николас Блейр никогда не лечился в вашей клинике, потому что психически абсолютно здоров!

— Попробую...— Фрезер твердо посмотрел мне в глаза.— Даже если мой друг с бледными глазами заплатит мне и за это.

Я дружелюбно кивнул.

Доктор снял трубку и начал звонить. Ему потребовался целый час, но полицейские были отозваны. Николас Блейр снова стал вполне нормальным, уважаемым человеком, вольным идти куда хочет, и делать — что пожелает.

— Спасибо, док.— Я улыбнулся.— Мне пора.

— Мне показалось? Или вы хотите еще что-то сказать?

— Недолголюбиваю снобов,— хмыкнул я.— Но вам предлагаю вернуться к обязанностям доктора.

— Не уверен, что веселый господин позволит мне такую роскошь,— возразил он уныло.

— Пожалуй, док, могу вам гарантировать, что он не станет возражать. Мы с ним, можно сказать, тоже друзья, и не так давно сердечно беседовали. Уверен, он и на этот раз оценит мои доводы.

Глаза Фрезера ожили.

— Хм, так это вы устроили аварию его носу?

— Не знаю, сложно ли найти новую медсестру, док, но хочу дать совет. Можно?

— Валяйте!

— Прежде чем нанять женщину на работу, узнайте ее поближе.

Когда я открывал дверцу автомобиля, Фрезер поймал меня за рукав.

— Мистер Бойд! — его голос срывался. — Не могу поверить! Вы сказали, что я все еще доктор? Я могу продолжать практику?

— Я попросил вас вытащить Блейра из дерьма, и вы решились, хотя смертельно боитесь бледноглазого. Такой поступок чего-нибудь да стоит, док. В следующий раз вы несомненно будете гораздо осмотрительней.

Наконец-то я забрался в машину и завел мотор. И лишь на полпути к Нью-Йорку пожалел о своей сентиментальности. Я же забыл о трех тысячах, полученных доктором Фрезером, а их можно было так легко у него забрать!

11

С тех пор, как Фрезер рассказал, что произошло в действительности, во мне расшевелился маленький вулкан. Я получил деньги от Адель за невыполненную работу, но это не так уж важно. Обиднее было то, что из меня сделали дурака. Я-то ликовал, будто придумал хороший способ изолировать Николаса, а за мной постоянно следили и посмеивались.

Ловко надули, нечего сказать! И чем больше я думал, тем сильнее ворчал во мне вулкан, грозя извержением.

Где-то теперь скот Херби? Док заметил, что я устроил его носу маленькую аварию. А он, как говорится, меня самого оставил с носом! Меня, такого большого, такого умного Данни, с большим-большим носом! Лучше уж маленькая авария, чем большой нос! Этого я Херби не прошу!

Дурацкий каламбур подлил масла в огонь, я просто вспикел, и мысль начала работать четко. Лемб живет в том же отеле, где Лоис Ли. Херби наверняка сидит у толстяка. Хорошо, если они оба дома, мне есть что сказать тому и другому.

Оставив машину за полквартила до «Осиденталья», я остаток пути прошел пешком. Револьвер, бьющий по бедру, придавал уверенности.

Кабина лифта открылась, и я очутился как раз напротив квартиры Лемба. Приготовив Смит-Вессон, я позвонил. Открыл Херби и, похоже, здорово растерялся.

— Убери это, — просипел он.

Я ткнул стволом револьвера ему в живот, он вскрикнул.

— Назад, любезный, — приказал я. — Мне надо войти. Он попятился. Не спуская глаз с этого психа, я захлопнул дверь ногой.

Гостиная была полна стульев и кушеток.

— Повернись, Херби! — приказал я. Он послушно повернулся, я проверил его карманы. — Сядь на кушетку и веди себя паинькой, иначе устанешь считать лишние дырки в черепе.

Он молчал и напряженно следил за каждым моим движением. В какой-то момент мне даже хотелось, чтобы он бросился, с каким удовольствием я бы выполнил свое обещание! Но это было бы слишком просто. Я должен рассчитаться сполна.

— Где Лемб? — быстро спросил я.

— В спальне, отдыхает.

— Позови его!

Он начал подниматься.

— Сиди! — рявкнул я. — Велено только позвать!

Херби глянул на меня голодным волком, но крикнул:

— Мистер Лемб! Мистер Лемб! Вы можете прийти сюда? Вас хочет видеть Бойд!

— Ишь, какой вежливый, — одобрил я. — Только что-то не торопится твой хозяин.

У одной стены я краем глаза заметил стол, на котором лежали часы разных марок.

— Кто собирает часы?

— Лемб, — ответил Херби, — это его хобби.

— Должно быть, здесь куча денег?

— Дешевле двухсот долларов не держим, — в его голосе появились горделивые нотки. — Это третья коллекция в Соединенных Штатах!

— Вот как?

Я дал Флойду Лембу еще десять секунд и позвал сам.

Ответа не последовало. Но он должен меня слышать, если жив.

— Говорят, у вас тут одна из лучших коллекций во всех Штатах, это так? — крикнул я.

Досчитав до трех, я выстрелил в самый крупный циферблат. Стекло грохнуло, осколки разлетелись по всему ковру.

— Лемб! — заорал я, — теперь ваша коллекция только четвертая в стране! Не выйдете через десять секунд, станет пятой!

В соседней комнате гневно зарычали.

— Не вздумайте брать оружие, буду стрелять без предупреждения, и уверяю — не промахнусь!

Лемб выскочил, рубашка кое-как наброшена, за спиной болтались подтяжки.

— Рад, что вы нашли возможность уделить мне внимание, — благодушно сказал я. — Садитесь рядом с Херби. У дядюшки Данни есть для вас интересная история.

Увидев осколки, Флойд застонал, но молча опустил ся на кушетку, и она сразу осела дюйма на три.

Сейчас меня пытались испепелить уже в четыре глаза. Я усмехнулся и стал рассказывать о том, как наняла меня Адель, о пари, заключенном с Николасом, и о его великолепной игре в кабинете психиатра.

Затем передал рассказ доктора Фрезера в том виде, в каком получил. Рассказал даже о том, как описывал врачу Аубрея, первым делом заподозрив в шантаже его. А закончил рассказ описанием Фрезера, не забыв включить в него и поврежденный нос.

В комнате стояла мертвая тишина.

— Какого черта, Бойд? — прохрипел Лемб. — Не пойму, куда вы клоните? Этот ваш психопат доктор врет, Херби незачем лезть не в свои дела. Он работает на меня, и знает, чего я хочу. А мне нужна постановка, чтобы вернуть деньги, вложенные в нее, и для этого, естественно, нужен Блейр, живой и здоровый Блейр, черт возьми! Херби — мой человек и все, что вы тут наплели, меня не касается!

— Только на ваш взгляд, Флойд, — спокойно парировал я. — Но существует и другая точка зрения. Откровенно говоря, меня долго водили за нос, но теперь вижу — не меня одного. Херби работает на вас, это точно. А вы способны вообразить, что он одновременно работает еще на кого-то? Или в жизни не бывает подобных случаев, а, толстяк? Одному слуге платят два хозяина, и второй, вероятно, больше...

— Вот уже шесть лет Херби моя правая рука! — с пафосом воскликнул Флойд Лемб. — Не верю, что он предал меня. — Последние слова прозвучали довольно задумчиво.

— Знаете, на что это похоже? — Я усмехнулся. — Вы шесть лет носили в кармане бутылку с кислотой, не пролив ни капли. Но однажды кто-то забрался в ваш карман и вытащил пробку. Бутылка вроде на месте, но пустая! А вы и не заметили ничего, пока ногу не сожгли.

— Хватит, Бойд! Зря теряете время! — заорал Лемб.

— Как угодно. — Я пожал плечами. — Надеюсь, ваша

голова может хоть немножко поработать, рассудите сами. Если вы правы, значит Херби убивает людей только по двум причинам: либо по вашему приказу, либо просто в свое удовольствие.

Ну, а если вы ошиблись, Флойд, и ваш дружок предал вас, что ж, вы начнете выслеживать друг друга, тоже интересно. При взрыве, как известно, остается живым тот, кто прыгает первым.

Я отступил к двери.

— Думаю, вы получите огромное удовольствие в компании друг друга. Да, Лемб, соберите все свое мужество. Вам я советую следить за Херби хотя бы потому, что порой на него находит затмение. В такие минуты у него появляется страстное желание зарезать кого-нибудь, и причина совсем не обязательна. Лишь бы рядом был... ближний!

Подойдя к двери, я достал из кармана нож, который отобрал у Херби, когда пришел.

— Пардон, психопат, чуть не забыл! — Я швырнул нож хозяину, Херби поймал его и сунул за рукав.

Не хочу утверждать, но мне показалось, что Флойд Лемб слегка отодвинулся от своей, как он сказал, «правой руки».

— Желаю приятно провести время! — Я помахал им рукой. — Кстати, времени у вас не так уж много.

Захлопнув дверь, я убрал Смит-Вессон в карман, спустился к машине и поехал на Восточную Семидесятую.

Там я двадцать секунд ждал лифт, вошел в кабину и нажал кнопку девятого этажа. Следом заскочил мужчина и протянул руку, чтобы нажать четвертый, но я придержал его за локоть.

— Я очень спешу. Сначала едем на девятый, потом вернетесь, куда вам нужно.

— Отпустите руку! — взорвался он моментально. — Кто вы такой, чтобы приказывать мне? Да я сейчас так врежу!..

Его руку я отпустил.

— Все же, мы поднимемся сначала на девятый этаж, — сказал я и двинул его по физиономии. — В вашем ответе, братец, не нуждаюсь.

Попутчик что-то промышал, но возражать он уже не мог.

В квартире Блейра на мой первый звонок не поспешили.

Тогда я утопил кнопку звонка и вдобавок стал барабанить в дверь кулаком. Щелкнул замок.

— Ох! — на пороге стояла Адель. — Я уж подумала землетрясение или пожар! К чему столько шума, Бойд?

— Не заставляйте ждать, если вас раздражает шум, — резко ответил я. — Думаете, у меня не найдется занятия поинтересней, чем стоять под вашей дверью?

— Какая муха тебя укусила, Данни?

— Хм, муха говорите? Ну, кровососов хватает. Да вот сам я, оказывается — сосунок!

— Когда начнешь говорить вразумительнее, позови меня, — Адель повернулась и сделала шаг к гостиной. Я дотянулся до воротника ее платья, уцепился и дернул назад. Она все еще пыталась идти вперед, но платье не отличалось выдержкой хозяйки. Оно затрещало и разорвалось до пояса. Миссис Блейр бросилась в комнату, но непослушное платье остановило ее. Сначала оно сползло до колен, а затем и вообще на пол. Нейлоновое белье, конечно, просвечивало. При этом ее глаза сказали мне много больше, чем язык.

— Я еще не договорил, дорогая. Зачем же убежать?

— Ты пьян? Или рехнулся? А может все вместе?

— Ежечасно узнаешь о себе что-то новенькое! — воскликнул я. — Поистине, нынче мой день! К примеру, я узнал сегодня, что изоляция Никки-боя не моя заслуга, мне в этом деле досталась неприметная роль подсадной утки. Всю операцию провернули через молодчика Херби, который работает на такого же негодяя Лемба! Уж с этим-то вы должно быть знакомы, он финансировал Гамлета.

Адель изобразила недоумение.

— Ты бредишь, Данни!

— А я еще не все сказал, между прочим. Толстяку нет смысла загонять Никки-боя в сумасшедший дом. Вывод прост, как теорема Пифагора — у Херби не один хозяин, а два. Или даже три. Но третья — хозяйка, и это вы, Адель!

— Данни! — ее глаза остекленели от ужаса. Видимо, извержение вулкана уже началось, а я и не заметил.

— Вы что-то хотели сказать, мадам?

— Неужели ты думаешь... Не хочешь же ты сказать... — залопотала она. — Я не... Это бред, Данни!

— Да ну? — протянул я. — Вы изменяли мужу с его сыном, совсем недавно — со мной, а я наверняка один из многих. У вас богатейшая практика в этом вопросе, миссис

Блейр. Вполне можете стать экспертом по супружеским изменам!

Она наотмашь ударила меня по лицу. В этот раз перстень уж слишком сильно впечатался в щеку, что мне совершенно не понравилось. Я молча пошел на нее, а она отступала, пока стена не преградила путь.

— Когда заносите руку для удара, — произнес я назидательно, — имейте хотя бы уверенность, что перед вами джентльмен. — Я наградил ее хорошей пощечиной. Хлопок получился оглушительным, моя собеседница завопила и сползла вниз.

На низеньком столике стояли цветы. Я выбросил их в окно, а содержимое вазы вылил на голову истеричке. Она застонала и вскочила на ноги. Волосы повисли грязными сосульками, а одна незамеченная мною роза зацепилась за ухо.

— Не подымайте руку на того, кто сильнее вас, дорогуша, — продолжил я урок. — Не стоит злить сильных, это опасно для здоровья.

— Вы... — В бессильной ярости она не могла найти ответных слов, доплелась до кушетки, села и обхватила голову руками.

— Псих! Маньяк! Скотина! Это вас надо засадить в психушку, — ее прорвало.

— Миссис Блейр, вы уже попробовали перебить меня. Или наука не пошла впрок?

Она по инерции открывала и закрывала рот еще несколько секунд, но при этом ни звука не произнесла.

— Так-то лучше, милая, — похвалил я. — Ну, кто же настоящий хозяин Херби? Вы? Аубрей? Или вы оба?

Она медленно покачала головой.

— Если бы вы только помолчали и послушали! — пробормотала хозяйка. — Я и Аубрей — это же смешно! — Адель с горечью рассмеялась. — Да для него женщины — это люди, у которых не могут расти усы! Только мужчины вроде вас, Бойд, доказывают женщинам свою принадлежность к сильному полу! О, вы хитрец, Данни Бойд! Все так придумали и повернули, чтобы вытрясти побольше денег, а теперь ищите виноватых!

— В клинике я узнал о психологии все, что надо, — перебил я. — Теперь мне нужна только ваша информация, а не анализ. Вы пока ничего не сказали по существу.

Она посмотрела на часы.

— Через час вернется Аубрей. Вот и порасспросите его. Если не скажет ничего — избеите. Обработайте его хоро-

шенько, у вас это получится. Может и развяжете ему язычок. Что-что, а бить вы умеете,— злорадно закончила моя бывшая клиентка.

— Вы, кажется, действительно не очень-то жалуете Аубрея,— с любопытством посмотрел я на Адель.

— Он вызывает у меня содрогание,— женщина передернула плечами.— Вы заметили одни усы да рот, полный превосходных зубов. Но вы не знаете его глаз! Однажды я проснулась в холодном поту, приснилось, что он уставился на меня! Понимаете? Ничего другого — одни глаза, от которых можно сойти с ума!

— Не хотите выпить? — предложил я.

— Хочу. Но легче не станет. Можно пить сколько угодно — это не спасет от его глаз!

— Приготовить вам коктейль?

— Замолчите! — нервно взвизгнула она.— Вы меня избили, сорвали одежду, свалили на пол, так теперь хотя бы выслушайте!

Логики я не уловил, пошел к бару и сделал два напитка, уповав на нетленный закон питания: пока женщина пьет, она молчит.

Она выпила, и в самом деле заговорила спокойней.

— Вы знаете, куда ездит Аубрей? Слышали что-нибудь о его тайне? Ведь он не просто так катается туда-сюда. Его отца считают лучшим актером Шекспировского театра! И это всегда мешало самоутверждению Аубрея. Отец вообще насмехается над сыном открыто.

— Опять сплошной анализ.

— Не перебивайте меня! — крикнула Адель.— Я заплатила вам больше девяти тысяч, могли бы послушать хоть из вежливости.

— Придется. Теперь у меня нет выбора.— Я ухмыльнулся, вспомнив, как она произнесла подобную фразу сутки назад.

— За город Аубрей ездит на репетиции,— невозможно продолжила миссис Блейр.— Он мечтал поразить отца своей драматической постановкой, и думаю, работал как одержимый. В театральном мире ничего нельзя утаить, Никки прослышал об этом. Он договорился с Верноном Клайдом и предложил Аубрею роль в новом спектакле. Тот от радости даже не сообразил, что ему уготовано. Парень решил, настал его звездный час, наконец-то он докажет отцу, что тоже — артист. На репетиции Никки и Вернон напились еще до его выхода, и конечно, начали смеяться ему в лицо.

Адель надолго замолчала. Я потихоньку переваривал услышанное.

— Пока я не свихнулся, скажите мне еще одну вещь,— я задумчиво посмотрел на Адель,— Аубрей может убить?

Ответила она не сразу, но решительно.

— Ищите в другом месте. Аубрей никогда, никого не толкнет под трамвай, но думаю, он не прочь поглазеть, стоя среди улицы, как трамвай кого-нибудь переезжает.

Я допил свой бокал и покосился на часы.

— Ухожу. Мне пора.

— Не дождавшись Аубрея? — Адель удивленно вскинула брови.— Он вот-вот вернется.

— Вряд ли он добавит что-то к вашему рассказу. А я, может быть, еще успею предупредить очередное убийство.

12

Я непрерывно жал на кнопку звонка, но никто не подходил. Это могло означать, что в квартире никого нет. Или, что не хотят открывать. А, возможно, я просто опоздал.

Поскольку квартира дорогая, одно из ее преимуществ — замечательная звукоизоляция. Я достал Смит-Вессон и выстрелил в замок, надеясь, что звук не достигнет внешнего мира. Правой ногой я ударил со всего маха в дверь, и она распахнулась.

Я медленно вошел в гостиную. Коллекция часов по-прежнему поблескивала на столе. Квартира была пуста. Заглянув в кухню, я и там ничего не обнаружил.

Толстяк был в спальне. Он лежал в кровати на боку, лицом к стене. Ему так и не хватило времени застегнуть подтяжки, они свисали до полу, по ним стекала кровь, увеличивая лужу на ковре.

Я думал, увидев мертвого Клайда, что уж никогда не встречу более жуткой картины. Но ошибся. Можно сказать, я испытывал даже подобие благодарности за то, что Лемб повернут лицом к стене.

Что ж, здесь мне уже делать нечего. Успеть бы в другое место. Я покинул квартиру Флойда и вышел на улицу.

Если Адель не соврала, Аубрей должен быть дома. Мне не пришлось ждать лифт — он ждал меня внизу. Попутчиков тоже не оказалось, в отличие от прошлого раза. Я вошел в кабину, мимоходом подумав, что кто-то лифт поднимает вверх, кого-то несет вниз, в общем модель судьбы в техническом исполнении.

Через несколько секунд я оказался на девятом этаже. Там ожидал лифта Аубрей. Кажется, он торопился вниз, и шагнул к кабине сразу, как только дверца открылась. Я тоже сделал шаг навстречу ему. Он отступил и поднял голову.

— Извините,— он улыбнулся.— Хелло! Я вас сразу и не узнал!

— Тогда о'кей. Как дела?

— Все нормально.

— Вы опять едете за город?

Он кивнул. Я закурил.

— Иду выпить. Не хотите присоединиться? — пригласил я.

— Извините, Данни, у меня нет времени.

— Конечно,— кивнул я.— Тогда в другой раз?

— Пожалуй! — он облегченно вздохнул и шагнул к лифту.

Но я и не подумал сойти с дороги, пришлось ему снова остановиться. Я стоял и улыбался. На его лице тоже появилось подобие улыбки.

— Ну... я должен,— сказал он,— мне пора.

— Вы считаете, конечно, что репетиция сейчас важнее всего на свете? — мягко спросил я.

— Репетиция? — занервничал он.— О чем вы?

— Не прикидывайтесь, Аубрей. Я знаю ваш секрет.

— Откуда? — резко спросил он.

— Все знают,— заявил я спокойно.— Почти все, с кем я говорил. Кстати, после розыгрыша Вернона и вашего отца многие надеются, что у вас есть это, старина!

— Есть что?

— Талант, конечно.— Я улыбнулся.— На ту злосчастную репетицию вас пригласили, чтобы подурочиться. Вы не поняли?

— Откуда вам все известно? — раздраженно спросил Аубрей.— Вы шпионили за мной! — добавил он гневно.

— Полегче, старина. Если вы делаете из мухи слона, это еще не значит, что все должны поступать точно так же.— Я был спокоен.— Что касается вашего отца, даже если у вас и нет таланта, он-то по-прежнему будет для всех великим актером и порядочным человеком.

— Великий актер! — захрипел Блейр-младший.— Да он всего лишь величайший хам! — Он внезапно прервал обличительную речь.— Я должен... мне нужно... Данни! — его тон совершенно изменился.— Мне пришла недурная

мысль. Адель дома, почему бы вам не зайти? Будет с кем выпить.

— Отличная идея, старина! — я засмеялся, но с места не сошел.

Он переминался с ноги на ногу, глаза беспокойно бегали, выискивая возможность пробраться к лифту.

— Какое у вас кольцо интересное, — кивнул я на его правую руку. — Не возражаете, если рассмотрю поближе?

— Нет, — выдавил он сквозь зубы и неохотно поднял руку.

На безделушку я почти не взглянул, но его ладонь сжал изо всех сил. Он молчал, только закрыл глаза.

— Вам больно, Аубрей? — Я наконец пощадил его.

— Нет. Вовсе нет.

— Однако, странный вы человек.

— Данни, я должен идти. Пропустите, пожалуйста.

Мечтательное выражение на его лице давно уже сменилось тревогой.

— Не будьте букой, вам это не идет, — посоветовал я.

Стиснув зубы, он уставился в потолок.

— Кстати, я принес замечательные новости о вашем отце. Не хотите послушать?

— Что вам нужно от меня, Бойд? — тихо проговорил он.

— Хм. Скверная история, братец. Я и сам не без греха, помог затащить Никки в сумасшедший дом. Но делать из нормального человека — маниакального убийцу, — это уж слишком, Аубрей!

Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Впрочем, все в прошлом, — продолжил я бодро. — Николас Блейр возвращается домой и вы снова заживете дружной семьей!

— Что вы от меня хотите, Бойд? — тише прежнего спросил он.

— Да так, дружески поболтать, только и всего. — Мой взгляд был почти добродушен. — Мне вот интересно, чего хотите вы, Аубрей? В вашей жизни недостаточно женщин? Или в ваших женщинах недостаточно жизни?

Он угрюмо промолчал.

— Вам нравятся девушки, Аубрей? — продолжал допытываться я.

Было непонятно, слышит ли он меня вообще. Похоже, в его лохматой голове зародился какой-то план.

Помня слова Адели, я исподволь наблюдал за его глазами. Они в самом деле постоянно менялись.

Сначала в них бесновался страх. Сменился он холодной вежливостью. А под конец Аубрей определенно не боялся меня, вероятно, придумал какой-то ход. Я ждал.

— Данни! — Его губы напряглись в фальшивой улыбке. — Сейчас Адель принимает ванну. Предположим, я даю вам свои ключи от квартиры...

— И что же? — поинтересовался я.

— Вы сможете тихонько войти и застать ее врасплох! — из-под опущенных ресниц он внимательно наблюдал за моей реакцией.

Я постарался не огорчить терьера Блейра.

— Вот так идея, старина! — я хлопнул его по плечу. — Мне это чертовски нравится!

— Ну и прекрасно, — Аубрей торопливо вложил ключи в мою ладонь. — Не теряйте время, Данни, а то пропустите ее выход... — многозначительно подмигнул он.

— Спасибо, дружище! Как-нибудь уж не пропущу!

Его глаза неосторожно наполнились ликованием. Он шагнул к лифту в полной уверенности, что преграды в виде Данни Бойда больше не существует. Мышцы его лица абсолютно расслабились, и оно расплылось в самой снисходительной улыбке.

— Адель отменно хороша! — промурлыкал он. — Вы изумительно проведете время...

В это мгновение я захватил его руку и рванул его так, что малый оказался вновь перед своей квартирой.

— Вы нарисовали слишком заманчивую картину, — пояснил я свои действия. — Не могу допустить, чтобы вы пропустили такую сцену из жизни Блейров. Мы с вами вместе захватим врасплох Адель, в ванне, или когда она будет выходить.

— Данни! — он отчаянно вырывался, но я держал крепко. — Я не хочу! Я не пойду туда!

— И пропустите все удовольствие? — Я покачал головой. — Это несерьезно, старина. Так было бы нечестно с моей стороны, и не рассчитывайте улизнуть, не получится.

Он обмяк и безвольно опустил руки. Я бесшумно вставил ключ в замок и как можно мягче повернул его.

— Чтоб ты сдох, Бойд! — прошипел Аубрей, но вошел в квартиру.

Ковер заглушал наши шаги. Как знать, может мы вправду застанем миссис Блейр, выходящей из ванной комнаты? Вот будет спектакль! Не хуже, чем представление в Бурлеске.

Сделав еще несколько шагов, мы нашли Адель, но ее выход, к сожалению, все-таки пропустили.

Она лежала на спине. Ее обнаженное, охваченное страстью тело, вздрагивало. Быстрые взлеты и падения груди говорили о силе чувств.

Над ней в экстазе склонился Херби.

Я покосился на Аубрея. Тот жадно пожирал глазами каждое движение любовника. Мимоходом он взглянул на Адель, мгновенная судорога ревности исказила черты, но он снова уставился на Херби, потом запыхтел и покрылся испариной.

Я решил приготовить револьвер на всякий случай. В любой момент Адель могла открыть глаза, или бы Херби поднял вдруг голову. К тому же Аубрей так раздышался от возбуждения, что его вот-вот станет слышно на улице. Красный, как рак, он сопел громче и громче.

Вероятно, Аубрей уловил краем глаза движение моей руки, внезапно сопение оборвалось. Я вновь покосился на него. Старина Аубрей не спускал глаз со Смит-Вессона, от ужаса у него перехватило дыхание.

Я вспомнил, что нынче мой день, а судя по всему настал момент и моего выхода.

— Аубрей! — заговорил я с пафосом. — Вы были правы. Я бы никогда не поверил, если бы вы не привели меня сюда! Как вы и сказали, они давно потеряли человеческий облик!

Херби издал животный крик, вероятно в подтверждение моих слов. Он схватил затрясшуюся от страха Адель, поднял ее легко и бросил на Аубрея.

Я увидел на лице Блейра-младшего лютую ненависть. Я почти услышал его стон, когда Херби рванулся к нему с ножом. Потом увидел, как рука психопата внезапно остановилась — он погрузил лезвие в свою жертву до рукоятки. Затем рывком вытащил нож из тела Аубрея, труп тяжело осел. Адель завопила истошно, почувствовав вес мертвеца.

Нож снова сверкнул, безумствуя и угрожая, и я спохватился, вспомнив, что у меня в руке Смит-Вессон. Я нажал на курок, и стрелял до тех пор, пока барабан не опустел.

Пули свалили Херби у стены. Каждый раз, когда они попадали в него, тело подпрыгивало и дергалось. Я видел, что подонок уже мертв, но продолжал стрелять, и у меня были на то причины.

Адель перестала кричать. Ее голова была запрокинута,

глаза закрыты, рывками она пыталась освободить ноги, придавленные трупом Аубрея.

Я отшвырнул мертвеца, она застонала.

— Прекратите! — рявкнул я. — Вставайте! Быстро!

Казалось, женщина не способна понимать речь, но она медленно подтянула под себя ноги, встала на четвереньки и кое-как наконец выпрямилась.

— У тебя пять минут, чтобы одеться, — грубо сказал я. — Пять минут, поняла? Успеешь — я еще смогу вывести тебя отсюда, а нет — пеняй на себя.

— Пять минут, — шепло прошептала она.

— Собирайся! Быстро!

К ванной она отправилась со скоростью черепахи, но под конец уже чуть не бежала. Я услышал шум воды и пошел к стене, у которой лежал Херби лицом вниз. Ковер был испорчен окончательно.

Зато лицо Аубрея казалось умиротворенным. Мертвым он выглядел гораздо лучше, чем живым.

Я вытер рукоятку револьвера носовым платком и присел на корточки. Разжав пальцы Аубрея, я вложил в них Смит-Вессон и снова сжал вокруг рукоятки. Револьвер придется потерять, но другого варианта нет. На магнум у меня лицензия, а этот револьвер я подобрал два года назад в Сан-Луисе, когда там случилась заваруха и один парень погиб. Никто не знает, что его оружие осталось у меня.

Я выпрямился и еще раз осмотрел комнату. Вроде бы все как надо. Посылая пулю за пулей в психопата Херби, я не просто дал выход своей ненависти. При этом его швыряло по всей комнате, и когда здесь начнут работу эксперты, невозможно будет установить, из какого положения делался каждый выстрел.

Пять минут были на исходе. Адель уже ушла одеваться, я осмотрел ванную внимательно, следов крови нигде не было.

Через несколько секунд миссис Блейр вышла из своей комнаты со свежим слоем косметики на лице, в прямом платье. Выглядела она так, будто потеряла близкого родственника.

— Марш вниз, — резко приказал я. — Напротив входа мой автомобиль, жди меня там.

За ней закрылась дверь, я подошел к телефону, обмотал руку носовым платком и поднял трубку.

— Дайте срочно полицию! Срочно! Может случиться непоправимое!

Меня соединили с дежурным сержантом. Я назвался Аубреем Блейром, возбужденно выпалил адрес и потребовал немедленного прибытия полиции.

— Сейчас сюда придет убийца и садист! — кричал я в трубку с отчаянием. — Я узнал, что он убил Вернона Клайда, ночью мы пили вместе, и этот тип наболтал лишнего. Его зовут Херби, фамилии не знаю. Живет он, кажется, с Флойдом Лембом. Утром я спяну сказал какую-то глупость, он кажется понял, что проговорился. Только что позвонил и пообещал ко мне прийти. У этого головореза всегда с собой нож, если он достанет его... У меня есть револьвер, я не буду ждать, когда меня... — я помолчал немного, а потом панически крикнул, что он уже пришел, и повесил трубку.

Затем я выскочил из квартиры, спустился вниз и бросился к машине. Нужно было отъехать от дома хотя бы на квартал, чтобы свернуть куда-нибудь в сторону до появления полицейских машин. Мы уже были за углом, когда завывла сирена.

Проехав еще восемь или девять кварталов, я нашел место у тротуара и остановился.

— Выйдешь здесь, Адель, — повернулся я к женщине. — Иди куда хочешь, но в квартире не появляйся до 21 часа. Ты ушла утром, в течение дня домой не возвращалась.

— Поняла, — тихо сказала она.

— Могут спросить, где была весь день. Позаботься об алиби. Постарайся навестить каких-нибудь знакомых, и потом скажешь, что с утра ходила по магазинам, а потом была у тех-то и тех. Их тоже опросят и отстанут от тебя.

— Я сделаю, как ты говоришь, — она горько вздохнула. — И чем скорее выйду из автомобиля, тем лучше!

— Конечно, — вежливо кивнул я.

Но Адель и не подумала выйти. С дрожью в голосе она начала обвинительную речь.

— О, злодей! Ты все рассчитал заранее! Утром избил меня, а я даже не знала, чего ты хочешь! Потом Херби! Он рассказал, как ты ворвался в их квартиру и поставил его в безвыходное положение. Если бы он не убил Лемба, тот растерзал бы его на части!

— Сочувствую, — ухмыльнулся я. — Заставил красавчика Херби потрудиться? Толстую свинью Лемба не так-то легко зарезать!

— Как ты смеешь смеяться!

— Смею, дорогая. — Я посмотрел ей в глаза. — Ты по-

лучаешь свое удовольствие от придурков вроде Херби, а я — когда этих подонков убивают.

— Придет и твой черед, Бойд! — прошипела миссис Блейр.

— Освободите машину, мадам, — я завел мотор.

— Выйду, когда сочту нужным! — фыркнула она.

— Я бью женщин, — пришлось напомнить ей.

Ее затрясло от гнева.

— Ты отобрал у меня Херби! Я любила его, любила! А ты. ...Я осталась одна! — она всхлипнула.

— И надолго, полагаю. Аубрея нет, Никки-бой уйдет к Лоис, тебе останутся лишь воспоминания о Херби, — перегнувшись через нее, я открыл дверцу.

Адель не шевельнулась. Я вытолкал миссис Блейр на тротуар и уехал.

Возможно, мое мнение о ней когда-нибудь изменится, но в эти минуты я не хотел ее видеть.

13

— Вы обещали вернуться через три часа! — суровым тоном встретила меня Чарити. — Могли вообще не возвращаться!

— Черт возьми! — удивился я. — Эта квартира уже не моя?

— Хоть бы о Николасе подумали! Он, наверное, умер за это время!

— Никки-бой? — я кинулся в спальню.

Там на меня уставились два пруда ненависти. Я нервно хихикнул.

— Никки, вы не поверите, но я забыл о вас!

В мой адрес полетело ругательство. Я поспешно развязал ремни.

— А у меня для вас хорошие новости, — хохотнул я. — Вы свободны!

Блейр растирал руки, морщась от боли.

— Хорошие, говорите? — спокойно переспросил актер. — Прелестно! Я их слушаю весь день. С одиннадцати часов по радио только и твердят, что произошла ужасная ошибка с сумасшедшим Николасом Блейром, который вовсе не псих, из клиники не сбегал и даже — не маньяк! Вы представляете, Даниэль?

Я сиял, как начищенная медь. Но Блейр вдруг стал чернее тучи.

— Восемь часов лежал тут, — он ткнул рукой в по-

стель, — руки связаны за спиной, а какие-то идиоты твердили, что я свободный человек! Да-да! 'Свободный!'

— Сейчас уж вы точно свободны, — я все еще хихикал. — И катитесь отсюда, свободный человек, на все четыре стороны! Наверняка у Николаса Блейра есть на примете место получше этого!

Николас хотел что-то ответить, но махнул рукой и убежал. Я закрыл за ним дверь и прошел в гостиную.

— Вы ели? — спросила Чарити.

— Кажется, один раз. А вы, я вижу, пользовались вилок?

— И ножом, — отрезала она.

— Нет, дорогая, я не могу есть! Мой желудок не в состоянии видеть никаких ножей!

— Чем бы вас накормить?

— А что, у меня есть выбор?

— Пшено или овсянка. Мясо съел Николас.

— Хм, калории ему пригодятся. Лоис Ли энергичная дама. — Я расхохотался. — Даже слишком энергичная!

— Чего же вы желаете, — холодно улыбнулась девушка. — Пшено, овсянку или Лоис Ли?

— Мисс Ли вся из протеина. Надо подумать.

— Забудьте о протеине! Так пшено?

— О! Дорогая, не говорите таких слов!

— Тогда — кофе?

— А почему бы нам не поехать куда-нибудь перекусить?

— Изумительно! — девочка подпрыгнула на месте. — Иду одеваться.

Я вспомнил, что сегодня должны доставить мебель из ремонта, а меня нет на месте. Но ехать в контору совершенно не хотелось, как-нибудь обойдутся без меня. Если Лоис уплатит обещанные десять тысяч, вообще проблем поубавится.

От таких приятных мыслей я совсем расслабился и уснул прямо в кресле. Потом Чарити разбудила меня, мы поехали в ресторан и всю дорогу я пытался понять, почему она так долго переодевалась. На ней был простой мешок из зеленого шелка с дырками для рук.

После обеда я почувствовал себя значительно лучше и был уверен, что четыре порции мартини — это мне как капля слону. Во всем виноват зеленый шелковый мешок, он все время провоцировал меня. К автомобилю я шел позади Чарити и платье на каждом шагу обтягивало ее бедра. С этого момента я начал питать к нему теплые чувства.

Дома я приготовил «Смеющуюся вдову» и дальнейшее помню не очень отчетливо. Вроде бы, на Чарити была ночная рубашка, и мне казалось, что девушку нужно от нее избавить.

Я очень старался, ничего не получалось — сон оказался сильнее меня.

Когда проснулся, за окном было светло. Пока я прикидывал, какой сегодня день, вошла Чарити с подносом и поставила его на кровать рядом со мной.

Ее ночная рубашка была сработана из ничего, что мне тоже понравилось. Мне предлагалось жареное мясо, яйца, кофе и стакан какого-то напитка.

— В нем 185 разных витаминов! — торжественно заявила девушка.

— Что происходит? Ты готовишь меня к семидневному посту? До субботы?

— Суббота сегодня, — она улыбнулась. — И к твоему сведению, я разговаривала со своим агентом...

— Откуда он узнал, где ты! — возмутился во мне сыщик.

— Я сама позвонила, — хмыкнула она. — Вчера убили мистера Лемба... Знаешь, во всех утренних газетах только про это! Там какой-то жуткий Херби, и оказывается, Аубрей...

— Милая, газеты я посмотрю потом. Что же сообщил тебе агент?

— Что спектакль, само собою, свернулся. Но он нашел мне место в турне на четыре месяца. Турне начинается в Филадельфии во вторник. В понедельник уезжаю.

— Чем дальше, тем хуже, — я скорбно вздохнул.

Она взглянула на меня с затаенным интересом, потом присела на край кровати.

— Может поедим? Я ела один раз за все это жуткое время. А потом 14 часов смотрела, как ты дрыхнешь, Данни Бойд!

— Но я...

— Помолчи! — она приложила ладонь к моим губам. — Я сделала покупки на весь уик-энд, калории, протеин, и снова калории! Напитков тоже хватает. Все отлично выпались, таким образом, ничто не мешает провести уик-энд так, чтобы я запомнила на долгие четыре месяца приятного молодого человека и позабыла старого, пока буду на гастролях.

— Согласен, — я поцеловал ее руку.

— Телефон отключен по вашей просьбе, Даниэль

Бойд,— заявила она официальным тоном.— Они сомневались, что я — мистер Бойд, но я пообещала, что больше мой голос не будет меняться. Ты не возражаешь?

— Конечно, нет!

— Значит,— она счастливо рассмеялась,— у нас не осталось никаких проблем!

— Отлично! Куда же мы отправимся? — я отбросил простыню и спрыгнул с постели.

Щеки Чарити Адам налились румянцем.

— Данни Бойд! — сказала она строго.— Сейчас же отправляйтесь обратно!

**МЕНЯ УБЬЮТ
И, МНЕ КАЖЕТСЯ,
ОЧЕНЬ СКОРО...**

Утро ранней осени — одно из тех, когда небоскребы Манхаттана еще спят, закутанные в мягкий туман...

Она здесь... Ее взгляд утонул в водах реки, руки глубоко засунуты в карманы непромокаемого плаща, туго стянутого в талии.

Условный час и условное место.

Вокруг нет даже кошки, и нужно быть совсем сумасшедшей, чтобы прогуливаться под этим мелким ледяным дождем в подобный час.

Я прихожу к заключению, что это и есть та женщина, которая назначила мне свидание, и приближаюсь к ней.

— Я Данни Бойд. Что вы здесь ищете? Не воспаление легких?

Она медленно поворачивается и поднимает на меня глаза.

Если она когда-нибудь проводила гребнем по своим золотистым локонам, то наверняка еще до потопа. Но с таким лицом, как у нее, можно многое себе позволить: безукоризненный овал щек, высокий лоб, прямой точеный нос, гладкая, как мрамор, кожа. Короче говоря, лицо Снежной королевы, полное ледяной красоты.

И тут я вижу ее глаза! Громадные, кобальтовой синевы, где в глубине танцуют едва заметные огоньки, насмешливые и немного плотоядные. Может быть, она и Снежная королева, но — это сразу чувствуется — она так часто посещала ад, что имеет туда абонементную карточку.

— Вы пунктуальны, мистер Бойд, — в ее голосе звучит очаровательная хрипловатость, — и вы точь-в-точь такой, каким я вас себе представляла: самоуверенный и самовлюбленный, но тем не менее не относящийся издевательски к доллару, если его можно легко заработать.

— Если вы назначили мне свидание под дождем для

того, чтобы оскорблять меня и ничего более, то с таким же успехом вы могли прийти в мою контору.

— Полно, мистер Бойд! И так, я совершенно серьезна. Хотя... Пожалуй, за тысячу долларов вы бросились бы в реку вниз головой.

Я резко протестую:

— Только летом! — Надо же соблюсти достоинство. — Но к чему это тайное свидание? И почему вы не пожелали назвать мне свое имя? В этом непромокаемом плаще вы словно вышли из шпионского фильма времен немого кино.

Уголки ее губ медленно опускаются, и несколько секунд она молча смотрит на меня.

— Приходится соблюдать осторожность, — наконец говорит она. — У вас есть сигареты?

Я достаю сигареты и зажигалку и протягиваю ей.

— Чего вы боитесь?

— Меня убьют, — сообщает она безразличным тоном, — и, мне кажется, очень скоро.

— Вас убьют? Что это значит? Не шутите этим!

— Вот увидите.

Я вздыхаю.

— Знаете, моя красавица, больница Бельвью в двух шагах отсюда. Вам нужно обратиться туда. Ведь, кажется, именно там занимается ненормальными?

Она предпочитает не обращать внимания на мое замечание и выпускает мне в нос клуб сизого дыма.

— Я хочу, чтобы вы нашли моего убийцу, мистер Бойд.

Я стараюсь сохранять полное спокойствие.

— Вы хотите сказать, что хотели бы, чтобы я нашел какого-то типа, которого вы подозреваете в намерении убить вас, и чтобы я помешал ему осуществить его черные замыслы? Правильно я вас понял?

— Нет. Я хочу именно того, что только что сказала.

Я тщательно осматриваю ее с ног до головы, но не замечаю ничего особенного. Все это очень странно. Но, в конце концов, я пожимаю плечами.

— Хорошо. А теперь — привет, куколка! Всего наилучшего!

Однако я не сделал еще и трех шагов, как меня остановил ее смех. Он звучал как-то странно хрипловато и сладострастно. У меня по спине побежали мурашки. А я на своем веку как-никак повидал женщин!

— Разве вы не хотите получить тысячу долларов, которую я обещала вам по телефону, когда приглашала на это свидание, мистер Бойд?

Я медленно поворачиваю голову и вижу, что она вынимает руку из правого кармана. В руке у нее весьма симпатичный толстенький конверт.

Ненормальные не по моей части. Но ненормальные, сующие мне в нос тысячу долларов,— это совсем другое дело. Я быстренько возвращаюсь обратно с весьма непринужденным видом.

— Я была уверена, что это заставит вас изменить свое мнение обо мне, мистер Бойд.— Ни одна черта на ее лице не дрогнула, но ее глаза откровенно и вызывающе смеются.— По крайней мере, хотя бы сейчас вы не думаете, что мне пора лечиться?

— Крошка, звон монет звучит нежной музыкой в ушах многих и многих людей! А на Данни Бойда эта мелодия действует просто неотразимо. Вы уверены, что я говорил вам о больнице?

Она бросает окурок сигареты, сует мне в руку конверт и приказывает:

— Откройте!

Я немедленно исполняю ее желание. Ровно тысяча долларов — в новеньких купюрах по пятьдесят долларов. И еще один конверт — наглухо запечатанный.

На нем я читаю: «Мистеру Джеймсу Барту, адвокату» и адрес.

— Сохраните это письмо до тех пор, пока не услышите о моей смерти. После этого отнесите его по указанному адресу.

— И что же тогда произойдет, моя милая?

— Мистер Барт прочтет содержимое этого конверта и даст вам инструкции,— объясняет она с выражением бесконечного терпения на лице.— Вот и все, что вам будет нужно сделать. И за это вы уже получили тысячу долларов. Я очень была рада с вами познакомиться, мистер Бойд. И на вашем месте я не торчала бы так долго под дождем.

— Ладно,— проворчал я.— Но я хотел бы знать несколько больше.

— Зачем?

— Вы уверены, что все это не глупая шутка, разыгранная моими так называемыми друзьями?

— Меня удивило бы, если бы ваши так называемые друзья имели тысячу долларов на такую милую шутку,— возражает она довольно ядовитым тоном.

Я соглашаюсь.

— Возможно, вы правы. Но я даже не знаю вашего имени.

— В этом нет необходимости.

— Но это бессмысленно! — Я почти задыхаюсь. — Вы предполагаете, что вас хотят убить, и ничего не предпринимаете для того, чтобы помешать этому!

— Это не предположение... Хотя... Пусть будет предположение, мистер Бойд. Надеюсь, что этого не случится. Но, в таком случае, вы станете богаче на тысячу долларов в результате простой прогулки под дождем.

— Предположим, что это все-таки произойдет... Что же мне помешает забыть наш договор и порвать письмо, адресованное Барту?

Она тяжело вздыхает.

— Я ведь не идиотка... Хотя, возможно, я и ошибаюсь. Я наводила о вас справки, мистер Бойд. Вы дерзки на язык; вы не можете видеть юбку без того, чтобы не броситься за ней, сломя голову, а нравственности в вас не больше чечевиного зерна. Но если не обращать на все это внимания, то у вас репутация хорошего детектива... Ну что же, если вы не сделаете того, о чем я прошу, то, когда придет время для этого, мистер Барт получит другое письмо, в котором будет указано, что он должен сделать с вашей репутацией...

— Ясно, как бочка джина, моя красавица. Но это не мешает мне думать, что вы немного не в своем уме.

— А меня совсем не интересует ваше мнение обо мне, мистер Бойд. До свидания!

Она поворачивается ко мне спиной и удаляется, засунув руки в глубокие карманы плаща.

Я окликаю ее:

— Эй! А как я узнаю, что вас убили?

Она оборачивается, и я даже издали различаю искры, мелькающие в ее кобальтово-синих глазах.

— Узнаете, — говорит она уверенно.

С открытым ртом я смотрю ей вслед. И в тот момент, когда она исчезает из виду, над рекой проносится заунывный рев сирены какого-то буксира. День становится еще более мрачным и тоскливым.

Я спрашиваю себя, не сплю ли я в своей теплой постели и не снится ли мне странный сон, но тут же явственно ощущаю в своей руке конверт с тысячей долларов. А это увесистое доказательство того, что я не сплю.

Деревья закутались в белые саваны, а озеро Центрального парка превратилось в каток. Санта Клаус разгуливал по тротуарам Пятой авеню, позванивая в свой колокольчик, и если я сейчас не найду клиента, мне придется последовать его примеру.

Войдя в свое бюро, я констатирую, что Фран Джордан — моя рыжая секретарша с зелеными глазами — погружена в чтение журнала.

— Добрый день, Данни,— бросает она мне, не удосуживаясь поднять глаза от журнала.— Почему я не слышала колокольчика от входной двери?

Я смеюсь.

— Я его продал, чтобы уплатить за квартиру. В этом году вы в счет заработка можете забрать себе мебель из конторы. Если поторопитесь, то у вас есть шанс опередить судебных исполнителей.

— Не кажется ли вам, что бывают дни, когда лучше оставаться в постели? — бормочет она с мечтательным видом.

— Интересная мысль,— говорю я хриплым голосом.— Я каждый раз думал бы также, просыпаясь в вашей постели. Но оставим это. Что нового? Может быть, наконец-то клиент?

— Что? — У нее явно удивленный вид.— Насколько я понимаю, вы намекаете, что пришло время мне подыскивать себе новое место?

— Если вы сделаете это, я ограблю банк и убегу на юг загорать на Золотых песках.

— Остерегайтесь, там полно акул! Вы можете кончить, как бедная Лейла Гилберт.

— Лейла Гилберт? Кто это такая?

— Разве вы не читаете светскую хронику? Это дочь Деймона Гилберта, умершего шесть месяцев назад и оставившего ей пять миллионов долларов.— Фран протягивает мне журнал.— Читайте!

Во всю страницу большой заголовок: «Богатая наследница проглочена акулой!» И большое фото Лейлы Гилберт.

— Должно быть, Австралия — слишком опасное место для купания и ловли рыбы. Поэтому, дорогой мой, прежде чем очистить банк и сматываться к морю, десять раз подумайте. Этот заголовок не заставил вас содрогнуться?

Если я не отвечаю, то только потому, что рот мой широко открыт, а глаза прикованы к фотографии Лейлы

Гилберт. Ее волосы — бесформенная копна, словно она неделю не причесывалась, но я понимаю, что с ее лицом можно это позволить, безукоризненный овал, громадные глаза и откровенно презрительная улыбка.

— Дanni! Вы меня не слушаете! Что с вами?

Я отвечаю сдавленным голосом:

— Мне кажется, что мы наконец-то нашли клиента...

— Каким способом? Одним движением вашей магической палочки?

— Нет... Наш клиент на первой странице газеты.

— Лейла Гилберт? Но она же мертва! — стонет Фран.

— И она только что меня наняла... Так, я удираю в город. Мне нужно повидать одного адвоката.

— Вы хотите сказать — психиатра?

— Жаль, что она умерла, — медленно говорю я. — Она была красивой девушкой с божественной фигурой.

— Жаль, что вы свихнулись, — говорит Фран, грустно покачивая головой. — Вы были красивым молодым человеком!

Часом позже я сижу перед Джеймсом Бартом и смотрю, как он распечатывает конверт и читает его содержимое.

Барт толст и лыс, как коленка, и, должно быть, проводит большую часть своей жизни в созерцании второй пуговицы своего сюртука, приходящейся как раз на уровне пупа. Пока он заканчивает чтение, я успеваю выкурить две сигареты и изучить все японские эстампы, украшавшие его бюро.

Наконец Барт сплетает пальцы, поднимает голову и в течение долгих пяти секунд сосредоточивает на мне свой затуманенный взор. И только после этого он спрашивает ледяным полупшепотом:

— Когда мисс Гилберт вручила вам этот документ, мистер Бойд?

— Шесть недель назад. Однако в тот момент я не знал, что ее зовут мисс Гилберт.

— Не угодно ли вам подробнее рассказать о вашем свидании с ней?

И я начинаю рассказывать о раннем дождливом утре на берегу Ист-Ривер, о белокурой чертовке и о ее предположении о собственном убийстве. Он внимательно, не перебивая, слушает меня.

— Мистер Бойд, — спрашивает он после окончания моего рассказа. — Вы внимательно прочли описание ее смерти?

— Нет, я только бегло просмотрел статью... Яхта среди ночи наткнулась на риф. Судно разбилось и начало тонуть. Все спаслись, кроме мисс Гилберт. Есть предположение, что она утонула. Один из спасшихся слышал, как она кричала, а потом увидел что-то плещущееся в воде и подумал, что на нее напали акулы...

— Находите ли вы, что это похоже на убийство, мистер Бойд? — шепчет Барт конфиденциально, тоном, каким разговаривает хирург, чтобы приготовить вас к самому худшему.

Я пожимаю плечами.

— Судя по статье, это похоже на несчастный случай, но я думаю, что местная полиция уже провела расследование.

— Вы понимаете, мистер Бойд, что, доставив мне этот конверт, вы освободились от ответственности за это дело, за дело, за которое мисс Гилберт заплатила вам тысячу долларов?

— Мне все это кажется несколько сложнее, мистер Барт. Она сказала мне, что ее могут убить, и она хотела, чтобы я нашел убийцу... и что вы возложите на меня эту миссию...

— Но мы не знаем, что она была убита, мистер Бойд!

— В настоящее время я знаю только то, что прочел в газете.

— Я звонил по телефону в Австралию сегодня утром, — беглая улыбка осветила его лицо поблекшей бронзы. — Полицейские окончательно установили, что смерть мисс Гилберт — результат несчастного случая.

— А умела она плавать? — спросил я спокойно.

— Она была чемпионкой колледжа, мистер Бойд. — Он слегка покачивает головой. — Судьба иногда играет скверные шутки с людьми, вы не находите? Ведь все остальные пассажиры спаслись! Нужно же было случиться, чтобы та, которая плавала лучше всех, была схвачена акулой!

Я согласно киваю.

— Ну что ж, хорошо. Дело уж, видимо, сдано в архив, мистер Барт?

— Минуточку, — говорит он. — Согласно инструкции, содержащейся в этом документе, если смерть мисс Гилберт последует не от преступной руки, я должен поблагодарить вас за то, что вы честно исполнили свои обязанности, вручив это письмо.

— Но...

— И вознаградить вас за расследование, которое вам не придется производить,— продолжает он.— Одну минутку.

Он вытаскивает из ящика бюро чековую книжку и твердой рукой вписывает туда цифру. Расписавшись, он отрывает чек и вручает его мне. Мне пришлось трижды прочесть сумму, чтобы убедиться, что зрение меня не обманывает.

Но нет! Действительно, стоят три нуля и пятерка перед ними. Пять тысяч долларов!

— Можно, пожалуй, сказать, что мисс Гилберт была несколько эксцентрична,— бормочет Барт.— И можно добавить также, что сегодня у вас удачный день, мистер Бойд.

Я покинул бюро и зашел в первый же встречный бар, чтобы выпить за великолепную, великодушную, страстную и эксцентричную мисс Гилберт, а затем поспешил отнести чек в свой банк на случай, если кто-нибудь передумает.

Был уже полдень, когда я вернулся в свою контору. Зеленые глаза Фран испытующе смотрят на меня, когда я подхожу к ней.

— Судя по вашему блаженному виду, в воздухе пахнет деньгами. Нашелся новый клиент?

— Была одна клиентка,— радостно говорю я.— И она уже уплатила. По такому случаю нужно устроить празднование Рождества и все перевернуть вверх дном!

— Замечательно,— говорит она недовольно.— И кого же вы пригласите?

— Вас, конечно!

— А кого еще?

— Голубка моя! — говорю я вкрадчиво.— Вы же знаете, что когда на вечере присутствуют трое, то они начинают наступать друг другу на пятки... Приходите ко мне и...

— И вы покажете мне свою коллекцию марок? Нет, благодарю вас, мистер Бойд!

— Досадно, что у вас такое потрясающее отсутствие оригинальности! В вас нет романтики и на два цента! Неужели у вас не возникает ни малейшего стремления к обжигающему приключению, ни желания взорвать трепещущие границы женственной тайны и любовного таинства, неужели вас не влечет познать, что же такое настоящее райское блаженство, ощутить крепкие и ласковые мужские объятия и... А что это такое?

Вид тщательно запакowanego пакета на моем столе заставляет меня потерять нить разговора.

— Это пришло всего четверть часа назад. Он доставлен специальным курьером. Адресован вам с пометкой «Лично!» А так как я хороший секретарь, то я его не вскрывала. Впрочем, с вами никогда нельзя быть уверенной — там может быть бомба с часовым механизмом или отравленная карамель.

— Вы полагаете?

Я приближаюсь к пакету с некоторой опаской.

— Тик-так не слышно, — говорит Фран, чтобы подбодрить меня. — Я его внимательно прослушала.

— Вы не встряхивали его? Там ничего не гремело? — Я осторожно касаюсь пакета указательным пальцем. — А если там скорпион?

Фран вспылила:

— Как вы смеете, великий частный детектив? Не опустить ли этот пакет недели на две в ведро с водой?

Я принимаю оскорбленный вид, с достоинством беру ножницы и вскрываю таинственный пакет. Из-под картона показывается магнитофон. И все. Никакой записки, ничего.

И тут я чувствую своим локтем что-то теплое и твердое. Скосив глаза, я понимаю, что женское любопытство увлекло Фран за грань осторожности — к моей руке прижалось нежное полушарие ее великолепной груди, а сама Фран с нетерпением заглядывает в пакет.

— Магнитофон! — восклицает она в веселом возбуждении.

— Без сомнения, магнитофон, мистер Шерлок Холмс!

— Именно, мой дорогой Ватсон!

— Хм... забавно. Я ведь думал, что вы носите накладки, — говорю я и сильнее прижимаю локоть к высокой груди Фран.

Условный рефлекс заставляет ее отскочить, бросив на меня уничтожающий взгляд.

— Если вам прислали магнитофон, то, безусловно, для того, чтобы вы пустили его в ход! Чего же вы ждете? Ну, включайте!

Сколько я ни ломал голову, но не нашел другого выхода. Что тут еще можно было сделать?

Некоторое время я вожусь с аппаратом. Две-три секунды в комнате слышен глухой шум помех. Затем с удивительной четкостью прорезаются слова, сказанные знакомым мне голосом.

Волосы поднялись у меня дыбом, когда я услышал этот хрипловатый голос с его сладострастными интонациями:

— Когда вы услышите это, мистер Бойд, я буду уже

мертва. Вы, конечно, успели узнать, что меня зовут Лейла Гилберт. А поскольку я уже мертва, то не позволите ли вы называть вас просто Данни?

Глаза Фран расширились и стали размером с солнце.

— Это... Это чья-то дурацкая шутка? — заикаясь, спрашивает она.

— У меня было много затруднений, прежде чем я привела все в порядок, Данни,— продолжал звучать голос Лейлы.— Но с деньгами нет ничего невозможного, и когда вы получите мою бандероль, то вы уже, без сомнения, повидаете моего доброго друга Джеймса Барта. Держу пари, что он вам скажет, что вам нечего беспокоиться и даст в качестве гонорара чек на пять тысяч долларов. Верно ли я угадала?

Как я умру, Данни? Вероятно, это будет похоже на несчастный случай. И все же не забывайте, что я буду именно убита. Эти пять тысяч долларов нужно будет заработать — я уже говорила вам об этом тогда, у реки. Заработать — найти моего убийцу.

Может быть, я могла бы немного помочь вам...

Мой отец умер не вследствие несчастного случая. Он убит одним из хищников, которые вились вокруг него последние несколько лет. Они хотели у отца кое-что выманить, но не смогли добиться этого. И тогда один из них подумал, что было бы легче иметь дело с его дочерью. Вот почему умер Деймон Гилберт.

Однако они ошиблись, так как не замедлили констатировать, что его дочь также тверда, как и ее отец... Вот почему я умерла, Данни.

Посмотрите на этих хищников: они образуют очень тесно спаянную группу — группу, связанную общностью интересов. Среди них вы найдете того, кто в течение года убил двух Гилбертов. Возьмите карандаш, я продиктую вам имена...

Амброз Норман — гениальный автор драматических произведений. Ларри Чапмен — коммерческий директор моего отца. Феликс Паркер — его старый друг, человек двуличный и лживый. Бетти Адамс — секретарша отца и его любовница, настоящий Иуда женского рода. И, наконец, его поверенный, которого вы уже знаете, старый мошенник Джеймс Барт.

Именно один из них убил моего отца, а затем убил и меня. Не забудьте, что у них не было необходимости делать работу самим — они ведь могли нанять убийцу!

Эти пять тысяч долларов — вам на расходы. Если

удастся найти убийцу, вам будут вручены еще десять тысяч долларов.

Всего хорошего, Данни! — В ее хрипловатом голосе почувствовался оттенок грусти.

Голос смолк, и я выключил аппарат. Фран уставилась на меня пустыми глазами. Мне пришлось дважды щелкнуть пальцами у нее перед носом, чтобы привести в чувство.

— Невероятно! Слышать этот голос... У меня мороз по коже...

— Где именно? — заинтересованно спрашиваю я.

— Это вас не касается... Что вы будете делать, Данни?

— То, что просила Лейла Гилберт, — говорю я.

— Как рыцарь, а?

— За десять тысяч долларов можно это себе позволить.

2

Я выключаю магнитофон и откидываюсь на спинку кресла. Барт тихонько постукивает по крышке стола кончиками пальцев. Туман в его глазах еще гуще, чем обычно.

— Очень интересно, мистер Бойд, — наконец говорит он. — Несомненно... да, несомненно, это голос Лейлы Гилберт... Здесь нет и тени сомнения. Признаюсь, я в замешательстве. У вас есть какие-нибудь соображения, относящиеся к этому делу?

— Кое-какие есть... Лейла Гилберт снова повторила то, что говорила мне шесть недель назад, — объясняю я. — Тогда она предрекала, что ее убьют. Эту запись она, должно быть, сделала перед поездкой в Австралию. Она предсказала, что вы вручите мне пять тысяч долларов, чтобы я забыл эту историю. Именно это вы и сделали. Так что и во всем остальном она может оказаться правой. Может быть, ее отец стал жертвой тщательно продуманного убийства...

— Совершенно беспочвенная гипотеза. — Его голос нежен, словно зефир над грудой мертвых листьев. — У вас нет ни единого факта в поддержку этой версии.

— Она умерла — это факт. Кажется, ее отец также умер в результате несчастного случая?

— Деймон Гилберт был более чем странным человеком, — говорит Барт. Он делает из пальцев пирамиду так тщательно, словно в ней хранится тайна Вселенной. — Я часто думал, что слово «гений» недостаточно сильно, чтобы объяснить парадоксальную комбинацию артистической и финансовой интуиции, которую он собой представ-

лял. Я думаю, что подобное соединение противоположных свойств делало его существом разочарованным и несчастным, способным погрузиться в пропасть самой черной и глубокой депрессии.

— Я не спрашиваю у вас его биографию, мистер Барт. Я хочу только знать одно: как он умер?

— Он утонул в море рядом со своей виллой. Коронер вынес решение, что смерть наступила в результате несчастного случая. Весь вечер он сильно пил, что могли засвидетельствовать все приглашенные, а потом у него внезапно появилось желание пойти купаться. Он был прекрасным пловцом — как и его дочь... У меня, правда, были некоторые сомнения относительно этой смерти...

Я переспрашиваю:

— Вы полагаете, что его все-таки могли убить?

Он слегка качает головой.

— Я думаю, что Деймон мог покончить с собой в приступе меланхолии, — бормочет он. — Но это только мое личное мнение.

— Кто из этих особ присутствовал тогда — из тех пяти, кого перечислила Лейла?

— Все.

— Ага, значит, не исключая и вас...

Узнав от Лейлы эти имена сегодня утром, я внимательно прочитал статью в журнале. Четверо остальных были с Лейлой на яхте, когда она наткнулась на риф.

Губы Барта начинают дрожать, и на секунду мне кажется, что он улыбается. Но он вовремя овладевает собой.

— Это снимает с меня некоторые подозрения, мистер Бойд?

— Как уже заметила Лейла, убийца с успехом мог пригласить профессионала со стороны, мистер Барт.

Адвокат склоняет голову на несколько миллиметров и бормочет, обращаясь к японскому эстампу на стене позади меня:

— Лейла была странной девицей — вся в своего отца. Внезапная смерть Деймона могла подать ей идею прекрасной шутки — последней ее шутки и самой лучшей.

— Для этого она и бросилась в пасть акулы?

Он пожимает плечами.

— А кто наследует после Лейлы Гилберт?

— Она умерла, не оставив завещания. Я часто уговаривал ее написать последнюю волю, но она всегда отказывалась. Есть дальние родственники в Оклахоме, но оформить все это по закону будет очень трудно.

— Да, предполагаю.

Барт вынимает из жилетного кармана золотые часы и изучает их так внимательно, словно циферблат написан на санскрите.

— Через пять минут у меня важное совещание, мистер Бойд. Надеюсь, вы извините, если я перейду к делу?

— Пожалуйста, пожалуйста!

— Так каковы же ваши намерения?

— Ну что ж... Я буду делать то, о чем просила меня Лейла Гилберт,— говорю я равнодушно.— Я поеду туда и попытаюсь найти убийцу.

— И выкинете пять тысяч долларов на дорожные и прочие расходы? Если вы рассчитываете проделать небольшое увеселительное путешествие в Австралию, мистер Бойд, то я должен вас предупредить: этой суммы хватит ненадолго.

— Я постараюсь ее растянуть,— говорю я, стараясь убедить самого себя.

— А почему бы вам не рассматривать эти деньги в качестве аванса в счет вашего гонорара — в качестве некоей гарантии до тех пор, пока вы не закончите ваше расследование и либо найдете убийцу, либо придете к выводу, что смерть Лейлы Гилберт наступила в результате несчастного случая? — говорит он.

— Простите, я не совсем хорошо понял вас.

— Я готов оплатить все ваши расходы, мистер Бойд,— сообщает он своим часам, водворяя их на место в жилетный карман.— Но кажется ли вам справедливым такое соглашение?

— Значит, теперь вы будете моим клиентом?

— Нет. Я ничего не хочу слышать от вас до конца вашего расследования, какими бы ни были результаты. Отсылайте ваши счета в адрес моего бюро, и они будут оплачены в самые кратчайшие сроки.

Я недоверчиво спрашиваю:

— Почему вы это делаете?

— Я предупрежу о вашем приезде тех из этой пресловутой пятерки, кто сейчас находится в Австралии,— продолжает он, не обращая внимания на мой вопрос.

— Зачем вы это делаете? — настаиваю я.

Его губы снова начинают дрожать и на этот раз все-таки складываются в улыбку, продержавшуюся на его лице целых две секунды.

— Затем,— тихо говорит он,— чтобы предупредить их, что смерть Лейлы Гилберт становится предметом расследо-

вания. Таким образом, они успеют подготовиться к вашему приезду — как могут или сочтут нужным. Но есть и другая сторона вопроса. Предположим на минутку, что Лейла была убита наемным убийцей. Если ваше расследование придется кому-то не по вкусу, то Австралия — идеальное место для того, чтобы изъять вас из обращения, поверьте мне, мистер Бойд. — Он откидывается на спинку кресла и впервые с той минуты, как я вошел в бюро, смотрит мне в глаза. — Видите ли, мистер Бойд, — говорит он со вздохом сожаления, — я не чувствую к вам большой симпатии...

Вот это-то и дало мне повод для размышлений на обратном пути. У меня уже появилось тягостное ощущение загнанного оленя, а я еще даже не покинул Нью-Йорка.

У Фран был утомленный вид.

— Надеюсь, вы едете в Австралию?

— Ну, конечно, — говорю я.

— Есть самолет завтра в восемь часов утра. Вылетает из Идлевильда. — Она лукаво улыбается. — Придется вам подняться пораньше. — Она достает записную книжку и заглядывает в нее. — Где же это? А, вот! Таунсвилл ближе всего к месту трагедии — это город в Австралии, где самолет произведет посадку, но для этого вам придется делать несколько пересадок, так что лучше всего взять билет на завтрашний рейс до Сиднея. Хорошо?

— Ладно. И переведите телеграфом в Сидней две тысячи долларов.

— Хорошо... О, я совсем забыла. Вас ждет какой-то господин.

— Что ему надо?

Она пожимает плечами.

— Ему нужно видеть вас. Просто позарез необходимо, как он мне сказал.

— И на кого же он похож?

— Никогда в жизни не видела сутенеров, — говорит она с задумчивым видом, — но увидев его, я, кажется, не смогу больше этого утверждать.

Я прохожу в свой кабинет. Тип, пачкающий одно из моих лучших кресел, устремляет на меня пустой взгляд своих глаз цвета навозной жижи. В остальном этот субъект полностью подходит под описание Фран — сутенер самого низкого пошиба.

— Что вам угодно? — спрашиваю я.

— Мне угодно поговорить с вами,— говорит он равнодушным голосом.

— Послушайте, старина, я очень занят, поэтому выкладывайте поскорее.

— Вы Бойд,— говорит он.— А я Дженкинс, Пат Дженкинс.

Порывшись в своем портфеле, он подает мне свою визитную карточку. На ней я читаю:

«П. Дженкинс. Частный детектив. Полная секретность. Специалист по разводам.»

— Я рад побеседовать с собратом по профессии, но, как я уже говорил, у меня крайне мало времени.

— Вы вылетаете в Австралию, не так ли? — он вытаскивает из нагрудного кармана черную маленькую сигару и деликатно пристраивает ее между своими желтыми зубами.— О, я понимаю! Нужно быть отменным ловкачом, чтобы подцепить десять больших бумажек, особенно за расследование среди отдыхающих богачей.

Я сразу же перестаю быть излишне занятым, опускаюсь в свое кресло и закурываю сигарету.

— У вас слишком большие уши для мелкого разгребателя навоза, специализирующегося на разводах.

— У нас с вами общий клиент, мистер Бойд,— улыбается он.— Забавно работать для трупа, не так ли?

— Расскажите-ка мне поподробнее обо всем этом.

— В свое время я делал кое-какую работу для ее старика. А пять недель тому назад она явилась ко мне в контору с видом эдакой проститутки ценой пятьдесят долларов за ночь, но готовой всегда снизить таксу, если вы желаете сэкономить сорок девять долларов.— На минуту тень печали омрачает его гнусное лицо.— Короче говоря... «Сохраните это,— сказала она, кладя пакет на мой стол.— И читайте газеты, потому что в ближайшее время может появиться сообщение о смерти Лейлы Гилберт». Сначала я подумал, что это бред, но ничего не сказал. А после этого она сообщила мне ваше имя и адрес...

— А когда вы узнали, что она умерла, вы не упустили меня из вида до тех пор, пока не убедились, что я направляюсь к Барту, ее поверенному. И тогда вы отправляете этот пакет в мой адрес. Не так ли?

— Именно... Она заплатила мне пятьсот долларов. Могу смело сказать, что за последние двадцать лет я впервые так легко сделал деньги.

— Серьезно? — Я начинаю закипать.

— Именно так, коллега. Но откуда было знать, почему

именно мне она вручила этот пакет? Может быть, там было двадцать килограммов чистого героина, и я заработал бы двадцать пять лет.

— Так... Подождите, Пат,— говорю я, сдвигая брови.— Я начинаю догадываться. Вы открывали пакет, не так ли?

— О, да вы еще и телепат.— Он нагло улыбается.— Как вы думаете, она правильно угадала, что один из этих пяти уgomонил ее старика и ее саму?

— Я знаю только одно: нужно поехать туда и посмотреть самому.

— Да-а...— Он задумчиво покачивает головой.— С пятью большими бумажками, которые всучил вам Барт, и перспективой урвать еще десять других в случае, если вам удастся наложить лапу на убийцу... Да, это стоит трудов.

— С удовольствием констатирую, что мы полностью сходимся во мнениях,— говорю я.— Я с большим удовольствием поговорил с вами. А теперь — привет!

Он опять нагло улыбается и стряхивает пепел с сигары на мой ковер.

— Я чувствую, старина, что не смог бы спать по ночам, если бы предоставил вам одному встречать все опасности этого расследования. Если с вами что-нибудь случится, Данни, я никогда себе этого не прощу.

— Что вы хотите этим сказать? — говорю я, напрягаясь.

— Я говорю, что нужно делиться надвое... Согласны?

— Что за глупости приходят вам в голову? А теперь, если вы немедленно не покинете помещение, то вашу грязную сигару я затолкаю вам в глотку так далеко...

На мой ковер падает новая партия пепла.

— Не будьте таким жадным, Данни,— бросает он укоряющим тоном.— Над этим делом надо работать артелью. Видите ли, я мог бы быть полезным. Не забывайте, что я знал ее старика. Я немало обделал для него дел, и случалось, что они касались и людей из этой пятерки. Я знаю многое.

— Я не покупаю помои!

— Подумайте хорошенько, Данни! Эти люди далеко не херувимчики. Вы не имеете понятия, на что они способны, когда предполагают, что кто-то чужой собирается сунуть нос в их дела!

— И все-таки я ничего не буду у вас покупать. Даю вам пять секунд, чтобы очистить помещение, Пат.

Он грустно качает головой.

— Вы не хотите воспользоваться ситуацией, Данни.

Все, что я говорю, — это для вашей же пользы. Если вам хочется разыграть скупердя, то у меня нет выбора. Вы подумали о соглядатаях? Об агентах ФБР? Вы хотите, чтобы они зашли сюда поболтать с вами?

Я принимаю презрительный вид и небрежно бросаю:

— Вы думаете, они станут терять время на выслушивание грязных инсинуаций такого фазанчика, как вы?

— Не знаю, захотят ли они меня выслушать или нет. Но они, конечно, поговорят с теми пятью, о которых я не премину им упомянуть. Что вы на это скажете, а?

Да, тут он меня поймал. Если агенты ФБР узнают имена этой пятерки, они тотчас же насторожат уши, и дело пойдет как по маслу. Они станут задавать мне разные нескромные вопросы, кроме того, почему я не предъявил этот звуковой документ сразу же после того, как прослушал его? И я должен буду распрощаться с Австралией, даже не повидав ее.

Я тяжело вздыхаю и спрашиваю Пата:

— Вам хочется со мною в Австралию?

— Мне? Вы с ума сошли! Я совсем не хочу в Австралию. Но мне кажется, что здесь, в Нью-Йорке, вам нужно доверенное лицо. Как только произойдет что-нибудь интересное, я тотчас же дам вам телеграмму? Договорились?

— Договорились, — ворчу я.

Он вынимает сигару изо рта и показывает обломки своих гнилых зубов — это у него называется улыбкой.

— За удачу нашего союза, Данни! Но вы, наверно, очень заняты. Не буду больше отнимать у вас время. Отсчитайте мне половину вашего аванса, и я сейчас же уйду.

У меня перехватывает дыхание.

— Две с половиной тысячи долларов?

Он принимает оскорбленный вид.

— Послушайте, Данни, мы уже говорили, что грушу разделим пополам, на двоих — разве вы не помните? Так что половину аванса — две с половиной тысячи долларов — вы просто обязаны передать мне.

— Но это же мне на расходы!

— Вы думаете, у меня не будет расходов?

Я окликаю Фран, и через несколько секунд она появляется с карандашом и блокнотом в руках.

— Да, мистер Бойд?

— Выпишите чек на тысячу долларов на имя мистера Дженкинса, здесь присутствующего, — говорю я.

— На имя мистера Дженкинса? — Ее глаза округляют-

ся и она в упор смотрит на меня с недоверчивым видом. — Что вы купили? Гарем?

— Он возьмет чек с собой, — твердо говорю я, избегая ее взгляда.

— Что это за пташка? — спрашивает Дженкинс, когда Фран вышла. — Нужна вам, безусловно, еще кое для чего, кроме стучания на машинке, не так ли, старина?

Меня распирает желание бросить в него чем-то увесистым, но я сдерживаюсь и спрашиваю сухо:

— Вы говорили, что делали кое-какую работу для Деймона Гилберта? Какого рода работу?

— О! Я совал нос во все щели! Ничего не поделаешь, работа грязная, но как-то надо зарабатывать себе на хлеб. — Он разводит руками жестом фаталиста. — Этот молодчик любил почесать шерсть у тех, с кем водился. Чаще всего это была простая слежка. А время от времени — небольшое мероприятие...

— Нельзя ли несколько поточнее, а, Пат? Например, имена...

— А, да, конечно, — у него шокированный вид. — Мы же теперь союзники, не так ли? Ну, например, Амброз Норман — этот тип пишет пьесы для театра. У этого парня чересчур экзотические вкусы. Мистер Гилберт хотел знать все детали: когда, где, с кем и сколько. То же самое относительно Чапмена — его коммерческого директора: сколько у него в банке, сколько он тратит в месяц, с кем встречается... вспоминаю один случай, когда я раскопал, что у него два счета в различных банках. Гилберт был очень доволен.

— В общем, это был клиент как раз такого сорта, какой вам был нужен, не так ли, Пат?

Дженкинс воспринимает это как комплимент. Он улыбается и принимает фальшиво-скромный вид.

— Мисс Адамс, его секретарша, помните? Она была замужем, но у нее не ладились дела с ее Жюлем. Однако она все не разводилась. А потом я раскопал, что она обделяет свои постельные делишки с одним актером — мелкой звездой одного из театров, что Гилберт финансировал на Бродвее. Контракт парня кончился, и он не собирался его возобновлять. И вот тут-то я предпринял кое-какие шаги по указанию Гилберта.

— Расскажите, — требую я.

— О! Потрясающая сценка, доложу я вам! Я сделал несколько хороших фото этого актера и мисс Адамс в постели, а затем показал им мои художественные снимки

обнаженных натур, объяснив, что это будет некрасиво выглядеть на бракоразводном процессе. На другой день он возобновил свой контракт, и я опять получил кое-что на чай.

— А Феликс Паркер, его старый друг? Двуличный друг, как говорит Лейла?

— О, они много лет были закадычными друзьями — еще учились вместе в колледже. Единственный человек на свете, которому Гилберт считал возможным верить. Он верил ему до тех пор, пока не узнал, что Паркер спит с его дочерью...

— С Лейлой?

— С ней, с кем же еще? Когда я сообщил ему эту новость, с ним случился припадок. Я никогда не видел его таким... Кончил он тем, что взял себя в руки и попросил сделать через пару деньков еще одно дельце для него.

Лицо Дженкинса становится вдруг серьезным и он всплескивает руками с таким видом, словно ему не по себе.

— И что же вы сделали?

Дженкинс пожимает плечами.

— У Паркера была сестра, гораздо моложе его, незамужняя. Она работала преподавательницей в Нью-Джерси. Я устроил так, что она провела уик-энд с Гилбертом на его вилле в Лонг-Айленде.

— И она согласилась без возражений?

— У нее не было выбора... После этого Гилберт заявил Паркеру, что теперь каждый раз, как он проведет ночь с Лейлой, его сестра проведет ночь в постели Гилберта. Да, вот это был фокус!

— А сестра? Она же могла обратиться в полицию! Или нет?

— В последний вечер уик-энда Гилберт пригласил Паркера на обед. Что-то там у них и произошло. И, кроме того, Гилберт заявил сестре Паркера, что если она расскажет кому-нибудь о том, что с ней случилось во время этого уик-энда, то он сделает так, что ее брат проведет остаток своих дней в больнице. И она заучила урок... Должно быть, она любит братца, как вы думаете?

— В общем, Гилберт был опасным маньяком, которому давно пора было исчезнуть.

— Я никогда не утверждал обратного, — обиженно говорит Дженкинс.

— Что не мешало вам работать на него, поскольку он хорошо платил.

— Нужно же зарабатывать себе на кусок хлеба! — Он пожал плечами. — Не всегда есть выбор, а, Данни?

— Вам не кажется, что Гилберта убили?

— Я, старина, избегаю думать над темами, которые мне не дают денег. А что касается Лейлы, то это совсем другое дело, потому что здесь под замком толстый пакет для нас обоих. Не правда ли?

— Я прекрасно понимаю, что у кого-нибудь могло появиться желание ликвидировать Гилберта. Я это даже несколько оправдываю. Но Лейла? Какая была причина для ее убийства?

— Данни, мальчик мой, — Дженкинс медленно поднимается и снова стряхивает пепел на ковер. — В этом-то все дело! Будем надеяться, что в Австралии вы найдете ответ на этот вопрос.

— У вас нет хотя бы смутных подозрений?

— Нет... Но она была достойной дочерью своего отца, так что этого, может быть, больше, чем достаточно. — Он направляется к двери, затем оборачивается. На его губах играет скверная улыбка.

— Желаю вам удачи, коллега!

Я выжидаю несколько минут, чтобы он вышел из конторы, потом выхожу к Фран.

— Вам заказан билет на самолет, — говорит она равнодушным голосом. — В-601 в восемь часов утра, не забудьте!

— Благодарю. Не забуду. Когда вылетает самолет из Сан-Франциско?

— В четырнадцать тридцать.

— Запросите аэропорт завтра, чтобы удостовериться, что самолет улетел вовремя, о'кей?

— Это зачем? Вы боитесь, что я совсем изведусь в переживаниях по поводу вашей особы, Данни?

— Когда вы будете уверены, что моя особа летит над океаном по направлению к Австралии, обратитесь в банк и опротестуйте чек, который я только что выдал Дженкинсу.

— С радостью, — говорит она. — Я чувствовала, как его мерзкие маленькие глазки ползали по моему телу, словно тараканы, пока я выписывала чек. — Она поднимает голову и я читаю одобрение в ее взгляде. — Значит, вы не покупаете гарем, чтобы составить себе компанию во время перелета?

— Ваше мнение о Дженкинсе совершенно правильно,

моя душенька, хотя оно было сделано на основании минимума фактов. Мне определенно не хочется иметь дело с таким сводником.

3

Для такого человека, как я, который испускает крик ужаса перед любыми воздушными перспективами, даже когда всего лишь открывается окно на втором этаже, лететь на высоте трех тысяч метров над бескрайним океаном, где не на чем остановить взгляд, кроме облаков, плывущих в неизмеримой бездне,— испытание невыносимое.

Последние 24 часа не оставили в моей памяти ничего, кроме смутного туманного следа, и я совершенно не помню, что же происходило в среду.

Из Гонолулу мы поднялись в воздух во вторник вечером. Мы еще не пробыли в воздухе и полчаса, как появился капитан, чтобы сообщить нам о 180 меридиане и изменении дат. И хоп! Был уже четверг.

Когда самолет умерил свою скорость до 500 километров в час и начал терять высоту, у меня появилось ужасное ощущение, будто он неподвижно висит в воздухе. Я ожидал, что самолет немедленно камнем упадет вниз и утонет в океане, который быстро поднимался нам навстречу.

— Мы приземлимся через пять минут,— сказала мне стюардесса.— Пристегните, пожалуйста, ваш ремень,— прошелестела она игривым голосом, оплаченным компанией.

— Да вы смеетесь! Я не расстегивал его две недели — с тех пор, как покинул Идлевильд.

— Не беспокойтесь, все будет хорошо,— говорит она с очаровательной улыбкой.

— Ах, нет! — говорю я дрожащим голосом и указываю на иллюминатор, совершенно заполненный угрожающе близким берегом.— Как можно лететь ниже берега?

Она снова улыбается.

— Мы летим вдоль берега — только и всего.— Она оглядывается и быстро говорит мне: — Извините, я должна заняться другими пассажирами.

Я разочарованно смотрю ей вслед.

Наконец, самолет садится на посадочную полосу и останавливается. Но именно сейчас я испытываю наибольший ужас. Когда самолет подрулил к зданию аэровокзала и другие пассажиры направились к выходу, я остался, прикованный к сиденью и полный отчаяния.

Через пять минут стюардесса наконец услышала самый из душераздирающих моих криков и подошла посмотреть, что со мной случилось.

— Мы прилетели, мсье,— осторожно говорит она.— Это Сидней.

— Я прекрасно это понял!

— Хорошо, но...— она обескураженно пожимает плечами.— Вы не хотите выходить из самолета?

— Я хочу именно выйти! Но не могу!

— Почему? Правительство Австралии против вашего приезда?

Тоном, полным покорности судьбе, я пытаюсь объяснить ей ситуацию:

— Я парализован! Ноги мне не повинуются!

Ее глаза округляются.

— Вы уверены?

Я вооружаюсь безграничным терпением.

— Три раза я пытался подняться с места и трижды падал обратно... Должно быть, у меня что-то с позвоночником... Вероятно, это из-за мартини с несвежей сливой, который вы мне подали. И от адского шума моторов...

Внезапно ее глаза вновь расширяются. Она наклоняется надо мной и ее правая рука тянется к моему солнечному сплетению. Я поспешно закрываю глаза, предполагая, что у нее припадок и что вид бедного калеки пробудил в ней садистские наклонности. Но вот я слышу тихое пощелкивание, сопровождаемое смехом.

— Не хотите ли попробовать еще раз встать, мистер? Сейчас, когда ваш пояс расстегнут?

Я поспешно покидаю самолет, но все же недостаточно быстро, чтобы избежать противного зрелища трех истеричных стюардесс, катающихся от смеха.

Моя слабая надежда на великое братство всех людей испаряется, когда я натываюсь на бюрократический барьер, возникший между мной и Австралией.

Меня обследуют так тщательно, что только через полчаса я вырываюсь из лап доктора, который кажется весьма разочарованным тем обстоятельством, что я не оказался разносчиком оспы.

Последний барьер — таможня. Я провожу там еще неприятных полчаса, пока какой-то тип роется в моем чемодане.

У австралийцев весьма отсталый взгляд на ввоз в их страну орудий уничтожения. И я не имел никакого желания объяснять кому-либо, что мой револьвер 38 калибра

является жизненно необходимым элементом моего визита. Каждую минуту я ожидал, что он приподнимет мой сюртук и почувствует в его кармане тяжесть револьвера. Но, к счастью, эта идея не пришла ему в голову, и вот наконец мне предоставляется возможность распахнуть двери и познакомиться с шестым континентом.

Аэровокзал похож на все аэровокзалы мира: половина посетителей лихорадочно торопятся улететь, тогда как вторая половина с мрачным видом ждут неизвестно чего.

— Мистер Бойд? — окликает меня теплый и властный женский голос.

— Да, это я.

Я оборачиваюсь. Передо мной стоит весьма красивая девушка — высокая, элегантная. Ее черные волосы, разделенные пробором, обрамляют лицо, словно бархатистые крылья ворона. У меня появляется желание провести по ним рукой, чтобы удостовериться, так ли они мягки, как кажутся.

Овальное личико, волевой подбородок, кожа цвета меда — бархатистая и нежная. В общем, красotka, вполне заслуживающая путешествия в 12 тысяч километров, чтобы только посмотреть на нее.

Она излучает дьявольскую энергию, на 60 процентов состоящую из чего-то другого, что проявляется в четком изгибе ее шеи, в твердом и ярком рисунке губ.

— Я — Бетти Адамс, — смешливый огонек на мгновение загорается в ее глазах цвета ночной синевы. — Говорят, вы любите новые знакомства, мистер Бойд?

— У меня такое впечатление, что с вами скучать не придется, — простосердечно говорю я.

— Я разговаривала по телефону с мистером Бартом. Он много говорил мне о вас и рассказал, что именно вы собираетесь делать. Между Сиднеем и Таунсвиллом порядочное расстояние, и я подумала, что будет лучше, если я встречу вас здесь.

— Прекрасная идея! Ничего, если я буду называть вас Бетти? Что-то мне подсказывает, что вскоре мы станем добрыми друзьями.

— Как хотите. — Она снисходительно улыбается.

— Данни Бойд, — представляюсь я. — Данни и Бетти. Вы не находите, что это хорошо звучит?

— Данни, вы устали. Я заказала вам номер в «Шеврен-Хилтон» на сегодня. А завтра утром мы можем сесть на самолет в Таунсвилл, если вы согласны.

— Никогда я ни в чем не отказывал дамам,— говорю я.— А где мы ночуем?

— В том же отеле.

— Великолепно! — Я с энтузиазмом одобряю данное обстоятельство.— Мы можем выпить два-три стаканчика перед завтраком, два или три после завтрака, несколько стаканчиков после обеда...

— После обеда вам придется бай-бай,— говорит она.— Если вы раньше не упадете под стол.

Носильщик подгоняет к нам такси, и через полчаса я уже записан в книгу регистрации отеля. Бетти Адамс, должно быть, использовала свое влияние, и мне дали номер на втором этаже с великолепным видом на порт, море и окружающие прелести. Я провел добрых десять минут, восхищаясь этим видом, прежде чем попасть в кровать.

Меня разбудил настойчивый телефонный звонок. Теплый вибрирующий голос Бетти Адамс вернул меня на землю.

— Шесть часов,— сообщает она.— Даю вам полчаса, чтобы присоединиться ко мне в баре. Хорошо?

— Хорошо. Лечу!

Я ополаскиваю торс, массирую череп и три сантиметра волос, оставленных парикмахером, и облачаюсь в костюм, стоивший мне сто долларов в минуту безумия, охватившего меня прошлым летом на морском берегу.

Едва я устроился в баре, как появляется Бетти Адамс. На ней шелковое платье с бело-голубыми полосками, плотно обтягивающее ее соблазнительный бюст и тонкую талию, оставляющее открытыми только ее гладкие бронзовые плечи.

Я слышу тихий шелест, когда она присаживается рядом со мной. Серебристый браслет тонкой работы обнимает ее запястье.

— Вы прекрасны, как миллион долларов! — восклицаю я.

— Благодарю.— Она улыбается.— Вы тоже прекрасно выглядите, Дэнни.

Я заказываю выпивку для нее и зажигаю две сигареты. Вырез ее платья так глубок, что мне трудно оторвать от него глаза и посмотреть на ее лицо. Когда гарсон приносит ей стакан, она берет его к губам, и несколько секунд бесстрастно смотрит на меня.

— Не пора ли начать? — наконец говорит она, делая глоток.

— Да... Начинайте.

— Мистер Барт поведал мне фантастическую историю о том, что Лейла наняла вас шесть недель назад, чтобы найти ее убийцу после того, как она будет умерщвлена, чего, по ее мнению, не так уж долго осталось ждать... Потом, в тот день, когда газеты опубликовали сообщения о том, что она умерла, вы получили магнитофон с записью голоса Лейлы. Она дала вам список лиц, наиболее заинтересованных в ее смерти и способных ее убить. Пять имен, среди которых и мое, не так ли?

— Действительно... В том числе и ваше.

Она делает еще один глоток. Я снова украдкой заглядываю в вырез ее платья и быстро отвожу глаза, пока у меня не закружилась голова. Это зрелище не для слабых.

— Это похоже на бред сумасшедшей, — говорит она. — Но это именно в стиле тех жутких фарсов, которые так любила разыгрывать Лейла. Вы же знаете, Данни, что она не была убита. Это был несчастный случай — ужасный и такой неожиданный. Нет, всего лишь несчастный случай — и больше ничего.

— Я, знаете, и не хотел бы ничего другого. Но, говорят, семья Гилбертов так и притягивает несчастные случаи. Сначала отец тонет на своем личном пляже возле Лонг-Айленда, затем дочь беззаботно лезет в пасть акулы на австралийском побережье.

— О, да! — Она ставит свой стакан на стол с нарочитой медлительностью. — Я совсем забыла об этом. Лейла в своей посылке сказала вам о том, что ее отец был убит? Барт сообщил об этом. — Она погружает свои пальцы в мои, и в течение долгой минуты я борюсь с чудовищным искушением. — Остальные уже в курсе дела. И они совсем не одобряют те ядовитые характеристики, какие им дала Лейла в своем послании. Вы будете не слишком популярны на Северном побережье Австралии, Данни.

— Я покорю их своим очарованием, — самоуверенно заявляю я. — Ну, кто там будет? Подумаешь, коммерческие директора, пьяницы-адвокаты, иуды женского рода, бульварные писаки — для меня это ровным счетом ничего не значит.

Она поджигает губы.

— Я уверена, что вы счастливо отделаетесь. Позвольте мне просто повторить вам, что это самый заурядный несчастный случай.

Я любезно улыбаюсь ей.

— Не расскажете ли вы мне об этом, Бетти? Сообщения газет были довольно невняты.

— Лейла наняла яхту у одного типа по имени Джек Ромней для небольшой прогулки по Большому Барьерному рифу, — начинает она безразличным тоном. — Все произошло на третью ночь, около четырех часов утра... Да, было уже больше половины четвертого... Судно наткнулось на подводный риф, получило пробоину и начало тонуть. Ромней был единственным бодрствующим в это время. Он разбудил всех нас. Ничего не оставалось делать, как только покинуть судно как можно скорее и добираться до берега вплавь. Лейла и Ромней оставались на борту до последнего, так что мы уже порядочно удалились от яхты. Я слышала, как Ромней закричал, но только позднее поняла, почему...

— Вы были уже возле берега?

Она утвердительно кивает.

— Мы были всего в двухстах метрах от маленького острова. Ночь была тихой, море — теплым и спокойным. Для Лейлы, плавающей как рыба, это было бы пустяком... — На минуту ее белые зубки закусывают губу. — Если бы не акула!

— Вы не видели, как Лейла прыгнула в воду?

— Я ведь вам уже сказала, что мы к тому времени порядочно отплыли от яхты и ничего не могли увидеть.

— А вы не видели акулу? Не слышали, как закричала Лейла? Ничего?

— Нет. — Она покачала головой. — Я слышала только Ромнея, который что-то кричал нам.

— Тогда откуда вы знаете, что на нее напала акула? Как вы можете утверждать даже то, что она покинула судно?

Ее глаза округляются.

— Уж не обвиняете ли вы Ромнея в том, что он убил Лейлу?

— После того, как я услышал изложение событий из ваших уст, это кажется мне вполне возможным.

Легкий смех слетает с ее губ. Лицо Бетти светлеет.

— Зачем бы ему это делать? Для него она была просто богатой американкой, нанявшей его яхту, чтобы прокатиться со своими друзьями.

— А кто-нибудь мог его нанять, чтобы он убил Лейлу?

Ее плечи поднимаются в очаровательном жесте недоумения.

— Подождем, пока вы не познакомитесь с Джеком Ромнеем, Данни. Вы увидите, что это за человек. Он — убийца?

— Хорошо, я могу потерпеть до завтра, — говорю я

недовольным тоном. — Но как случилось, что вы все вместе собрались в Австралии?

— Это была идея Лейлы. Она два раза путешествовала со своим отцом в Австралию, и здесь ей очень понравилось. Пьеса Амброза Нормана вскоре должна была быть поставлена, и ему нужно было ее как следует отредактировать. Лейла думала, что это будет просто прекрасно: мы могли бы работать, воображая, что находимся в отпуске.

— Насколько я понимаю, Лейла взяла в свои руки все дела отца?

— Да, так оно и было.

С минуту я размышлял.

— Я понимаю, почему там находился писатель Амброс Норман и Чапмен, импресарио. Но что там делал Феликс Паркер?

— Перед смертью Деймон Гилберт обещал Феликсу проценты с будущей пьесы Нормана, и Лейла исполняла волю своего отца.

— Вы были личным секретарем Деймона. Почему же вы присутствовали там?

Бетти бледно улыбается.

— Потому что Лейла унаследовала и меня вместе с остальным.

— В общем, там нечего было делать только адвокату Барту?

— Именно.

Я снова зажигаю две сигареты для нее и для себя.

— Мне пришла в голову новая мысль в отношении вашего друга Ромнея, — говорю я. — Ваш рассказ ведь мог быть оплаченным?

— Все это болезненное воображение, Данни, — говорит она ледяным голосом. — Ваша идея похожа на бред!

— Хорошо. Вечер еще не кончился. Может мне придет в голову более удачная мысль, прежде, чем мы пойдем спать... А что за человек был Деймон Гилберт?

Одно мгновение она размышляет, постукивая пальцем по своему серебряному браслету.

— Это трудно так сразу сказать. Он был директором театра, но это все равно, как если бы я сказала, что Шекспир был писателем. Человек в высшей степени интеллигентный, имеющий редкий дар делать деньги с помощью искусства и делать искусство при помощи денег. К тому же весьма эксцентричная личность.

— Например?

— Его взаимоотношения с людьми были... — Она поис-

кала подходящее слово.— Были несколько беспокойными. Демон подозрительно относился ко всему на свете. Он был ревнив, властен, ему нужно было властвовать над своим окружением так или иначе. Никому он не позволял ускользнуть из своих рук или устоять против его воли.

— Вы хотите сказать, что если кто-то хотел вырваться из-под его власти, он не позволял этого?

— Чем больше они брыкались в оглоблях, тем сильнее он натягивал вожжи,— сказала она с горечью.— Ему нужно было подавлять людей, ему нужно было иметь в своей полной власти их душу и тело... Как будто он питался их жизненными соками...

— В общем, вампир!

Бетти Адамс улыбнулась против воли.

— У вас сложилось такое впечатление? Может быть, я зашла слишком далеко, но вы сами просили...

— А Лейла? Она отлита по той же модели?

— Вы ее видели,— возражает она.— Какое у вас сложилось впечатление.

— Занудливая надоеда,— говорю я.— А в каких отношениях она была со своим отцом?

— Странное смешение любви и ненависти. Почти тотчас же после смерти отца она стала во всем на него походить... Во всем плохом, я хочу сказать.

— То же клеймо вампира?

— Я знаю, что это звучит по-идиотски, но так оно и было,— тихо говорит Бетти.— Пожалуй, будет лучше сказать, что она была одержимой.

— Была ли она в Лонг-Айленде, когда утонул ее отец?

— Да, она жила на вилле уже несколько дней. Именно Лейла нашла тело на следующий день...— Бетти вдруг охватывает дрожь.— А не пойти ли нам перекусить? Завтра утром надо будет встать пораньше, чтобы успеть на самолет.

— Прекрасная идея. Едем.

Деликатесы Сиднея для меня настоящее откровение. Я проглатываю две дюжины устриц величиной с кулак, заедаю их омарами, обмениваясь при этом с Бетти банальностями, обычными для таких случаев, когда у людей заняты челюсти.

В десять часов Бетти напоминает, что завтра надо рано вставать, и уверяет меня, что провела очаровательный вечер. Так как ее комната на том же этаже, что и моя,

только тремя дверями дальше по коридору, то для меня не составляет труда проводить ее. Остановившись у своей двери, она с минуту колеблется.

— У меня есть превосходное вино, Данни. Не хотите ли пропустить быстренько последний стаканчик?

Я ломаю голову, пытаюсь понять, что же скрывается в глубине ее черных глаз, но это все равно, что пожелать проникнуть за защитный экран атомного реактора.

— Мне эта идея кажется замечательной, — просто говорю я.

Ее комнате предшествует роскошная гостиная. Я усаживаюсь на удобный диван, а она начинает возиться со стаканами. Приготовив коктейли, она садится рядом со мной, позаботившись оставить между нами полметра пустоты.

— Итак, за Таунсвилл, — провозглашаю я, поднимая стакан.

— За Таунсвилл, — без энтузиазма подхватывает она.

— Сколько это километров от Сиднея?

— Две тысячи с хвостиком. Но в этой стране расстояния не играют никакой роли.

— Значит, четыре или пять часов полета?

— Да, около того. — Она бросает на меня заинтересованный взгляд. — Почему такой внезапный интерес к географии?

Я скромно объясняю:

— Мне кажется, что вы проделали этот неблизкий путь не ради моей физиономии, так как до этого вы ее даже не видели. Значит, должна быть другая причина. И значительная, не правда ли?

— Да. Это вас беспокоит?

— Немного. Если это сделано для того, чтобы внушить мне, что смерть Лейлы всего лишь несчастный случай, то ведь можно было подождать, пока я не приеду в Таунсвилл. Но, может быть, вам не хотелось встречаться со мной в Таунсвилле, и поэтому вы летите встречать меня в Сидней? Не хотите ли вы попробовать купить меня, моя душенька?

Она улыбается.

— Я думала об этом. Но, увидев вас, поняла, что это была идиотская мысль.

— Итак, что же вы собираетесь делать?

— Не знаю. — Она испытующе глядится в мое лицо, пытаясь прочесть что-нибудь на нем, потом качает головой. — Если я предложу вам свое тело, белое, как снег

и нежное, как бархат, вы ведь все равно сядете завтра на самолет?

Я шепчу:

— Почему же вы не хотите, чтобы я летел в Таунсвилл, душечка? Вы опасаетесь, что я могу найти убийцу?

— Это всегда дело случая. Но другие... Они вынуждены оставаться там, пока коронер не закончит следствие — это еще четыре дня. А они в подавленном состоянии, Данни. У всех у них глубочайшая депрессия или еще что похуже... Я боюсь, как бы ваше пребывание там не привело к катастрофе. Вы можете подействовать, как катализатор, как механизм замедленного действия в бомбе, которая может разорваться в любую минуту, ибо никто не знает, на какое время поставлен регулятор этого механизма. И я даже не осмеливаюсь представить себе, что будет, если она все же взорвется...

— И что бы могло произойти?

— Не знаю, — говорит она. — Это кажется вам глупым, не правда ли? Но я на самом деле не знаю. Как только об этом подумаю, у меня мороз по коже. Это словно орава злобных джинов, запертых в бутылке. Кто знает, что оттуда появится, если вы вытащите пробку.

— Черные тайны, скрытые в изгибах их душ?

— Может быть... а может быть, и более. — Она содрогается. — Вся та ненависть и жестокость... Она может поглотить всех нас, Данни, — вас, меня и всех остальных.

— Я думаю, дорогая, что вы позволили своему воображению слишком увлечь вас. Если речь идет всего лишь о несчастном случае, зачем портить себе кровь?

— Вы никогда в жизни не жили в тени Деймона Гилберта, Данни, — говорит она напряженным голосом. — Или его дочери...

— Вы хотите сказать, что ваши друзья так травмированы этим вампиром, что если некто, именуемый Бойдом, придет со своим большим скальпелем и начнет ковыряться в их кровотокающих ранах, то они немедленно полезут на стенку?

— Думаю, все обстоит именно так, — говорит Бетти, покачивая головой. — Вы очень проникательны, Данни.

— О, это пустяки, — небрежно говорю я. — Но не побеседовать ли нам о чем-нибудь другом? Не встречали ли вы недавно того актера, у которого уже есть жена в Уэстчестере?

Она бледнеет и неподвижно долгую минуту смотрит на меня. Ее бронзовый загар сереет. Затем ее округлая ручка

поднимается и резко — я даже глазом моргнуть не успел — опускается на мою щеку. Тип, пустивший в обращение выражение «увидеть тридцать шесть свечей», несомненно, был близорук — я увидел больше сотни.

— Уходите! — шепчет она одними губами.

— Как вам угодно, Бетти, — вежливо говорю я, вставая с дивана.

Она кусает губы и закрывает глаза. Ногти ее рук почти впиваются в ладонь, так она крепко сжимает кулаки.

— Грязный негодяй! — стонет она сквозь зубы.

Я уже открываю дверь, когда слышу тихий оклик:

— Данни!

— Да?

Я поворачиваюсь, захлопываю дверь и смотрю на нее. Она поднимается с дивана, быстро пересекает комнату и останавливается передо мной. Ее рука нежно касается моей щеки.

— Извините, — шепчет она. — Было очень больно?

— Вы весьма рисковали, Бетти, — говорю я сердито. — Вы могли испортить мне лицо.

— Кто вам рассказал обо мне и актере?

— Один тип с грязными ногтями. Он очень смеялся, когда рассказывал мне эту историю.

— Дженкинс! — с отвращением вскрикивает она.

— Дженкинс получил обратно своего актера — вернее, вернул актера. Деймону Гилберту, а вы заработали хорошенький разводик. Так что Дженкинс полагает, что все довольны.

— Он забывает только один пустяк, — голос Бетти кажется далеким и беззвучным. — Я была без ума от своего актера. Мне понадобился год, чтобы прийти в себя после этого... Ах! Эти вечера, когда мне хотелось побыть одной, чтобы поплакать над своим горем, но я должна была улыбаться и благодарить Деймона за бесплатное место на спектакли... Но, я думаю, это не идет в счет?

— Дженкинс не сентиментален, знаете ли. Покажите ему билет в сто долларов, и вы услышите, как гулко бьется его сердце.

Ее пальцы снова ласково касаются моей щеки.

— Мне жаль, что я не сдержалась и ударила вас, Данни. Вы были не виноваты.

— Не будем больше говорить об этом. И идите, наконец, спать — вы об этом говорили весь вечер. Завтра утром вам нужно быть свеженькой и розовенькой.

Она поворачивается ко мне спиной, делает несколько шагов на середину комнаты и останавливается.

— Спокойной ночи, Бетти,— тихо говорю я.

— Не уходите, Данни,— шепчет она.— Я не могу остаться одна наедине с собой всю ночь. Я хочу, чтобы вы остались.

Я успокаиваю ее:

— Две таблетки аспирина, и вы уснете, как новорожденная.

— Я же сказала — не уходите! — кричит она жалобно.

— Дорогая моя, вы думаете, это будет романтично? — ласково спрашиваю я.

Она не отвечает. Ее руки взлетают к плечам, и тонкий шелк платья падает на пол. Она быстро сбрасывает с себя бюстгалтер и трусики и остается совершенно обнаженной.

Некоторое время она стоит как бы в раздумьи, затем поднимает голову и смотрит мне прямо в глаза. Я вижу горячие волны, вздымающиеся в глубине ее зрачков.

Ее тело и впрямь удивительно белое и нежное, а таких бедер я не видел даже в кино. Она делает шаг ко мне. Ее шикарные груди колышутся, нежные тени пробегают по их гладкой коже.

Я не успел опомниться, как мы оказались в постели. Бетти выгибается и припадает ко мне, я ощущаю ее горячие бедра. Тихий стон слетает с ее губ, шея напрягается. Тело ее обладает каким-то удивительным теплом, и я вступаю в землю обетованную...

Но, прежде чем окончательно покинуть эту землю, я успеваю отметить ее бархатистую кожу и необыкновенный темперамент. Затем все тонет в блаженстве...

— Ах, Данни, Данни! — лихорадочно шепчет она в темноте, прижимая мои ладони к своим упругим бедрам.— Это было чудесно! Ты не сердись, любовь моя? — Она заглядывает мне в глаза.

— Хочешь знать одну вещь, Бетти? В сущности, ты тоже вроде Деймона Гилберта.

Она не отвечает, и через несколько минут, уже погружаясь в сон, я понимаю почему: она беззвучно плачет, уткнувшись в подушку.

4

У меня появляется чувство, будто я нахожусь на пороге рая, когда мы достигаем дороги, идущей вдоль залива на север. Мы едем в роскошном автомобиле с откинутым

верхом под голубой синевой неба, с которого сверкает раскаленным диском солнце. Но жар его несколько умеряется сильным бризом с моря. Пейзаж стоит того, чтобы только из-за него прилететь с другого полушария планеты.

Мы едем троим: Бетти, я и Ларри Чапмен. Чапмен ждал нас в аэропорту, и его прием оказался менее холодным, чем я ожидал. Это парень среднего роста с такими массивными плечами, что кажется коренастым. 45 лет, черные волосы, которые вились бы прекрасными локонами, если бы не были так коротко острижены. С тех пор, как мы познакомились, он еще не вынимал изо рта свою толстую сигару.

Бетти протягивает руку к темному силуэту острова, виднеющемуся в семи или восьми милях от берега, и что-то говорит, но ветер мешает мне расслышать.

— Что?

— Я говорю — это Магнетический остров! Каждый год здесь устраиваются соревнования от Таунсвилла до этого острова. Соревнующиеся плывут под охраной сторожевого судна — из-за акул.

Я киваю головой и кричу ей в ухо:

— А в этом году я объявлю о преступлении!

Через десять минут автомобиль мягко останавливается перед фасадом большого дома, выстроенного в колониальном стиле и окруженного большой террасой. Вокруг роскошный сад, откуда открывается великолепный вид на океан.

Я выхожу из машины. Бетти следует за мной, Чапмен отправляется пристраивать машину в гараже позади дома.

— Здесь недурно, правда? — говорит Бетти. — Лейла написала Джеку Ромнею, чтобы он подыскал ей какую-нибудь хижину. Владельцы этого дома как раз собирались провести три месяца в Европе. Но мы не могли найти прислуги. У нас только две служанки, и те приходящие. Амброз следит, чтобы бар был всегда полон, если только его не отвлекают другие занятия...

— Вы хотите сказать, что он здесь пишет пьесы?

Бетти с насмешливым видом поднимает брови.

— Вы смеетесь, мистер Бойд! Другие занятия Амброза называются Соней... Это эстонка, пять или шесть лет назад эмигрировавшая сюда со своей семьей из Америки. Ее родители умерли, а брат работает шахтером на Западе. У меня такое впечатление, что у нее в течение двух лет не было никаких источников дохода. Когда она опустилась на самое дно, она созрела для Амброза, и он появился тут как

тут... Не знаю, каким образом он устраивается, но где бы он ни находился, он всегда непременно заводит девушку подобного пошиба. Быть может, крайняя степень развращенности узнается по каким-нибудь тайным знакам, а, Данни?

— Да, конечно, — когда деньги соединяются с удовольствием, — говорю я.

— Вообще говоря, каждый поступает, как ему хочется, не советуясь с другими. — Она говорит несколько тише. — По крайней мере так было до этого случая. Сейчас они задержались здесь, ожидая расследования коронера, словно персонажи какой-то из пьес Амброза!

Мы поднимаемся на веранду, проникаем в прохладу обширного холла и попадаем в громадное помещение с громоздкой и тяжеловесной мебелью — роскошной и лишенной всякого стиля. В глубине зала находится потрясающий воображение бар с рядом табуретов перед ним.

Приблизившись, я замечаю, что единственный клиент этого гигантского бара — молодая девушка, сидящая на крайнем табурете у стены. За стойкой какой-то тип играет с полдюжиной бутылок различной формы.

— Соня, — говорит Бетти, когда мы подошли поближе. — Позвольте представить вам мистера Бойда.

Прежде всего меня удивляет ее весьма юный силуэт. Самое большее ей восемнадцать. Но, когда она поворачивает голову в нашу сторону, я прибавляю ей еще пять лет. У нее маленькое лицо, жесткое, угловатое и хмурое. Грязно-желтые глаза, того же цвета волосы, подобранные на макушке в узел, напоминающий гнездо вороны, не убравшей свое хозяйство недели три.

Когда она поднимает на меня свои глаза, ее взгляд напоминает мне оценивающий взор бродячей кошки, раздуться, богата ли фосфором предлагаемая ей сардина.

— Здравствуйте, Соня, — вежливо говорю я.

— Не теряйте времени, — перебивает она меня с сильным акцентом, указывая пальцем на типа за стойкой. — Я с этим парнем.

— Не задирай голову! — сухо бросает ей Бетти. — Данни просто хочет быть вежливым.

— А! Вижу... — по тонким губам Сони скользит понимающая улыбка. — Ты уже побывала в Сиднее, а? — Она так смотрит на меня, словно умирает от восхищения. — Он, должно быть, настоящий гигант! Он прекрасно держится на ногах и даже не выглядит чересчур утомленным!

Два красных пятна вспыхивают на белых щеках Бетти.

— Ах, ты захудалая!

Тягучий голос из-за стойки прерывает гладкую цепь эпитетов убийственной точности, которые она собиралась нанизать на Соню.

— Привет! Думаю, легче мне представиться самому — Амброз Норман.

Шелковая рубашка ядовито-лилового цвета частично закрывает его торс, густо поросший буйной растительностью, но оставляет на всеобщее обозрение солидно выступающее брюхо. Должно быть, он уже от рождения был слишком толст.

У него лицо херувима, давно, правда, впавшего в немилость. Щеки розовые, словно яблоки, тройной подбородок, аккуратными складками лежащий на груди, должны были бы подчеркивать выражение невинности, но тонкая сеть лиловых вен и одутловатая кожа придают всему этому вид преждевременной обветшалости.

— Динни Бойд, — представляюсь я в свою очередь.

— Не желаете ли выпить? Могу приготовить вам напиток. Объявите только цвет, и я поднесу вам такую микстуру, что вы упадете передо мной на колени.

— Точно, — комментирует Соня с мрачной гримасой.

Амброз смотрит на меня и пожимает плечами с видом покорности судьбе.

— Бывают дни, когда я твержу себе, что самым большим препятствием для общения между мужчинами и женщинами являются слова. Мне хотелось бы попасть на необитаемый остров с немой женщиной... Или, в крайнем случае, говорящей на суахили. Тогда, мне кажется, мы могли бы ужиться вместе.

— Я бы выпила martini, Амброз, — сухо проговорила Бетти. — И посоветовала бы то же самое приготовить и для Динни, пока он не умер от жажды.

— Конечно, конечно, — он широко улыбнулся и бросил лукавый взгляд на Соню. — А тебе, мой маленький примитив?

— Пива!

— Не отвратительна ли она? — Снова широкая улыбка. — Спросите-ка ее, с каких пор она не умывалась?

— Амброз! — Бетти с отвращением морщит нос. — Вы непристойны!

— С пятницы, — сообщает Соня. — Мыться слишком часто вредно для кожи.

Автор сногсшибательных пьес испускает радостное хи-

хиканье, не переставая смешивать коктейль с ловкостью профессионального бармена.

— Бетти,— говорит он, бросая на нее быстрый взгляд.— Как вы думаете, бедная Лейла лгала Данни или нет? — Секунды две он раздумывает, потом пожимает плечами с весьма довольным видом.— В конце концов, я даже не знаю, выгодно это мне или нет!

Он ставит стаканы на стойку перед нами и приглашает меня широким жестом. Я вскарабкиваюсь на табурет через два места от Сони. Бетти усаживается рядом со мной.

— Где Феликс? — спрашивает она.

— Наша другая знаменитость? — Амброз тихонько помешал коктейль стеклянной палочкой.— Он куда-то вышел с нашим героем, единственным господином на борту яхты после бога — господином нашей судьбы, человеком, который называется...

— Довольно! — обрывает его Бетти.

— ...Джек Ромней, да будет благословенна его недоразвитая душа! — заканчивает Амброз. Затем он удивленно оборачивается к Бетти.— Что плохого я сказал?

— Вы мне и так достаточно надоели,— говорит Бетти страдающим тоном.— Но когда вы начинаете разыгрывать эти свои спектакли, меня тошнит!

В мое солнечное сплетение упирается локоть. Это Соня, нависшая надо мной — она шевелит пальчиками с грязными ногтями перед носом у Бетти.

— Оставь его в покое или я выцарапаю тебе глаза, шлюха!

В сильном эстонском акценте ясно слышна неприкрытая злоба. Бетти соскальзывает с табурета, в ее глазах зажигается жестокий блеск, а рука тянется к горлышку ближайшей бутылки.

Амброз спокойно отодвигает ее за пределы досягаемости, затем хватает Соню за руки и дергает ее к себе. Мартини опрокидывается, а Соня растягивается на стойке, размахивая ногами в воздухе.

Один из ее каблуков коснулся моего подбородка, и я рефлексивно отдергиваю голову. Амброз чуть сильнее сжимает кисть Сони, и ее маленькие округлые ягодицы беспокойно ерзают по стойке.

Амброз аккуратно одергивает подол, обнаживший ее неожиданно стройные бедра, не обращая внимания на неистовый визг и ругательства, от которых стынет кровь в жилах. Затем он сталкивает ее на табурет.

— А теперь иди прогуляйся, моя маленькая орхидея,— ласково говорит он.

— Ах, ты!

Дальнейшие ругательства она изрыгает на своем родном языке, но я так хорошо схватываю их смысл, что начинаю думать, что либо я оказался весьма способным к языкам, либо эстонский язык гораздо легче, чем принято думать.

— Ну, хорошо, иди свари яйцо страуса,— говорит ей Амброз.— И оставь в покое цивилизованных людей, которые не привыкли выцарапывать друг другу глаза при посторонних. Иди, мой дикий цветочек, или папочке придется опять задать тебе трепку.

Под его мягкой улыбкой она утихает и становится совсем маленькой. Ярость в ее глазах гаснет. Она отворачивается, соскальзывает на пол, едва не отдавив ноги Бетти, и, шаркая, направляется в холл.

Амброз, без сомнения, считает, что должен дать мне разъяснения, так как едва Соня выходит, раздражается длинной тирадой:

— Я жил в Нью-Йорке в течение пятнадцати лет,— говорит он тоном старого гангстера, повествующего о своих приключениях.— И вот, наконец, наступает момент, когда вы чувствуете, что вы уже по горло сыты фальшивыми кумирами и куклами Манхэттана...

Он упирается локтями о стойку и на минуту погружается в воспоминания.

— Я всех их имел, Данни...

Бетти прерывает его:

— Даже если я закрою глаза и заткну уши, все равно, мне кажется, непристойности обволокут меня, как тина! Не поговорите ли вы о чем-нибудь другом, Амброз?

— Если вам не нравится слушать, поищите себе другое место,— весьма недовольным тоном говорит он.

— Данни, я пойду. Посмотрю, приготовлена ли вам комната,— говорит мне Бетти.— Быть может, ее необходимо проветрить, если дверь была не заперта, а Соня проходила мимо.

Она выходит, покачивая бедрами и постукивая каблучками.

— Как я вам уже говорил,— продолжает Амброз так, словно его и не прерывали.— Я всех их имел... Этих баб, которые даже не помнят, где именно они скидывали трусики,— настолько они торопятся отдать нам свое тело и самое существо в обмен на одну нашу подпись. Через

некоторое время вам уже не хочется и шагу сделать по Манхаттану и вы сыты по горло изысканными магазинами, великосветскими разговорами и платьями по тысяче долларов за штуку. Эти женщины занимаются любовью, словно игрой в бридж: нужно знать все тонкости игры и даже немного плутовать, если партнер зазевался. — Он медленно покачивает головой. — Я понял, что это кончено для меня вскоре после того, как встретил одну южноамериканку. Она знала различные трюки на каждую ночь в году... Она хотела написать книгу, но ей не удавалось найти художника с громким именем, чтобы ее иллюстрировать. В конце первой недели я отдал ключ от своей квартиры одному из моих старых недругов, а он, придурок, подумал, что я дарю ему цветочек...

— Вам нет необходимости объяснять мне про Соню, Амброз, — перебил его я. — Для моего дела...

— Данни, если бы вас спросили, что доставляет вам наибольшее удовольствие, что бы вы ответили?

Я не колеблюсь ни секунды:

— Мартини!

— Несомненно, в этом быстро обслуживание оставляет желать лучшего, а что касается болтовни, то бармен — мировой рекордсмен, вы не находите?

Он смешивает меня мартини, ставит передо мной стакан и говорит с улыбкой:

— Извините, если у меня немножко течет изо рта слюна. Но эта маленькая дикарка оказалась такой находкой для меня... Не поговорить ли нам о вас, не переменить ли тему?

— О! Ну, тут, можно сказать, и говорить-то не о чем. Я всего-навсего бедный, несколько дефективный тип, который не может позволить себе соревноваться с вами в таком цивилизованном виде спорта.

— Ах, вы льстец! Но вы ведь тоже неплохо разбираетесь во всем этом, старина! Вчера вечером вы укротили тигрицу... а этого и Деймону Гилберту никогда не удалось.

— Неужели? — вежливо интересуюсь я.

— Именно так, как я вам говорю, — скверный огонек зажигается в его глазах. — Были моменты, когда это просто сводило его с ума. По его мнению, все бабы покупаются, нужно только выяснить их цену. Сто раз он пытался выяснить, сколько стоит Бетти Адамс, но ни разу не смог достичь цели... Однако он был очень великодушен к ней, на

свой манер, конечно. Был один актер, играющий главные роли в одном из его театров, и...

— Я уже слышал эту историю.

— Смотрите-ка! Вы неплохо ориентируетесь, как я вижу, — тянет он разочарованным тоном. — Короче говоря, Деймон так и не получил ее в постель, как ни старался.

— Чем больше я слышу о Деймоне Гилберте и его кружке интимных друзей, — задумчиво говорю я, — тем чаще я себя спрашиваю, кто из вас ненавидел его больше всех?

— Я никогда не ненавидел Деймона, — живо говорит Амброз. — Он гораздо больше нуждался во мне, чем я в нем! В течение одиннадцати лет я пять раз имел грандиозный успех на Бродвее, а он был моим продюсером. Амброз Норман создал Деймона Гилберта — запомните это!

— Вы, должно быть, обожали его, так как все время возобновляли с ним контракт, — здесь я нащупываю наугад, но, кажется, рискую многим. — Действительно, с вашей стороны было великодушно, ведь вы могли получать в десять раз больше у другого — я имею в виду продюсеров Бродвея.

— О! Знаете ли вы, на деньги существует лимит, — восклицает он. — Перейдите его, и налоговый инспектор забрет все. Так что тот или иной продюсер — все равно.

— А не зависело ли кое-что и от того, что можно было увидеть в досье, в котором регистрировалась вся ваша охота за экзотикой?

Его могучие руки сжимают край прилавка, и я вижу, как медленно белеют суставы пальцев.

— Кто рассказал вам эту гнусную ложь? — спрашивает он, с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать во весь голос.

— Это не имеет значения. Для меня Деймон Гилберт был убит... И тот, кто его убил, убил и его дочь. В списке подозреваемых перечислено пять лиц. Вы — один из пяти, Амброз. Я знаю, что у вас были достаточно веские основания для этого убийства, но я хотел бы знать, имеете ли вы для этого достаточно смелости? Маленькая сценка с Соней убедила меня: вы не позволите наступать себе на ногу.

— Вы с ума сошли! — Его голос поднимается на целую октаву. — Если вы думаете, что у меня были причины убивать его, то посмотрите-ка лучше на остальных!

— Я их видел.

— Бетти Адамс, — он делает презрительный отрица-

тельный жест рукой. — Это не то. А что вы скажете относительно Ларри Чапмена, коммерческого директора, обкрадывающего его? Знаете, что сделал с ним Деймон? Он заставил его написать полную исповедь, отправившуюся прямо в сейф его адвоката. Затем он наполовину срезал жалование и посоветовал заново изучать свою профессию. Через неделю он заставил Ларри проверять билеты у входа в зал.

— Вы хотите заставить меня поверить, что Ларри Чапмен позволил обращаться с собой как с мальчишкой?

— Если бы он отказался, его исповедь отправилась бы прямиком к прокурору. На протяжении нескольких недель все, кому насолил Ларри, являлись бы на расправу с ним — могу в этом поклясться!

— Если Чапмен имел мужество это перенести, то конечно, он имел мужество и для кое-чего другого, — сухо говорю я. — Я сохраняю его в моем списке.

— А Паркер? — жадно предлагает Амброз, — самый старый друг Деймона? Обаятельный тип и вдобавок благовоспитанный! А ну-ка, Бойд, что вы с ним делаете? Добрый, старый товарищ, который так был занят обольщением дочери Деймона, что почти не имел времени для общения со старым другом!

Я пожимаю плечами.

— Тем не менее, он был менее уязвим, чем вы — с этим детальным рапортом о ваших пороках и экзотических фантазиях. Как вы думаете, Амброз?

— Напротив! Он был в тысячу раз более уязвим, чем все мы, вместе взятые! — гневно выкрикивает он. — Гилберт больше беспокоился о Лейле, чем о себе самом. Когда он узнал, что произошло, он чуть не рехнулся. Если бы Феликс был в тот момент в городе, он задушил бы его голыми руками. Но когда Паркер вернулся, Деймон уже несколько пришел в себя. Пришел настолько, что изобрел изуверский трюк, с помощью которого можно было заставить Феликса страдать сильнее смертных мук. Вы знаете, что он сделал? У Феликса была сестра — преподавательница в Нью-Йорке...

— Эту историю я уже знаю.

— Вы знаете, Бойд, где теперь его сестра?

— Нет.

— В сумасшедшем доме, вот где она! Вы ищете ненависть, Данни? Ну, хорошо, вот вы ее и нашли! Но был только один человек, который настолько ненавидел Деймона Гилберта, что не мог поступить иначе, как только

утопить его в океане при первом же удобном случае. Это...

Слова Амброза Нормана застряли у него в горле. Его глаза неподвижно усталились на мое плечо.

— Продолжайте, Амброз,— слышу вежливый баритон за моей спиной.— Я вас внимательно слушаю. Значит, это...

— Вы давно здесь? — хрипит Амброз.

— Достаточно, чтобы услышать вашу клеветническую речь о Лейле Гилберт и обо мне,— отвечает голос ледяным тоном.— Это я еще мог бы вам простить. Но упоминать имя моей сестры в ваших мерзких фантазиях, чтобы попытаться спасти свою шкуру,— это непростительно! Боюсь, как бы вам не пожалеть об этом, Амброз!

Я оборачиваюсь и вижу двух человек, стоящих в раме открытой двери. Тот, который только что говорил и который не может быть никем иным, как Феликсом Паркером, входит в комнату и ленивой походкой направляется к бару.

Глядя на него, нельзя не согласиться, что к нему вполне подходит определение «благовоспитанный». Он высок, строен, как атлет, уверен в себе. Должно быть, ему около пятидесяти, но весь его вид говорит, что он рассматривал последние двадцать лет как простую арифметическую добавку, не отразившуюся на его особе. Все волосы его целы — элегантная волнистость голубоватой седины не нарушает его мужественного вида. Смуглый цвет лица придает его голубым глазам удивительный блеск. Короче говоря, у него вид настоящего героя, и я могу представить, что любая особа женского пола растает, едва увидев его.

Амброз Норман, опираясь на край прилавка, смотрел на него, как кролик на удава. На его лбу выступил пот и заструился по одутловатым щекам.

Малый с внешностью героя слегка сгибает в локте правую руку, подходя к стойке, и через мгновение его кулак опускается на тройной подбородок Нормана.

Глаза Амброза внезапно превращаются в два стеклянных шарика. Затем его рука выпускает край прилавка, и он медленно исчезает из поля зрения. Слышен мягкий шлепок, когда он касается пола.

Герой поворачивается ко мне и протягивает руку — на этот раз с открытой ладонью. Очаровательная улыбка освещает его лицо.

— Как поживаете? — спрашивает он с безукоризненным выговором.— Я Феликс Паркер.

Второй тип, топтавшийся у двери в то время, как Феликс Паркер отрабатывал удар на Нормане, теперь с непринужденным видом направляется к стойке.

— Джек Ромней,— представляет его мне Паркер.

— Данни Бойд.

Следует дружеское рукопожатие, и у меня возникает такое ощущение, словно я сунул руку в камнедробилку. Он почти такого же роста, как и Феликс Паркер.

— Вы не думаете, что следовало бы отнести крикуна в его комнату? — вежливо спрашивает он.

— Ему очень уютно там, где он сейчас расположился,— возражает Паркер.— Собаки всегда спят на земле. Зачем нам пачкать руки, кантуя бессознательного Амброза Нормана?

— Думаю, вы его хорошо уговорили, старина,— широко улыбается Ромней.

Нельзя сказать, что у него неприятный акцент, но это не английский и не австралийский. Определенно нет. Так как меня это беспокоит, то я немедленно спрашиваю, кто же он по национальности.

— И тот, и другой.— Он улыбается еще шире.— По происхождению я англичанин, но так как приехал в Австралию сразу после войны, то и получилось такое смешение языков.

Он лет на десять моложе Паркера, но гораздо крепче. Его кожа темна, а голубые глаза окружены сетью морщин. В отличие от Паркера в его лице совершенно отсутствует шарм, но уж если выбирать, то его лицо внушает больше доверия.

— Наполним стаканы и выйдем на веранду,— жестким тоном предлагает Паркер.— Здесь сплошной свинарник.

Через две минуты мы устраиваемся в удобных креслах на веранде, овеваемые легким морским бризом.

— Ситуация достаточно запутанная для того, чтобы ее еще усложнять формальностями, не правда ли? — говорит Паркер.— Если с вашей стороны нет возражений, будем обращаться друг к другу по имени.

— Меня это не стеснит,— отвечаю я.

— Вот и прекрасно.— Он достает из спортивной курточки золотой портсигар, вынимает сигарету и приступает к ритуалу закуривания.— Разумеется, мы все знаем, зачем вы здесь, Данни. Мне точно не известны ваши намерения

относительно Амброза, но к тому времени, как мы вошли в комнату, вы уже проделали превосходную работу.

— Можно сказать, что он прыгал как кот по горячей крыше,— пробормотал Ромней.

— Чем больше я пытаюсь узнать, была ли случайной смерть Лейлы Гилберт,— говорю я,— тем больше я прихожу к убеждению, что ее отец был убит.

— Он приезжал сюда раза два.— Ромней разжигает свою трубку.— Интересный субъект, этот старый Гилберт. Но у меня сложилось впечатление, что он не всегда был удобен.

Паркер проговорил холодным тоном:

— Деймон был гораздо значительнее всех нас.

На ступенях террасы внезапно появляется силуэт Ларри Чапмена. Он коренастый и немного дикий.

— Послушай, Феликс! Я только что получил пачку писем и две телеграммы. В одной из них предлагается заманчивая идея. Думаю, что нам нужно как можно быстрее принять решение и телеграфировать ответ.

— Иду, Ларри.— Паркер приподнимается со своего кресла.— Извините меня, господа,— говорит он и выходит за Чапменом в холл. Я остаюсь с Ромнеем.

— Скверно получилось с вашим судном, Джек,— говорю я.

— Оно было застраховано,— отвечает Ромней.— Куда хуже получилось для Лейлы Гилберт — ее схватила акула.

— Вы уверены в том, что это была именно акула?

Он качает головой.

— Почти уверен. Вы же знаете, что все это произошло в открытом море. Конечно, было темно — луна еще не взошла,— так что я не могу абсолютно точно это утверждать. Но Лейла плавала намного лучше, чем все остальные, вместе взятые.

— Вы последним покинули судно, не так ли?

Ромней повернулся и посмотрел на меня в упор. По его губам медленно скользнула улыбка.

— Данни, старина! — насмешливо проговорил он.— Я уверен, что вам бы хотелось услышать всю историю с самого начала. Я знаю, что вы делаете свою обычную работу.

Я в свою очередь отвечаю ему широкой улыбкой.

— О'кей. И не пропускайте даже самой маленькой детали.

— Может быть, я должен сперва поговорить о географии? Большой Барьерный риф тянется на две тысячи

километров от Новой Гвинеи до бухты Гарвей на четыре градуса к югу от того места, где мы находимся в настоящее время. Это обширная цепь островов и коралловых рифов, окаймляющих берег, — самый большой ансамбль подобного рода в мире.

— Продолжайте, — говорю я.

— Очень важно, чтобы вы это поняли, Данни... Потому что я уверен, вы твердите про себя, что нужно быть последним идиотом, чтобы посадить яхту на риф.

— Я только задал вам вопрос, Джек. Я не был в этих местах.

В течение нескольких минут он молча дымил своей трубкой.

— Между берегом и внешними рифами расположена лагуна, которая нигде не имеет глубины более восьмидесяти футов. Здесь добывают самые красивые кораллы в мире. И здесь же охотятся на черепахах. В это время года они выходят откладывать яйца на песчаные пляжи островов.

— Джек, — без энтузиазма говорю я. — Мне кажется, что я уже знаю Большой Барьерный риф.

Он хитро посмеивается.

— Хорошо, но я не могу иначе рассказывать эту историю. Зеленые черепахи были всему виной. Не забывайте, что в этой лагуне разбросано множество маленьких островов и рифов.

— Не забуду.

— На второй день мы увидели нескольких черепах, но никто ими особенно не заинтересовался. Затем, после полудня, Лейла вдруг проявила лихорадочный интерес к этим зверюшкам и пожелала во что бы то ни стало вернуться обратно. Меня это несколько рассердило, потому что у меня были свои дела во второй половине дня, а эти проклятые черепахи разрушали мои планы. Две предыдущие ночи я причаливал к одному из самых больших необитаемых островов, чтобы все могли спать спокойно — конечно, и я тоже. Лейла во что бы то ни стало хотела видеть черепах, и я не мог ее заставить отступить от этого. Тогда мы заключили договор: мы возвращаемся обратно с условием, что все будут ночевать на борту, чтобы сэкономить время... Кораллы — живые организмы. Они все время размножаются и растут. Я провел в этих водах двенадцать лет, Данни, и в конце концов привык и просто не замечал этого... Пока однажды не заметил риф или целый остров, поднявшийся на том месте, где полгода назад ничего не было. И это особенно опасно ночью.

Я прервал его:

— Джек, а как вы устраивались на борту на ночь?

— Места было маловато, но на яхте была каюта с четырьмя койками и две каюты с двумя. Трое мужчин помещались в большой каюте, а девушки занимали маленькие.

— А вы не собирались спать?

— Я предпочел бы не ложиться... Мы наткнулись на риф около половины четвертого утра, и он распорол мне судно, словно оно было из картона. Я мгновенно понял, что времени у нас в обрез — самое большее две-три минуты. Я только успел заметить темный силуэт острова в двухстах метрах по правому борту и, помню, подумал: «Слава богу, никто не утонет». Одновременно я закричал, чтобы разбудить спящих, и велел им прыгать в воду. Первыми прыгнули Амброз Норман и Ларри Чапмен, за ними последовали Бетти Адамс и Феликс. Лейла, как всегда, не торопилась, хотя нос яхты уже погрузился в воду. Когда она была готова, другие уже проплыли почти половину пути до острова. Я хорошо видел рябь на поверхности моря, где они плыли...

Трубка Ромнея погасла, но он не замечал этого и с жаром продолжал:

— Лейла предложила мне пари на пять долларов, что она обгонит меня самое меньшее на пятьдесят метров, сделала прекрасный прыжок, погрузилась в воду и очень быстро поплыла. Я показался себе стариком, готовясь по-крабьи прыгнуть за ней. Она была в двадцати метрах впереди меня, когда это произошло. Это... это трудно рассказать. Я скорее вообразил себе, чем увидел внезапное волнение поверхности моря... Один неуловимый миг, только моргнуть, и ничего уже больше не было видно. Лейла исчезла... Я окликнул остальных, но они были слишком далеко, чтобы понять, что я хотел им сказать... Я долго плавал вокруг того места, где заметил Лейлу в последний раз, описывая все более широкие круги, пока совершенно не выбился из сил. Мне пришлось прекратить поиски, иначе я не смог бы добраться до берега.

Ромней вынимает трубку изо рта и внимательно рассматривает ее, словно в ней заключен секрет, который он должен разгадать.

— Вот и все,— говорит он наконец.— Два всплеска — и Лейла Гилберт мертва. Как глупо!

— Сколько времени после того вы оставались на острове?

— Несколько часов. Рыболовное судно подобрало нас вскоре после восхода солнца. В то же утро власти предприняли поиски тела, но только из чистой формальности.

— А ваша яхта, Джек?

— Она лежит на глубине 50 морских саженей. Не знаю, найдут ли нужным страховые инспекторы поднимать ее... И, откровенно говоря, мне на это наплевать.

Я смотрю, как заходящее солнце весело купает свои лучи в голубых водах бухты. Трудно найти более безмятежный пейзаж. И подумать только, что там, под этой ласковой поверхностью, блуждают страшные хищники, своей молчаливостью и стремительностью напоминающие торпеды.

Джек Ромней встает и бросает на меня вопросительные взгляды.

— Есть у вас еще какие-нибудь вопросы, Данни?

— В настоящее время пока нет. Благодарю вас, Джек.

— Вы продолжаете думать, что Лейла Гилберт была убита?

Он спрашивает это небрежным тоном, как будто между прочим, но я чувствую, что он напряженно ждет ответа.

— Мне трудно пока составить собственное мнение, — отвечаю я. — Однако ваш рассказ кажется мне убедительным.

Он отворачивается и принимается внимательно рассматривать бухту. Но ему не удастся скрыть свое раздражение, явственно прозвучавшее в его вопросе:

— Что вы хотите этим сказать, Данни?

— Только то, что сказал... Как вы думаете, мог бы я позаимствовать машину на час-другой? Я хотел бы сделать кое-какие покупки: зубную пасту и подобную мелочь.

— Это не проблема, Данни, — кажется, он немного успокаивается. — Еще Лейла взяла машину напрокат, и ключи всегда в замке зажигания. Каждый может ею воспользоваться. Поэтому не стесняйтесь.

— Благодарю. Вам ничего не надо в городе?

— Нет, ничего.

Я спускаюсь на две ступеньки, потом оборачиваюсь.

— Джек!

— Что, Данни?

— Как вы думаете, смогу я завтра нанять лодку? И смогли бы мы проехать в сторону этих рифов?

— Это легко сделать, — вежливо отвечает он.

— Вы могли бы этим заняться для меня?

— Конечно.

В его вежливом голосе легкая хрипота.

— Еще раз благодарю,— говорю я и иду к гаражу.

Включив мотор, я направляюсь по аллее к дороге и беспрерывно думаю о Джеке Ромнее. На первый взгляд он показался мне порядочным малым, но я вспоминаю целую кучу других порядочных малых, которые на первый взгляд не вызывали сомнений — например, Синяя Борода или Ландрю.

Таунсвилл — хорошенький городок, окруженный холмами. Широкие улицы окаймляют тенистые деревья, которые живописно оттеняют дома в колониальном стиле.

Я применяю безошибочный метод, согласно которому самый быстрый способ получить сведения в чужом городе — это поставить машину возле ближайшего бара.

Но первый же прохожий, которого я останавливаю, чтобы спросить дорогу к бару, смотрит на меня глазами жареного марлина.

— Бар? Что это такое?

Теперь уже моя очередь закатить глаза.

Со вторым прохожим мне повезло больше.

— Держу пари, что вы — янки,— говорит он, ухмыляясь.

— Совершенно верно,— осторожно говорю я.— Не хотите ли вы сказать мне: «Убирайтесь домой!»?

С минуту он молча рассматривает меня, затем отвечает:

— Вы знаете, как называется та вода на горизонте?

— Конечно,— говорю я, весьма довольный собой.— Коралловое море.

— Прекрасно! В таком случае я пока не буду говорить вам: «Убирайтесь домой!». Вы первый янки, который удосужился узнать название этого моря.— Немного помолчав, он отвечает на мой первый вопрос: — Здесь не говорят «бар». Здесь это называют отелем, в отеле всегда есть зал с буфетом, где можно выпить, но вне отеля вы нигде не найдете прилавка.

— Не покажете ли вы мне дорогу к ближайшему отелю? И что вы скажете, если я предложу вам выпить?

— Я скажу, что лучшей мысли еще не возникало в вашей голове!

Едва мы проникаем в бар отеля, как у меня появляется такое чувство, словно мы ошиблись адресом и попали в телевизионную студию. Это громадный зал, в котором свободно можно разместить кавалерийский полк. И ни одного стула или кресла. За гигантской стойкой, которая протянулась от одного конца зала до другого, лихорадочно мечутся две утомленные женщины. Перед стойкой ком-

пактной стеной стоят клиенты — они пьют, курят и разговаривают.

— Я знаю здесь кое-кого, — сообщает мне мой новый знакомый. — Попробую что-нибудь получить. Янки, чего вы желаете?

— Для меня мартини.

— Что?

Я быстро спрашиваю:

— А вы что будете пить?

— Шоспер.

— О! — Я слабо улыбаюсь. — А что это такое, если не секрет?

— Пиво. — Он смотрит на меня как на слабоумного. — И не говорите мне, что вы не пробовали нашего пива!

— Я приехал только вчера.

— Это настоящее пиво, а не кошачья моча, которую подают у вас, — любезно объясняет он. — Вот увидите! Два пива!

Он глубоко вздыхает и вклинивается в стену мяса, находящегося между ним и стойкой. Я отворачиваюсь, чтобы не видеть, как человека во цвете лет разорвут на куски у меня на глазах.

Через полминуты я слышу голос:

— Вот и я, — и вижу моего приятеля с двумя громадными кружками в руках. — Вот и шоспер, — говорит он и всовывает мне одну из кружек. — За ваше здоровье!

Что касается пива, то он оказался прав: никогда в жизни я не пил такого ароматного и вкусного пива. После третьей порции я был вполне согласен, что у нас вместо пива подают пи-пи самой паршивой кошки и нужно много времени, чтобы наши пивовары научились доводить алкоголь до двенадцати градусов, как это делают в Австралии.

Моего нового приятеля зовут Кларенс, но он просит называть его Кларри. Так как он ростом почти два метра и весит сто килограммов, я не чувствую себя в состоянии спорить с ним. Он участвовал в войне на Новой Гвинее, был рубщиком сахарного тростника, работал на ранчо на Севере, а сейчас вот уже пять лет как водит сторожевое судно между Таунсвиллом и одним из самых больших островов, ставшим центром туризма.

Я перевожу разговор на акул, и оказывается, что Кларри буквально все знает об этих чудовищах. Один профессор Мельбурнского университета проводил свои каникулы на острове в прошлом году, и Кларри не раз возил его на

прогулки, чтобы показать акул на практике, а профессор делился с ним своей теорией.

— Самый опасный — морской тигр, — поучает меня Кларенс. — И как раз в окрестностях Таунсвилла у вас больше всего шансов встретиться именно с ним.

— Он нападает и ночью?

— Им все равно когда, Данни! Чем теплее вода, тем их больше, а летом — с ноября по январь — они подходят совсем близко к берегу.

Я спрашиваю, не помутило ли пиво ему мозги, но вовремя вспоминаю, что в настоящий момент нахожусь в Южном полушарии и хожу вниз головой. От этого у меня начинается легкое головокружение, хотя, быть может, и от пива.

Я спрашиваю Кларри с безразличным видом:

— Вы не слыхали о женщине, которую проглотила акула несколько дней назад? После того, как ее яхта натолкнулась на риф?

— Еще бы, весь город ни о чем другом не говорит с тех пор, как это случилось! Ах, да! Ведь они были янки, как и вы! Вы случайно не знакомы с ней?

— Я встречался с ней однажды в Нью-Йорке.

— Сочувствую, Данни. — Он покачивает головой. — Вот что я надеюсь никогда не увидеть и не услышать... У меня был друг. Он ловил устриц возле Брума... Это было несколько недель назад. Акула схватила одного из ныряльщиков в тот момент, когда он уже поднялся на поверхность. Мой друг говорит, что у него мороз пробегает по коже каждый раз, когда он вспоминает крики несчастного... Он до конца жизни не забудет эти вопли...

Я машинально спрашиваю:

— Криков? Какие тут крики?

— А вы не кричали бы, если бы у вас отрывали руку или ногу? — свирепо спрашивает Кларри.

— Разве акула не может так схватить кого-нибудь, что тот даже не успеет крикнуть? Если, например, она утащит его в глубину или откусит голову одним махом?

Он энергично трясет головой.

— Они начинают с того, что обгоняют свою жертву — все равно, рыба это или пловец. Затем они поворачиваются на бок, чтобы пустить в ход свои зубы. Они нападают быстро, одним ударом и продолжают свой путь. Профессор говорил мне, что они близоруки и не различают света, но обоняние у них очень острое. Запах крови совершенно сводит их с ума. Они улавливают его за несколько миль...

— Вы уверены, Кларри, что они не могут убить свою жертву с одного удара так, чтобы у нее не было возможности крикнуть?

— Во всех случаях, о которых я слышал, жертва умирает при нападении акулы от шока или увечья, — категорично говорит он. — Представьте, как двойной ряд треугольных зубов впивается в ваше тело, Данни! Здесь не только боль и ужас! Вы думаете, вы бы не заорали?

— Ого! Еще как!

— Всегда страшно, когда кого-нибудь съедает акула. Здесь это происходит часто. Вы знаете Джека Ромнея, владельца яхты?

— Да, я разговаривал с ним два часа назад.

— Я знаю его только понаслышке, — продолжает Кларри. — Но здесь у него хорошая репутация. Смерть той женщины нанесла по ней удар и, кроме того, он потерял яхту. А такое судно еще поискать и поискать!

— Оно же было застраховано!

— Но я слышал другое, — говорит он безапелляционно. — В таких маленьких городках всегда все известно, Данни. Его страховка кончилась два месяца назад, и он ее не возобновлял. Для него это большая потеря.

Мы еще выпиваем пива на посолок и обмениваемся адресами. Кларри дает мне свой номер телефона на случай, если меня одолеет жажда или я не смогу вспомнить, как выглядит моя гостиница.

Я возвращаюсь домой очень медленно и очень осторожно. Не знаю почему, но нутром чувую, что океанский воздух весьма полезен: он опьяняет, как хорошее вино!

6

Обед проходит в мрачной атмосфере. Разговор состоит из самых простых фраз. Правда, блюда вкусны и разнообразны. На одном конце стола Бетти Адамс, на другом — Соня. Я сижу рядом с Бетти, Амброз между мной и Соней. Ларри Чапмен восседает прямо напротив меня. К счастью, во время еды он не курит сигару — только во время перемен.

На Бетти блузочка из белого шелка с целой кучей кружев, широкая юбка из черного сатина и цепочка из больших колец, заменяющая пояс и погружающая меня в интересные раздумья об эпохе крестовых походов. Я спрашиваю себя, что делал сеньор, возвратившийся после

пятилетнего отсутствия и обнаруживший, что пояс целомудрия у его дамы совсем проржавел?

Соня сделала большую уступку этикету, расстегнув пуговицы своего свитера и показывая всем, что не носит бюстгальтера. Впрочем, она не имела в нем никакой надобности.

После кофе Феликс Паркер предлагает выпить коньяку, и это первое умное замечание за весь вечер.

— Прекрасная идея! — восклицает Амброз, впервые открывая рот.

Большой синяк, украшающий его подбородок, начинает принимать красновато-лиловый оттенок и, должно быть, чертовски болит.

Соня добросовестно вылизывает пальцы один за другим с каким-то угрюмым удовлетворением: вероятно, она думает, что после этого может не мыться неделю.

Я предлагаю сигарету Бетти, беру сам, и мы закуриваем от одной спички. Она не сказала мне и десятка слов за столом. Может быть, она думает, что Амброз оскорбил ее сегодня в баре.

Возвращается Феликс с наполненными рюмками на большом подносе. Он вежливо осведомляется у Сони, не желает ли она коньяку. С минуту Соня критическим взглядом созерцает бутылку, потом заявляет:

— Хорошо. Только налей в стакан. Бутылка слишком велика.

— Прекрасно сказано, моя ласковая голубка, — иронизирует Амброз.

Скоро все пьют коньяк, и он немного развязывает языки.

— Данни! — вдруг говорит Джек Ромней.

Все вздрагивают, будто звук человеческого голоса оскорбил их чувствительный слух.

Я лениво отвечаю:

— Да?

— Завтра утром у меня будет судно, — говорит он равнодушно. — Если вы хотите вернуться до ночи, нам нужно выехать в половине восьмого утра.

— Хорошо.

— Судно? — спрашивает Ларри Чапмен, окутанный клубами дыма очередной сигары.

— Данни хочет взглянуть на риф, где произошла катастрофа, — объясняет Ромней. — Это большая лодка. Нет ли еще любителей прогулок?

Бетти смотрит на него, раскрыв рот.

— После того, что произошло? Никогда в жизни нога моя больше не ступит на какое-нибудь морское судно!

— Судно? — пищит Соня. — Совершенное идиотство. В последний раз ты хотел, чтобы я поехала, — говорит она Амброзу. — И я тогда сказала тебе, что это идиотство. Разве я не оказалась права?

— Да-да, — ворчит он. — Ты идиотка, это ясно.

— У меня такое впечатление, что мы отправимся одни, Данни, — говорит Ромней. — Если только у вас нет желания, чтобы нас сопровождал кто-нибудь третий, чтобы быть уверенным, что я приведу вас на нужное место.

Среди полной тишины, в которой прозвучало это заявление, он смотрит на меня с неприязненным блеском в своих светло-голубых глазах.

— Что это значит?

Ларри Чапмен так взволнован, что даже вынул сигару изо рта.

— Спросите у Бойда, — отвечает Ромней холодно.

— Хорошо, — Чапмен пожимает плечами и возвращает сигару на место. — Итак, Бойд?

— Вы стесняете его, беднягу. — Ромней невесело посмеивается. — Постойте, я нарисую карту...

Он вытаскивает из кармана пиджака листок бумаги, аккуратно разглаживает его и протягивает своему соседу — Феликсу Паркеру.

— Передайте, пожалуйста, Бойду, Феликс, — говорит он. — Мне хотелось бы, чтобы и вы бросили на нее взгляд и сказали, точно ли изображен на карте тот риф.

Герой-любownik в течение нескольких минут внимательно изучает бумажку, затем кивает головой.

— Мне карта кажется точной.

— Благодарю, — отвечает Ромней. — Не передадите ли ее мистеру Чапмену, чтобы он также подтвердил это?

Ларри Чапмен берет карту в руки и в свою очередь тщательно и долго изучает ее.

— Да, должно быть, все правильно, — наконец говорит он.

— Достаточно ли вам этих двух свидетельств, мистер Бойд? — спрашивает меня Ромней. — Или вы желаете услышать и другое?

— Но что это значит, Джек? — спрашивает заинтригованный Феликс.

— Бойд просил меня рассказать о катастрофе и смерти Лейлы, — ворчливым голосом объясняет Ромней. — Сегодня я детально рассказал ему обо всем. Он не назвал меня

лжецом, но ясно дал понять, что не верит ни единому моему слову.

— Это правда, Бойд? — Чапмен бросает на меня строгий взгляд. — Мне кажется, вы должны извиниться перед Джеком или объяснить свое поведение.

— Скажите мне, Ларри, извинились вы или стали давать объяснения, когда вас назначили проверять билеты?

Его бычья шея сейчас же багровеет. Он рычит:

— Что это значит? Я...

Он уже готов броситься на меня, когда рука Феликса опускается ему на плечо, вынуждая сидеть спокойно.

— Вы можете благодарить за это нашего друга-драматурга, — говорит Феликс. — Когда я сегодня вместе с Джеком вошел в холл, он был занят вливанием желчи в уши Бойда. Мы добрых десять минут стояли в дверях и слушали.

Чапмен с минуту смотрит на меня, затем поворачивается к Амброзу, который сделался совсем маленьким и незаметным в своем углу. Если я хорошо понял взгляд Ларри, брошенный на меня, то он означал: «В настоящий момент есть более важные дела. Но не беспокойся, подлец, тобой займутся!»

— Можно ли предположить, что в этой куче жира еще осталось место для гордости и чести? — резким тоном спрашивает Чапмен.

— Оставьте его в покое! — пронзительным тоном заявляет Соня. — Или я вам такое...

— Тише, мой маленький сладострастный попугайчик, — говорит Амброз с доброй улыбкой, поглаживая ее руку.

— Я не знал, что у вас есть секреты друг от друга, — невинным тоном говорю я. — Вы все набросали мне довольно ясный портрет человека, каким был Деймон Гилберт. И я думал, что между вами должно быть нечто вроде взаимной симпатии.

Чапмен опускает кулак на стол, опрокидывая стаканы. Пятно от коньяка на белой скатерти медленно расплывается.

— Продолжайте в том же духе, Бойд, — скрипит он сквозь зубы. — И я так вас отделаю, что вам придется улежся в больницу года на два.

— Вот теперь меня не удивляет, — говорю я, — что Деймон вынужден был вас сравнять с землей и отправить проверять билеты у входа.

— Ларри! — бросает Паркер.

Чапмен делает над собой усилие и остается на месте.

Я вижу, как сжимаются его челюсти и почти слышу скрип зубов.

Феликс одаряет меня чистосердечной открытой улыбкой.

— Данни, старина, я не понимаю вас.— В его теплом тоне все оттенки искреннего участия.— Когда мы сегодня встретились впервые, у меня создалось впечатление, что мы поймем друг друга с полуслова. Своего рода молчаливое согласие... К чему повторять домыслы Амброза Нормана? Чего вы хотите этим добиться?

Он смотрит на меня ободряющим взглядом, и мне кажется, что Феликс не угадал своего истинного призвания. Он был замечательным дипломатом и интриганом.

В это время я чувствую, как рука Бетти сжимает мою ладонь.

— Прощу вас, Данни, не настаивайте,— шепчет она.— Давайте забудем все это!

Я отнимаю свою руку и весело повторяю:

— Чего я хочу добиться? В этом-то все дело, не так ли?

Глаза Феликса округляются.

— Действительно.

— Я повторяю это всем встречным и поперечным, но они не слышат меня или не желают слушать. В конце концов, это неприятно, Феликс. Я почти уверен, что Деймон Гилберт был убит. И все более убеждаюсь, что была убита и Лейла.

— Послушайте, вы, Бойд! — цедит Чапмен сквозь зубы.— Черт возьми, я...

— Минуточку, Ларри! Я не кончил. Еще несколько секунд поужейте свою сигару.— Я поворачиваюсь к Паркеру.— Ладно. В настоящий момент это всего лишь гипотеза, это одно, а может быть, и два убийства, объявленные несчастными случаями. Пару минут будем рассматривать проблему под этим углом зрения. Если было преступление, то убийца сидит сейчас за этим столом. Мне нужно прежде всего установить, кто из вас виновен, а затем выстроить обвинение против него или нее.

— Данни! — в голосе Бетти звучат слезы.— Остановитесь, ради бога! Вы сами не знаете, что говорите!

— У меня есть великолепные идеи на этот случай, душенька,— говорю я, не сводя глаз с Паркера.— Эти измышления, с которыми сегодня дебютировал Амброз Норман, я уже слышал ранее из уст одного отвратительного типа по имени Пат Дженкинс. Может быть, вы помните его?

Взгляд Паркера все еще устремлен на меня. Ранее в нем была надежда, но теперь я замечаю в глубине его ненависть. Он медленно поворачивает голову и окидывает взглядом остальных.

— Неужели мы никогда от этого не избавимся? — мрачно спрашивает он. — И всюду, где бы мы ни были, под той или иной личиной нас будет подстерегать Дэнни Бойд? — Он устало покачивает головой. — Я думал, что мы покончили с этим, когда...

— Когда вы в ту ночь держали голову Гилберта под водой? — говорю я, полный надежды.

— Не будьте идиотом! Когда Деймон умер — вот все, что я хотел сказать.

— Извините меня, — спокойно говорит Ромней. Холодная угроза, явственно прозвучавшая в его голосе, заставила всех замолчать. — Гипотеза относительно смерти Деймона Гилберта меня не касается, ибо, очевидно, что меня нельзя подозревать в его убийстве. Но смерть Лейлы непосредственно касается меня, и Бойд только что сказал нам, что все более утверждается во мнении, что она была убита. — Его голос становится более неприятным. — Итак, мне хотелось бы знать, кто же я, по вашему мнению? Лжец, убийца, или тот и другой, вместе взятые? Хотел бы получить точный ответ, если вам будет угодно отвечать.

Чапмен рычит:

— О чем вы говорите, черт возьми?

Я с изумлением рассматриваю их.

— Я еще никогда в жизни не видел подобной банды комедиантов! Вы все начали скандалить, едва услышав о себе правду, хотя она давно уже стала секретом полишинеля. Феликс продолжает игру в благородство, хотя весь свет знает, кто он на самом деле: иуда, предавший своего лучшего друга, соблазнивший его дочь и не имеющий достаточно смелости, чтобы защитить сестру, когда Деймон отомстил за себя... А посмотрите на Чапмена! Охвачен благородным негодованием, когда я напоминаю, что он был низведен до простого билетера, а сам безропотно подчинился деспоту... Кто вы все такие, в конце концов? Кого вы думаете обмануть?

Напряженная тишина, следовавшая за моей речью, внезапно прерывается Соней, толкающей Амброза в бок острым локоточком.

— Ха-ха! Вот это парень, отъявленный мерзавец! Молодец! Вчера он дал мат проститутке, а сегодня на всех нас нагнал страху!

— Я весьма терпелив, Бойд,— напоминает Ромней.— Я все еще жду ответа.

— Ах, да, я забыл. Извините меня, старина!

— Вас это забавляет, Бойд? — ворчит он.— Но, может быть, несколько позже вы заметите, что совершили большой промах.

— Сейчас будет ответ, мистер Ромней,— вежливо говорю я.— Но для этого мне нужна ассистентка. Бетти, этим займетесь вы.

— Чем?

— Будьте внимательны, мисс Адамс,— говорю я дьявольским тоном.— И говорите только тогда, когда вас будут спрашивать.

— Но... что говорить?

— Вы помните историю Ионы и кита?

— О... кажется, да...— она смотрит на меня большими глазами.— И что же?

— Как бы вы назвали эту историю, мисс Адамс?

— Что? Я не знаю... может быть, легенда?

— Басня! Вот превосходный ответ, мисс Адамс! А я теперь могу рассказать другую легенду. Она называется «Лейла и акула».

Я жду, что все они вскочат и закричат, но не происходит ничего подобного. Они молчат, погруженные в апатию. Я настаиваю:

— Вы знаете такую легенду, мистер Ромней?

— У меня создается впечатление, что вы ненормальны и вам требуется серьезно позаботиться о себе,— говорит он.— Мне жалко времени на выслушивание ваших глупостей, Бойд. Я ухожу.

— Вы еще не слышали самого главного — как акула проглотила Лейлу целиком и так быстро, что она даже не успела крикнуть.

— Хорошо.— Ромней с покорным видом тонет в своем кресле.— Только будьте кратки, Бойд,— это все, о чем я вас прошу.

— Согласен,— говорю я.— Буду предельно краток... Вы здесь, на месте, за этим столом, Джек... А если говорить о лжи, то я уверен, что вы в этом переплунете всех здесь присутствующих.

— Подождите немного с оскорблениями и избавьте нас от ваших измышлений,— ворчит он.

— Сегодня я разговаривал с экспертом,— говорю я, сожалея, что Кларри здесь не присутствует и не может узнать о своем внезапном повышении.— Он находит, что

дело происходило совсем не так, как это представляется некоторыми лицами... Когда двойной ряд треугольных зубов впивается в тело, это вызывает резкую боль, и человека охватывает ужас. Надеюсь, вы понимаете, к чему я веду, мистер Ромней? Жертва вопит во все горло — страшно, душераздирающе. Она кричит долго и очень громко...

Он с раздражением встает со стула.

— Вы кончили?

— Почти... Вы, кажется, не очень торопитесь поднять вашу затонувшую яхту, не так ли?

— Нет. Я вам уже объяснял почему: мое судно было застраховано. Так зачем мне это делать?

— Ваш страховой полис истек уже два месяца назад, а вы не позаботились о его возобновлении. Вы не получите ни гроша за вашу прекрасную яхту, спящую сейчас на дне моря, и вам на это наплевать. — Я смотрю ему прямо в глаза. — Мне это кажется весьма любопытным.

Он отталкивает свой стул.

— Я не желаю выслушивать ваши сказки, Бойд! — говорит он почти жалобно. — Если желаете знать мое мнение, то вы — сумасшедший!

Он направляется к двери и почти выбегает из комнаты. Полный надежды, я спрашиваю:

— Интересует ли кого-нибудь это? Хотя бы немного? По-моему, если он так мало беспокоится о своей потерянной яхте, то это значит, что ему уже заплатили, и гораздо больше, чем она стоит... Итак, в последний раз, благородные дамы и господа: кто заплатил и почему?

Можно было подумать, что подан какой-то незримый сигнал, понятый всеми. Стулья почти разом стукнули о пол, присутствующие поднялись и направились к двери во главе с Бетти. Казалось, все ее тело охватила дрожь.

— Хорошо, — я стараюсь придать своему голосу дружескую теплоту. — Увидимся у коронера на следствии.

Снова дан невидимый сигнал. Настоящая живая картина.

— У коронера на следствии? — медленно повторяет Чапмен. Он передвигает сигару из одного угла рта в другой. — Кто вас туда приглашает, Бойд?

— Моя совесть, — елеинным голосом говорю я. — Нужно помогать правосудию, не так ли?

— Вы это серьезно говорите? — Феликс бросает на меня пронзительный взгляд. — Но зачем вам это нужно? Боже мой!

— Разве коронер не должен вынести вердикт о причине

смерти Лейлы Гилберт? Мне кажется, все здесь твердят ему, что ее смерть была случайной, что она съедена акулой, словно легендарный Иона. Мне кажется, будет справедливо, если я расскажу ему о том, что я думаю по поводу смерти и о причине ее.

— Идиот! — бросает Бетти и быстро покидает комнату.

Чапмен и Паркер обмениваются взглядами и поворачиваются ко мне.

— На вашем месте, Данни, я бы ничего не предпринимал, — задумчивым тоном предостерегает меня Паркер. — Это было бы не совсем благоразумно.

— Я бы сказал даже, что это было бы глупо! — ворчит Чапмен. Его могучие плечи приподнимают пиджак, он вынимает изо рта сигару. — Я вам уже сказал, что вы заходите слишком далеко, Бойд. Один лишний шаг, и...

Он разжимает пальцы, и сигара падает к его ногам. Он наступает на нее каблуком и улыбается мне в глаза.

— Пойдем, Ларри, опрокинем стаканчик, — предлагает Феликс, и они оба выходят из столовой.

Я подбираю со стола карту Ромнея, аккуратно складываю и кладу в свой портфель. И только тогда замечаю, что в комнате находятся еще двое.

Соня обходит вокруг стола и кошачьими шагами приближается ко мне. Мне кажется, что эта женщина не умеет ходить обычным шагом, как все, у нее всегда такой вид, словно она скрадывает добычу.

— Это было здорово! — одобрительно говорит она и кладет ладони мне на грудь. — Вы очень сильный. Да, вы нагнали на них страху! — Ее пальцы производят быстрое обследование моей груди. — О! О! — В ее глазах зажигается недобрый огонек, лицо вмиг теряет свой мрачный вид. — Шлюха! — бросает она презрительным тоном. — В постели Соня гораздо лучше и приятнее.

Выгнувшись дугой, она с каким-то садистским удовольствием погружает в мою плоть остренькие коготки и тут же отскакивает от меня. Розовый кончик ее языка недвусмысленно облизывает нижнюю губу.

— А, Бойд? Может быть, на днях мы испытаем, которая из нас в постели понравится вам больше? До скорого! — Она направляется к двери, покачивая тоненькими бедрами, затем оборачивается ко мне. — Я обещаю, Бойд! Вы со мной не соскучитесь! — Ей весело от своих шуток. — И сначала я вымоюсь!

И тут же исчезает.

Амброз поднимает брови и немного пожимает плечами.

— Кажется, вы произвели на нее большое впечатление, Данни.

— Она принадлежит вам, старина,— с живостью откликнусь я.

— Забавно...— Как я уже отметил, он становится перед обедом чересчур меланхоличным.— Я спрашиваю себя, каковы были бы последние сорок ночей с этой южноамериканской, о которой я вам рассказывал? Может быть, я бы уже покончил с примитивной стадией?

— Или примитив бы покончил со стадией Амброза?

— Могу ли я побыть немного великодушным и сделать вам подарок, Данни?

— У меня сложилось впечатление, что вы принадлежите к людям, которые любят освобождаться от того, что им надоело. Но я не любитель объедков.

Он недоверчиво смотрит на меня, затем понижает голос:

— Может быть, я мог бы дать вам кое-что другое? Например, добрый совет.

— Я слушаю.

— Если вы хотите спать спокойно, то почему бы вам не отправиться в город? Там есть отличные отели.

— Вы это делаете ради меня... или из-за Сони?

— Я беспокоюсь за вас, Данни.

— Вы думаете, что со мной может что-нибудь случиться, если я останусь здесь?

Он пожимает плечами.

— У меня же нет хрустального шара... Но после всего, что вы сегодня наговорили... Вы обнажили их души, не оставив даже кальсон... У меня сложилось впечатление, что с вашей стороны было бы разумнее не вводить их в искушение.— Он на минуту закрыл глаза.— И еще я вижу, как Ларри давит сигару каблуком.— Он стонет.— А я не переносу вида крови. Почему бы вам не быть благоразумным? Послушайте моего совета!

— Я должен встать рано, чтобы по голубым волнам отправиться к месту трагедии,— говорю я.

— Что вам нейдет, Данни? — Его голос становится все более жалобным.— Вас что — преследует мания самоубийства, да?

— Мне нейдет узнать, каким образом умерла Лейла Гилберт, Амброз. Я видел ее только раз... Если кто-нибудь убил ее, то он убил настоящую женщину, и у меня такое чувство, точно я потерпел убыток.

— Хорошо! Идите, разыгрывайте героя, и вам немедленно перережут горло,— говорит он мрачно.

Я оставляю его со стеклянным взором посреди столовой.

Проходя мимо открытой двери гостиной, я бросаю туда взгляд и замечаю Феликса и Ларри, погруженных в серьезный разговор.

Все комнаты расположены в задней части дома. Моя — самая последняя. Я знаю, кто какую занимает, поэтому без затруднений нахожу ту, которая мне нужна, и стучу в дверь. Дверь почти мгновенно распахивается, и на пороге появляется Ромней. При взгляде на меня его лицо каменеет. Я учтиво начинаю разговор:

— Вы можете уделить мне пять минут вашего времени?

— Пять, не больше, — говорит он менее учтиво. — Я уже достаточно насмотрелся на вас за сегодняшний вечер.

Он отступает и пропускает меня в комнату.

— Вы не забыли? Завтра, в полвосьмого утра?

— В полвосьмого? О! Маленькая прогулка по морю, которую мы наметили. — Он качает головой. — При мысли провести целый день только в вашем обществе мой желудок поднимается к горлу, Бойд. Я не поеду.

— Вы боитесь, как бы я чего-нибудь не нашел на этом рифе?

— Вы могли бы вертеться возле этого рифа два месяца, я бы и глазом не моргнул, — отвечает он злобно. — Но не просите меня идти туда вместе с вами, вот и все. Наймите другую лодку и другого шкипера — вы найдете их здесь без труда.

— Это не одно и то же. Вы знаете там точное место.

Бледно-голубые глаза Ромнея смотрят на меня со странным выражением. Наконец, он говорит:

— У вас есть карта, которую я составил. Если хотите, могу дать вам несколько телефонов людей, достойных доверия, которые будут рады предоставить вам лодку.

— Благодарю, одного я уже знаю. Хотите, я скажу вам одну вещь, Джек?

— Ничто не изменит моего решения! Говорите!

— Как актер, вы никуда не годитесь, Джек!

На минуту его лицо выражает полное недоумение.

— Что это значит?

— Если вы этого не знали, старина, — говорю я с видом искреннего сожаления, — значит, я сделал большой промах! Но я все-таки уверен, вы понимаете, что именно я хотел сказать. Итак, вы ночуете здесь? Если ночью вы примете какое-нибудь важное решение, вспомните, что в семь часов я уже буду на ногах! Спокойной ночи!

Телефон есть в столовой. Я возвращаюсь туда и нахожу комнату пустой. Амброз, по-видимому, нашел себе другое занятие.

Я набираю номер, который мне дал Кларри. Первое, что я слышу, это громовой взрыв смеха, причем явно женского. Через несколько секунд красивое контральто интересуется:

— Кто это?

— Не могу ли я поговорить с Кларри?

— Конечно, если мне удастся оторвать его от стакана с пивом! Кларри! Тебя спрашивает Грегори Пек.

Через десять секунд я слышу голос Кларри.

— Говорит Данни Бойд. Вы меня еще помните?

— О! Это вы! Если вам хочется пива, то немедленно прилетайте, старина!

— Я хотел бы нанять лодку. Выехать нужно будет завтра рано утром и вернуться до ночи.

— Завтра утром? Так, завтра я буду занят... К черту! Она подождет! Хорошо, Данни, лодка у вас будет.

— Благодарю! Чудесно! У вас есть машина?

— Всего-навсего старая таратайка, но она двигается.

— Не сможете ли вы за мной заехать завтра утром?

Я называю адрес.

— Согласен. А куда мы направимся?

— Не знаю. Но у меня есть карта, она нам поможет. Не затруднит ли вас позаботиться о закуске?

— Не забуду и пива,— с жаром подхватывает он.— Ни о чем не беспокойтесь, Данни. Я обо всем позабочусь.

— Кларри, вы опора моей старости! — с облегчением говорю я.

— Это же самое я каждый день твержу Дорис.— Он разражается радостным смехом.— Только она говорит, что старик никогда не ведет себя так, как я... это было бы неприлично...

Я вежливо интересуюсь.

— Дорис?

— Это она ответила вам первой,— объясняет Кларри.— Моя любимая подружка. Она создана для комфорта и холодных зимних ночей, когда не надо долго задумываться, чем бы согреться.

Я слышу в глубине трубки теплый смех и мелодичный голос и думаю, что было бы гораздо приятнее пить с ними пиво, чем идти спать в одинокую постель вместе с вечерними напутствиями Амброза Нормана.

— Я пошутил, Данни,— весело сообщает мне Кларри.— Хорошо, я заеду за вами завтра в семь часов... О!

Я забыл одну небольшую деталь. Может, вам интересно узнать, во сколько это обойдется?

— Я полагаюсь на вас, Кларри. До завтра. Счастливо развлекаться!

— Доброй ночи, Данни!

Должно быть, было уже около полуночи, когда я внезапно просыпаюсь и слышу, как кто-то тихонько скребется в дверь. Я вытаскиваю из-под подушки револьвер и, затаив дыхание, на цыпочках пересекаю комнату. Царапанье за дверью отчетливо слышно. Оно, должно быть, продолжается уже давно и, кажется, не случайно.

Я сдвигаю засов и раскрываю дверь. Бетти поспешно входит, и я запираю за ней дверь.

— Прошу вас, не зажигайте свет! — торопливо шепчет она.

Луна достаточно освещает комнату, и я весьма отчетливо вижу округлые очертания ее тела в прозрачном шелке ночной рубашки, доходящей ей почти до колен — не хватает всего-навсего сантиметров тридцать... Слишком прозрачная рубашка и слишком круглые колени...

— Привет, Бетти! Как мило с вашей стороны нанести мне визит! Могу ли я спросить? Это по делу или для удовольствия?

— Ты сошел с ума, Данни! — с горечью говорит она мне. — Я пыталась остановить тебя в Сиднее, вспомни-ка! А теперь уже слишком поздно!

— Слишком поздно для чего?

— Ты должен понимать, что делаешь, — безнадежно шепчет она. — Но нет, тебе нужно доводить их до белого каления! Теперь они уже не могут отступить... Зачем тебе понадобилось говорить им, что ты рассчитываешь присутствовать на следствии, которое будет проводить коронер?

— Душенька, я стараюсь следовать за тобой, но ты бежишь слишком быстро для меня... Перед чем они не смогут отступить?

— Я считаю, что они... они собираются убить тебя! — говорит она напряженным голосом. — После того, как ты ушел спать, они устроили в баре совещание. Я хотела остаться с ними, но Ларри почти вытолкнул меня вон... При этом он сказал, что мне нечего за себя беспокоиться, что они позаботятся, чтобы этот мерзавец не свидетельствовал перед коронером.

— Не хотят ли они предложить мне тридцать сребреников? — спрашиваю я, полный надежды.

— Скорее столько же свинца! Ты знаешь, почему я приезжала встречать тебя в Сидней? Но тогда сделка не состоялась...

— Сколько же ты могла мне предложить?

— Двадцать тысяч для начала.— Она пожимает плечами.— Потолок — шестьдесят. Но теперь это не имеет значения. Может ли, наконец, сообразить это твой упрямый мозг?

— Попробую... Но ты не знаешь деталей? Когда? Где? Как?

— Я слышала, что Ромней говорил что-то о завтрашнем дне. Но как раз в это время Чапмен выставил меня за дверь. Мне кажется, что сегодня ночью ты можешь спать спокойно. Здесь они ни за что не решатся... Слишком неподходящее место с их точки зрения.

— Не кажется ли тебе, что ты ведешь немного странный разговор, скорее подходящий вурдалаку?

— Между прочим, я не раз спрашивала себя, зачем я собираюсь прийти к тебе на помощь, Данни Бойд! Во всяком случае, не из-за любви, можете быть уверены!

— Тогда, может, ты просто добра по натуре?

— В жизни я любила только одного человека... Но ты, конечно, даже не понимаешь, что означает это слово...

— Хорошо, я...

— Ты реवेशь, словно бык, и скребешь копытом всякий раз, как перед тобой возникает юбка,— она презрительно поджимает губы.— Держу пари, что за всю свою ничтожную жизнь ты ни разу не испытал ни к кому нежного чувства!

— Ну... Можно сказать...

— О! Молчи! Ты вызываешь во мне тошноту, Данни Бойд! Ты и твой прекрасный профиль! И твоя фатоватая улыбка!

— Ха! Но что я тебе сделал?

И тут она неожиданно хватает себя за подол рубашки и мигом сбрасывает ее через голову мягким упругим движением. Ее обнаженное тело вытягивается в струнку, облитое мягким лунным светом. Прекрасные бедра манят меня таящимися между ними сладчайшими плодами любви.

Мой взгляд совсем ненароком задел ее роскошные груди, и я безуспешно пытаюсь переключить свои мысли на что-то нейтральное...

— Бетти, дорогая... Я весьма опечален. Я не знаю, что тебя так беспокоит, и не стремлюсь узнать это, но, уверяю тебя, я действительно огорчен...

— О! — грудным голосом произносит она, и меня прошибает холодный пот. — Данни, иди ко мне...

Я все еще пытаюсь сопротивляться. Но все это ни к чему, ибо я не смог даже отвернуться от ее прекрасного тела — все мое существо запротестовало против этого. Серебряная статуэтка... Апофеоз любви... Сладострастие и нега...

— Иди, Данни... Поторопись... — Ее шепот подхватывает меня. Время останавливает свой полет.

Она удивительно легкая — словно перышко. Голова ее касается подушки и зовущий шепот становится еще настойчивее. Ее упругие и горячие бедра обжигают меня, твердые соски впиваются в мою кожу, губы повергают в пучину блаженства. Ее руки жарким кольцом обнимают меня, прижимая к податливому телу...

О, счастливый миг проникновения! Бетти широко раскрывает глаза и томно вздыхает. Ее тело обладает каким-то удивительным теплом.

— Милый, милый, Данни, — тихо шепчет она и закрывает глаза, запрокидывает голову.

Ее перламутровое тело радостно принимает меня... Простыня сползает на пол, открывая наши разгоряченные тела... О, роскошные бедра! О, тугие и тяжелые груди! Округлый живот и белая шея! Все это принадлежит сейчас только мне и никому больше!

Тихий стон слетает с ее губ, когда я особенно сильножимаю ее в постель... Медленное и ритмичное движение тел в полумраке спальни дарит нам блаженство.

7

На следующее утро я взял с собой только самое необходимое: револьвер и пачку сигарет. Я разместился рядом с Кларри на сиденье его машины и мы с грохотом направились туда, где нас ждала его лодка.

— Вам повезло, Данни, — говорит Кларри, разглядывая небо. — Если продержится такая погода, то на море не будет даже ряби. Это будет стоить вам двадцать пять монет, старина, хорошо? Да еще две за жратву и напитки...

— О'кей, — говорю я. — Но в какой валюте вы считаете?

— В ливрах, — он презрительно фыркает. — Или вы не понимаете по-английски?

Едва я увидел его судно, как у меня отвалилась челюсть. Он, кажется, говорил о сторожевике. Скорее его можно было назвать миноносцем — маленький, с надраенной до блеска палубой.

Нам понадобилось около получаса, чтобы перетащить провизию на борт. Разумеется, мы не забыли и пиво. Наконец ветер замурлыкал и палуба задрожала под нашими ногами.

Я встаю рядом с Кларри у руля. Мы тихонько удаляемся от порта, и я начинаю тихо радоваться при мысли, что сейчас мне нечего бояться «Общества по устранению Данни Бойда», о существовании которого оповестила меня во время ночного посещения Бетти.

Бетти покинула мою комнату перед рассветом. Мы занимались любовью всю ночь, а в кратких перерывах она умоляла меня не задерживаться в доме. Я спросил ее, за кого она меня принимает — за труса, что ли? Она ответила, что, конечно, я себя принимаю совсем не за то, что на самом деле. Короче, это было очень нежное прощание.

Мы проходим мимо роскошной яхты, стоящей на якоре. Матрос у руля делает нам знаки, чтобы мы подошли поближе.

— Привет, Кларри! — кричит он во всю немалую силу своих легких. — Ты не видел Джека Ромнея? Он нанял на сегодня мою старую посудину, — ревет шкипер. — Сначала мы договорились, что их будет двое, а теперь заявятся четверо или пятеро! Хотелось бы мне знать, какого рода поездку он собирается предпринять?

— День обещает быть хорошим, не правда ли? — вежливо ревет ему в ответ Кларри.

После того, что я только что услышал, у меня создается впечатление, что день будет не просто хорошим — будет устроен праздник в честь Данни Бойда. И я решил немного поговорить начистоту с Кларри, прежде чем он превратится в могильщика.

Через час судно врзается в голубые волны Большого Барьерного рифа. Солнце быстро поднимается к зениту, и Данни Бойд заканчивает свой увлекательный рассказ-историю, завязку которой положила одна встреча дождливым осенним утром на берегу Ист-Ривер.

Когда я замолчал, Кларри подумал немного и медленно произнес:

— И вы думаете, что вам тут придется туго?

— У меня крайне неприятное чувство, что им было бы легче разделиться со мной в открытом море, чем на земле обетованной,— говорю я.— А сейчас, если вы хотите отказаться, то поворачивайте обратно. Я не рассержусь и не обижусь из-за этого, Кларри.

— Но вам бы этого не хотелось?

— Ну, у меня для риска есть особые причины. Мне за это заплатили.

— Мне тоже,— говорит он,— двадцать пять монет, не забудьте.

Какая-то птица кружит над нашими головами, испуская жалобные крики.

Кларри закуривает сигарету и почесывает нос.

— Та хлопущка, что болтается у вас в кармане, какого калибра?

— Тридцать восьмого, а что?

— У меня в ящике есть старое ружье,— говорит он с невыразительной миной,— и пятьдесят патронов к нему. Но я очень удивлюсь, если будет хоть одна причина для беспокойства.

Он вытаскивает из кармана рубашки мою карту и какое-то время изучает ее.

— Этот риф несколько в стороне от обычных путей. Бывает, здесь и кошки не увидишь... Подождите-ка,— говорит он, показывая рукой направо.— Видите?

Я прикрываю ладонью глаза от солнца и замечаю плывущий по морю серый треугольник.

— Серая акула,— говорит Кларри.— Как насчет пива?

Вскоре после полудня мы замечаем на горизонте два заметных пятна. После этого мне кажется извинительным открыть второй ящик пива.

— Вот ваш остров, Дanni,— показывает Кларри.— И не наливайте пиво так быстро — пена хороша лишь при стирке белья!

— Который остров мой?

— Слева. Согласно вашей карте, мы в двухстах метрах от его берега... А, спасибо.

Он берет у меня из рук стакан и несколько секунд созерцает его критическим взором.

— Если бы его видела моя Дорис, с ней случился бы приступ,— говорит он недовольно.— Она профессионалка.

— Кто?

— Дорис работает барменом.

— Что-то я совсем проголодался. Не пора ли перекусить?

— Прекрасная идея!

Когда мы покончили с едой, острова были совсем рядом. Кларри приглушает двигатель и протягивает вперед руку.

— Видите белую линию, прямо перед островом и слева от него? Это волны разбиваются о рифы.— Он презрительно фыркает.— Ромней был, вероятно, в стельку пьян, если не увидел полосы прибоя! Или спал... На какое расстояние вы хотели бы приблизиться к рифам, Данни?

Но мое внимание полностью приковано к другому острову справа от нас.

— На каком расстоянии между собой эти острова?

Левый глаз Кларри прищуривается.

— Метров восемьсот. Может, немного меньше, но только немного... Но вы ведь прибыли сюда не ради этого клочка земли? Вы стремились сюда...

— Ну... Предположим, я передумал,— медленно говорю я.— Сейчас мне хотелось бы бросить взгляд на тот остров, Кларри.

— Хорошо. Ведь в конце концов за все заплатите вы.

Он с равнодушным видом пожимает плечами и поворачивает руль. Мы начинаем приближаться к острову, и я понимаю, что он на самом деле больше, чем показался мне издали... Кларри сообщил мне, что его площадь почти три квадратных километра. В центре возвышаются три небольших холма, как и весь остров покрытые густой растительностью, которая спускается почти до воды. Несколько минут мы движемся вдоль берега, затем Кларри ворчит:

— Здесь есть маленький пляж в глубине лагуны. Хотите посмотреть?

— Едем.

Он управляет своим суденышком нежно и ласково. Мать, баюкающая ребенка, показалась бы рядом с ним садисткой.

Нос кораблика мягко касается белого песка пляжа.

— Теперь немного отплывите,— говорю я.— И ждите моего сигнала.

— И что же мне ждать? Оставаться на якоре, пока вы поиграете в Робинзона?

Несколько минут я размышляю и прихожу к выводу: что бы здесь ни намечалось, место для драмы просто идеальное...

— Да. Так и сделаем. Бросайте якорь и ждите меня. Когда появится Ромней и остальные, скажите им, что я на берегу, хорошо?

— Хорошо. А потом?

— А потом ничего. Ждите, пока я не вернусь на пляж и не подам вам сигнал.

— Советую вам это сделать до наступления темноты, — ворчит он. — Иначе вы рискуете махать рукой до утра.

— Хорошо. — Я выскакиваю на берег.

— Данни!

Я оборачиваюсь, и Кларри, силуэт которого четко вырисовывается на фоне ослепительной синевы моря, кричит:

— А если будет драка?!

— Может, и не будет.

— Мне кажется, старина, вы поступаете не совсем разумно, высаживаясь на этот остров. Вы даже не сможете убежать — настолько он мал. Надо было потребовать авансом мне двадцать пять долларов. Можете назвать меня дураком и шляпой и сказать, что вместо головы у меня луковица! Не задерживайтесь здесь слишком долго, Бойд!

Шагнув через борт, я оказываюсь по пояс в воде, поздравляя себя с тем, что предусмотрительно поднял револьвер над головой. Судно тихо удаляется от берега.

Когда оно отошло на сотню метров, я вижу, что Кларри перекладывает руль и прибавляет газу. Яхта выходит из лагуны в море: я машу рукой, и Кларри отвечает мне, поднимая руку над головой.

Я выбираюсь на пляж и внезапно чувствую себя совершенно отрезанным от мира. Выбрав камень, показавшийся мне симпатичным, я сажусь на него, чтобы высушить обувь, и закурываю сигарету. Через две минуты низ моих брюк почти сухой, и я чувствую, как солнце обжигает мне ноги сквозь ткань.

Я сижу минут десять. Яхта Кларри — лишь тонкая черточка на горизонте. Потрогав ботинки и убедившись, что они высохли, я неторопливо одеваю их.

Все вокруг так тихо и спокойно! Мне начинает казаться, что быть последним человеком на Земле — чертовски приятная штука.

Но постепенно эта тишина начинает мне надоедать. Уж слишком она какая-то злоедающая. Я закурываю вторую сигарету только для того, чтобы услышать шипение спички.

Интересно, как поживает Манхаттан в отсутствие Данни Бойда? Тут мне приходит в голову мысль, что до

Рождества осталось всего 12 дней, и ностальгия с головой охватывает меня.

Как хорошо было бы сидеть в своей конторе в компании Фран Джордан, грызть жареные каштаны и любоваться пушистыми хлопьями снега... и круглыми коленками Фран.

Волосы у меня на голове встали дыбом: за моей спиной послышался еле уловимый шелест. Я уже настолько привык к тишине, что он кажется мне ревом турбин реактивного лайнера. Окаменев, я слышу, как кто-то медленно приближается ко мне, и густая листва за моей спиной раздвигается с легким шорохом.

— Ну, наконец-то вы добрались до этого островка, Данни Бойд! Вот уж больше недели я прикована к этому грязному клочку земли!

Лейла Гилберт выходит на песок пляжа и останавливается передо мной, уперев руки в бедра.

Ее белокурая шевелюра еще больше спутана, чем в прошлый раз, но сейчас солнце совсем обесцветило волосы, а лицо Снежной Королевы приняло бронзовый оттенок. Только глаза не изменились: они той же кобальтовой синевы, и в них по-прежнему пляшут дьявольские огоньки. Голубой шелковый платок, небрежно завязанный на животе, почти не скрывает ее обнаженную грудь, а шорты — когда-то они были гораздо длиннее — стыдливо прикрывают несколько сантиметров ее полных бедер. У нее великолепные ноги — длинные, округлые и гибкие. И они покрыты тем же медным загаром, что и все ее роскошное тело.

— А где Джек Ромней? — спрашивает она своим хриловатым голосом, от которого у меня все замирает внутри.

— Я думаю, он явится вместе с остальными.

— Они знают?

— Не думаю... Если только он не проболтался.

Она наклоняется и выхватывает из моей рубашки пачку сигарет и спички.

— Уже два дня, как кончились мои сигареты, — объясняет она. — А теперь расскажите мне все по порядку — все новости. Мне кажется, что я потерпела кораблекрушение еще до первой мировой войны!

— О! Не произошло ничего особенно интересного, — отвечаю я. — Ваша смерть заняла первую полосу всех нью-йоркских газет.

— Скажите мне, Данни, когда именно вы все поняли?

— Вчера вечером, когда Ромней нарисовал мне карту. Он указал риф, где затонула яхта, и остров, на котором спаслись остальные... И он обозначил на карте два острова.

— Джек — славный малый, — непринужденно говорит Лейла. — Я знала, что вы достаточно проницательны для того, чтобы не замедлить сунуть свой нос сюда и уразуметь кое-что странное. Знаете, Данни, именно поэтому я и наняла вас.

— Ваш отец пользовался услугами Дженкинса... Мне кажется, их познакомил Барт.

— Точно.

— Да... Так вот, я понял, что как только я вручил Барту запечатанное письмо, ему осталось только войти в контакт с Дженкинсом и поручить ему доставить магнитофон в мою контору. Дженкинс пытался меня шантажировать, чтобы вытянуть часть гонорара. Идея принадлежит вам?

Она набрала полную горсть песка и медленно пропустила его сквозь пальцы.

— Я думала, что вы примчитесь сюда быстрее, если у вас появился конкурент, — наконец говорит она.

— Значит, Джек Ромней посадил свою яхту на риф по заранее обдуманному плану, не так ли? Естественно, что вы оба тщательно выбрали время и место таким образом, чтобы в наступившей панике никто не заметил, что Лейла Гилберт, прекрасная пловчиха, избрала для спасения прямо противоположное направление. Но есть один пункт, который меня весьма интересует. Какую историю должен был преподнести Ромней, когда нашел всех на том острове? Она должна была быть очень убедительной, чтобы они ее проглотили всухую!

— Он заметил, что я не выскочила из каюты вместе с остальными... — Лейла вворачивает довольно циничное замечание. — Тогда он поспешно вошел ко мне и увидел, что я уже мертва... Меня ударили кинжалом в сердце!

— Вы рассчитывали, что им не понравится, если их занесут в список подозреваемых. А тот, кто убил вашего отца, еще больше напугается, если подумает, что это убийство может привести к мысли, а действительно ли смерть Деймона Гилберта была случайной, не так ли?

— Именно так, — ответила она. — И должны были появиться вы и разогреть их добела, используя те мерзкие сведения, которые вы — я была уверена в этом — привезете из Нью-Йорка. Джек должен был рассказать вам историю о рифе, которого он не заметил, и об акуле, которая сожрала меня. Эта история должна была выглядеть достаточно странной, чтобы возбудить ваши подозрения. Я знала, что они все наложат в штаны при мысли, что вы можете вырвать признание у Ромнея... То есть то, что они

считают правдой — будто я убита одним из них. Им осталось только одно, прежде чем Джек проговорится...

— Ликвидировать Данни Бойда? — тихо спрашиваю я.

— Это очевидно! Они должны были действовать подобным образом, чтобы изъять вас из обращения. Пожалуй, они уже бросили жребий, кому сделать эту работу... Западная была хорошо подготовлена. Тот, кто мог больше всех потерять, должен был вызваться добровольцем. Разве это не подсказывает элементарная логика?

— Однако доброволец мог бы и не ждать так долго, он мог решить действовать тогда, когда остальные еще не поняли всей опасности положения, в которое поставил их Джек. Вы об этом подумали?

— Это был оправданный риск, — она лениво зевает, отчего ее круглые груди напрягаются и невольно приковывают к себе мой взгляд. Да, хороша чертовка!

— Гм... Значит, вы сознательно жертвовали Данни Бойдом?

— Но я была уверена, что этого не произойдет. — Она поворачивает лицо ко мне, и ее громадные кобальтовые глаза пристально ловят мой взгляд. — О, Данни, вы очень забавны! Я не могу больше ждать! Вы мне скажете?

— Что?

— Скажите — кто?

— Что значит — кто?

— О, полно! Перестаньте испытывать мое терпение! Говорите же! Ну, кто убил моего отца?

— Но откуда же мне знать?

Лейла приближает свое лицо к моему и внезапно бледнеет — она понимает, что я говорю правду.

— Значит, это еще не кончилось? — шепчет она грустно. — Тогда почему вы здесь?

— Крошка моя, я просто почувствовал, что с меня хватит изображать ходячую мишень. — Я злобно улыбаюсь. — И у меня есть желание поменяться местами с той, которая пыталась использовать меня в качестве наживки.

Она недоуменно смотрит на меня и качает головой.

— Но вы только что сказали, что скоро сюда явится Джек вместе с остальными?

— Да. Они могут появиться с минуты на минуту. Относительно Ромнея я не в курсе, но остальные рвутся сюда, чтобы в этом тихом уголке тихо-мирно избавиться от опасности по имени Данни Бойд.

— Может быть, пока они сюда доберутся, Джек уже будет знать, кто именно, — с надеждой говорит она. — Но

если он ничего не знает, а они найдут меня живой и невредимой...

— Ну что же. Без сомнения, они придут к заключению, что все-таки предпочтительнее вам так и оставаться мертвой. Мне кажется, что рано или поздно, но вы кончите тем, что сами себя уколоете, душенька.

Она вскакивает на ноги одним коротким гибким движением и буравит меня яростным взглядом. Она просто дрожит от ярости, но еще больше хорошеет от этого. Платок соскальзывает с ее плеч, и она остается в одних шортах, представляя собой прекрасную обнаженную натуру.

— Вы... Вы хотите предать меня?

— Вы, душечка, удивительно быстро соображаете. Как вам понравится подобная ситуация?

Она подступает ко мне. Ее ногти нацеливаются мне в глаза, но я перехватываю ее кисти и опрокидываю ее на песок. Несколько минут она лежит на земле, не двигаясь. Высокая грудь порывисто вздымается, округлые бедра широко раздвинуты... Не каждый устоял бы на моем месте. Но я, как всегда, холоден и спокоен.

— Все не так уж плохо, моя крошка. Да, я могу сделать из вас превосходную мишень, но и себя подвергну той же участи. Если они захотят убить вас уже по-настоящему, им придется убить и меня: они не могут позволить себе роскошь — оставить такого свидетеля. — Я поднимаю свой револьвер и небрежно помахиваю им. — Нам есть чем защищаться.

Но когда я произношу эти слова, новая мысль приходит мне в голову. От этой мысли мне становится неуютно: а что, если меня выбрали мишенью прежде, чем я ступил на этот остров?

— Что с вами? — приглушенным голосом спрашивает Лейла. — Можно подумать, что из-под вас выбили стул. — Она медленно поднимается на колени и смотрит мне в глаза. — Что случилось, Данни?

Я смотрю на свой револьвер, лежащий у меня на ладони.

— Слишком глупо, — говорю я. — Я не проверил его вчера вечером. И с тех пор не выходил из комнаты...

— Объясните же, ради бога!

Я поднимаю правую руку и направляю револьвер на ствол ближайшего дерева. Легкий щелчок... и все. Я вынимаю магазин, чтобы удостовериться в том, что я уже и так знаю: он не заряжен.

— Забавное совпадение,— я слабо улыбаюсь Лейле.— Вы наметили меня в качестве мишени, а я — вас. Но, как я только что заметил, кто-то другой тоже выбрал меня в качестве мишени. Честное слово, все это слишком напоминает детскую игру в кошки-мышки.

Она прижимает руку ко рту и смотрит на меня глазами, полными ужаса.

— Это все Джек Ромней,— говорит она, словно успокаивая меня.— Милый, добрый Джек! — Она невесело смеется.— Какими глупцами мы порой бываем!

— Скажите... Мне просто любопытно... Сколько Ромней заработал на этом деле?

— Вы хотите знать, сколько он уже получил? — Лейла сладострастным жестом поглаживает свои атласные бедра.— Есть вещи, о которых дама не может распространяться... И еще некую сумму кроме того... Он с таким пылом ласкал мое тело...

— Я представляю себе... Но сколько он получил наличными?

— Двести тысяч долларов,— тихо говорит она.— На эти деньги можно купить целую флотилию яхт, если есть желание.

— Пойдите-ка... Я подумал... Барт сказал, что вы умерли, не оставив завещания?

— Но я еще не умерла,— напоминает она.

— Вы дали мне имена пяти подозреваемых со всеми деталями их тайных пороков,— говорю я.— Но о Барте вы не сказали ничего. И Дженкинс сообщил мне, что ничего не смог о нем откопать. Мне это кажется весьма странным. Вы знаете, как ваш адвокат зарабатывает себе на хлеб с маслом?

— Джеймс не дурак,— говорит она с легкой улыбкой.— Он всегда загребал кучу денег на доверенностях. И он занимался частными делами моего отца.

— Так, так! Гилберт давал инструкции Барту, а тот передавал их Дженкинсу. Удовольствие было разделено на всех, и все были прикрыты.

Лейла пожимает плечами.

— Как я уже вам сказала, Барт никогда не нарушал законов.

Я случайно поднимаю взгляд, и на сердце у меня тяжелеет. Там, вдали, на едва уловимом горизонте видны два черных тонких силуэта, сближающихся друг с другом.

— Не желаете ли приготовить кофе и легкую закуску? — спрашиваю я охрипшим голосом.

— Для чего это?

— Мне кажется, скоро к нам пожалуют гости.

Лейла испуганно прижимается ко мне, и я машинально обнимаю ее за тонкую талию. Ее нежная бархатистая кожа поражает меня своей свежестью.

— У нас еще есть время, — глухим голосом шепчет она и увлекает меня на песок пляжа.

Некоторое время я еще пытаюсь сопротивляться, но когда шортики соскальзывают — совершенно непонятным для меня образом — с ее тела, последние мысли о благоразумии вылетают у меня из головы.

Забыв обо всем, я погружаюсь в ее прекрасное тело, подстегиваемый ее горячим шепотом. Она оказывается великолепной партнершей, ее гибкое тело словно специально создано для любви. Правда, опыта у нее, похоже, маловато, но это искупается неистовым пылом.

Своей жадностью до ласк она напоминала Бетти, но та довольно искушенна в любовных делах, а Лейла походит на школьницу, едва открывшую для себя плотскую любовь.

Ее колени обвивают мое тело, и я совсем забываю о грозящих нам опасностях.

8

— Здесь, — говорит Лейла. — Я хорошо помню. Когда мы наведывались сюда, Джек именно здесь бросал якорь.

Мы стоим в двухстах метрах от маленького пляжа, где только что с таким пылом занимались любовью. Лейла все еще тяжело дышит, в глазах ее мелькает нежная истома. Мне стоило большого труда уговорить ее прервать наши уроки любви (хотя мне самому страшно хотелось их продолжать).

На выходе из лагуны песчаное дно пляжа, ясно видимое под прозрачной водой, резко сбивается в глубину. В воде лагуны во множестве снуют странной формы и расцветки рыбины.

— Данни! — восклицает торжествующая Лейла. — Посмотрите сюда! — Она указывает пальцем на ствол толстого дерева, на котором еще видны следы веревки. — Здесь Джек привязывал яхту!

— Замечательно! — без особого энтузиазма откликаюсь я. — Вы бы все-таки надели шорты.

Лейла с недоумением оглядывает свое обнаженное тело и отправляется на пляж разыскивать одежду. Я провожаю

взглядом ее точеную фигурку, проглатываю комок в горле и отворачиваюсь к морю.

На горизонте я вижу только одну яхту. Силуэт ее превратился почти в точку, что, разумеется, означает не совсем приятное для меня событие — яхта направляется прямо к острову. Это Ромней... Но где же, черт возьми, Кларри?

— Данни! — Подошедшая сзади Лейла хватается меня за руку. Она нашла свои шорты, но еще не успела их надеть. — Они будут здесь через пять минут! Что нам делать?

— Разумный вопрос. Я приму их, а вы все-таки оденьтесь и спрячьтесь где-нибудь в зарослях. Подождите показываться, пока все они не сойдут на берег. Вы стоите целой атомной бомбы, и она взорвется... если Ромней еще не проболтался.

— Хорошо бы, — шепчет она. — Но я так боюсь, Данни! — Она судорожно прижимает шортики к груди.

Я успокаивающе кладу руку на изгиб ее талии и, усмехаясь, похлопываю ее по крутым ягодицам.

— А я, как вы думаете, из чего сделан? — Моя рука на мгновение замирает на тугой выпуклости ее бедра. — Из легированной стали?

Бросив взгляд на море, я вижу, что яхта значительно увеличилась в размерах. Я уже различаю детали ее такелажа.

— Вы хорошо сделаете, если спрячетесь сейчас же, — говорю я Лейле. — Может быть, кто-нибудь из ваших друзей уже навел на нас бинокль.

Лейла взвизгивает и, на ходу натягивая шортики, исчезает в густой растительности, которая легко могла скрыть бы даже миноносец.

Я закуриваю сигарету. Револьвер в моем кармане кажется еще тяжелее при мысли о том, что он стал бесполезной железкой. Вот что называется свалить дурака!

Ромней осторожно подводит яхту к берегу. Когда нос судна утыкается в песок, он выходит из рулевой рубки и бросает мне причальный канат. Я все еще вожусь с ним, когда Джек оказывается рядом со мной на берегу.

— Давайте я сделаю это сам, Данни, — говорит он.

— Узнали вы, кто...

Но я моментально осекаюсь, заметив предупреждающий блеск его глаз — прежде, чем в моих ушах раздается голос Ларри.

— Ну, как дела, Бойд? — приветливо говорит он. — Вы решили разыгрывать пирата-одиночку?

Я оборачиваюсь и вижу его в двух шагах от меня с неизменной сигарой в зубах. За его спиной Феликс Паркер помогает сойти на берег Бетти Адамс. Они подходят к Чапмену, а на борту появляется Амброз Норман, который прыгивает на песок с грацией лягушки.

У всех у них веселый вид. Можно подумать, что они приехали на пикник.

— Мне хотелось бросить взгляд на этот уголок, — отвечаю я на вопрос Чапмена.

— Ну, и нашли что-нибудь интересное?

— Нет. — Я бросаю полный надежды взгляд на Ромнея. — Значит, вы изменили свое мнение относительно этой прогулки?

— Все нашли, что это прекрасная идея, — отвечает Ромней.

— К тому же великолепная погода, — добавляет Чапмен.

— Мне хотелось бы знать, кто приготовит мне выпить? — осведомляется Амброз, подходя ко всем остальным.

— Один раз потерпите и без выпивки, — раздраженно говорит Бетти.

Я спрашиваю:

— Почему вы не привезли с собой Соню?

— О! — Амброз со смехом обращается ко мне и Ромнею. — Понятно, вы не в курсе дела, Бойд! У нее очередной приступ! Сумасшествие настигло ее внезапно за завтраком — сразу же после третьей чашки чая!

— Сошла с ума? Это каким же образом? — интересуюсь я.

— Она отказалась покататься с нами на яхте, — медленно говорит Амброз, смакуя каждое слово, — потому что у нее есть другие дела. Угадайте, какие?

— Не знаю.

— Она решила отправиться в город и посетить Институт красоты! — с триумфом сообщает он.

— Соня? — сомневаюсь я.

— Представляете, какие лица будут у посетителей, когда она войдет туда? — Он давится смехом. — Болотная тварь, которая просит прополоскать ее и одеть.

Он ржет во весь голос, не в силах остановиться.

— Чувство юмора у Амброза, может быть, и несколько

ограничено,— угрюмо говорит Феликс,— но когда он понимает шутку, то извлекает из нее максимум удовольствия.

— Теперь, когда мы нашли Данни,— напряженным голосом говорит Бетти,— не вернуться ли нам обратно на яхту? Что нам делать на этом острове?

— Парень, которого вы наняли вместе с лодкой, сказал нам, где вас найти, Бойд,— говорит Чапмен.— Мы заверили его, что вы вернетесь с нами и ему нет надобности оставаться здесь.

Я широко улыбаюсь ему.

— Вы все предусмотрели. И что же он ответил?

— Что это его устраивает.— Чапмен пожимает плечами.— А что бы вы от него хотели?

— Ну, не знаю... Может быть, несколько прощальных слов.

Амброз поднимается с земли. Это усилие вызывает у него гримасу.

— Ах! Как только я подумаю об этой милой маленькой Соне, входящей в Институт красоты! Посмотреть бы на их лица, когда Соня... Ха-ха!.. Господи, боже мой!

Все, в том числе и я, оборачиваются, чтобы посмотреть, что так поразило Амброза.

Лейла раздвигает заросли и выходит на пляж.

— Лейла! — вскрикивает Бетти. Вся кровь отливает от ее лица.

— Как дела, дорогая? — с нежной заботливостью спрашивает Ромней.— Я не мог приехать раньше и...

Два выстрела над моим ухом чуть не разрывают мне барабанные перепонки. Ромней захлебывается словами и замирает. Струя черной крови бьет у него из груди. Покачнувшись, он падает навзничь, прямо в воду.

Лейла испускает пронзительный крик. Она бросается к воде и замирает над самой кромкой пляжа, словно окаменев.

Все три подбородка Амброза Нормана дрожат в унисон. Глаза его в полном недоумении вылезают из орбит.

— Феликс,— слова с трудом вырываются из его дрожащего горла.— Почему вы это сделали?

Феликс Паркер держит пистолет твердой рукой. У меня создается впечатление, что следующим буду я.

— Я почти не сомневался,— сухо говорит он,— что Лейла не умерла... Следовательно, Ромней не мог найти ее труп в ту ночь. А значит, он был с ней в сговоре? Понятно вам?

— Но поскольку мы видим Лейлу живой и невреди-

мой,— задыхающимся голосом говорит Бетти,— то нам нечего больше бояться. Не будет расследования, не будет ничего...— Она поворачивается к Паркеру.— Зачем было убивать Ромнея? В этом не было необходимости! Это глупо!

— А вы помните, что я говорил вчера вечером? Что это никогда не кончится? Всегда под той или иной личиной найдется какой-нибудь Данни Бойд, где бы мы ни были и куда бы мы ни направились.

— Да,— ворчит Чапмен.— Я чертовски хорошо это понимаю, потому что думаю точно так же.

— Поразмыслите немного, Бетти, и вы тоже, Амброз,— говорит он через несколько мгновений.— Разве это началось не с Деймона Гилберта? Он принялся за нас, всячески унижая, а кончил тем, что ограбил наши души... Хотите знать, почему? Потому что у нас никогда не хватало мужества дать ему отпор.

— Феликс! — взвизгивает Амброз.— Неужели это вы?

— Неужели я его убил? Совершенно верно! Я убил его! Если бы вы только могли представить себе то наслаждение, с каким я держал голову Гилберта под водой, пока он не перестал вырываться и дергаться!

Я слышу хриплое дыхание Лейлы, отвернувшейся от трупа Ромнея. Впервые с той минуты, как был убит Джек, ее глаза обращаются к Паркеру. Ее лицо напоминает маску с чертами, искаженными ненавистью.

— Вы понимаете, к чему я веду? — спрашивает Паркер тоном полнейшей искренности.— Я слишком долго ждал, пока наберусь достаточно мужества, чтобы освободиться от человека, который терроризировал меня даже во сне! Если бы у меня хватило мужества сделать это раньше, всего этого не случилось бы... Вот почему я убил Деймона.

— Все равно не понимаю,— мрачно говорит Бетти.— Деймон Гилберт был подонок, но за что вы убили Ромнея?

— Деймон умер, но он оставил дочь, которая, кажется, решила идти по стопам отца и пользоваться его методами, чтобы держать в своих руках все окружение. Вы согласны с этим? Вы поверили, что случилось чудо, и она мертва. И кто тут же появился на сцене?

— Бойд! — Неуверенно подсказывает Амброз.

— Вчера вечером вы все согласились, что необходимость заставляет нас отделаться от него,— заявляет Феликс.— Для этого вы выбрали меня. Потому-то мы здесь, не так ли? И что же произошло? Лейла Гилберт воскресла! Автоматически мы оказываемся в том же положении, что существовало до той памятной ночи, но для нас ситуация

гораздо ухудшилась и осложнилась. И вот появляется Бойд, который здесь для того, чтобы сорвать с нас последние клочья самолюбия и оставить нас совершенно голыми, как только у нас появляется желание открыть рот!

Чапмен ворчит, свирепо пережевывая свою сигару.

— Поэтому я и говорю, что пора кончать.

— Если, убив Ромнея, мы освободимся от Лейлы и Бойда,— продолжает Паркер,— то незачем колебаться.

— Вполне разумное заключение,— спокойно подтверждает Чапмен.

— И что же... что вы теперь будете делать? — заикается Амброз.

— Вернемся к нашему первоначальному плану и отделаемся от Бойда,— успокаивающим тоном объясняет Феликс, словно няня, уговаривающая ребенка.— В общем, ситуация остается неизменной, Амброз.

Бетти спрашивает:

— А Лейла?

Феликс широко улыбается.

— Лейла ведь мертва! Ее сожрала акула — разве вы не помните? Ромней определенно рассказал об этом.

— И, приняв во внимание, что она мертва... — подсказывает Чапмен.

Феликс заканчивает:

— Ей нет никакой необходимости воскресать.

— Я еще увижу, как вы будете жариться в аду! Вы убили моего отца! — зловещим голосом говорит Лейла.

— Заткнитесь, Лейла! — кричит ей Феликс.— Трупы не разговаривают!

— А что вы будете говорить, когда мы вернемся? — спрашивает Бетти.— Как вы объясните исчезновение Ромнея и Бойда? Ведь этот тип, которого нанял Данни, знает, что они были здесь, с нами! Вы совсем потеряли голову, Феликс, если вообразили, будто у нас есть хоть малейший шанс выйти из этого сухими!

На наших глазах с Феликсом происходит внезапная перемена. Злобный, затравленный зверь, борющийся за свою жизнь любыми средствами, снова превращается в неотразимо обаятельного героя. Кажется, он вырос на десять сантиметров и снова подавляет нас своим благородством.

— Сейчас мне пришло в голову решение этой небольшой проблемы, дорогая Бетти. Бойд не проглотил историю с акулой, которую преподнес ему Ромней, и пожелал провести свое собственное расследование. Он нанял яхту

и приехал на этот остров. Позже мы, его добрые друзья, отправились искать его. Когда хозяин лодки, нанятой Бойдом, сказал нам, что он находится здесь, ужасная перемена произошла с Ромнеем — он словно сошел с ума! — Феликс негромко смеется. — Я думаю, это понравится вам, Ларри! Едва мы прибыли сюда, как Ромней спрыгнул на берег и исчез в зарослях. Мы отправились на его поиски и через десять минут услышали два выстрела... В конце концов мы их нашли. И знаете что? Лейла Гилберт попала не в зубы акулы, а в лапы сексуального маньяка. Он держал ее здесь, чтобы без помех удовлетворять свои эротические фантазии вдали от мира и в полной безнаказанности, так как все считали ее мертвой. Бойд помогал Лейле добраться до пляжа, когда Ромней попал им навстречу, разъяренный до последней степени. Бойд сразу же все понял, но Ромней успел всадить ему пулю в грудь, и он покотился по песку. Думая, что Бойд мертв, Ромней бросился к Лейле и убил и ее. Но тем временем храбрый частный детектив сумел достать свой револьвер. — Феликс пародирует тон телекомментаторов, и должен сказать, что ему это здорово удается. — Перед тем как испустить последний вздох, Бойд прицеливается и стреляет. Происходит то, что и произошло в действительности несколько минут назад: Ромней падает в воду.

— Феликс, вы гений! — восхищенно восклицает Чапмен. — Это замечательно!

Паркер принимает воинственный вид.

— Теперь пусть выскажется каждый. Я знаю, что Ларри со мной. А вы, Амброз?

— Я? — Амброз дважды сглатывает слюну. — Хорошо... да, я с вами, Феликс. Но знаете ли, мне все это совсем не нравится.

— Я был уверен, что вы согласитесь, — кивает Феликс. Уголки его рта презрительно опускаются. — Ну что же, Бетти, оставайтесь только вы.

Бетти смотрит на него молча добрых десять секунд. Ее глаза точно две черных прорези в алебастровой маске.

— Нет, — говорит она наконец. — Я не могу... И я не хочу! — Она безнадежно качает головой. — Если хотите знать, Феликс, то вы еще хуже Деймона Гилберта!

— Право, мне жаль, что вы так думаете, Бетти, — говорит он. — Вы уверены, что это ваше последнее слово?

— Уверена, — беззвучно отвечает Бетти.

— Никогда нельзя предсказать, скольких человек убьет безумец, прежде чем будет обезврежен, не так ли, Фе-

ликс? — говорит Чапмен. — Мне кажется, что общее число может безболезненно увеличиваться.

Феликс кивает головой.

— Совершенно верно. И мне кажется, что больше нельзя терять времени. Вот что я предлагаю: я начинаю с того, что убиваю одного из них, а затем каждый из вас убивает своего. Таким образом, вина будет разделена равномерно, и каждый из нас будет уверен, что остальные сохраняют тайну. Возражений нет?

— Никогда в жизни не держал в руках револьвера, — хнычет Амброз. — Феликс, я не человек дела. Нужно, чтобы вы...

— Не глупите, — обрывает его Феликс. — Я научу вас обращаться с оружием... А если понадобится, то буду держать вашу руку.

Пистолет в его руке поднимается. На этот раз нет никаких сомнений: он направлен на меня.

— Выбираю я, — говорит он. — Я настаиваю на своем праве, потому что не хочу уступить удовольствия убить Бойда. Но успокойтесь, Данни, — он улыбается во весь рот. — Мы сделаем из вас легендарного героя.

В моих ушах раздается звук выстрела, и фигура Паркера сгибается пополам. Пистолет выскальзывает из его рук, он покачивается и испускает болезненный стон.

Чапмен на долю секунды позже, чем надо, рванулся к оружию. Я разбиваю его пальцы ударом каблука. Он воет от боли и больше совсем не интересуется пистолетом. Он всем телом поворачивается ко мне, втянув голову в массивные плечи, что придает ему сходство с гориллой. Я стремительно бросаюсь на него и трижды бью кулаком в желудок. Никакого результата — у этого парня железобетонный живот. Тогда я нацеливаюсь ему в адамово яблоко. Но я недостаточно быстр, и его костлявая рука сжимается вокруг моей шеи и начинает душить меня.

Я понимаю, что мне не выскользнуть из этих тисков, и остается мало времени, пока небольшое количество воздуха в легких еще не использовано до конца.

Я ясно ощущаю тяжесть незаряженного револьвера в своем кармане, и моя правая рука немедленно сжимает его дуло.

Оглушительный звон наполняет мои уши, а гримасничающее лицо Чапмена передо мной становится все туманнее. С невероятным трудом я заставляю свою правую руку описать полукруг в воздухе, и рукоятка револьвера бьет

Ларри в висок. Раздается отвратительный звук ломающейся кости.

Тиски вокруг моей шеи сразу же слабеют и, раскинув руки, Чапмен падает на песок.

Я полной грудью вдыхаю свежий воздух, зрение мое проясняется, и шум крови в ушах постепенно стихает. Чапмен лежит на земле, словно куча грязного тряпья, и я понимаю, что в настоящий момент могу пока позабыть о нем. Обернувшись, я натываюсь взглядом на Феликса Паркера — он стоит у самой воды, спиной ко мне, согнувшись от боли.

Пиджак его весь в крови, вид у него немного осатаневший. Поток непонятных ругательств вырывается у него изо рта, а взгляд его прикован к морской бездне у его ног.

Не понимаю, что с ним произошло! Почему он словно прирос к месту? Я приближаюсь к нему. Ноги еще плохо слушаются меня, но усилием воли я заставляю себя передвигаться. Еще два шага, и я стою рядом с ним. С трудом прочистив горло, я окликаю Паркера:

— Феликс!

Кажется, он меня не слышит. Я внимательно разглядываю его. Глаза Паркера широко раскрыты, и он с ужасом смотрит на что-то у своих ног.

Лицо его застыло такой неподвижной маской, словно он сотню лет пролежал в толще ледника. Только губы лихорадочно шевелятся, испуская бессвязный поток слов.

Я опускаю глаза вниз, к его ногам, и чувствую, что погружаюсь в кошмар. Треугольные спинные плавники прорезают воду в двух шагах от меня и погружаются в глубину. Там, на дне, кишит покрасневшая вода, закрученная водоворотом серых хищниц, рвущих сырое мясо Ромнея.

Теперь я понимаю значение звуков, вырывающихся изо рта Паркера: это пароксизм страха и покаянная молитва. И это Феликс, собственными руками создавший кошмар, волнующий воды у его ног!

Отступая от кромки воды, я на мгновение вижу белое брюхо и развернутую пасть с двойным рядом кошмарных зубов.

— Данни! — звучит за моей спиной обеспокоенный голос. — Как вы себя чувствуете, старина? — Широкий силуэт Кларри показывается из-за деревьев. В руке он держит ружье. — Я заблудился, возвращаясь на этот проклятый остров, — говорит он. — Иначе я бы появился здесь уже

давно. — Он взглядом оценивает обстановку. — Я не думал, что сразу попаду в этого ублюдка.

Он смотрит через мое плечо, и глаза его расширяются.

— Черт возьми! — говорит он охрипшим голосом.

Я резко оборачиваюсь. Лейла, оказывается, подошла к Паркеру и ласково обняла его за плечи. Они в каких-то двадцати сантиметрах от воды. Она, склонившись над ним, что-то шепчет ему на ухо с демонической улыбкой на губах.

Кларри быстро направляется к ним, я за ним. Но тут Лейла некстати поворачивает голову и замечает наше приближение. В последний раз я вижу ее огромные кобальтово-синие глаза. Они словно стуски огня, ибо играющие в них дьявольские искорки разожгли сумасшедшее пламя.

— Мой отец, Деймон Гилберт, был бы доволен этим, — говорит она тоном послушной ученицы.

Обвив обеими руками талию Феликса Паркера, она увлекает его с собой в пучину. •

Дикий крик срывается с ее губ, когда их тела касаются воды. На минуту водоворот стихает, и вода исступленно волнуется. Я не могу пошевелиться, даже под страхом смерти я не смог бы сделать ни шагу.

Кларри гигантскими прыжками приближается к кромке воды и смотрит себе под ноги. Когда он поворачивается ко мне, лицо его серо и покрыто мелкими каплями пота. Глаза отражают только что увиденное зрелище.

Бетти и Амброз окаменели, охваченные ужасом.

— Кларри, — наконец выдавливаю я. — Как вы оказались здесь в самую подходящую минуту?

— Я обошел вокруг острова и бросил якорь на противоположной стороне, — он пытается слабо улыбнуться. — Я сказал себе: этот Данни Бойд сунул нос в осиное гнездо. А он даже не умеет как следует говорить по-английски.

— Научите меня, милый брат! Лучшего профессора не найти!

Кларри опускается на колени возле Чапмена, который ни разу не пошевелился с тех пор, как упал на землю, и внимательно рассматривает его. Поднявшись на ноги, он смотрит на меня, покачивая головой.

— Вы разрубили ему череп, словно яичную скорлупу, — почти весело сообщает он. — В общем, все злодеи умерли, а все хорошие уцелели!

— Хорошие... И один большой трус.

Кларри вежливо посмеивается, потому что думает, что

мое замечание продиктовано скромностью. Но глаза Амброза Нормана обещают мне вечную благодарность.

Кларри указывает на яхту, нанятую Ромнеем:

— Невозможно сразу вести два судна, старина, — говорит он. — Вот эта яхта избавит нас от ходьбы пешком. А завтра я вернусь за своей.

— Как вам угодно.

Через пять минут мы поднимаем якорь и медленно разворачиваемся кормой к берегу. Я бросаю последний взгляд на воду лагуны: она девственной чистоты и прозрачна, как кристалл. Все вокруг дышит тишиной и покоем... Идеальное место для умиротворенных размышлений о смысле бытия.

— Данни, — воркует Бетти, нежно прижимаясь ко мне упругой грудью. — В сущности акулы выполнили полезную работу. Они чистильщики моря. Благодаря им оно остается таким чистым и прозрачным.

— Это такая же точка зрения, как и всякая другая, — искренне отвечаю я.

Следующие два дня я переживаю совсем другой кошмар, населенный синими мундирами, задающими миллионы вопросов. Но я вполне понимаю, что волнует этих людей. Они ждали обычного расследования несчастного случая, а теперь у них на руках четверка мертвецов: три трупа послужили закуской для акул, а у четвертого раздроблен череп. Это не считая знаменитого Деймона Гилберта, утопленного год назад в Соединенных Штатах. К несчастью, только один труп у них на руках — Чапмена. Именно за него мне приходится отвечать.

Обстоятельством, отягощающим вину, является то, что смерть последовала от применения смит-вессона 38 калибра, незаконно привезенного в страну. Был момент, когда я почувствовал, что уже подготовлен к длительному пребыванию в Австралии.

Наконец, по истечении двух недель дела начали более или менее улаживаться. Согласно показаниям Бетти и Амброза, я использовал незаряженный револьвер в целях законной самообороны, а если бы я этого не сделал, то мы все трое были бы убиты. Кроме того, Кларри был хорошо известен местным властям, у него была прекрасная репутация; и это было гораздо полезнее, чем два предыдущих свидетельства.

В конце концов я заплатил штраф в триста долларов за незаконный провоз оружия в страну. Револьвер пришлось

оставить у них. Но я не огорчился: с деньгами всегда можно купить другой.

Кларри настоял на том, чтобы дать прощальный вечер. Он начался в шесть в пятницу и закончился в следующий вторник. Несмотря на это, я прекрасно помню, как выглядит Дорис.

Во вторник вечером я сажусь в самолет. Бетти составляет мне компанию, поэтому путешествие продолжается на целую неделю дольше, чем если бы я летел один. Бетти расстается со мной в слезах, а я уношу с собой воспоминания о ее роскошных бедрах.

Когда я, наконец, опять вижу Манхаттан, Рождество уже далеко позади, но снег все еще лежит на деревьях. Хмурым днем в середине января я иду по Уолл-стрит.

Джеймс Барт — тот же лысый увалень, бормочущий снова конфиденции окружающей мебели. Я солгал бы, если бы сказал, что он заплакал от радости, увидев меня.

— Мистер Бойд, если мне не изменяет память? — говорит он сухим тоном, обращаясь к своему календарю. — Чем могу быть вам полезен?

— Мало ли чем, — отвечаю я. — Например, вручив мне десять тысяч долларов, которые обещала мне Лейла Гилберт, если я найду убийцу ее отца.

— Как вам известно, мистер Бойд, мисс Гилберт мертва. И она не оставила завещания.

— Я могу доказать, что она определенно обещала мне десять тысяч долларов. У меня сохранился магнитофон.

Он пожимает плечами.

— Никакой надежды.

— Я могу доказать, что нашел убийцу ее отца. Это записано в рапортах австралийской полиции.

— Смешно, — холодно сообщает он.

Я с конфиденциальным видом наклоняюсь к нему и бросаю на него многозначительный взгляд.

— А как вы зарабатываете себе на жизнь теперь, когда отец и дочь Гилберт мертвы?

На его щеках загораются два красных пятнышка, а рука, судорожно сжавшая карандаш, дрожит.

— Взвесив все, мистер Бойд, — шепчет он своим ручным часам, — я пришел к выводу, что ваши притязания на часть наследства мисс Гилберт обоснованы. Естественно, я ничего не могу вам обещать, но думаю, что не ошибусь, если скажу, что не будет никакой необходимости в документах, удостоверяющих ваши права на эту часть наследства. Думаю, что будет достаточно моего свидетельства.

— Благодарю вас, мистер Барт. Надеюсь скоро получить от вас известия.

— Потребуется всего несколько дней, мистер Бойд,— говорит он.— Я употреблю весь свой авторитет, чтобы этот вопрос был скорейшим образом урегулирован.

— Вы очень любезны, мистер Барт.

— Пустяки! Просто я хочу, чтобы до конца ваших дней у вас не было ни малейшего желания и повода для визита в мою контору, мистер Бойд! Всего вам хорошего, и примите мои наилучшие пожелания!

Чтобы отпраздновать свое возвращение, я приглашаю Фран Джордан отобедать со мной в один уютный кабачок.

Не просидели мы и двадцати минут, как я заметил, что через два столика от нас сидит Амброз Норман. Он был с девочкой суперкласса, настоящей жемчужиной Манхаттана в черном платье от Диора, которое украшали несколько со вкусом подобранных безделушек от Картье.

Когда я приближаюсь к их столику, чтобы поздороваться, девушка небрежно играет маленьким золотым портсигаром, инкрустированным настоящим жемчугом. Я подошел немного сзади и вдыхая духи стоимостью пятьдесят долларов за унцию.

— Данни Бойд! — У Амброза вид весьма обрадованного и восхищенного поклонника моих талантов.— Вы один? Присоединяйтесь к нам!

— Я с моей секретаршей Фран Джордан.

— Берите ее с собой! Она не откажется выпить стаканчик в нашей компании?

— Хорошо.

Я делаю ему знаки, чтобы он представил меня своей пассии.

— О! Извините.— Амброз удивленно смотрит на меня.— Кошечка! Это Данни Бойд.

Она медленно поворачивает голову и улыбается мне. Она восхитительна! Ее тонкое очарование обволакивает вас и медленно подчиняет своей воле...

Натуральная блондинка с прической в три этажа — высший шик... А эти ореховые глаза...

— Хэлло, Данни,— мурлычет она очаровательным голосом.— Рада вас вновь видеть.

— О! Я... Очень любезно с вашей стороны... Но... Разве мы с вами уже встречались?

Уголки ее рта слегка приподнимаются.

— Вы меня не узнаете? Позвольте освежить вашу память...

Под мою руку проскальзывает нежная ручка с холеными пальчиками и тихонько прижимается к моей груди. Божественное ощущение!

Но через секунду я непроизвольно вскрикиваю от боли, так как нежные пальчики впиваются мне в тело.

Я смотрю на нее и не верю своим глазам.

— Соня?

— Конечно же, Данни,— говорит она кокетливо. Ее губки мило улыбаются мне, в глазах горят насмешливые огоньки.

— Я покончил с примитивным периодом,— с энтузиазмом объясняет Амброз,— а период переходного состояния я просто проскочил. Как вам нравится новая Соня?

— Фантастично! — отзываюсь я.— Как ей удалось избавиться от акцента и так быстро научиться правильному английскому?

— Я нашел ей хорошего учителя — молодого человека, похожего на Эррола Флина.

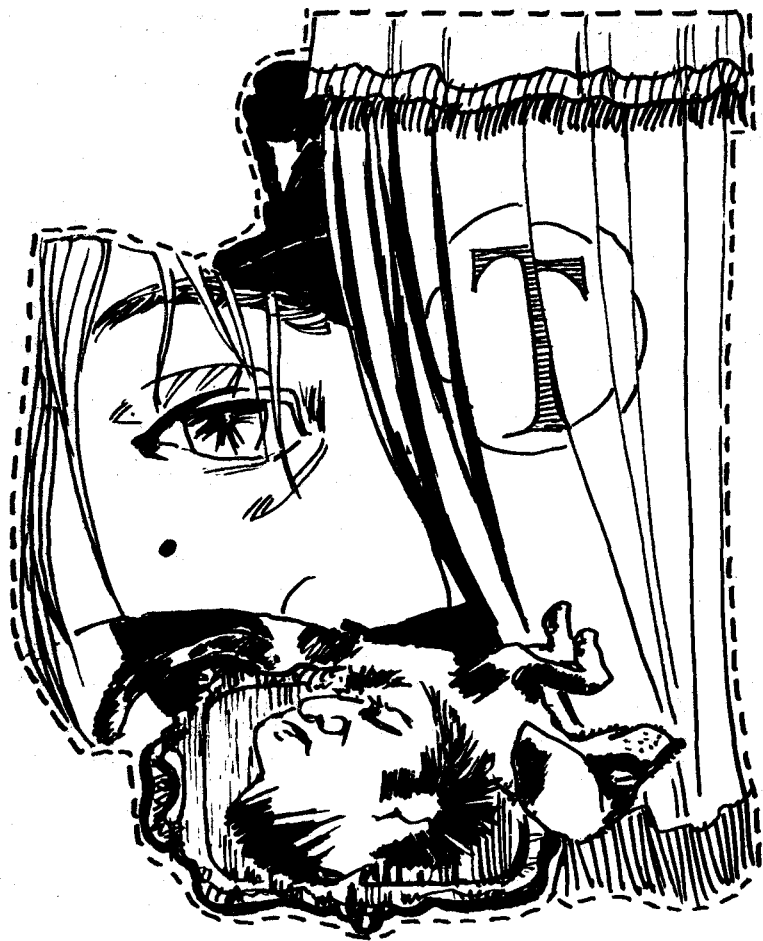
— Такая же мускулатура,— шепчет Соня.

— Они работали день и ночь без перерыва.

— Особенно ночью,— Соня нежно улыбается.

— Мне доставило большое удовольствие увидеться с вами,— говорю я умирающим голосом.— Ну, мне пора за свой столик. Фран там совсем заскучала.

— Да, конечно, я понимаю,— говорит Амброз.— До свидания, Данни.

ЖЕСТОКАЯ САЛОМЕЯ

Глава 1

Она совершенно не была похожа на знаменитую певицу. Возможно, ее неуклюжий костюм из твида произвел на меня такое обманчивое впечатление, а именно под ним скрывалось великолепное тело примадонны.

— Да? — спросила она, задерживая дыхание.

В ее голосе и в ее глазах чувствовалось какое-то напряжение. Она вцепилась в дверь, готовая захлопнуть ее, пошевелись я хоть немного.

— Я — Дэнни Бойд, — сказал я и слегка повернул голову, чтобы она по достоинству оценила мой неотразимый профиль.

— Кто?

По ее очкам в голубой оправе я понял, что она была настолько близорука, что даже вблизи не разглядела бы мое лицо. Толстые линзы увеличивали ее глаза, но я не сказал бы, что от этого они стали красивее. Сейчас они были похожи на две грязные лужи, под ними могло скрываться все, что угодно.

— Я не перепутал номер? — спросил я, начиная сомневаться. — Мне нужна Донна Альберта.

— О да! — энергично кивнула она. — Я Хелен Милз — ее секретарь.

— Она позвонила мне час назад, — объяснил я, начиная нервничать. — Просила придти как можно скорее.

У Хелен Милз был по-прежнему нерешительный вид, словно она никак не могла сообразить, говорю ли я правду или, может, я насильник, который вышел на свою утреннюю охоту.

— Я спрошу, — наконец прозвучало в ответ. — Подождите здесь.

Дверь резко захлопнулась перед самым моим носом, и не отшатнись я, дело могло закончиться травмой. Их

у меня было уже предостаточно, и получить еще одну от Хелен Милз мне совсем не улыбалось. Неожиданно дверь снова распахнулась, и по тому, как изменилось выражение ее лица, стало понятно, что мои рекомендации в порядке и путь наконец-то свободен, хотя за толстыми линзами все еще можно было разглядеть явное неодобрение моему присутствию.

— Мисс Альберта ждет вас, мистер Бойд, — сказала она, снова задержав дыхание.

Войдя, я огляделся по сторонам с видом американца, имеющего возможность снять точно такой же номер в «Уолдорф Тауэрз». Номер был именно таким, каким я его и представлял. Единственное, что не вполне вязалось с ним, внося явно диссонирующую ноту в его роскошную обстановку, были двое в гостиной.

Дама громко и картинно рыдала. Поглядев же на выражение лица мужчины, легко было понять, что страдание вовсе не входило в его планы. Я сразу понял, что рыдающая дама с густыми серебристо-светлыми волосами и была Донна Альберта. На ней была плотная шелковая блуза. Цвет ее напоминал цвет металла, из которого делают оружие. Блуза плотно облегла резко выступающие вершины ее величественной груди. Это были поистине олимпийские вершины. У меня мелькнула неплохая мысль: если такая грудь — результат пения в опере, то всех девочек нужно заставлять петь пару часов в день с самого раннего возраста. Туго затянутый красный пояс выгодно подчеркивал ее тонкую талию, а брюки, цвета розового леденца, еще более плотно облегали ее большие бедра и длинные ноги. Даже в необыкновенной обстановке «Тауэрз» она смотрелась достаточно уместной.

— Мистер Бойд, — всхлипнула она, — это мистер Касплин, мой управляющий.

Мистер Касплин был чуть повыше лилипута. Он сидел в кресле, и ноги его не доставали до ковра. Пожалуй, только женщина с расстроенным материнским инстинктом могла бы назвать его привлекательным. Его голова совершенно не гармонировала с остальной частью тела. Она была красива, как у скворца. Совершенная симметрия черт была увенчана блестящими черными волосами, тщательно уложенными назад с широкого лба таким образом, чтобы в наиболее выгодном свете представить каждый естественный завиток. Рот его был сжат, а в глазах читалась мудрая сдержанность лилипута по отношению к миру слабоумных великанов, в котором он вынужден был жить.

— Присаживайтесь, мистер Бойд.

Голос у него тоже был какой-то птичий.

— Вам, наверное, не терпится узнать, зачем вы понадобились мисс Альберте?

Я присел на тахту напротив. Хелен Милз истуканом застыла за стулом Донны Альберты.

— Если цена подходящая, справимся хоть с чем,— сказал я.

Касплин достал из кармана серебряный футляр, открыл крышку — внутри был серый порошок. Большим и указательным пальцем он прихватил щепотку порошка и поочередно поднес к каждой ноздре, изысканно вдыхая его. Голова у него была повернута набок, и сейчас он еще больше был похож на птицу. Удивленную хищную птицу в момент выстрела.

— Понюхайте, мистер Бойд,— мягко произнес он, угадав мой непрозвучавший вопрос.— Это успокаивает нервы.

— Касплин! — дивное сопрано Донны Альберты полилось мощным потоком.— Не теряйте времени, расскажите о Ники.

— Да, конечно,— резко ответил он.— Но сначала, мистер Бойд, вы должны твердо уяснить, что все это очень конфиденциально.

— Разумеется,— кивнул я.

— Ники,— всхлипнула Донна Альберта.— Мой бедняжка Ники!

— Его украли два дня назад.

Голос Касплина звучал напряженно.

— Вы связались с ФБР? — спросил я.

— Нет,— он покачал головой.— Мисс Альберта не хотела беспокоить их при данных обстоятельствах.

— «Не хотела беспокоить»? — повторил я с удивлением.

В его глазах появилось и тут же исчезло злобное выражение.

— Полагаю, нужно объяснить вам,— мягко сказал он.— Ники — пекинес.

— Собака? — я даже задохнулся.

— Собака,— подтвердил он.

— Очень смешно,— выдавил я из себя, вставая.— Я пришлю вам счет за потраченное время.

— Сядьте! — резко сказал Касплин.— Это совсем не смешно, мистер Бойд. Ники вернули сегодня утром в подарочной упаковке. Мертвым. Кто-то выпотрошил его не хуже хирурга.

Несколько секунд я сидел молча, слушая музыкальное рыдание Донны Альберты, заполняющее гостиную.

— Шутка для крепких желудков, мистер Бойд, — закончил Касплин. — Мы бы хотели, чтобы вы провели расследование и нашли убийцу.

— Расследовать убийство собаки? — уставился я на Касплина. — Вы хоть представляете, сколько это будет стоить?

— Донна Альберта все оплатит, — ответил он. — В данном случае деньги не имеют значения.

Я расслабился. С этого момента они стали моими клиентами. Я даже зажег сигарету, на которую Касплин уставился так, словно ему нанесли личное оскорбление.

— Ненавидели собаку или Донну Альберту? — спросил я.

— Для этого мисс Альберта и пригласила вас, Бойд, — едко заметил он. — Выясняйте. У нее и так хватает проблем — осталось всего четыре дня до премьеры. А тут еще этот Эрл Харви...

— Эрл Харви? — стараясь казаться безучастным, переспросил я.

В глазах Касплина промелькнуло явное недоверие.

— Да, импресарио. Вы что-то о нем слышали?

— Подстрекатель, а не импресарио! — темпераментно вмешалась Донна Альберта.

— О Харви я действительно слышал, — осторожно ответил я. — Только никогда не слышал, что он участвует в культурных забегах.

— Ха! — Донна Альберта вскочила. Маска скорби сменилась на ее лице трагедийной маской. — Что, Касплин? Даже частный детектив ужаснулся при упоминании его имени! И в руки этого человека ты отдал бессмертное сопрано Донны Альберты!

— Послушай... — начал Касплин.

— Я что? Заклинатель змей? — в отчаянье вопрошала она. — Рок-певичка?!

Она неожиданно завияла бедрами, подражая кумиру подростков.

— Донна, пожалуйста! — Касплин сделал слабый протестующий жест рукой, затем устало закрыл глаза. — Мы уже тысячу раз говорили об этом... Эрл Харви платит жалование за ваш великий голос плюс пятнадцать процентов с прибыли. Метрополитен когда-нибудь выплачивал примадонне проценты?

Но было ясно, что примадонне наплевать на логику. Она

со знанием дела доводила себя до примитивного неистовства.

— Как ты смеешь сравнивать этого вонючего борова со Второй авеню с Метрополитен?! — вопила она над склоненной головой своего управляющего. — Ты сумасшедший, Касплин! Ты оскорбил не только меня! Ты оскорбил искусство!

Касплин приоткрыл маленький блестящий глаз и уныло уставился на меня.

— Это надолго, — сказал он, явно имея в виду горластую фурию, которая своим голосом, похоже, хотела сдвинуть на несколько дюймов с фундамента «Тауэрз».

— Подожду, — громко, рассчитывая, что меня услышат, сказал я. — Вы платите за мое время.

— Это один из ее плохих дней, — сказал он, посмотрев на часы. — Может, нам лучше встретиться у меня в конторе? Скажем, часа через два?

— Идет! — кивнул я и встал.

Касплин протянул мне визитную карточку, затем снова вытянулся в кресле и закрыл глаза. Голос Донны Альберты — взволнованный и очень громкий — звучал все выше и мощнее. Я вышел из номера за несколько секунд до того, как со стен, наверное, посыпались картины. На пути к лифту меня остановило нервное прикосновение к локтю. Я оглянулся — Хелен Милз смотрела на меня из-за мощнейших линз.

— Не обращайтесь внимания на Донну Альберту, мистер Бойд, — сказала она с придыханием. — Не надо забывать, что она великая певица, а этот Касплин — чудовище! — настаивал, чтобы она участвовала во всем этом ужасе!

— Что касается меня, то я нахожу театр на Второй авеню чудесным, — заверил я ее. — Я также не имею ничего против постановок на Бродвее. И вообще — я демократ. Я даже живу на Сентрал Парк Вест.

— Она сейчас не в себе, — настойчиво продолжала Хелен Милз. — Вы не должны винить бедняжку. Я имею в виду, что Ники вернули в... пакете! Потом эта премьера так скоро... Да еще этот ужасный танец...

— Танец?

— Конечно. Ей придется исполнять танец. Знаете? Сбрасывать с себя одежды. Этот Эрл Харви — маньяк, помешанный на эротических сценах. Он настаивает на том, чтобы она сбросила все семь одеяний.

Глаза мои плотно закрылись, и я вдруг почувствовал симпатию к Касплину.

— Что-нибудь случилось, мистер Бойд? — с волнением спросила она.

— Все семь? — тихо переспросил я.

— О! — в ее голосе зазвенело презрение. — Разве вы не знаете, что это «Саломея»?

— Оскара Уайльда?

— Рихарда Штрауса, — с каждым словом ее голос становился холоднее. — Он написал оперу по пьесе Оскара Уайльда.

— И Донна Альберта будет петь Саломею? И, к тому же, танцевать, сбрасывая с себя одежды? — мои глаза широко раскрылись и, должно быть, так вспыхнули, что Хелен Милз отпрянула назад.

— Где можно достать билеты? — возбужденно спросил я.

— Мистер Бойд! — ее ноздри раздувались от возмущения. — Вы отвратительны!

Она устремилась по коридору к номеру и даже в этом ее ужасном костюме ей удалось всем своим видом выразить вопиющее презрение.

Уединившись в баре на Медисон авеню, я выпил пару martinis и задумался. Стоило мне закрыть глаза, как я отчетливо видел самого себя, расследующего смерть пекинеса. Я стоял на четвереньках где-то на Второй авеню и гавкал вопросы датскому догу-суке:

— Когда в последний раз вы видели Ника де Пекинеса?

И всякий раз, когда я уже готов был кинуться к ближайшему телефону и сказать Донне Альберте, что черта с два, пусть она найдет кого-нибудь другого, в голове у меня возникала картина: последнее покрывало медленно падает с великолепного тела... Я понял, что попался на крючок.

Я пришел в контору к Касплину ровно через два часа после того, как покинул номер в гостинице. Секретарь в приемной была слишком велика, чтобы справляться с двумя делами одновременно. Похожая на изваяние, рыжеволосая, почти шести футов ростом. Если моя теория была правильной, то, судя по тому, какую грудь облегал ее полувер, у нее должен был быть неплохой голос певицы.

— Мистер Касплин назначил мне встречу, — сказал я. — Мое имя Бойд.

Она заглянула в блокнот и покачал головой.

— Извините.— Ее голос был определенно контральто.— У меня не записано.

— Извините и вы меня,— искренне огорчился я.— Получается, как с кораблями в ночи или что-то вроде этого. Если бы мое имя было у вас записано, из этого могло бы многое получиться.

Я снова покосился на ее грудь.

— Кто-нибудь говорил вам, что вы должны петь в опере?

— По-моему, мне знаком ваш профиль,— сказала она, внимательно рассматривая меня.— Это не вы носили копье в Метрополитен в прошлом сезоне?

— Только на премьере,— согласился я.— Упал занавес, я поклонился одновременно с примадонной. Она стояла передо мной. Копье пошло вперед, а она стала пятиться задом...— Я пожал плечами.— Знаете, как сложены примадонны? Могу я все-таки видеть Касплина? — Внезапно меня осенило: — Может быть, вы предпочитаете, чтобы я ворвался силой?

Она, в свою очередь, пожала плечами. Это было похоже на первые толчки землетрясение, когда на ваших глазах появляются новые, Бог знает где таившиеся до этого возвышенности. Она подняла телефонную трубку и несколько секунд говорила с Касплином. Потом еще раз пожала плечами, и я едва удержался от аплодисментов — зрелище было потрясающее.

— Это, наверное, из-за погоды,— сказала она.— Все буквально помешались. Он просит вас войти к нему.

Касплин сидел за огромным пустым столом из черного дерева. Выглядел он, как генерал, подготовивший поле боя и внезапно узнавший, что какой-то растяпа в Пентагоне отправил войска на другой континент.

— Присаживайтесь, Бойд,— чирикнул он.— Рад, что вы пунктуальны.

— Рад, что вы рады,— весело ответил я, присаживаясь.— Такие мелочи ну просто очень важны в жизни частного сыщика, ведущего следствие по делу об убийстве собаки!

— Вы находите смерть собаки забавной? — мрачно спросил он.

— Я еще не совсем в этом уверен. Расскажите подробнее об этом захватывающем деле.

— Рассказывать, собственно, почти нечего.— Его голос звучал устало.— Это случилось днем. Когда позвонили, Милз была в номере. Ей показалось, что звонили от

швейцара из театра, где в это время репетировала мисс Альберта. Сказали, что она хочет, чтобы Ники был рядом с ней, в театре, и направляет посыльного, чтобы забрать его. Примерно через полчаса появился человек и забрал собаку. На нем были униформа посыльного, и Хелен отдала ему собаку. Она даже не запомнила, как он выглядел.

— Хорошая помощь, — мрачно заметил я. — Что еще?

— Я, конечно, связался со всеми посыльными службами. Нигде не было записи о подобного рода услуге. Полагаю, униформа была ненастоящей.

В его руках появилась серебряная коробочка. Пришлось подождать, пока закончится нюхательная процедура.

— Вот что меня беспокоит, Бойд, — наконец продолжил он. — Не является ли вся эта история с собакой прелюдией к чему-то более худшему?

— То есть, вы предполагаете, что тот, кто убил собаку, попытается в следующий раз сделать то же самое с человеком?

— Совершенно верно, — кивнул он. Его слишком большая голова дернулась, как у марионетки. — В оперной труппе, Бойд, разгораются очень сильные, а иногда и очень странные страсти!

— Бывает, — вежливо согласился я.

— Мне бы хотелось, чтобы вы познакомились с основными действующими лицами, имеющими непосредственное отношение к постановке. Пол Кендалл — продюсер — сегодня устраивает вечер. Все они будут там. Приходите.

— Благодарю, — сказал я. — Кендалл обо мне что-нибудь знает?

— Он не будет против, — уверенно сказал Касплин. — Вечер должен начаться в одиннадцать. Пол просил не опаздывать. Адрес я вам дам.

Позолоченным карандашом он записал адрес в блокноте, оторвал листок и бросил его через огромный стол ко мне.

— Не думаю, что сейчас мы могли бы обсудить что-нибудь еще. Предпочел бы встретиться с вами утром, после того, как вы познакомитесь с остальными. Надеюсь, вы поделитесь своими впечатлениями?

— Договорились, — сказал я, поднимаясь. — Я позвоню вам.

— Приходите в одиннадцать, — отрывисто сказал он.

В приемной я ненадолго задержался у стола рыжеволосого изваяния. Она посмотрела на меня без особого интереса, как будто я был чем-то из того, что оставил неради-

вый водопроводчик, который приходил ремонтировать трубы.

— Вы что-то хотели? — спросила она своим гортанным контральто.

— Судя по всему, я пою не в той тональности, — весело сказал я, поворачивая к ней свой роскошный профиль. — Но это совсем не значит, что мы не можем вместе наслаждаться прекрасной музыкой, не так ли?

— Нужна мне твоя музыка! — огрызнулась она. — Топай отсюда, великан!

Я вышел в чудесный свежий осенний воздух Нью-Йорка. Он настолько взбудрил меня, что мне показалось, что я снова стал маленьким провинциальным мальчишкой, который бежит через полыхающий осенними красками лес, видит мягко падающие на землю яркие листья и задыхается от терпкого запаха ранней солнечной осени. Мне даже захотелось съесть какую-нибудь простую домашнюю еду. Я, пожалуй, поддался бы этому настроению, будь у меня на ленч рюмка чего-нибудь покрепче, чтобы поддержать неожиданно навалившуюся ностальгию.

Глава 2

У Пола Кендалла была фешенебельная квартира с дворцом на Саттон Плейс. Роль дворцового я с удовольствием предоставил роскошной брюнетке, которая открыла мне дверь. Я только успел подумать, что сны, оказывается, могут стать явью, если вы достаточно сильно сконцентрируетесь. Ее волосы симпатично ниспадали распушенными шелковыми прядями. Они неплохо обрамляли ее волнующе впалые щеки и курносый нос. На ней был креповый черный топ, плотно облегавший небольшую упругую грудь, и белая юбка из тонкой кисеи, с рисунком в виде больших черных пятен. В ушах — огромные гроздья жемчуга, вокруг шеи — жемчужное ожерелье в три ряда. Ее большие темные глаза по-озорному блеснули, когда она улыбнулась мне.

— Продаете что-нибудь? — спросила она вибрирующим голосом.

— Задавать вопросы не входит в обязанность дворцовых, — ответил я. — Они лишь объявляют гостей.

— А вы гость? — ее явно не волновало, что вопрос мог обидеть меня.

— Я гость гостя, — осторожно ответил я. — Касплин

сказал, что Пол Кендалл будет рад видеть меня на своей вечеринке.

— Тогда все в порядке,— сказала она с облегчением.— Проходите.

Она закрыла дверь, потом обернулась и снова посмотрела на меня.

— Дэнни Бойд,— представился я.— Если хотите, можете спросить мой номер телефона.

— Не знала, что у Касплина есть друг.

— Будем считать, что из восьми миллионов, живущих в Нью-Йорке, именно со мной ему повезло.

Она улыбнулась:

— Меня зовут Марго Линн.

— Вы певица?

Улыбка сразу исчезла.

— Меццо-сопрано,— холодно сказала она.— Я вижу, что вы не часто ходите в Метрополитен, мистер Бойд?

— Извините, но что касается оперы, я профан.

— Не скромничайте, мистер Бойд! — ее зубы на секунду ослепительно блеснули.— Уверена, что вы профан еще очень во многом, кроме оперы. Или у вас такое же чувство юмора, как и у Пола Кендалла?

— К сожалению, я еще не знаком с Кендаллом.

Она повела плечом, и черный креп мягко зашуршал.

— Не могу гарантировать, что вы познакомитесь с ним сегодня вечером. Этот вечер совсем не означает, что он будет здесь. Пол любит пошутить. А если он все же придет, то обязательно опоздает. И это, как всегда, будет грандиозно. Скорее всего, он явится в сопровождении пожарных, которые зальют квартиру и всех гостей из шланга. Такой уж у него юмор. Если вы хотите довести его до истерики, сломайте себе руку в нескольких местах. Он будет умирать со смеху. Но все его почему-то любят — это как зараза!

— Кажется, он отличный малый,— согласился я.— Надеюсь, мне не посчастливится познакомиться с ним.

— Сейчас, кажется, около одиннадцати,— озабоченно сказала она.— Он настаивал, чтобы все собрались именно к этому времени. Так что, думаю, он скоро явится во всем великолепии, если явится вообще. Вам лучше пройти к остальным гостям, мистер Бойд, и немного выпить. Лучше, чтобы ваши нервы были в порядке к приходу Пола.

Марго Линн направилась в гостиную, я последовал за ней.

Одна из стен в комнате была стеклянной, через нее открывался вид на реку. Остальные стены были сплошь

увешаны программами разнообразных шоу. Все они, от опер до музыкальных комедий и простых пьес, были аккуратно упакованы в рамки. Продюсером этих, оставшихся в прошлом зрелищ, был Кендалл.

Мы остановились у бара, и меццо-сопрано терпеливо подождала, пока я сделаю себе дайкири. Затем она подвела меня к ближайшей паре и представила.

— Это мистер Бойд, — сказала она со скукой в голосе. — Уникальный тип — утверждает, что он друг Касплина.

— Знаю, — сказала Хелен Милз тихим голосом. — Мы уже встречались.

Она уставилась на меня сквозь свои мощные линзы, словно я был червяком в ее яблоке.

— Дорогая, судя по тому, как ты это говоришь, он, похоже, пытался тебя соблазнить, — в голосе Марго Линн появился интерес. — Может, это первый мужчина, сломавший твои оборонительные сооружения, Хелен? Если это так, он заслуживает медаль или что-нибудь в этом роде. Знаешь, как первый человек на луне?

— Не будь такой противной, Марго, пожалуйста, — сказала Хелен Милз дрожащим голосом. — Хоть раз можно не говорить о сексе?

— Извини, дорогая, — непринужденно ответила Марго. — Я все забываю, что ты у нас девушка, девушка и еще раз девушка. Вы знакомы с Рексом Тибольтом, мистер Бойд? — Она не дала мне ответить. — Хотя, откуда — вы же не ходите в Метрополитен, не так ли? Рекс — баритон, а эти его великолепные мускулы настоящие — так, по крайней мере, он сам говорит.

Тибольт был крупным малым, с грудью, похожей на бочонок, и лицом, какие часто встречаются в журнальных рекламах, расхваливающих принадлежности для занятий культуризмом. Только приглядевшись повнимательней, можно было заметить небольшую припухлость под глазами и то, что подбородок его уже начал отвисать.

— Рад познакомиться, Бойд, — сказал он гулким голосом. — Не обращайтесь внимания на Марго — она всегда начинает злиться, когда ее любовник не приходит вовремя.

— Слышал, что Пол Кендалл большой шутник, — подержал я разговор.

— Ладно, — уныло сказала Марго. — Похоже, вы достойны друг друга.

Она ушла в другой конец комнаты, где Донна Альберта в великолепном платье из серебристого лаке оживленно

беседовала с высоким типом явно романского происхождения. На вид он вполне мог померяться силами с Рексом Тибольтом.

— Марго — отличная девчонка, — добродушно сказал Рекс Тибольт. — Резковата, но постель с Кендаллом, судя по всему, пошла ей на пользу. А?

— Рекс, прошу... — Хелена Милз сказала это почти не дыша. — Ты как Марго! Разве нельзя говорить о чем-нибудь другом?

— Вы поете с Донной Альбертой в «Саломее»? — спросил я Тибольта.

— Да, — кивнул он. — Из-за нее я теряю свою голову. Он со смехом наклонился.

— Помню, — сказал я. — Саломея не станцует до тех пор, пока Ирод не предложит ей что-нибудь в качестве награды. А поскольку ей позарез надо избавиться от вас, она просит вашу голову на большом плоском блюде.

— Кендаллу сделали точную копию моей головы из глины, — сказал Тибольт. — Получилась, как настоящая. Парень, который ее делал, умолял вернуть ее после закрытия сезона для какой-то там выставки. Говорит, еще никогда ему не приходилось работать с таким классическим профилем, как у меня.

— Удивительное сходство, — поддержала Хелен Милз с невинным видом. — Даже загар получился. Но ведь глина — что-то вроде запеченной грязи, да?

Тибольт постарался выдавить из себя улыбку, хотя в глазах у него промелькнуло что-то, весьма похожее на ненависть.

— Не хотелось бы расставаться с вами, Хелен, — проникновенно сказал он, — но Донна Альберта, по-моему, слишком увлеклась беседой с этим мексиканцем. Не пора ли вам вмешаться?

Хелен Милз обернулась и, увидев, что собеседник Донны Альберты чересчур близко наклонился к ней, без промедления направилась в их сторону. Тибольт наблюдал за ней с довольной ухмылкой.

— Неразделенная любовь, — сказал он. — Вообще-то это трагично, но, что касается Хелен, всего лишь забавно. Эти ужасные очки... — он пожал плечами.

Я смотрел на уютно устроившуюся парочку, которую вот-вот должна была разбить Хелен Милз.

— А что это за тип с Донной Альбертой? — спросил я.

— Ирод, — Тибольт соорудил неприязненную грима-

су.— По его приказу ей приподносят мою голову на подносе.

— Как его зовут вне сцены? — терпеливо продолжал я расспросы.

— Луис Наварре — мексиканский тенор. Эрл Харви лез из кожи, стараясь заполучить более известного тенора, но пришлось довольствоваться Луисом.

— Плохонький певец?

— У него красивый голос, — неопределенно сказал Тибольт. — Если он найдет опытного преподавателя, то, возможно, лет через десять будет в состоянии исполнить партию в «Саломее».

Он пристально посмотрел поверх моего плеча и лицо его стало напряженным и жестким. Я повернул голову и увидел входящего в гостиную Касплина. За ним плелся еще какой-то тип.

— Импресарио и управляющий нашей знаменитой примадонны, — неприязненно пробормотал он. — Кто сказал, что лев не может лечь в постель с вошью? Думаю, вы извините меня, Бойд. Лучшие уж беседовать с Хелен Милз! — Он поспешно направился к группе в дальнем углу, где, похоже, были расстроены, когда Хелен присоединилась к ним.

Касплин маленькими изящными шажками направился ко мне. В руках у него была трость из черного дерева с серебряным набалдашником. На нем был великолепный темно-синий костюм и отличная кружевная рубашка. Следом за ним, отстав шага на два, тащился все тот же тип, похожий на телохранителя.

— Вижу, вы пришли вовремя, Бойд. Познакомьтесь — Эрл Харви, наш импресарио.

Только рядом с Касплином Харви выглядел большим. На самом деле, он был среднего роста. Его длинные и гладкие волосы мышиного цвета падали на лоб, что, по мнению их хозяина, должно было производить впечатление молодости и невинности. Как бы не так! У него был большой нос и широкий рот с тонкими губами. Цвет глаз очень напоминал цвет Гудзона в дождливое утро. Одежда была небрежной, но дорогой. Все вместе это производило впечатление сводника, очень довольного тем, что он заставил девчонок пройти через тяжкое испытание просто ради собственной забавы.

— Касплин рассказывал мне о вас, — сказал он неприятным скрипучим голосом. — Вы, кажется, ведете следствие по делу об убийстве собаки?

— Не придирайтесь,— вежливо ответил я.— Вы ведь тоже заработали свой первый гонорар на блошиных скачках, не так ли?

— Сейчас все, кого ни найми, ведут себя совершенно по-хамски,— проскрипел Харви, покосившись на Касплина.

— У Бойда репутация детектива, распутывающего самые сложные дела. К сожалению, никто не назвал его тактичным человеком,— решительно вмешался Касплин.— Почему бы тебе не выпить, Эрл?

— Ничего другого не остается,— проворчал Харви.— Вы сказали им, что я не против, что они немного кутнут, но только без пения! Я заплатил им кучу бабок, чтобы они драли глотку на Второй авеню, и не хочу, чтобы они даром разбрасывались своими голосами направо и налево!

Касплин поморщился.

— Я сказал им,— чирикнул он наконец своим птичьим голосом.— Они могут пить, драться, блудить, но только не петь.

— Да? — Харви сердито смотрел на него, но учтиво бесстрастное лицо Касплина не выражало больше никаких чувств.— Ладно, тогда пойду выпью.

Он еще раз недоверчиво глянул на Касплина и решительно пошел к бару. Я разыграл из себя удивленного идиота:

— И этот тип — импресарио? Одаривает людей оперным искусством?

— Кошмар, правда? — с неожиданным оживлением согласился карлик-щеголь.— Впрочем, контракты подписаны, премьера через три дня — приходится делать все наилучшим образом.

— Когда-то я слышал, что он собирался арендовать «Гарден» для проведения международного первенства по борьбе. Команда русских с командой американцев. Ему отказали.

— Слава Богу,— прощелкал Касплин.— Схватка была бы вооруженной!

Его руки беспрерывно вертели трость из черного дерева, и только когда он достал свой серебряный нюхательный футляр, трость обрела относительную неподвижность. Пока Касплин, склонив голову набок, нюхал свой серый порошок, я закурил.

— Пол Кендалл еще не появлялся? — неожиданно спросил он.

— Кажется, еще нет,— ответил я.— Может быть, решил не появляться, когда узнал, что явился Харви?

Его большая голова слегка качнулась.

— Это для него недостаточно веская причина. Держу пари, что отсутствие Пола означает какую-нибудь его глупую шуточку. Поэтому не удивляйтесь, если всех нас сегодня арестуют за посещение публичного дома или еще за что-нибудь такое же несмешное. В душе Пол так и остался школьником-переростком с грязными мыслишками.

— Что вы имеете в виду?

— Все, что вы видели сегодня вечером,— медленно произнес он.— Марго Линн стала его любовницей с самого начала, еще когда только набирали труппу. Очень типично для Пола — до начала постановки ему необходимо переспать с одной из ведущих певиц труппы.

— Думаю, этого захотел бы каждый, кто собирается ставить оперу,— весело заметил я.

Касплин одарил меня угрюмым взглядом.

— Две недели назад он вдруг потерял всякий интерес к Марго. Она до сих пор переживает.

— Устал? — спросил я.— Или нашел другую партнершу для постели?

— Заинтересовался Донной Альбертой.— Касплин говорил это без какой-либо особой интонации в голосе.— Последнее время он просто преследует ее.

— Успешно? — спросил я небрежно.

— Нет,— процедил он.— Я совершенно точно знаю, что она отвергла все его попытки.

— Думаете, что за это Кендалл мог убить собаку?

— Не думаю. Скорее всего, это Марго Линн,— спокойно ответил он.— Могут быть и другие варианты. С тем же упорством и таким же результатом с Донной Альбертой пытался преуспеть Рекс Тибольт. Не забывайте и о маленькой мышке с большими глазами.

— Хелен Милз?

— Хелен до смешного предана Донне Альберте,— он засмеялся тоненьким голоском.— Думаю, потому еще не родился тот, кто завоевал бы ее расположение. Понимаете, о чем я?

Неожиданно около нас появилась Марго Линн, прервав нашу интересную беседу.

— Привет, Касплин,— сказала она без особого энтузиазма.— Не думаю, что ты видел где-нибудь Пола?

— Не видел.

— Я бы с радостью перерезала ему глотку! — устало сказала она. — Устроил этот вечер, я торчу здесь... — Она уставилась на меня, будто только сейчас вспомнила о своих обязанностях хозяйки. — Вы со всеми познакомились, мистер Бойд?

— Кроме Луиса Наварре, — сказал я. — Могу подождать, если вы не настаиваете?

Касплин снова стал нетерпеливо крутить свою трость.

— Это уже слишком! Пол хочет, чтобы мы проторчали здесь всю ночь. Очередная его пакость.

— Не говори так, — испугалась Марго. — Который час? Я посмотрел на часы.

— Без десяти двенадцать.

— Все должны собраться в гостиной к полуночи, — как-то невыразительно сказала она.

— Зачем? — подозрительно спросил Касплин.

— Таково указание Пола. Как только пробьет двенадцать я должна открыть какую-то коробку, в которой находится то, что принесет нам удачу в премьере.

Она пожала плечами, и черный креп издал шелестящий звук.

— Вы проходите туда, а я соберу остальных гостей.

— Очередной абсурд, — на сей раз голос Касплина отдаленно напоминал рычание.

— Думаю, лучше оставить дверь открытой, — сказала Марго. — На случай, если он войдет.

— Разве нельзя, как все, воспользоваться звонком?

— Боюсь, не услышу его в гостиной из-за болтовни, — ответила она. — Будьте так добры, Касплин, проводите мистера Бойда в гостиную, а я тем временем соберу остальных.

В гостиной было полутемно. На полу лежал мягкий ворсистый ковер. Обеденный стол находился в нише. Вместо привычных стульев с трех сторон его окружала роскошно обитая кушетка. Посредине гостиной стояла большая черная коробка высотой примерно четыре фута. Она больше походила на упаковочный ящик, чем на коробку с сюрпризом.

— Что за черт? — начиная почему-то нервничать, спросил я.

— Нет никакого желания даже задумываться, — проворчал Касплин. — Там может быть все, что угодно, — от диких обезьян до спрессованной кучи заплесневелого мусора. Скорее всего, так оно и есть.

В гостиную вошла Донна Альберта с мексиканским

тенором. На шаг позади шла Хелен Милз. Следом вошла Марго, затем Рекс Тибольт, с затравленным выражением глаз. Эрл Харви что-то бубнил ему в самое ухо, словно это была последняя минута перед заключительной международной конференцией и Харви в качестве референта снабжал своего босса парочкой только что придуманных пакостей.

— Добрый вечер, мистер Бойд, — любезно прозвучал красивый голос Донны Альберты. — Очень рада вас здесь видеть.

Платье из серебристого лаке имело глубокий вырез, открывающий начало глубокого разлома между ослепительными пространствами упругой округлой плоти. Как говорят кинооператоры, мне пришлось быстро перевести фокус своих объективов — надо было продолжать беседу.

— Спасибо, — хрипло сказал я.

— Вы знакомы с Луисом Наварре? — Не дожидаясь ответа, она повернулась к красавцу с романским профилем. — Это мистер Бойд, Луис. Он помогает мне с Ники. — Ее глаза на секунду затуманились. — Мистер Бойд намерен найти того, кто убил моего бедняжку!

Наварре кивнул мне и улыбнулся:

— Сеньор.

— Завидую вам, дружище, — сказал я. — Для вас Донна Альберта шесть вечеров в неделю будет исполнять танец, скидывая с себя все семь покрывал.

— Мне очень повезло, сеньор Бойд, — его улыбка стала шире.

Марго Линн несколько раз хлопнула в ладоши, требуя нашего внимания.

— Друзья! — она вяло улыбнулась. — Уже полночь, помоему, пора покончить со всем этим!

— С чем покончить? — подозрительно спросил Харви.

— С указаниями Пола, — сказала она. — В полночь, когда все соберутся, я должна нажать вот это... — она показала на блестящую кнопку, выступающую сбоку на коробке под самой крышкой.

— И что тогда? — проворчал Харви.

— Мистер Харви, — холодно произнесла она, — если бы я знала ответ, то меня бы здесь не было!

Она поднесла палец к кнопке и зажмурила глаза. В следующую секунду раздался топот, напоминающий приближение стада слонов.

— Наверное, это Пол, — в голосе Марго зазвучала надежда. — Пусть он сам нажимает эту чертову кнопку!

Дверь распахнулась — вошел какой-то огромный тип. За ним следовали двое полицейских в форме.

— Лейтенант Чейз, — проскрежетал он. — Отдел расследования убийств.

Какое-то время все в растерянности смотрели на него, пока до них не дошло, что это одна из обычных шуточек Кендалла.

— Вы хотите сказать, что не вызывали меня? Интересно, — рыкнул Чейз. — Где тело?

— Тело? — дрожащим голосом спросила Марго.

— Нам позвонили и сообщили об убийстве, — медленно, словно подбирая слова, сказал Чейз. — Итак, где труп?

— Труп? — почти бездыханно пискнула Хелен Милз.

Очевидно, в подсознании Марго сработал условный рефлекс — онажала кнопку. Крышка огромной коробки с жужжанием раскрылась, и, словно вытолкнутый тяжелой пружиной, из коробки появился клоун. Сначала в глаза бросилось его ухмыляющееся лицо, затем из коробки появилась верхняя часть тела, с прижатыми к бокам руками. Стихли испуганные крики, а клоун так и остался наполовину высунувшимся из коробки. Туловище его слегка покачивалось вперед-назад. Если это была идея Кендалла — поместить ради шутки огромных размеров человека в коробку, то Касплин был, черт возьми, прав, когда говорил, что знаменитый продюсер напоминал умственно отсталого школьника. Но что-то было не то с лицом клоуна. Даже под толстым слоем грима была заметна его меловая бледность. В тот момент, когда клоун качнулся ко мне, я подошел поближе. Его глаза неподвижно смотрели на меня...

— Боже мой, — прошептала рядом Марго. — Пол!

Только теперь до меня дошло, что толстая красная черта поперек его шеи вовсе не была нарисована. Кто-то перерезал ему горло от уха до уха.

Глава 3

Порядком измотанный, я попал в свою контору только около десяти утра. После того, как обнаружили тело Кендалла, командовать вечером стал Чейз. Он задавал вопросы до тех пор, пока лицо его не побагровело. Это произошло только к четырем утра. Насколько я понял, ответы на вопросы ничего для него не прояснили.

Моя секретарша Фрэн Джордан была неплохим образ-

чиком представительниц прекрасного пола. Рыжеволосая, с серо-зелеными глазами, большую часть своего свободного времени посвящающая беготне по магазинам. Сегодня на ней был элегантный и дорогой кашемировый пуловер. Ее великолепная грудь под этой новой покупкой выглядела еще более соблазнительной, от нее невозможно было оторвать глаза.

— Вижу, вам понравился мой новый пуловер, — сказала она. — Моя врожденная скромность не позволяет мне предположить, что вас заинтересовало что-то другое.

— Я подумал, что плачу тебе слишком большое жалование, — задумчиво произнес я. — Кашемир для конторы — однако!

— Это новая модель, Дэнни Бойд. В целях экономии они ее несколько ужали. Я вижу, вы не в духе. Что-нибудь случилось? Провалили дело Донны Альберты?

— С чего ты взяла? — хмуро спросил я.

— Из утренних газет. Они все буквально захлебываются от новостей об убийстве Пола Кендалла. Мне помнится, вчера вы были приглашены к нему на вечер.

— Был я там, — согласился я. — Между прочим, меня нанимали не для того, чтобы я нашел убийцу Кендалла.

— Вы совершенно правы, Дэнни! — она обворожительно улыбнулась. — Просто я вспомнила то, о чем вы очень часто твердите: «частный детектив намного проворнее полицейского — профессионала». Теперь все расставлено по своим местам — полиция пытается найти убийцу Кендалла, вы — убийцу собаки Донны Альберты!

Я попытался проигнорировать это саркастическое замечание и снова устался на пуловер. Скоро прирожденный детектив, каким я всегда считал себя, взял верх над моими оскорбленными чувствами.

— Вы занимались пением, когда были ребенком, Фрэн? — лениво спросил я.

— Хотите знать, не выдавала ли я кого-нибудь? * — она задумалась. — Иногда ябедничала на свою старшую сестру, но на мальчишек никогда не жаловалась.

— Не обращай внимания, — сказал я усталым голосом и поплелся к себе в кабинет.

— Эй, Дэнни! — окликнула она меня. — Чуть не забыла — несколько раз звонил какой-то Касплин. Просил позвонить ему прямо сейчас.

---

* Игра слов: одно и то же слово означает «петь» и «выдавать сообщников», «расколоться», «ябедничать».

— Отлично, — повеселев, сказал я. — Кстати, у него тоже рыжая секретарша. Только у нее побольше, чем у тебя.

— Имеете в виду, она выше? — ледяным тоном спросила Фрэн.

— Частично, — согласился я. — Когда у меня будет много свободного времени, я напишу о том, почему матери должны давать своим дочерям уроки пения.

— Так вы о пении! — ее лицо посветлело. — Я действительно пела в хоре, пока училась в средней школе. А что?

— Сразу видно, — я был очень доволен. — Размер 38 С — правильно?

Я быстро захлопнул дверь, чтобы Фрэн не успела ничего ответить. Сев за большой стол, я придвинул к себе телефон.

Ответило слегка сиплое контральто, принадлежавшее рыжеволосому изваянию.

— Это Дэнни Бойд, — бодро сказал я. — Слышите скрипки?

— Только аденоиды, — сухо ответила она. — Мистера Касплина нет!

— Вы уверены? — спросил я укоризненно. — Под стол не заглядывали?

— Я еще раз вам говорю, — сказала она раздраженно. — Мистера Касплина нет!

— Возможно, он передумал, — как ни в чем ни бывало продолжал я. — Он звонит мне — меня нет, он просит позвонить ему — теперь нет его. Можно провести остаток жизни, отсутствуя одновременно. Знаете, я готов иногда поотсутствовать вместе с вами.

— Ладно, — с неожиданной дружелюбностью сказала она. — У него действительно были причины поговорить с вами. Не кладите трубку.

Несколько щелчков, и голос Касплина, похожий на птичий, защелбел мне в ухо.

— Рад, что вы позвонили, Бойд, — оживленно сказал он. — Вы, наверное, догадываетесь, что эта ужасная смерть вызвала хаос в постановке?

— Очень даже догадываюсь, — предусмотрительно ответил я.

— Но, как ни странно, во всем этом есть кое-что положительное, — голос у него стал вкрадчивым. — Мисс Альберта совсем забыла о своем горе. Я имею в виду пекинеса. Честно говоря, я очень рад. Все, чего мне сейчас хочется, — прийти в себя от всего этого. Надеюсь, вы

согласитесь со мной, Бойд, что при данных обстоятельствах расследование лучше всего прекратить.

— Меня нанимала Донна Альберта, — вежливо ответил я. — Она и должна сообщить мне о своем решении прекратить расследование.

— Я ее управляющий, — холодно сказал он. — Нанимал вас я, Бойд, и если вы настаиваете, я отказываю вам.

— Отлично, — вяло ответил я. — Я пришлю вам счет за потраченное время.

— В этом нет необходимости, — чирикнул он. — Назовите сумму, и я вышлю вам чек — можете забрать его у Максина в любое время.

— Максин? — переспросил я.

— Это моя секретарша, — с нетерпением ответил он. — Сколько я вам должен?

— Пятьсот долларов.

Последовала оглушительная пауза.

— Пятьсот... — его голос прервался. — За двенадцать часов работы?

— Малыш, — холодно произнес я. — У меня была очень беспокойная ночь!

Я опустил трубку, не дав ему возможности ответить. Закурив, посмотрел на часы и решил, что пора выпить кофе. Но поскольку и остался без работы, следовало подумать об экономии. Если пригласить с собой Фрэн, она могла бы оплатить счет, а я бы выпил кофе и заодно расспросил бы ее, чем она еще занималась в детстве. В конце концов это могло бы привести меня к желанному результату. Нацепив на лицо довольную ухмылку, я вышел в приемную. Но Фрэн опередила меня.

— Требую повышения жалования! — выпалила она. — За такую почасовую плату вы можете позволить себе устроить мне жалование!

— Подслушивала? — обвиняюще спросил я.

— А что еще остается делать?

Она заметила нехороший блеск в моих глазах и быстро отреагировала:

— Не то, чтобы... Случайно.

Я вернул улыбку на место:

— По-моему, можно пойти выпить кофе.

— И что потом?

— Возвращаясь к своей подушке и сплю весь день — я вернулся в пять утра. Поедешь со мной?

— Мой опыт говорит, что ни одна девушка не осмелилась бы закрыть глаза на вашей подушке, — сказала она

уверенно.— Поэтому вы идете домой и варите себе кофе. А я пока пробежусь по магазинам. Позвонить вам, если будет что-нибудь интересенькое?

— Ну, если...

— Если это женщина, блондинка и сложена должным образом в определенных местах,— закончила она за меня.

Меня разбудил телефон. Добравшись до него, я выглянул в окно. Центральный парк превратился в неразборчивое темное пятно, значит, я проспал до вечера.

— Бойд,— зевнул я в трубку.

— Мистер Бойд,— завибрировал женский голос.— Это Марго Линн.

— Да? — рассеянно спросил я.

— Могу ли я вас видеть? — спросила она.— Если можно, то сегодня.

— Что вы там еще придумали? — проворчал я.— Очередной бесподобный вечер с трупом в холодильнике?

— Это очень серьезно. Не могли бы вы сейчас придти ко мне? Прошу вас!

— Ладно,— буркнул я.— Через час.

— Спасибо,— сказала она и продиктовала адрес.

Я принял душ, побрился и надел почти новый костюм, ошитый таким чертовски первоклассным портным, что мне потребовалось рекомендательное письмо, чтобы попасть к нему. Когда я уже повязывал галстук привилегированного клуба, из которого меня давно уже выгнали, послышался звонок в дверь. Открыв дверь, я во второй раз за вечер удивился. Это была Хелен Милз. Она нервно улыбалась.

— Извините за поздний визит, мистер Бойд,— сказала она почти бездыханно.— Я звонила вам днем на работу, ваш секретарь сказала, что вы больше не вернетесь, и дала ваш адрес. Предупредила, что застать вас здесь можно после семи...

— Конечно,— вмешался я, не дав ее легким разорваться.— Входите.

Она вошла в гостиную и настороженно осмотрелась по сторонам. Иногда она вздрагивала и вообще держалась так напряженно, будто была совершенно уверена, что квартиры холостяков полны всяческих ловушек для неосторожных девиц. Наконец она рискнула присесть на самый краешек кресла, осмотрительно натянув юбку на колени и украдкой посмотрев на меня.

— Хотите выпить? — спросил я.

— Я не пью, мистер Бойд.

— Сигарету?

— Не курю.

Ответ на следующий вопрос я уже знал, поэтому сел напротив и стал ждать. Она нервно провела языком по бледным губам, глубоко вздохнула.

— Разве это не было ужасно, мистер Бойд?

— Что именно? — отрешенно спросил я.

— Убийство мистера Кендалла! — мощные линзы с упреком блеснули в мою сторону.

— Конечно, — сказал я. — Но, может, самому Кендаллу это понравилось? Все говорят, что он был шутником.

— Не думаете, что его и пекинеса Донны Альберты убил один и тот же человек?

— Возможно, — не стал возражать я. — А вы думаете именно так?

— Не знаю, — она прикусила нижнюю губу. — Мне нужно с кем-нибудь посоветоваться обо всем об этом, мистер Бойд, а так как Донна Альберта наняла вас, чтобы вы нашли убийцу Ники, я уверена, я знаю, кто это!

— Кто?

— Конечно, женщина! — воскликнула она с горечью. — Марго Линн — больше некому!

— Почему Марго Линн?

— Она безумно ревнивая, — уверенно сказала Хелен Милз. — Она всегда очень ревниво относилась к успеху Донны Альберты, а в труппе все знали, что она и Кендалл были... ну... вы знаете.

— Спали?

Ее лицо вспыхнуло.

— Да! Потом Кендалл потерял к ней всякий интерес и переключился на Донну Альберту. Она, естественно, не поощряла его, но Марго, конечно, допустила самое худшее.

— А у нее не было для этого совершенно никаких оснований? — осторожно спросил я. Ее глаза испепелили меня.

— Конечно же нет! А Марго решила, что они были, ну... любовниками! — Она снова покраснела.

— И вы думаете, что она со злости убила собаку?

— И как предупреждение вернула распотрошенный труп Донне, — резко закончила она.

— У вас есть какие-нибудь доказательства?

— Это ваше дело найти доказательства, мистер Бойд! — колко бросила она. — Именно для этого вас и наняли, не так ли?

— Это было вчера,— сказал я.— Сегодня утром меня уволили.

Она вскочила, дрожа от ярости.

— Что?

— Касплин сказал, что убийство Кендалла отвлекло Донну Альберту от мыслей о собаке. Поэтому во мне нет необходимости.

— Почему вы не сказали мне об этом сразу?

— Вы просто не дали мне такой возможности, дорогая,— кротко заметил я.— К тому же я был так занят, восхищаясь вашими великолепными ногами!

Она вскочила, дрожа от ярости.

— Вы думаете, это так смешно, мистер Бойд! — она почти задыхалась.— Вы сделали из меня посмешище!

— Я же не знал, что вы пришли ко мне, чтобы рассказать о собаке и Марго Линн. Я решил, что вы клюнули на мою чертовски привлекательную внешность.

Она с ненавистью смотрела на меня, в ее дыхании появилось что-то шипящее. Я сделал то, чего делать не следовало,— встал и подошел к ней. Неожиданно она подняла правую руку и врезала мне по лицу. Судя по звуку и ощущениям, моя голова раскололась надвое. Пока я приходил в себя, Хелен Милз выбежала из комнаты.

Марго Линн открыла дверь своей квартиры и пригласила меня войти. На ней была короткая туника черного шелка и узкие брюки. Эффект был просто потрясающим. В углу гостиной около сверкающего бара стояла дорогая аппаратура. Звучала музыка. Тема была выбрана неплохо — что-то вроде «наслаждающихся друг другом любовников». Саксафон уже задыхался в истоме. Это создавало соответствующее настроение. Я вопросительно посмотрел на Марго.

— Выпьете что-нибудь? — спросила она своим вибрирующим голосом, очень подходившим к музыкальной теме. Я начал нервничать.

— Виски со льдом.

— Устраивайтесь поудобнее, мистер Бойд,— она показала на большую софу.

— Лучше — Дэнни,— поправил я ее.

Она приготовила напитки, принесла их к софе и села рядом со мной. Впрочем, не очень близко.

— Значит, вы частный детектив, Дэнни,— непринужденно сказала она.— Я слышала, как о вас говорил сегодня днем Касплин. В основном, он употреблял короткие слова.

— Он и сам коротышка, — пробурчал я. Марго улыбнулась и отхлебнула виски.

— Не нашли того, кто убил собаку?

— Вы могли бы поинтересоваться об этом по телефону. Задно сэкономили бы виски.

— Судя по словам Касплина, вы слишком высоко себя цените, — медленно проговорила она.

— Об этом следует судить по дополнительным льготам, — сказал я.

— Этот лейтенант Чейз... — она немного помолчала. — Его трудно в чем-то убедить... Он считает, что я убила Пола Кендалла.

— А разве не вы?

Ее большие темные глаза изучающе уставились на меня, затем она покачала головой.

— Нет. Но не в этом дело. Он сделал этот вывод, захлебнувшись в той грязи, которую вылили на меня такие, как Хелен Милз и наша великая примадонна.

— Этого маловато для обвинения.

— У меня нет алиби — я думаю, это не поможет мне?

Ее пальцы нежно коснулись моей руки.

— Я расспросила о вас, Дэнни. У вас неплохая репутация. Именно вы сейчас мне нужны.

— Чтобы вас не подозревал Чейз?

— Единственное, что можно сделать, найти настоящего убийцу. Как насчет этого?

— Существует такая небольшая деталь, — сказал я. — Деньги.

— Сколько?

— А сколько стоит избавиться от крючка лейтенанта Чейза?

Она уныло улыбнулась.

— Вы упрямый человек, когда доходит до дела, Дэнни Бойд. Скажем, тысяча сейчас и еще тысяча в конце.

— Исходя из суммы, которую заплатил мне Касплин, это дает вам четыре дня моего времени, — сказал я и хмыкнул. — Но, как я уже намекал, вы можете рассчитывать на определенные льготы.

— Возможно, вы тоже, — мягко сказала она.

— Здесь уютно, — сказал я и отпил немного виски. — Значит, вы не убивали Кендалла, это сделал кто-то другой. Мне подсказывает это дедукция частного детектива.

— Пол попросил меня прийти к нему пораньше, чтобы помочь устроить вечер, — начала она рассказывать. — Я приехала около семи. Он был весел, много шутил — как

всегда, когда он задумывал какую-нибудь из своих сумасшедших шуточек. После того, как я закончила с ликером, фужерами и прочей ерундой, он показал мне коробку и объяснил, что надо сделать. Надо было, чтобы в полночь все собрались в гостиной, затем нажать кнопку. В восемь тридцать я ушла переодеваться.

— Когда вы вернулись туда?

— Чуть позже десяти. Мне нужно было быть пораньше, чтобы встретить гостей. Пол сказал, что куда-то уйдет и до определенного времени его не будет. Поэтому я не удивилась, что его там не было. Остальное вы знаете.

— Нетрудно понять, почему лейтенант подозревает именно вас. Кендалл не мог сам закрыть крышку, нужно было, чтобы кто-нибудь помог ему. Он, наверное, был похож на наседку, когда втискивался в эту коробку и были видны только его голова и плечи. Его помощник мог без труда перерезать ему горло.

Марго вздрогнула.

— Ужас!

— У кого-то мрачное чувство юмора, — согласился я. — Сначала распотрошенная собака, потом Кендалл. Знаете кого-нибудь, кто мог бы так пошутить?

Она в сомнении покачала головой, потом спросила:

— Вам не кажется, что убийца не чужд театральных эффектов?

— Возможно, — согласился я.

— Тогда у нас куча подозреваемых, — вздохнула она. — Если у тебя нет артистического темперамента, тебе нечего делать в оперной труппе!

— Кто настолько ненавидел Кендалла, что хотел его смерти?

— Хотела бы знать, — с горечью произнесла она. — Не имею малейшего понятия. И вообще это не пригодится. По-моему, причина совсем не в ревности или эмоциях. Скорее всего, у убийцы был очень практичный мотив.

— Вам ничего не приходит в голову?

Она улыбнулась.

— Нет. Иначе бы я рассказала об этом Чейзу и обезопасила бы себя и свои денежки, которые придется заплатить вам.

Я опустошил бокал и поставил его перед собой на пол.

— Донна Альберта, — медленно начал перечислять я. — Марго Линн, Рекс Тибольт... Большие имена в опере, а?

— Очень большие, — согласилась Марго. — И что?

— Почему вы все связались с таким дельцом, как Эрл Харви, и работаете в театре на Второй авеню?

Она вздрогнула и ответила далеко не сразу.

— Думаю, из-за такой мелочи, как деньги.

Теперь уже вздрогнул я. Клиент, нуждающийся в деньгах, всегда вызывает во мне понятное беспокойство.

— Разве вам нужны деньги?

— А кому они не нужны? — спросила она. — Это еще ничего не значит.

— Вы сказали, что у убийцы практический мотив. Эрл Харви очень практичен.

Марго неуверенно засмеялась.

— Это его шоу, он вложил в «Саломею» большие деньги. Подумайте сами, зачем ему убивать своего собственного продюсера и рисковать своим шоу?

— Звучит убедительно, — согласился я. — А может, спросить его самого?

В ее глазах мелькнуло что-то похожее на страх, пальцы сжали мою руку.

— Не делайте этого, вы погубите меня!

— Почему?

— Вы что, забыли, что я работаю на него?

Она встала и увидела мой пустой фужер на полу.

— Как насчет того, чтобы еще выпить?

— Успеется, — ответил я. — Давайте еще поговорим об Эрле Харви.

— Не хочу о нем говорить! — воскликнула она. — До смерти устала говорить об убийствах и о мотивах! Хочу хоть ненадолго расслабиться!

— Согласен, — я решил не противоречить. — Как насчет того, чтобы я приготовил что-нибудь выпить нам обоим?

— Это уже лучше, — она снова улыбнулась, и озорное выражение вернулось на ее лицо. — А еще лучше будет, если мы расслабимся вместе.

Я взял фужеры и направился к бару, а когда я приготовил напитки, Марго исчезла. Причин этому могло быть несколько, поэтому я не беспокоился. Вернувшись на софу, я поставил фужеры на маленький столик, расслабился и закрыл глаза. Звучала все та же музыка — это была какая-то бесконечная запись. Впрочем, темп немного ускорился — вероятно, любовники перешли от удовольствий к страсти.

Немного погодя я услышал легкий шуршащий звук и открыл глаза. Марго стояла передо мной в короткой

пижаме из голубого атласа. Нижняя часть пижамы плотно облегала тело и заканчивалась манжетами примерно на середине бедер; жакет был туго затянут на талии широким поясом.

— Маленькие домашние заботы, — улыбаясь, объяснила она. — Иногда они так много значат в жизни. Выбрать что надеть для особого гостя, закрыть входную дверь, снять телефонную трубку...

Она опустила на софу рядом со мной — на этот раз значительно ближе.

— Рада, что вы приготовили напитки, — шепнула она. — Сейчас лучше всего думать о чем-нибудь таком, чем можно заняться. Ты согласен?

Указательным пальцем я провел по изгибу ее бедра под атласными манжетами.

— Я боялся, что твоя печаль не позволит нам думать об этом.

Она засмеялась.

— Ты о Поле? Если это тебя действительно волнует, могу объяснить. Все очень просто.

— Обожаю простые объяснения, — честно сказал я.

Софа напоминала необитаемый остров посередине полутемной комнаты. И поскольку мы оказались на нем вдвоем, уютной близости было не избежать. Мой палец по-прежнему скользил по теплому изгибу ее бедра, обследуя мягкость и гладкость кожи. Ее пальцы расстегнули мою рубашку и проникли внутрь, ладонь легла на мою грудь.

— Такие, как я, дорогой, — сказала она низким голосом, — всегда стоят перед выбором, — быть меццо-сопрано или женой. Когда пытаешься иметь и то и другое одновременно, как правило, ничего не получается.

— Да? — спросил я таким тоном, будто меня это очень удивило. — Трагическая дилемма в жизни известной певицы — оказывается, большие глянцевые журналы иногда пишут правду.

— Представь себе, — холодно сказала она и выдернула волосок у меня на груди, очевидно, в наказание за мою бестактность.

Поскольку волос у меня на груди было не так уж много, я постарался говорить как можно вежливее. — Значит, ты не могла выйти замуж за Пола Кендалла, поэтому пришлось выбрать второе и получать букеты роз от восторженных поклонников.

— Если тебе так хочется об этом поговорить, я за-

ткнусь и буду слушать тебя,— бросила Марго. Я склонил голову.

— Извини. Давай дальше!

— Секс в моей жизни так же важен, как и в жизни других людей,— продолжила она.— С пением мне тоже не хотелось бы расставаться. Вот почему я обычно сплю с продюсером, если, конечно, он не слишком неприятен.

— Черт побери! — воскликнул я.— Оказывается, можно заполучить сразу два удовольствия, к тому же, одни из лучших в этом мире.

— Конечно, я была немного расстроена, когда Пол так быстро потерял ко мне интерес и стал волочиться за Донной Альбертой,— непринужденно продолжала она.— Может быть, у него был пунктик насчет перерзлых примадонн? Не потому ли от него кто-то избавился? Жалко, что он мертв, но, дорогой, печаль лучше поберечь для чего-то более важного. Скажем, лоренгит во время премьеры! Вот это действительно ужасно!

— Все зависит от того, что для тебя важнее,— сказал я, слегка потрясенный.— Я бы не назвал твоё объяснение простым, но это, тем не менее, объяснение.

Она распахнула на мне рубашку и развязала свой широкий пояс. Жакет соскользнул вниз, и ее упругие высокие груди уперлись в мою грудь. Ее лицо было так близко, что все, что я мог сейчас видеть, были ее волосы, похожие на темное облако, и глаза, полные желания. Ее ногти впились в мою поясницу, и это было так неожиданно, что я вскрикнул. Ногти продолжали блуждать по моей пояснице, сцарапывая кое-где по пути куски кожи. В целях самообороны мои пальцы нырнули глубоко под ее атласное белье и я вонзил ногти в ее упругую гладкую кожу. Она проворковала что-то, как во сне. Затем ее губы впились в мои, а ногти продолжали все быстрее и больше перемещаться по моей разодранной коже. Я подумал, что если это были те дополнительные льготы, которые обещала Марго, то мне не мешало бы подумать о своей страховке от несчастного случая.

Глава 4

На следующее утро, ровно в пол-одиннадцатого, я пришел в контору Касплина. Его рыжая секретарша встретила меня весьма недоброжелательным взглядом.

— Мистера Касплина нет,— пробурчала она.

— Вышел, — согласился я. — Исчез!

Она мрачно уставилась на меня. Под ее глазами можно было разглядеть темные круги, и даже толстый слой губной помады не мог скрыть скорбное выражение ее рта.

— Очевидно, он ушел поздно ночью, Максин? — спросил я сочувственно.

— Убирайся! — рывкнула она.

— Максин, дорогая! — укоризненно сказал я. — Так-то вы заботитесь о репутации своей корпорации?

— Его не будет весь день, — злобно ответила она. — Хотите ждать — пожалуйста. Только не здесь. Идите к нему в кабинет, рано или поздно вы его увидите. Лично я видеть вас около себя больше не желаю.

— По-моему, я в здравом уме, — не согласился я с ее предложением. — Разве человек в здравом уме захочет видеть Касплина?

Ее тон стал почти умоляющим:

— Что вам от меня надо?

— От вас мне хотелось бы очень многого. От Касплина — всего-навсего чек. Он, случайно, не оставил его где-нибудь поблизости? Мы могли бы поискать его вместе.

— Ах, вон оно что! — ее глаза повеселели. — Я совершенно забыла. Он где-то здесь, в конверте.

Она порылась среди бумаг на столе, нашла конверт и вручила его мне. Я сунул его в карман и в благодарность предоставил ей возможность насладиться вблизи профилем Бойда. Никакой реакции! Видимо, у нее действительно были какие-то неприятности. Она машинально рисовала в блокноте какого-то сюрреалистического зверя — наполовину копытного, наполовину пушного. Старик Фрейд по этому рисунку, возможно, и смог бы разобраться, что творилось внутри этого непреклонного рыжеволосого идола, — мне это было явно не под силу. Она посмотрела на меня снизу вверх:

— Вы все еще здесь?

— Иду, — сказал я с сожалением. — Обидно, черт побери! Вместе мы могли бы сотворить великолепное музыкальное произведение! Вы бы увидели меня с дирижерской палочкой в руках! Когда вы еще увидите такого блистательного дирижера?

— Ради Бога! — презрительно воскликнула она. — Для дуэта со мной у вас не хватит выносливости. Слишком уж большой!

Пришлось уйти. По дороге я решил, что она права, но мне, все-таки, хотелось убедиться в этом на практике.

Я вернулся к себе в контору и в приемной наткнулся на официальный взгляд Фрэн Джордан.

— Если вы кого-то убили прошлой ночью,— не дожидаясь вопроса, выпалила она,— могу вас обрадовать — плата не замедлила себя ждать.

Я широко раскрыл рот и глаза.

— Чек на тысячу долларов. Подписан Марго Линн. Посыльный принес его рано утром.— Она наконец улыбнулась.— Если вы никого не убивали, то за что же вы заработали такую кучу денег?

— Мне не позволит сознаться в этом природная скромность,— самодовольно ответил я.

— Я думаю, это все-таки убийство,— Фрэн снова стала серьезной.— Иначе бы в кабинете вас не ждал лейтенант.

— Лейтенант? Какой лейтенант? — пробормотал я.

Она пожала плечами.

— Кажется, Чейз. По-моему, он очень суровый человек.

— Как давно он там торчит?

— Минут пятнадцать. Я сказала ему, что понятия не имею, когда вы явитесь, но он даже не стал слушать. Сказал, что в любом случае дождется вас.

Пришлось поторопиться. Полицейские не любят ждать. Мне, в свою очередь, тоже не очень понравилось, что у меня в кабинете торчит полицейский.

— Доброе утро, лейтенант! — весело и громко заговорил я, еще не открыв дверь и наполовину.— Извините, что заставил вас ждать.

Чейз повернул голову и так посмотрел на меня, что мое наигранное веселье как ветром сдуло.

— Где вас носит, черт побери! — рявкнул он.— Я торчу тут уже двадцать минут. Вы что, всегда приходите в контору в это время?

— Вы говорите со мной как акционер с нерадивым управляющим,— сказал я, обходя свой огромный стол.

— Если вам хочется вежливости, можно пройти в мой кабинет,— проворчал он.

— Ладно, лейтенант,— осторожно ответил я и сел.— В чем дело?

— В ту ночь, когда убили Кендалла, вы сказали, что Касплин нанял вас, чтобы найти убийцу собаки мисс Альберты. Так?

— Так.

— Есть какие-нибудь результаты?

Я покачал головой.

— Касплин позвонил мне вчера утром и сказал, что во мне нет больше необходимости. Убийство Кендалла полностью затмило прежнее горе Донны Альберты.

— Досадно! — Чейз демонстративно оглядел дорожную обстановку моего кабинета, затем посмотрел в мою сторону. — Значит, теперь вы без работы, мистер Бойд?

— Не совсем так, — я слегка прокашлялся. — Пршлым вечером меня наняла Марго Линн. Она хочет выяснить, кто убил Кендалла.

Чейз оскалил зубы.

— Прекрасно! Она что, не доверяет полиции?

— Она считает, что вы необъективны по отношению к ней, — сказал я. — Вы ведь сходу зачислили ее в главные подозреваемые, не так ли?

— Кендалла убили где-то между половиной десятого и десятью, — не вдруг продолжил Чейз. — Самое интересное, что ни у кого нет алиби. Они либо одевались к вечеру, либо были в дороге. И все — поодиночке.

— Почему тогда подозревается Марго? У нее что, какое-то особое отсутствие алиби?

— Все дело в мотивах, — ухмыльнулся Чейз. — Она спала с Кендаллом, затем он устал от нее и стал волокаться за Донной Альбертой.

— За это она засунула его в коробку и перерезала ему горло?

Лейтенант покачал головой.

— В коробку он засунул себя сам — никаких сомнений. Я думаю, они крепко поцапались, когда он забирался в коробку. А когда он накрепко втиснулся в нее, она быстро сообразила, какая ей подвернулась прекрасная возможность.

— Есть доказательства? — спросил я.

— Отпечатки пальцев. На коробке они только ее и Кендалла.

— Она могла оставить их, когда нажимала кнопку у всех на глазах, — не согласился я.

Чейза это не смутило.

— Может быть, может быть... Ну, а собака? Вам не кажется, что это ужасное предупреждение Донне Альберте? Оставь, мол, в покое Кендалла!

— Интересно, а как вы узнали об убийстве еще до того, как было обнаружено тело? — поинтересовался я.

— Анонимный звонок. Мужской голос. Во всяком случае, малый, который взял трубку, считает, что это был мужской голос. А я уверен — ненастоящий.

— И это все? — поднял я брови.

— В данный момент все, — кивнул Чейз. — Может быть, Бойд, вы хотите что-нибудь добавить?

Я покачал головой.

— Лучше сказать сразу, если хотите отработать те деньги, которые заплатила вам госпожа Линн, — сказал он, нехорошо ухмыльнувшись, и встал. — Частный сыщик, несогласный с полицией, — мне это нравится! — Он дошел до двери и резко обернулся. Его указательный палец погрозил мне. — Обнаружите чтонибудь — хоть что — я должен знать об этом первым, Бойд! Ясно?

— Конечно, — вежливо кивнул я.

Он снова окинул взглядом меня и всю обстановку.

— Белая кожа на стульях, костюм за две сотни долларов! — что-то похожее на зависть проскользнуло в его презрительной интонации. — Меня уже тошнит от всего этого!

— Только не здесь, лейтенант, — взмолился я. — Этот ковер стоил мне три месяца работы.

Минут через пять после ухода Чейза я подошел к столу Фрэн и протянул ей конверт, который вручила мне Максин.

— Можете добавить это к той тысяче, которую пожертвовала Марго Линн, — сказал я. — Убегаем от нищеты, а?

Она вскрыла конверт, посмотрела на чек и хихикнула.

— С каких это пор пятьсот долларов выглядят смешно? — спросил я подозрительно.

Вместо ответа Фрэн подала мне чек. На нем было тщательно выписано: «Д. Бойду, ловцу собак».

Офис Эрла Харви, в отличие от него самого, производил впечатление. В нем было все, чего не хватало самому Харви, — класс, хороший вкус и все такое прочее. Этого, конечно, следовало ожидать в эпоху, когда имидж значит куда больше самого человека. Машина, которую он водит, костюм, который он носит, офис, который он арендует, — если все это будет достаточно высокого качества, то даже самая что ни на есть посредственность на этом фоне сможет внушить определенное доверие и даже уважение. Вот только секретарша в его приемной ни к черту не годилась. Ей было лет под сорок и вся она была какая-то второсортная. По сравнению с Максин, она выглядела всего на одну пятую. Впрочем, фигура у нее была еще хоть куда — поневоле задумаешься, не числится ли она в экс-

манекенщицах или экс-проститутках, вызываемых по телефону. Хотя, может, еще и не экс?

— Чем могу помочь? — спросила она голосом, который мог навести на любые мысли, кроме мысли о помощи.

— Хотел бы видеть Эрла Харви, — сказал я, совершенно позабыв дать ей возможность полюбоваться моим профилем.

— Мистер Харви не принимает без приглашения, — довольно грубо ответила она.

— Ей-Богу, понятия не имел, что он такой туз! — разыграл я несколько преувеличенное удивление. — Почему он не может тогда позволить себе шикарную малышку в приемной?

— Выход направо, — без комментариев отрезала она. Я закурил сигарету и сделал еще один заход.

— Передайте ему, что его хочет видеть Дэнни Бойд.

Внезапно ее лицо озарилось почти приветливой улыбкой. Я решил, что, должно быть, случайно повернулся к ней своим профилем.

— О, мистер Харви! — проворковала она, и лишь тогда я понял, что она смотрит поверх моего плеча. — Не думала, что вы вернетесь так рано.

— Чертовски устал от этого театра и визга! — рявкнул он за моей спиной.

Я обернулся. Он нисколько не изменился с тех пор, как я его видел в последний раз. Его прямые волосы так же падали на лоб, а большой нос подозрительно приплюснулся ко всему в радиусе десяти футов. Он узнал меня, и в его грязно-серых глазах не мелькнуло ни малейшего энтузиазма.

— Рыщите по собачьим конурам, Бойд? — спросил он.

— Почти. Правда, теперь мне пришлось заняться людьми, но вы сами прекрасно знаете, что разница иногда не так уж велика.

— Что вы здесь делаете?

— Жду вас.

— Как-нибудь в другой раз, — нахмурился он. — Завтра у меня премьера.

— Как раз об этом я и хотел поговорить, — сказал я. — Вы можете потерять меццо-сопрано.

— Марго Линн? — рявкнул он. — О чем это вы, черт побери?

— Почему бы нам не пройти в ваш кабинет? — вежливо спросил я и кивнул на секретаршу. — Думаю, вы сами не

захотите, чтобы то, что я вам расскажу, услышала ваша мама.

— Ладно, — нехотя буркнул он. — Только не стоит оскорблять моих людей, Бойд! Мардж очень чувствительная натура — все женщины таковы после сорока. Ваш серьезный промах, что вы забыли об этом.

Мы прошли мимо побелевшей от злости секретарши через большой офис, где сидело человек пять, и попали в его кабинет, великоватый даже для его показного имиджа. Харви бухнулся в огромное кресло и закурил сигарету.

— Ваша подача — начинайте! — прохрипел он.

Я вкратце рассказал ему о том, что Марго наняла меня, потому что Чейз подозревал ее в убийстве Кендалла, объяснил, почему он так решил.

— Стоило тащиться ко мне с такой ерундой? — усмехнулся он, когда я закончил. — Думали, я разрыдаюсь или что-нибудь в этом роде? Госпожа Линн раздула свои меха, когда Кендалл переключился с нее на примадонну. Что из этого? Всего лишь слухи! Должны быть конкретные улики, факты, чтобы пришить ей убийство! Можно подумать, что вы этого не знаете, Бойд? Ни один полицейский в здравом уме не арестует ее, если у него будет только то, что вы мне тут нарасказали!

— Не возражаю, — дружелюбно согласился я. — Вообще-то проблемы Чейза меня совершенно не беспокоят. Меня беспокоите вы.

Он подозрительно покосился на меня сквозь сигаретный дым.

— Я? — выдавил он наконец. — Почему я?

— Марго Линн — дама действительно несколько нервная, — объяснил я. — Если Чейз начнет давить на нее, боюсь, что она расскажет ему все, что знает, начиная со дня своего рождения.

— Ну и что?

— Мне почему-то кажется, что вам это не очень понравится, Эрл, — сказал я сочувственно. — И так уже многие удивляются, как это парень с вашей репутацией сумел уговорить трех самых лучших оперных звезд петь в какой-то ночлежке.

— Очень просто, — спокойно ответил он. — Просто даже для такого дурака, как вы, Бойд. Деньги!

— Да? — спросил я без малейшего удивления.

— Можете посмотреть контракты, — хрюкнул Харви. Неожиданно его голос смягчился. — Все они получают

огромные деньги. А Донна Альберта получает даже пятнадцать процентов с прибыли! Я ответил на ваш вопрос?

— Не валяйте дурака, Эрл! — взмолился я. — Лично для меня это не объяснение. Просто я говорил о том, что многих этот вопрос уже заинтересовал. Вполне возможно, что он заинтересует и полицию. А вдруг Марго Линн даст другой ответ? Не возникнут ли тогда для вас кое-какие проблемы?

— Какой это другой ответ? — грубо спросил он.

— Ну, мало ли, — пожал я плечами. — Лейтенант человек грубый — у нее могут не выдержать нервы.

Харви перебрался из кресла на вращающийся стул за столом. Его палец отыскал нужную кнопку селекторной связи — ответил голос секретарши.

— Мардж! — рявкнул он. — Найди Бенни, пусть он немедленно зайдет ко мне!

Пока мы ждали, я закурил. Харви внимательно наблюдал за мной. Было похоже на то, что он боялся, не исчезну ли я.

В дверь вежливо постучали, вошел высокий прилизанный парень.

— Это частный детектив Бойд, — дал пояснения Харви в ответ на его вопросительный взгляд. — У него проблемы, которые он почему-то считает моими. Расскажите все Бенни, Бойд!

Бенни было примерно двадцать пять. Дорогой костюм итальянского покроя почти не скрывал огромные мускулы. Светлые кудрявые волосы были тщательно прилизаны. Загар был не очень темным — в самый раз. Глаза его были какого-то размыто-голубого цвета, что придавало им безжизненное выражение.

— Рассказывайте сами, Эрл, — предложил я. — Это ваш парень.

Бенни облизал свои пухлые губы и решительно направился ко мне.

— Ладно, — неожиданно сказал Харви. — Расскажу, если хотите.

Он вкратце пересказал все, что я сообщил ему. Бенни слушал так внимательно, как будто голос его шефа вещал ему откровения с того света.

— Такие вот дела, — закончил Харви и слегка постучал костяшками пальцев по столу. — Тебе не кажется, что он меня шантажирует, Бенни?

Пухлые губы растянулись в улыбке, прорекламировав

заодно первоклассную работу дантиста,— зубы Бенни сверкали.

— Не думаю, мистер Харви,— вкрадчиво сказал он.— Даже такой придурок, как этот Бойд, не должен быть таким тупым.

— Возможно, ты прав,— прохрюкал Харви.— Но в наши дни буквально никому нельзя доверять. Ты согласен?

С той же застывшей на лице улыбкой Бенни приблизился ко мне еще на один шаг.

— Мир такой большой, мистер Харви,— сказал он, не отрывая от меня глаз.— В нем достаточно места для каждого, чтобы жить счастливо, не трогая друг друга. Не правда ли, Бойд?

Найти ответ я уже не пытался. Его правая рука стремительно метнулась ко мне, и я получил мощный удар в солнечное сплетение. Боль буквально парализовала меня.

— Не правда ли, Бойд? — добивался ответа Бенни.

Я согнулся, схватившись обеими руками за живот.

— Он не отвечает, мистер Харви,— голос Бенни зазвучал расстроено.— Ненавижу грубиянов!

Ладонью он наотмашь взрезал мне по шее — я упал лицом на ковер.

— Может быть, он нервный? — предположил Бенни.— Думаю, он больше не будет беспокоить вас своими проблемами, мистер Харви.

Блестящий носок его правого ботинка вонзился в мои ребра.

— Не правда ли, Бойд?

— Правда,— пробормотал я в ковер.

С минуту я выжидал, пока боль хоть немного утихнет. Кроме того, я хотел убедиться, что Бенни покончил со своим уроком. Затем, очень медленно, я стал на четвереньки, еще медленнее поднялся на ноги и ухватился за ближайший стул. Бенни привел в порядок свой дорогой платок в кармане и подбадривающе кивнул.

— Уяснил? — спросил он.— Мистер Харви не хочет, чтобы ты беспокоил его своими проблемами, у него своих хватает. Ты больше никогда его не будешь беспокоить, не правда ли, Бойд?

— Согласен,— с трудом выдавил я из себя и начал медленно продвигаться к двери.

— Можете сообщить госпоже Линн, как я отношусь к людям с проблемами, Бойд,— пробурчал в нос Эрл Харви.— Расскажите ей, как Бенни заботится о них ради

меня. Если она считает Чейза грубым, то что она скажет о Бенни?

— Расскажу,— выдавил я сквозь стиснутые зубы.

— Отлично,— одобрил он.— Ты неплохой парень, Бойд!

— Вы не совсем правы, мистер Харви,— мягко поправил его Бенни.— Мистер Бойд пока еще не заслужил вашу похвалу. Я не буду возражать, если неплохим парнем вы назовете меня. Будь здоров, Бойд!

Закрывая за собой дверь, я слушал скрежещущий звук, как будто кто-то начал скрести металлической щеткой по металлу. До меня не сразу дошло, что это смеялся Харви. В офисе, через который я с трудом проковылял на подгибающихся ногах, казалось, никого не удивило, что за последние десять минут я состарился лет на десять. Возможно, они решили, что я телекомик, приходящий устраиваться на работу. Но секретарша в приемной вполне оценила эти перемены. Она с любопытством уставилась на меня, и ее тонкие губы расплылись в злорадной улыбке.

— Даю голову на отсечение, что вы выглядели гораздо моложе, когда входили, мистер Бойд,— проскрежетала она.— На вас буквально лица нет. Не болит ли у вас живот?

— Скажите, Мардж,— поинтересовался я, не меняя своего полусогнутого положения,— кто такой этот Бенни? Я имею в виду, чем он здесь занимается?

Мне казалось, что стоит мне выпрямиться, как все мои внутренности вывалятся на пол.

— Он консультант,— с пафосом ответила она. Ее глаза продолжали пожирать меня с явно садистским удовольствием.— У него очень интересная работа.

— Сразу видно,— с трудом ухмыльнулся я.— Он просто помешан на ней.

Минут через пять я дополз до ближайшего бара и свалился на ближайший стул. Официант принес мне двойной коньяк. Через двадцать минут и еще двух коньяков я понял, что жив. Может, покалечен, но жив. Официант был просто счастлив, когда я сообщил ему о своем решении повторить заказ. Только после этого мне удалось стать на ноги и добраться до телефона.

Как всегда, Фрэн напомнила мне, что во время ленча она не работает. Напоминание о еде вызвало резкий спазм боли в животе.

— Я при смерти,— прохрипел я.

— Пришлю цветы,— пообещала Фрэн, но трубку не положила.

— Есть такой баритон — Рекс Тибольт,— сказал я.— Найди его адрес и позвони ему. Передай, что я хочу с ним встретиться один на один, и что это очень срочно. Постарайся сделать это сегодня днем, Фрэн. Если его нет дома, попробуй найти его в театре.

— Лучше назначайте встречу на вечер, герой-любовник. Днем вы заняты.

— Что ты имеешь в виду?

— По королевскому приказу,— хихикнула Фрэн,— ровно в три часа мистер Бойд должен явиться в «Тауэрз».

— Донна Альберта?

— Срочно выздоравливайте, Дэнни. Она позвонила лично.

— Ты думаешь, она хочет прослушать меня? — мечтательно спросил я.— Я всегда знал, что мое увлечение театром когда-нибудь окупится.

— Наверное это будет неплохой дневной спектакль,— холодно сказала Фрэн.— Или ночное представление.

Глава 5

Я вошел со стороны Пятидесятой стрит и поднялся на лифте. Дверь номера открылась, и передо мной предстала Хелен Милз. Ее поджатые губы выражали явное неодобрение моему появлению, очки в голубой оправе сердито поблескивали. Весь ее вид говорил о том, что день сегодня выдался ужасный. У меня денек тоже был не из лучших — все мои внутренности до сих пор судорожно подергивались. Вампир в лице Хелен Милз вовсе не улучшил моего настроения.

— Вы хотите, чтобы я вышел и вошел еще раз? — сердито проворчал я.

— Входите, мистер Бойд,— сказала она бесцветным голосом. Уголки ее рта резко опустились.— Вас ждут!

Я прошел за ней в гостиную, где она жестом указала мне на стул.

— Мисс Альберта скоро будет,— сказала она тем же скучным голосом.

— Отлично,— ответил я.— Можно заполнить паузу небольшой светской болтовней. И, пожалуйста, не кисните — у меня и без того сегодня ужасный день.

— Нам не о чем разговаривать, мистер Бойд!

— Почему вы так переменялись ко мне, Хелен? — спросил я. — Я еще не забыл, как вы ворвались ко мне. Вас не остановило даже то, что у нас почти не было времени.

— Прекратите! — резко сказала она.

— О! — ностальгически вздохнул я. — Как мы провели время, Хелен! Я до сих пор живу воспоминаниями. Это было прекрасно! Ты отпрянула и ударила меня, а я...

— Заткнись! — зашипела она. — Она услышит!

Именно в это время, как по ремарке, Донна Альберта медленно вошла в комнату. Я поднялся, всем своим видом выражая восхищение. Ее густые серебристо-светлые волосы спускались ниже плеч, делая ее похожей на Вагнеровскую валькирию. На ней был плотный шелковый халат, который громко шуршал при ходьбе и соблазнительно подчеркивал изгиб ее сильных бедер. Шелк цвета раскаленного аметиста плотно облегал ее потрясающую грудь. Я чувствовал, как внутри Хелен Милз, стоявшей рядом со мной, тихо нарастала бессильная ярость, но отвести глаз от Донны Альберты я не мог. Пока она подходила, ее халат назойливо выбалтывал интимные секреты. Особенно про этот триумфальный изгиб! Я всегда считал, что именно в нем таится основная сила и основная слабость всех женщин. Она напоминала богиню, которая должна была отобрать себе в жертву храбрейших из воинов. Я готов был стать добровольцем.

Она остановилась, не дойдя до меня шага на два, и лучезарно улыбнулась.

— Мистер Бойд, — ее немного хриплый могучий голос заставил меня забыть о всех моих неприятностях. — Как хорошо, что вы пришли.

— Я... Я тоже рад.

— Садитесь, пожалуйста, — она показала на софу, хотя прямо за мной стоял стул.

Раздалось легкое шипение — нервы Хелен Милз явно не выдерживали нарастающую нагрузку. Бросив на нее взгляд, я увидел, что лицо ее побелело, как мел, в каждой черточке чувствовалась обнаженная боль. Видно было, что она вот-вот разразится слезами.

Донна Альберта с величавой медлительностью повернула голову и будто только сейчас поняла, что в комнате, кроме нас, была еще и ее секретарша.

— Ну думаю, что вы нам понадобится, Хелен, — сказала она. — Мистер Бойд и я хотим поболтать, а я хорошо знаю, как вам надоедают мои деловые разговоры.

— Я... я не уйду! — заикаясь сказала Хелен. — Вы не должны заставлять меня... Я не оставлю вас наедине...

— Хелен! — голос примадонны, словно кнут, хлестнул по лицу Хелен. — Оставьте нас!

Лицо Хелен Милз внезапно сморщилось, по щекам потекли слезы. Она повернулась и побрела из комнаты. В дверях она оглянулась на Донну Альберту и зарыдала. Потом дверь захлопнулась, оставив тишину, все еще сотрясаемую беспомощностью этого плача.

— Бедняжка Хелен! — пытаюсь скрыть злорадство, воскликнула Донна Альберта. Я успел разглядеть в ее глазах быстро промелькнувшее хитрое торжество. — Иногда я думаю о ней, — ее голос звучал почти нежно. — Может быть, я неправа, что сделала ее своим секретарем, как вы считаете, мистер Бойд? Наверное, она была бы более счастлива, занимаясь какой-нибудь другой работой? Преподавала бы в исправительной школе для девочек или что-нибудь в этом роде?

Она села на софу и вновь показала мне жестом, чтобы я присел рядом. Когда я сел, ее рука легла на мое колено и кольца на ее пальцах сверкнули.

— Почему мы говорим о Хелен? — промурлыкала она. — Нам надо обсудить так много важных вещей. Мистер Бойд, можно, я буду называть вас просто по имени? Мне кажется, что мы с вами так давно знакомы.

— Можете называть меня Дэнни, — разрешил я.

— Дэнни... — ее пальцы нежно выразили одобрение. — Неплохо. А вы зовите меня Донной.

— Договорились, — сказал я.

— Прежде всего, должна извиниться за ужасное поведение Касплина, Дэнни, — это прозвучало достаточно искренне. — Он сказал мне, что решил расчитать вас, даже не посоветовавшись со мной!

Я наблюдал за глубоким возмущенным дыханием и ждал, что шелк не выдержит. Но этого не произошло.

— Все управляющие похожи, — сердито продолжала она. — Считают, что певец весь в их распоряжении, что они владеют его телом и душой и могут делать с ним все, что им вздумается. Сегодня утром я исправила ошибку Касплина, вряд ли он совершит ее еще раз.

— Что вы предприняли? — заинтересованно спросил я. — Выкрали у него нюхательный порошок?

Она засмеялась.

— Еще лучше. Я ясно дала ему понять, что без меня он

никто, а потом предъявила ультиматум: либо он извиняется перед вами, либо я отказываюсь петь в «Саломее».

— Не была ли эта угроза слишком опрометчивой? — спросил я. — Подписаны контракты и все такое...

Она пренебрежительно щелкнула пальцами.

— А! Контракты! Не беспокойтесь, Дэнни. От одной только мысли об этом Касплин позеленел. Он скоро придет сюда и извинится.

— Очень мило с вашей стороны, — нервно заметил я. — Не стоило так беспокоиться.

Она ослепительно улыбнулась, показав свои великолепные зубы, и еще крепче сжала мое колено.

— Пустяки, — промурлыкала она. — Ради вас, Дэнни, я готова на большее. Я все так же хочу, чтобы вы нашли убийцу моего бедного Ники! — она утерла глаза тонким носовым платком, словно сама мысль об умершем пекинесе была невыносимой. Однако я заметил, что платок так и остался сухим.

Сделав вид, что она с великим усилием пытается улыбнуться, Донна Альберта проворковала:

— Итак, все как прежде, Дэнни. Вы работаете на меня и только на меня. Касплин ничего не значит. Вы рады?

— Большое спасибо, — выдал я наконец. — Столько беспокойства из-за меня... Если бы вы только знали, как это меня трогает. К сожалению, существует одна проблема. Вчера утром мне позвонил Касплин, а вскоре после этого некто нанял меня, чтобы найти убийцу Кендалла. Так что... — я беспомощно пожал плечами. — Я уверен, что вашу собаку и Кендалла убило одно и то же лицо, но я не могу работать на двух клиентов одновременно.

В ее глазах застыл полярный холод, когда она долго и пристально смотрела на меня. Затем лед медленно растаял и блистательная улыбка вновь расцвела на ее губах.

— Я все поняла, Дэнни, — нежно сказала она. — Почему бы и нет? Вы же не знали, что Касплин действовал без моего ведома?

— Вы очень милы, — осторожно заметил я.

— Конечно, — она весело засмеялась. — Мне бы следовало расстроиться, что есть другой клиент, но я не буду этого делать.

— Не понял.

— Скажите, кто это, и начинайте работать на меня, — объяснила она.

— Извините, но это невозможно.

Ее лицо выразило явное недоверие к моим словам. Она снова пристально посмотрела на меня. Было почти видно, как внутри ее головы все пришло в движение от нелегкого умственного усилия. Но результат был поистине блестящим — она решилась на беспрониженный ход.

— Дэнни...— при этом она так повела плечами, что верх ее халата пополз вниз. Она придвинулась ко мне.— Я видела, как ты смотрел на меня, когда я вошла,— прошептала она.— Хватило искры, чтобы ты вспыхнул. Я почувствовала то же самое.

Я не мог не смотреть на ее грудь, выставленную из-под ниспадающего халата. Меня уже и без того достаточно сегодня помяли, и хотя я терпеть не мог мазохизм, мне почему-то вдруг стало понятным исступление альпинистов перед непокоренными вершинами.

— Я знаю, как это заводит таких настоящих мужчин, как ты,— ее мягкий смех звучал почти по-матерински.

— Послушай...— из последних сил сопротивлялся я.— Мне действительно жаль...

Ее ладони так сжали мое лицо, что дальнейшая беседа стала совершенно невозможной.

— Дэнни!

Она нагибала мою голову, до тех пор, пока у меня не перехватило дыхание от более чем убедительной близости ее белоснежных выпуклостей. Тонкий запах духов был как бомба с часовым механизмом. Мои руки обхватили ее талию, затем заскользили по мощному изгибу бедер. Шопот плотного шелка отвечал моим прикосновениям. А руки торопились все ниже, подробно изучая ее великолепные бедра, пока не остановились, обнаружив обнаженную кожу там, где должен был быть плотный шелк — много шелка. Руки Донны еще крепче прижали мою голову к груди — теперь я мог во всей полноте ощутить нарастающее желание ее тела. Потом мою голову сильно потянули вверх, я увидел расплавленный взгляд ее глаз, и ее влажные губы впились в мои. Если, по ее словам, все между нами началось с искры, то закончиться должно было извержением вулкана. Ко мне прижималось тело, в котором сейчас шла отчаянная борьба между духом и плотью, борьба, в которой дух был заранее обречен на поражение от этой безупречной и прекрасной плоти.

Внезапно она обмякла, ее руки с силой оттолкнули меня.

— Извини, Дэнни,— она задыхалась.— Дверь!

— Дверь? — тупо переспросил я.

— Не уверена, что она закрыта.

Я с трудом заставил себя подняться с софы и пройти четыре или пять шагов по направлению к двери. Потом я остановился и оглянулся. Донна лежала на софе, лицо ее пылало. Халат тяжелыми складками сбился вокруг бедер, и верхняя обнаженная часть ее тела казалась изваянной из белого мрамора гениальным скульптором. Ее ноги выглядели не менее величественно, и только небрежная складка шелка скрывала маленький и беспомощный изгиб с внутренней стороны ее бедер. Я даже закрыл глаза от нахлынувшего желания, которое стремительно подавляло последние нервные очаги моего сопротивления. Еще немного — и победа Донны была бы полной и окончательной.

— Дэнни? — голос Донны звучал с ленивой нежностью. — Дверь — не забыл?

Я открыл глаза и снова посмотрел на нее, пытаюсь сосредоточиться.

— Донна... — с трудом начал я. — Ты должна это знать... Я в очень хороших отношениях с моим новым клиентом Марго Линн.

Она не сразу поверила, и я не винил ее в этом. Я сам не поверил, что все-таки решился. Секунд тридцать она безучастно смотрела на меня, потом до нее дошло. Ее лицо превратилось из нежно-розового в алое, руки и ноги напряглись. Она издала стон. Сначала негромкий. Потом повысила голос, пока не заорала в оглушительное крещендо, который может издать только примадонна. Все тело ее содрогалось в конвульсиях. Она металась по софе до тех пор, пока не скатилась на пол. Сначала она лежала на спине, дико барабанила пятками, затем перевернулась и, уткнувшись лицом в толстый ковер, стала скрести его скрюченными пальцами.

Я нашел кухню и наполнил холодной водой подвернувшуюся под руку вазу. Затем вернулся в гостиную и вылил содержимое на ее голову. Это мгновенно остановило истерику. В последующие несколько секунд я думал, не убил ли я ее. Мне следовало бы знать, что она нерушима. Наступила тяжелая тишина. Донна медленно поднялась на руках, привстала на колени, отдохнула немного, затем тяжело поднялась на ноги. Халат с шуршащим вздохом упал с ее бедер. Донна повернула голову и посмотрела на меня. Серебристо-светлые волосы спутались и прилипли к ее осунувшемуся лицу. Голубые глаза сверкали непримиримой ненавистью, которую я ощущал почти физически.

— Надеюсь, вы изобличите убийцу, Дэнни, — сказала

она дрожащим голосом. — Только не забудьте про ее сообщника. Ей ведь нужен был кто-то, чтобы позвонить Хелен по поводу собаки. Кроме того, чтобы позвонить в полицию и сообщить об убийстве Кендалла. Сама она не могла этого сделать.

— Почему вы уверены, что это Марго? — спросил я.

— Вы плохо знаете женщин, — насмешливо ответила она. — И еще хуже оперу. В опере примадонна — королева труппы. Все подчиняются ее желаниям и капризам, и все ее ненавидят. Но больше всех ненавидят основные голоса — контральто, меццо-сопрано.

— Впечатляет, — сказал я. — Но ничего не доказывает.

— Марго — единственный основной женский голос в труппе, не считая меня, — холодно продолжала Донна. — Поэтому она решила справиться с примадонной, заполучив Кендалла. Она думала, что после этого Пол будет прислушиваться к ней больше, чем ко мне. — Она хрипло рассмеялась. — Ее следовало поставить на место, и я сделала это. Я вытащила Кендалла из ее постели. Я всего разок дала ему попробовать почувствовать экстаз. После этого он начисто забыл о существовании Марго. Это сводило ее с ума. Надо было видеть, как с каждым днем ей становилось все хуже, — ревность выворачивала ее наизнанку! Ну, а Тибольт — толстый помпезный идиот, с похотливыми, маленькими, свинячьими, налитыми кровью глазками! Он истекает из-за меня слюной. Его потные руки лапают меня всякий раз, когда он оказывается рядом. Чем не кандидатура в сообщники? Была такая сцена, когда мы первый раз репетировали танец. Я все ему тогда высказала: назвала отродьем незаконнорожденного пастуха и неаполитанской шлюхи и послала в соответствующее место! Вряд ли он это мне когда-нибудь простит.

— Думаю, что это будет очень интересно читать в ваших мемуарах, Донна, но это ровно ничего не доказывает, — сказал я.

— Я найду доказательства, — спокойно произнесла она. — Я предоставлю лейтенанту все доказательства. Они будут очень вескими! Вы единственный мужчина, Дэнни, который предпочел другую женщину Донне Альберте. — Ее голос перешел в зловещий шопот: — Вы и эта женщина теперь стали чем-то очень особым в моей жизни. До того, как я покончу с вами обоими, вы захотите...

Хлопнула дверь. Донна замолчала и прислушалась к приближающимся быстрым шагам. Затем она бросилась на

софу и громко зарыдала, обхватив голову руками, как раз за секунду до того, как вошла Хелен Милз.

Войдя, Хелен остановилась как вкопанная, увидев распростертую на софе обнаженную примадонну. Завывающий голос становился все громче. Лицо Хелен посерело, а пальцы стали нервно терзать юбку. Затем она высоко подняла голову и уставилась на меня.

— Что вы с ней сделали, ничтожество? — спросила она высоким дрожащим голосом.

— Великолепно! — воскликнул я. — Не хуже, чем на сцене! Все, что ей нужно, — это глоток бренди.

Донна подняла покрытое пятнами заплаканное лицо и трагически посмотрела на своего секретаря.

— Он... он был словно сумасшедший! — прошептала она. — Он... Нет, я не могу рассказывать вам это... — Она взвыла еще громче и снова зарылась головой в свои руки.

Как возвращающийся домой голубь, Хелен Милз кинулась к софе и рухнула на нее. Правой рукой она стала укачивать голову, а другой успокаивать остальную дрожащую массу примадонны.

— Успокойтесь, успокойтесь, — нежно ворковала Хелен. — Теперь все в порядке. Теперь я здесь и сумею защитить вас от этого распутного человека. Теперь, моя дорогая, вы в безопасности. Никто не тронет вас, пока я здесь!

Воющий звук постепенно перешел в шмыганье. Я закурил и подумал, что мне не помешает хорошая выпивка. Но только не здесь. Единственное, что меня пока здесь удерживало, было сомнение по поводу некоторых лексических тонкостей. Я выбирал между «спасибо за близость» и «я наслаждался каждой минутой». Слабый сопящий звук дал мне понять, что Донна Альберта мирно заснула в объятиях Хелен. Я решил, что лучше всего теперь поскорее убраться отсюда. Но прежде, чем я сделал это, Хелен Милз подняла голову и торжествующе посмотрела на меня.

— Думаю, вам лучше уйти, мистер Бойд, — тихо сказала она.

Свободной рукой она все еще оглаживала спящую примадонну. Потом рот ее растянулся в злой улыбке.

— Не думаю, что вы теперь когда-нибудь нам понадобится, мистер Бойд!

Снова пришлось спасаться в ближайшем баре с коньяком и телефоном. Пошел уже шестой час, когда я позвонил Фрэн. Она в очередной раз познакомила меня с тем фактом, что в пять у нее заканчивается работа, и в очередной раз высказала обо мне мнение как о начальнике.

— Спокойнее, дорогая, — взмолился я. — Я и так весь вымотан.

— Конечно, два часа с примадонной — нелегкое дело! — холодно выдавила она. — Надеюсь, она тоже оставила какие-нибудь следы на вашем лице.

— Тебе удалось поговорить с Рексом Тибольтом? — взвыл я, не выдержав.

— Вам назначено на шесть тридцать, — сообщила она. — Прихватите с собой полотенце.

— Не понял?

— Сегодня у вас будет банный вечер, малыш. — Фрэн была счастлива, издеваясь надо мной. — Единственная для вас возможность поговорить с ним сегодня — в парной его клуба. Он оставит записку, так что все, что вам придется сделать, — назвать свое имя. Это «Албани» — знаете?

— Да, — прорычал я. — Мне только парной и не хватало!

— Сделайте одолжение, Дэнни, — мягко попросила Фрэн. — Когда будете париться, заставьте хорошенько пропотеть свои мозги. Возможно, это поможет вам наконец избавиться от ваших многочисленных первобытных побуждений. И тогда мне не придется нервничать на работе все время.

— И это ты мне говоришь о первобытных побуждениях! — я постарался, чтобы мой голос прозвучал достаточно обиженно. — Да, кстати, я еще не рассказал тебе о Донне Альберте...

В трубке прозвучал обидный для моего самолюбия щелчок — Фрэн не захотела продолжать разговор. Я пробыл в баре до шести. Чтобы окончательно успокоиться, я принял две порции виски, а потом еще одну — для бани. Около половины седьмого я был в клубе и назвал свое имя парню за стойкой. Он проводил меня вниз, в раздевалку. Другой служащий снарядил меня парой огромных полотенец и показал кабинку для одежды. Он терпеливо подождал, пока я разденусь и завернусь в полотенце, затем проводил меня в первую парную.

Парная напоминала солнечный день в Англии. В не-

проглядном тумане я едва различал собственную руку перед лицом. Это было чертовски подходящее местечко для того, чтобы воткнуть нож в чью-нибудь спину. Конечно, если вы смогли бы отыскать свою жертву, что было очень нелегкой задачей — в этом тумане, да еще с этими турецкими обертываниями в полотенца. Я глотнул солидную порцию пара и шагнул на мокрый пол.

— Это вы, Бойд? — спросил оглушительный голос.

— Конечно, — ответил я. — А где вы, черт возьми?

— Здесь.

Я пробирался сквозь туман, держа направление на голос, пока не обнаружил искомое в одном из углов.

— Извините, что не смог встретиться с вами в другое время, — сказал Рекс Тибольт грохочущим баритоном. — Зато это доставит вам массу удовольствия — ничто не повышает так тонус, как парная!

Он был обнажен — лишь полотенце вокруг бедер. Я посмотрел на темные мешки под глазами, на отвисшую кожу на подбородке, на грудь-бочонок и заплывшую талию, где мышцы живота давно уже перестали сопротивляться жиру, и решил, что парная тут уже не поможет.

— Садитесь, Бойд, — вежливо предложил Тибольт. — Итак, что вы от меня хотите?

Я сел на каменную плиту рядом с ним и почувствовал, как пот струится по телу.

— Вы знали, что я частный детектив?

— Все в театре узнали это после того, как Касплин орал о вас вчера, — хохотнул он. — Насколько я понял, он считает, что вы намного переоценили стоимость своих услуг.

— Поскольку он человек маленький, можно простить ему его маленький взгляд на вещи и людей, — как можно непринужденнее сказал я. — Марго Линн догадалась, что полиция считает ее первым кандидатом в убийцы, и наняла меня.

— Можно понять, почему полиция так считает, — заметил Тибольт. — Я-то тут причем?

— Сегодня утром я видел Донну Альберту, — сказал я. — У нее вполне определенные идеи по поводу того, в чем вы замешаны в качестве сообщника Марго. Она считает, что именно вы тот человек, который звонил насчет собаки. И тот, кто звонил в полицию. Именно поэтому полиция приехала как раз тогда, когда Марго должна была открыть коробку и обнаружить тело Кендалла.

— Но это просто смешно! — Тибольт попытался засмеяться. — Какие у меня могли быть мотивы?

— Вы взбесились оттого, что она дала вам отставку от постельных скачек, — объяснил я. — Вы решили выравнивать счет. Точно так же, как и Марго, которая решила отомстить ей за то, что она перетащила Кендалла из ее постели в свою собственную.

— Абсурд! — Он вытер пот с лица уголком полотенца. — Надеюсь, вы не принимаете всерьез этот бред?

— Может быть, и нет, — согласился я. — Сегодня утром я видел Эрла Харви. Его я воспринимаю вполне серьезно.

— Харви? — на какое-то время лицо Тибольта окаменело. — Не говорите мне о нем! Импресарио из комикса!

— Вы так о нем отзываетесь и все-таки работаете на него. Интересно, почему?

— Даже баритону приходится считаться с деньгами, — ответил он, почти не задумываясь. Жалованье, знаете ли, очень хорошее.

— Знаю, — согласился я. — Харви пришлось потрудиться, чтобы убедить меня в этом. Он даже прибег кое к каким крутым мерам, чтобы я окончательно этому поверил.

— Да? — без всякого интереса произнес Тибольт.

— Может, хватит ходить вокруг да около? — предложил я, сцепив пальцы. — Марго пока ничего не рассказывает о Харви. Но если лейтенант Чейз надавит на нее, она заговорит!

— Я действительно, не понимаю, о чем вы, дружище, — рассеянно произнес Тибольт.

— Разъясню, если хотите, — устало сказал я. — Я думаю, что парень с такой репутацией, как у Эрла Харви, не имел бы никаких шансов уговорить таких звезд, как вы, Марго и Донна Альберта, работать на него, если бы у него не было более веских доводов, чем деньги.

— Начинаю понимать, почему Касплин думает, что вы переоцениваете себя, Бойд, — огрызнулся он. — Все, что вы говорите, просто смешно!

— Если Марго все расскажет полицейским, они раскрутят это дело, — спокойно продолжал я. — Ваше имя будет красоваться на первой странице рядом с именами Марго и Донны Альберты. У вас есть выбор, Тибольт, но уже почти нет времени. Если вы мне все расскажете, мне, возможно, удастся уладить это дело.

Он снова стал утираться полотенцем.

— Что вы хотите знать, Бойд? — наконец нервно спросил он.

— Что имеет на вас Харви, чтобы заставить петь в его опере?

Он оглянулся по сторонам.

— Если я вам расскажу, могу ли я быть уверен, что вы сохраните это в секрете?

— Вы с Марго Линн в одной лодке. А она мой клиент. Если я расскажу о вас, я выдам и ее.

Тибольт немного подумал, потом кивнул:

— Убедительно. Ладно... Я встретил Харви год назад на какой-то вечеринке, забыл у кого. Потом, через полгода, я отдыхал в «Акапульчо». В той же гостинице через два дня остановился и Харви.

— Забавное совпадение, — заметил я.

— Я тоже так думал, — Тибольт глубоко вздохнул. — Он был дружески настроен — очень дружески. Через три дня он пригласил меня на вечеринку, которую устраивал его друг в своем доме. Я ничего такого не предполагал, Бойд!

— Вот теперь вы меня заинтриговали, — сказал я. — Даже в такой жар.

— Марихуана, много девочек, местные таланты... — на каждое из этих слов Тибольт выдавливал соответствующие гримасы. — Тот еще бардачок... Потом, когда все закончилось, я сказал Харви, что никогда еще так отлично не проводил время, и пригласил его заглядывать ко мне, когда он будет в Нью-Йорке.

— Заглянул и показал вам фотографии? — устало спросил я. Баритон кивнул.

— Потом он заговорил о постановке не на Бродвее. Он хотел, чтобы это была «Саломея», и спросил, почему бы мне не исполнить там партию ради него. Я еще не успел просмеяться, когда он достал из кармана фотографии и разложил их на столе, как в покере. «Представьте себя в роли редактора скандального журнальчика, у которого могут оказаться эти фотографии — сказал он мне. — Он может запросто удвоить свой тираж». Затем у меня в руке появилась ручка, чтобы подписать готовый контракт.

— Он надул вас с жалованьем?

— Нет, он не так глуп, — сказал Тибольт печально. — Он сумел заполучить самые лучшие имена. К тому же опера, которая всегда производила фурор. Он получит свою прибыль вполне законным путем!

— Поверю вам на слово, — ухмыльнулся я. — Это все, или еще что-нибудь?

— Для меня и этого слишком много, — сказал он, усердно вытирая щеку полотенцем.

— Ну что ж...— я встал и безнадежно посмотрел на плотный туман перед собой.— Не хотите показать мне, где выход?

— Я иду в следующую парную,— в его голосе все еще звучали остатки прежнего самодовольства.

— Боже! — с ужасом воскликнул я.— А это что повашему?

— Дело привычки,— сказал он.— Когда вы вернетесь оттуда сюда, вам покажется, что здесь холодно.

— Только не мне,— ответил я.— Мне уже кажется, что я сварился. Не очень уверен, но думаю, что сам смогу найти выход.

— Так вы собираетесь что-нибудь предпринять с Эрлом Харви? — спросил он с притворным безразличием.

— Чтобы снять вас с крючка? — я пожал плечами и чуть не потерял чертово полотенце.— Не знаю — вы не мой клиент.

— За эти фотографии и негативы, конечно, я бы мог...— начал он.

— Будет что-нибудь новенькое, я должен знать,— сказал я. Он неопределенно кивнул:

— Ладно...

Когда через несколько секунд я нырнул в туман, неожиданно снова раздался его оглушительный голос:

— Бойд!

— Да? — я повернулся но уже не мог его разглядеть.

— Вы, кажется, сказали, что Донна Альберта подозревает меня в этом дурацком похищении собаки?

— Говорил,— согласился я.

— Что это ей взбрело в голову? Я имею в виду, почему она вдруг решила, что именно я замешан в этом? — раздраженно спросил он.

— Я уже говорил вам,— сказал я.— Она отшила вас, и вы решили сравнять счет.

— Она, должно быть, свихнулась, если решила, что я способен на такое!

— Возможно,— согласился я.

— Я о том, что обвинения просто дикие,— продолжал он взволнованно.— Да еще без каких-либо доказательств.

— Я не говорил, что у нее нет доказательств,— осторожно поправил я его.

— Какие еще доказательства? — Он был явно взволнован.— Я хочу знать, Бойд, я имею право!

— Ну, какие у нее могут быть доказательства, если вы не замешаны в похищении собаки? — уколол я его.

— Она может выдумать все, что угодно! — от волнения его голос сильно изменился. — Эта паршивая ведьма и не на такое способна.

— Если у нее и есть доказательства, то они тесно связаны с ее необъятным бюстом, — сказал я. — К сожалению, она так и не позволила мне заглянуть туда.

Он немного помолчал.

— Извините, Бойд, — сказал он наконец. Его голос постепенно приобретал прежнее величие. — Я слегка перебрал. Очевидно, от волнения. Меня задело это глупое обвинение. С чего это ей пришло в голову? Просто любопытно. Человек, знаете ли, любопытен.

— И это приносит ему неприятности, — резюмировал я. — Вспомните «Акапульчо».

Через несколько секунд я снова двинулся сквозь пар. Наконец мне повезло — я отыскал дверь. Холодный душ спас меня. Мои мышцы быстро пришли в норму, а растирание жестким полотенцем восстановило все остальное. Я оделся и с внезапным чувством голода вышел на улицу.

Было уже полдевятого, когда я поужинал и вернулся домой. В телефонной книге я нашел номер конторы Харви. Я набрал номер — в течение нескольких минут никто не ответил. В моем бюро была связка ключей. По опыту я знал, что это поистине универсальная связка, поэтому я положил ее в карман брюк и вышел из дома.

Место для парковки я нашел неподалеку от здания офиса. Сделав вид, что очень спешу, я почти подбежал ко входу и нажал ночной звонок. Когда сторож открыл дверь, я пробормотал слова благодарности и промчался мимо него к стойке в приемной, где, как я полагал, должна была быть книга ночных дежурств. Там она и оказалась. Пока он закрывал дверь, я быстро чиркнул имя и номер в книге и поспешил к открытому лифту. Нажав кнопку четвертого этажа, я обернулся и успел увидеть, как сторож подошел к книге, чтобы посмотреть, в какой офис проскочил мимо него этот припозднившийся работяга. Но тут снова зазвонил звонок, и он пошел открывать дверь очередному ночному труженику. Я вздохнул свободнее.

В коридоре никого не было. Четвертый ключ из связки подошел к замку на двери офиса Харви. Оказавшись внутри, я закрыл дверь и тихо прошел через приемную и большую комнату. Если Харви хранил где-то какой-нибудь шантажирующий материал, то единственным таким

местом, как решил я, был его кабинет. Поэтому я пошел к кабинету. Включая свет, я не рисковал — его не было видно при закрытой двери. Я сел за стол Харви и открыл первый ящик. Через десять минут я с горечью осознал, что зря теряю время. Я проверил все ящики — никаких досье не было. Может, у него был потайной сейф в стене, а может, он хранил свои материалы дома или в банке. Итак, я попытался и оказался в дураках. Теперь я мог спокойно идти домой и завалиться спать. Эта проклятая парная уничтожила все остатки моей энергии. Я подошел к двери, но открывать ее уже не имело смысла — кто-то открывал ее с обратной стороны. Я отступил назад. Будь у меня хоть щетка, притворился бы уборщиком или кем-нибудь в этом роде... Дверь открылась. В течение примерно пяти секунд мы просто смотрели друг на друга, затем секретарша Харви с фигурой манекенщины и чувствительностью сорокалетней женщины медленно рассмеялась.

— Эй, Бенни! — позвала она гортанным голосом. — Этому простофиле должно быть понравилось — он пришел снова.

Бенни, этот фронт, настаивающий на том, чтобы все были вежливы друг с другом, появился рядом с ней с приветственной улыбкой на лице. Его рука пригладила прилизанные светлые волосы. — Значит, ты ничего не понял, Бойд?

— Похоже на это, — признался я глухим голосом.

— Ладно, поворачивайся! — его голос вдруг стал резким. — К стене! Руки в стороны — и не двигайся!

Я выполнил все, что он попросил, потому что не хотел кончать жизнь самоубийством. Хотя, может быть, это уже произошло. Бенни основательно меня обыскал и вытащил ключи из кармана брюк.

— Можешь повернуться, — сказал он. — Он даже не вооружен, Мардж!

— Он сразу показался мне странным, — хрипло сказала секретарша. — Думаю, нужно позвонить Эрлу, а?

— Конечно, позвони, — согласился Бенни. — Выясни, что он захочет с ним сделать. И в деталях, Мардж, — ты ведь знаешь, как я люблю свою работу.

Пока я размышлял над тем, какого черта я утром вообще вылез из постели, Мардж подошла к телефону и набрала номер. Потом в течение нескольких секунд она что-то быстро говорила тихим голосом. Выслушав ответ, положила трубку.

— Эрл сказал, ничего не делать, — объяснила она Бенни. — Просто ждать — он сейчас придет.

Лицо Бенни выразило разочарование.

— Что это с ним? — недовольно спросил он. — Хочет, чтобы все удовольствие досталось ему?

— На твоём месте я бы не волновалась, малыш, — нежно сказала Мардж. — Я обещаю, ты получишь все удовольствия, какие хочешь. Надо только немножко подождать, вот и все.

— Думаю, ты права, — Бенни немного повеселел. — Садись, Бойд. Я хочу, чтобы тебе было удобно. Мистер Харви всегда заботится о своих гостях, не так ли, Мардж?

— Конечно, — сказала она. Её грубое лицо даже похорошело, когда она смотрела на меня. — Особенно о таких красивых. Тебе не кажется, что он настоящий красавчик, Бенни? У него такой профиль и все остальное, наверное?

Я свалился в кресло и медленно дотянулся до пачки сигарет.

— Не возражаете, если я закурю? — спросил я.

— Валяй, — одобрительно кивнул Бенни. — Ты быстро учишься, Бойд. Будь вежливым всегда — так оно будет лучше.

— Настоящий красавчик! — нежно пробормотала самой себе Мардж.

Она уставилась на меня и её глаза заблестели, а на впалых щеках, когда она сморщила рот, появились ямочки.

— Знаешь, Бенни, — проговорила она. — Он почти самый красивый из всего, что я когда-нибудь имела.

— Прекрати, Мардж! — резко оборвал он её. — Он мой! Хотя придется подождать, пока не появится Эрл.

— Эрл мой брат, не забывай, — тоненько засмеялась она. — А у меня чутье, которое меня никогда не обманывает. Я всегда знаю, когда мне обломится.

— Подождем и посмотрим, что он скажет, — проскрежетал Бенни с суровым выражением лица. — А пока заткнись, ясно?

У него явно испортилось настроение.

Мардж пожала плечами и состроила в ответ гримасу. Она то и дело посматривала на меня, как будто я был редкой картиной, которой ей не хватало для её коллекции.

Я докурил сигарету и уже готов был закурить вторую, когда в кабинет вошел Эрл Харви. Волосы мышиного цвета все так же падали на лоб, тонкие губы были сжаты, в холодных серых глазах, когда он посмотрел на меня, застыл гнев.

— У него были свои ключи, мистер Харви,— вежливо сказал Бенни, поигрывая моей связкой.— Думаю, он настоящий проныра, который так ничему и не научился.

— Ты прав, он ничему не научился,— сказал Харви в нос.— Наверное, ты плохо объяснил ему?

— Он просто простофиля,— прошипел Бенни.— У него нет с собой даже револьвера. А утром он даже не пытался сопротивляться мне.

Харви подошел к столу, плюхнулся на крутящийся стул и с сожалением посмотрел на меня.

— Зачем ты забрался в мой офис? — спросил он.

— Проверял ваши досье, Эрл,— как можно непринужденнее ответил я.— Посмотрел на «Ш» — «Шантаж». К сожалению, я ошибся. Вы, наверное, храните это досье в банке?

— По-моему, он сумасшедший,— зло сказал он.

— Могу подробнее,— сказал я.— Или мне подождать, пока вы поговорите с Бенни?

— Давай! — приказал он.

— Я считаю, что те шалости в «Акапульчо», в которые вы втянули Тибольта, безусловно, были оригинальны,— начал я.— Это заставило меня постараться отыскать те шалости, в которые вы втянули Марго Линн и Донну Альберту.

— Не понимаю о чем речь,— рявкнул он.

— По-моему, все очень просто,— сказал я удивленным голосом.— Вы шантажировали их, чтобы втянуть в свою оперу, и добились своего. Но Донна Альберта начала выходить из повиновения — все-таки она примадонна. Это могло создать определенные проблемы, Эрл, могу вам только посочувствовать. Вы не могли попросить Бенни, чтобы он поработал с ней,— это было бы видно. А поскольку нельзя было трогать Донну Альберту, то в качестве предупреждения можно было покалечить кого-нибудь другого, кто был ей дорог. Например — собаку.

— Что он себе позволяет, мистер Харви! — вмешался разъяренный Бенни.— Можно подумать, что он говорит правду или что он тут самый главный!

— Заткнись, Бенни! — заорал Харви.— Я хочу дослушать остальное.

— Примадонна вышла из себя,— спокойно продолжал я.— Она заставила своего управляющего нанять частного детектива — меня — для того, чтобы выяснить, кто убил собаку. Об этом она сообщила по секрету своему новому любовнику Полу Кендаллу. Тот, очевидно, обо всем дога-

дался и стал угрожать вам, требуя, чтобы вы оставили примадонну в покое.

— Вы всерьез полагаете, что я убил Кендалла? — спросил Эрл.

— Ну, может быть, не вы лично, — великодушно предположил я. — Возможно, позволили заняться этим Бенни, в качестве награды за убийство бедного песика. Но приказали его убить вы, Эрл! Тут не может быть никаких сомнений!

— Я, кажется, уже говорил, что ты балбес! — сказал он. — Нормальному человеку такое не пришло бы в голову.

— Возможно, — согласился я. — Тибольт, наверное, тоже ненормальный. Как только он расскажет лейтенанту Чейзу о вашем шантаже, сколько, по-вашему, потребуется времени Марго Линн и Донне Альберте, чтобы последовать его примеру?

— Навязчивая идея, красавчик? — заинтересованно спросила Мардж. — Ты что, собираешься рассказать все это полицейскому? И считаешь, Рекс Тибольт все подтвердит?

— Почему бы и нет? — уверенно спросил я.

Эрл Харви долго изучал свои короткие подпиленные ногти, потом глубоко вздохнул и спросил:

— Мардж, кто сегодня работает в парке Фонтанов?

— Гарри Кино, как обычно, — ответила она.

— Думаю, это самое лучшее место, — кивнул он. Ее глаза загорелись.

— Большое, Эрл? — спросила она.

— Да, — вяло ответил он. — Большое.

— Мистер Харви, — настойчиво вмешался Бенни. — Я был бы счастлив, если бы вы позволили мне...

— Поостынь, мальчик! — оборвала его Мардж. — Ты поедешь с нами в качестве шофера.

— Мистер Харви! — Бенни надул свои пухлые губы и стал похож на обиженного мальчишку. — Это несправедливо. Она всегда...

— Заткнись, Бенни, — отсутствующе произнес Эрл. — Мардж — моя сестра, если ты не забыл. Пусть получает, если хочет.

— Спасибо, Эрл, — впалые щеки Мардж порозовели. — Я все сделаю самым лучшим образом.

Я встал и ухмыльнулся.

— Зря теряете время. Вас не испугался бы даже ребенок, у которого вы захотите отнять конфетку.

Мардж почти дружелюбно улыбнулась мне и задрала до

бедер свою узкую юбку. Пока я раздумывал, не упасть ли мне замертво в экстазе, показался нож, подвешенный на внутренней стороне ее правого бедра. После этого мне расхотелось открывать рот.

Это был отличный нож, с тонкой рукояткой из слоновой кости и тонким, примерно восьми-девяти дюймов, лезвием. Мардж непринужденно взяла его в правую руку и подошла ко мне вплотную со все той же застывшей улыбкой. В следующий момент острие ножа оказалось у моего горла.

— Если у тебя есть конфетка, красавчик, — хихикнула она, — самое время отдать ее.

Глава 7

Наша поездка через Квинз была сродни ночному кошмару. Бенни вел машину, а я сидел на заднем сиденье в тесном соседстве с Мардж и острием прелестного маленького ножа, соприкасавшегося с моим горлом. Всю дорогу Мардж, не переставая, хихикала и что-то нашептывала в самое ухо.

Парк Фонтанов, наверное, был увеселительным парком. Правда, я никогда не слышал о нем и, честно говоря, не хотел бы никогда слышать. У меня к этим паркам и особенно к их непременно атрибуту — чертовому колесу — старая неприязнь. Она началась с тех пор, как однажды вечером у этого проклятого колеса сломался механизм и я полтора часа просидел на высоте пятидесяти футов пока его не починили. Все было бы еще ничего, если бы у меня была подходящая компания, но со мной висел в воздухе только левый защитник нашей школьной футбольной команды.

Мы долго колесили по Квинз, пока, наконец, Бенни не остановился перед неоновой вывеской «Парк Фонтанов». Наслаждающихся каруселью, чертовым колесом и американскими горами уже почти не осталось, но механическая музыка все еще ревела так, что машину подбрасывало.

— Пойду найду Гарри Кино, — пробурчал Бенни и вышел из машины, хлопнув дверью.

Острая сталь еще плотнее прижалась к моей вене.

— Не вздумай что-нибудь выкинуть, красавчик, — предупредила меня Мардж. — Ты ведь не хочешь истечь кровью в новой машине Бенни, не так ли?

— Я не хотел бы истечь кровью ни в каком месте, — пылко признался я.

— Тогда просто сиди вот так, красивый и расслабленный, — хихикнула она. — Ты очень привлекательный — знаешь об этом? Мы могли бы хорошо провести время!

— Конечно, — осторожно заметил я. — Но этот твой нож все время охлаждает меня.

— Именно это и делает все таким волнующим, — сказала она. — Поверни голову ко мне, красавчик! Медленно... медленно...

Выбора у меня не было, пришлось сделать то, что она сказала. Я посмотрел ей прямо в глаза. Они были широко раскрыты — взгляд был остекленелым и застывшим, как у лунатика. Она медленно наклонила голову и ее горячие сухие губы жестко прижались к моим. Свободной рукой она прикоснулась к моему лицу, ее ногти медленно впились мне в щеку. У меня был выбор — я мог двинуть головой и проткнуть себе горло, или сидеть неподвижно, пока она будет целовать меня и с наслаждением сдирать лоскутки кожи с моего лица. В течение нескольких минут я сидел как истукан, стараясь не испытывать судьбу, которая сегодня была ко мне не очень благосклонна. Мардж тем временем демонстрировала свое нарастающее возбуждение. Внезапно дверь с моей стороны распахнулась и Бенни прошипел:

— Выходи!

Рядом с ним стоял лысый парень в футболке и бесформенных хлопчатобумажных брюках. Его живот свисал поверх ремня, маленькие глазки беспокойно перебежали с одного на другого, а челюсть, когда он увидел в руке у Мардж нож нервно задергалась.

— Помнишь Гарри Кино, Мардж? — вежливо спросил Бенни.

— Конечно, — ответила она. — Один из любимчиков Эрла. Если бы не Эрл, ты бы сейчас отбывал срок, так, Гарри?

— Не стоит говорить об этом, мисс Харви, — промычал Кино. — Эрл знает — если ему что-то нужно, пусть только скажет.

— Я уже сказал, — вкрадчиво сказал Бенни. — Гарри согласен. Ты будешь в восторге, Мардж.

— Посмотрим, — недоверчиво сказала она.

— Увидишь, когда придем туда, — сказал Бенни. — Тебе лучше убрать свой ножичек, Мардж. Возьми Бойда под руку. Будет выглядеть, как будто вы вышли погулять. Гарри будет показывать дорогу, а я пойду за вами. — Он посмот-

рел на меня.— При любой попытке что-нибудь предпринять, придурок, получишь нож в спину. Усек?

— Все понял, дружище,— уныло сказал я.

Юбка Мардж взлетела вверх, пока она прятала нож. Затем она ухватила за мою руку и притянула к себе. Со стороны это, наверное, выглядело так, словно я был единственным парнем в ее жизни. Мы пошли следом за толстым парнем по парку. Бенни буквально наступал нам на пятки.

Парк был большим, и мы шли долго. Пара подростков поглощенных друг другом, пробрели мимо — окружающий мир их не интересовал. Медленно вращалось чертово колесо — большинство сидений были пустые. На карусели выстроились в застывшей процессии лошадки — человек пять детей обхватывало их шеи. Гарри Кино повернул голову и посмотрел на нас извиняющимся взглядом.

— Плохой вечер,— сказал он.— Холодно. Вам бы посмотреть в субботу вечером — неплохой бизнес, даже в конце сезона.

Мардж улыбнулась ему.

— Не беспокойся, Гарри, нам и так нравится!

Мы миновали большой пруд, с бумажными лепестками по краям и фонтаном посередине. Фонтан был с подвеской. Сначала мы все стали розовыми, потом голубыми, потом зелеными. Затем миновали какое-то пустынное сонное место без подсветки. Чем дальше мы шли, тем больше было темноты. Наконец Кино остановился перед темным входом и прислонился к пустой билетной будке.

— Здесь,— сказал он.

Мы остановились. Мардж все еще крепко держала мою руку, Бенни подошел к Кино.

— Я говорил, что здесь никого не будет,— счастливая улыбка расплылась по его детскому лицу.— Сегодня утром павильон закрыли на ремонт, и дня два здесь будет тихо. Так, Гарри?

Челюсть Гарри противно дрожала.

— Так.

— Отличное место, чтобы прикончить этого придурка,— Бенни был просто счастлив.— Когда покончишь с ним, можешь просто сбросить его в воду.

— Не поняла,— Мардж начинала злиться.— Что это за место?

Бенни несколько секунд трясся в беззвучном смехе и только потом смог ответить.

— Как раз то, что тебе надо,— Тоннель любви!

— Пройдем внутрь,— пригласил Кино с гордостью в голосе.— Я все отлично здесь устроил — гроты, фонтан посредине озера и все такое.

Он открыл дверь и мы прошли за ним. Подпираемый в спину пистолетом Бенни, я ждал, пока Кино нащупает в темноте выключатель. Голубой свет мягко осветил пристань, внизу послышался шум завожачегося мотора, раздались лязгающие звуки, пустая лодка медленно выплыла из темноты и остановилась перед нами. Через какое-то время опять послышалось лязганье, лодка стронулась с места, поплыла по длинному узкому каналу и исчезла в темноте.

— Автоматика,— объяснил Кино.— Каждая лодка останавливается у пристани на пятнадцать секунд — достаточно, чтобы сесть в нее. Все лодки движутся по кругу, поэтому на пути много остановок.— Он ухмыльнулся, показав желтые зубы.— Еще никто не жаловался!

— Требуется десять минут, чтобы сделать полный круг,— сказал Бенни.— Так, Кино?

— Так,— кивнул Кино.

— Канал примерно четыре фута глубиной,— продолжал Бенни.— А у озера в центре семь или даже восемь футов. Так, Гарри?

— Так,— согласился Кино.— Там очень красиво — посредине бьет фонтан с разноцветной подсветкой, и все прочее.

— Четыре минуты до озера,— добавил Бенни.— Тебе хватит, Мардж?

Мардж нервно облизала губы.

— Может получится забавно,— прошептала она.— Толкайте его в лодку.

Пистолет Бенни упирался мне в затылок — у меня снова не было никакого выбора. Как только лодка подошла к пристани, я шагнул в нее и сел на жесткое сиденье. Рядом села Мардж, держа нож у моего горла. Снова раздался лязгающий звук, и лодка медленно двинулась вперед.

— Прощай, придурок! — ухмыльнулся Бенни.

Канал был фута четыре в ширину, с пластиковыми стенами с обеих сторон. Мы скользнули в крошечную тьму, и лодка остановилась.

— Обними меня, любимый,— требовательно прошептала Мардж.

Я сделал то, что она сказала,— острое лезвие у моей вены вдохновляло меня на полную покорность. Опять послышалось лязганье, и лодка заскользила вперед. Мы

миновали первый грот, сделанный из пластика. В нем были искусственные водоросли и водопад с зеленой подсветкой.

— У тебя мало времени, любимый,— прохрипела Мардж.— Почему ты теряешь время, а?

Ее горячие сухие губы впились в мои, она издавала какие-то гортанные звуки. Поездка на машине была только репетицией ночных кошмаров, сейчас они начинались в полную силу. Когда мы достигли середины озера, она с помощью ножа заставила меня наклониться. Наверное, решила, что от этого я получу огромное удовольствие. В течение следующих двух или трех минут все поглотила фантазия тела Мардж, извивающегося рядом со мной. Среди кошмара ее страстного шопота, ритмичной последовательности остановок и рывков кружившейся по озеру лодки, была только одна реальная вещь — холодная сталь у моей шеи. Как ей удавалось держать нож неподвижно, в то время как вся она была поглощена своим экстазом, оставалось загадкой.

Мы все еще скользили по озеру. Краем глаза я видел похожий на радугу фонтан, извергающий посредине озера каскад брызг. Судя по всему, у меня в запасе оставалось не больше минуты. Разыгрывая страсть, я как можно крепче сжал Мардж, притягивал ее к себе. Она задыхалась от удовольствия. Мои руки со страстью стискивали ее и когда лодка сделала очередную остановку, я скользнул правой рукой по ее бедру вниз, к коленям. Пот струился по моей груди, пока я ждал, когда лодка снова двинется с места. И когда она двинулась, я резко откинул свою голову назад, крепко обхватил колени Мардж и резким рывком перевернул ее. Мардж взвизгнула и кувыркнулась из лодки прямо в озеро. Нож выпал из ее руки и звякнул о дно лодки. На секунду над водой появилась ее голова и снова исчезла. Лодка остановилась у фонтана с подвеской. Голова Мардж снова появилась на поверхности.

— Я не умею плавать! — отплевываясь, закричала она, беспомощно колотя по воде руками.— Я не умею...— и она исчезла под водой.

Я подобрал нож со дна лодки, засунул его за ремень и нырнул в воду, когда лодка двинулась дальше. Несколько взмахов — и я оказался на том месте, где видел ее в последний раз. Найти ее оказалось несложно — тут было чуть больше семи футов воды. Я крепко ухватил ее за шею и вытащил на поверхность. Она уставилась на меня испуганно-сумасшедшими глазами.

— Извини,— сказал я вежливо.— Сейчас будет следующая лодка.

Лодка появилась через несколько секунд, и когда она остановилась, я посадил Мардж и забрался в нее сам. Когда мы проскользили мимо фонтана, я сел и рывком придвинул ее к себе. Правой рукой я обхватил ее шею, прижимая к горлу все тот же нож.

— Давай, соображай,— зашептал я ей в самое ухо.— Я только потому вытащил тебя из озера, чтобы ты помогла мне выйти отсюда. Если бы не это, я бы с удовольствием перерезал тебе глотку. Делай все, что я скажу, Мардж, иначе ты мертва! Тебе все ясно?

Она сильно тряслась. Ее зубы стучали, будто она хотела что-то сказать, но забыла — что. Пришлось посильнее прижать лезвие к ее горлу, и к ней тут же вернулся голос.

— Хорошо! — Она задышалась.— Все, что скажешь... все!

— Отлично,— сказал я.— Со своими сорока ты уже рассталась, но если будешь вести себя правильно, то пятьдесят у тебя есть шанс отпраздновать.

Озеро сузилось у канала, опять потянулись горы, останки, и, наконец, прямо перед нами появилась пристань. Бенни и Кино с волнением следили, как к ним приближается наша лодка. Когда Бенни наконец разглядел нас, глаза его от удивления раскрылись, а рука юркнула в карман пальто.

— Медленно вытащи,— приказал я ему.— Иначе тебе придется объяснять Харви как это получилось, что его сестре перерезали горло!

Лодка остановилась, я вытащил Мардж и стал позади нее, по-прежнему держа нож у ее шеи. Бенни медленно вытащил свой пистолет и бросил его на деревянный настил.

— Ты делаешь успехи,— похвалил я его.— Чего не могу сказать о твоём шефе. Подумать только — выставить такого ребенка против Бойда! Это была его роковая ошибка. Теперь брось ключи от машины!

Через секунду ключи лежали рядом с пистолетом. Я убрал нож от шеи Мардж и сильно толкнул ее на Бенни. Это дало мне вполне достаточно времени, чтобы подобрать пистолет и ключи. Гарри Кино следил за мной глазами, полными ужаса. Я направил на него пистолет — и его индюшечья челюсть ходуном заходила.

— Забирайся в следующую лодку, дружище,— сказал я ему.— Как ты и обещал, это была действительно прелесть-

ная прогулка. Мне бы хотелось, чтобы ты тоже насладился ею в полной мере. Ну!

Он забрался в следующую лодку и исчез в темноте. Я приказал Бенни снять одежду. У него был такой вид, словно он хотел возразить. Пришлось приставить дуло к его переносице. Он сразу стал смиреннее ягненка. Когда он разделся до плавок, я велел ему забраться в следующую лодку. Настала очередь Мардж. Ее мокрые волосы прилипли к голове, узкое платье облепило тело. Она сильно дрожала, а нос у нее был неправдоподобно синего цвета.

— Я бы не хотел, любимая, чтобы ты простудилась, — дружелюбно сказал я.

Пришлось слегка подтолкнуть ее, и, потеряв равновесие, она упала на колени Бенни, как раз когда лодка двинулась дальше. Они исчезли в темноте и еще секунд тридцать я слышал страшные монотонные ругательства Бенни.

Мои часы все еще шли, подтверждая, что они действительно водонепроницаемы. Я снял свою мокрую одежду и вытерся носовым платком Бенни. Затем надел его одежду и снова посмотрел на часы. Прошло четыре минуты с тех пор, как лодка отчалила. Значит, они были где-то посередине озера, решил я. На панели выключателей я нашел главный рубильник и потянул за рукоятку. Автоматика — прекрасная штука! Голубые огни потухли, и больше не было слышно лязгающих звуков. Я вышел из Тоннеля любви и, плотно прикрыв дверь, направился к выходу.

Минут через пять я забрался в машину Бенни и завел ее. Я не считаю себя мечтателем, но в тот момент прекрасное видение вызвало блаженную улыбку на моем лице. Стоило мне закрыть глаза, как я видел их посередине озера, окруженных темнотой и совершенно беспомощных. Мардж должна уже быть полумертвой от холода. И если Бенни хочет спасти ее от холодной смерти ему придется хорошенько поработать.

Глава 8

Была уже полночь, когда я позвонил в дверь Марго Линн. Она открыла только на четвертый звонок. Глаза у нее были совершенно заспанные. На ней была пижама из шелка цвета шампанского, с дорогими кружевами вокруг груди.

— А... — недовольно проворчала она. — Это ты.

Я ждал приветливую улыбку, думал, что вид моего

красивого мужественного лица заставит ее раскрыть свои глаза пошире. Но она только громко зевнула, и ее впалые щеки совсем провалились. Я уж было подумал, что она больна.

— До утра не мог подождать? — спросила она бесцветным голосом.

— Не мог, — проворчал я и прошел мимо нее.

Марго закрыла дверь и потащилась за мной в гостиную с унылым выражением на лице.

— Разве тебе не понятно, Дэнни? — холодно сказала она. — Я совершенно вымотана, а ты разбудил меня. Теперь иди домой и дай мне поспать. Сегодня был тот еще денек. А завтра — премьера! Неужели ты не понимаешь, что мне нужно хорошенько отдохнуть? — Она глубоко вздохнула. — Удовольствие удовольствием, но не сегодня — ты понял меня?

— Это не займет много времени, — успокоил я ее. — Все, что я хочу, это небольшой разговор и — выпить.

Она устало плюхнулась на софу.

— Господи! Ты толстокожий, как слон! Ладно, но давай побыстрее хорошо?

Я подошел к бару, сделал себе отличное виски со льдом, вернулся на софу и сел рядом с ней. Марго смотрела на меня, сложив руки под грудью. Шелк цвета шампанского тугο натянулся.

— В твоём распоряжении пять минут, — напомнила она.

Я довольно подробно восстановил прошедший день из жизни Дэнни Бойда — от Донны Альберты в «Тауэрз», Рекса Тибольта в парной до Эрла Харви в его конторе. И в завершение описал прогулку по Тоннелю любви с Мардж в качестве спутницы.

Когда я закончил, ее глаза были широко раскрыты.

— Дэнни! — в порыве она крепко стиснула мою руку. — Это ужасно! Почему ты не пошел в полицию?

— Мне нужно доказательство, чтобы окончательно покончить с этой историей, — сказал я. — Я думаю, что Харви шантажировал Донну Альберту, Тибольта и тебя, чтобы заставить вас петь у него. Донна не успокоилась, поэтому он убил ее собаку в качестве предупреждения. Но она рассказала обо всем Полу Кендаллу, и тот стал угрожать Харви. Единственным способом остановить его было убийство.

— Как ты собираешься добыть это доказательство? — спросила она.

— Тибольт рассказал мне о своих шалостях в «Акапульчо», так как надеется, что я помогу ему избавиться от фотографий, — мрачно сказал я. — У меня их нет, поэтому он ничего не расскажет полиции — он будет все отрицать. Единственное что мне нужно, — заверенное подтверждение одного из тех, кого шантажировал Харви. Выбор падает на тебя, Марго.

Ее глаза снова стали сонными, она отодвинулась от меня и облокотилась на софу.

— Извини, Дэнни, — сказала она тихо. — Это невозможно.

— Ты в своем уме? — заорал я. Ты наняла меня, чтобы найти настоящего убийцу — так напугал тебя лейтенант Чейз. Я нашел убийцу. Единственное, что мне нужно, — твое подтверждение в письменной форме, и мы покончим со всем этим!

Она категорически тряхнула головой.

— Нет! Тебе придется сделать это как-нибудь по-другому.

— Черт побери! — с горечью воскликнул я. — Другого способа нет, разве ты не понимаешь?

— Тогда сделай так, чтобы был! — огрызнулась она. — Если ты хочешь получить вторую тысячу долларов.

Я допил виски и встал.

— Ладно. Если так, то думаю, что ничего не могу сделать. Последний мой шанс — Донна Альберта. — Мой смех показался деланным даже мне самому. — Получается, что у меня нет шанса пройти мимо ее двери!

Марго была несгибаема.

— Это твои проблемы, Дэнни. Сам решай!

— Эй! — я вдруг повеселел. — Ее управляющий Касплин... Он должен все знать. Может, он поможет мне?

— Почему бы не попробовать? — согласилась она.

— Я даже не знаю, где его искать в нерабочее время, — ухмыльнулся я. — Может, он свернулся калачиком под своим столом?

— С удовольствием помогу тебе, Дэнни, — сказала она с кислой улыбкой. — Касплин живет в отеле «Сан Мигель».

— Спасибо, — сказал я. — Может, мне повезет, и он даст мне шанс.

Марго встала с софы, подошла к бюро, достала конверт из верхнего ящичка, вернулась и протянула его мне.

Я подозрительно посмотрел на конверт.

— Что это? Прощальные слова меццо-сопрано в письменном виде?

Она сонно улыбнулась.

— Твой билет на премьеру. Не хотела бы, чтобы ты пропустил ее.

Когда она подошла к входной двери, я остановился и предпринял еще одну попытку.

— Черт побери, было бы намного проще, если бы ты подписала подтверждение, которое можно было бы отдать полицейским,— умоляюще сказал я.— Что мешает тебе?

Марго вздохнула.

— Думаю, ты никогда не поймешь! Моя карьера значит для меня гораздо больше, чем все остальное. Это вся моя жизнь, Дэнни! Я не собираюсь рисковать ни из-за тебя, ни из-за полиции, ни из-за кого бы то ни было. Ты прав — Харви шантажом заставил меня петь у него. Но если это попадет когда-нибудь в печать, моя карьера закончится. Я не могу рисковать!

— Хорошо,— сказал я.— Ты не права, но я не виню тебя.

— Я рада,— с явным облегчением произнесла она.— Пока! А то я никогда не дойду до постели.— Она закрыла дверь перед моим носом.

Я проехал через город на машине Бенни и поставил ее рядом со своей собственной машиной. Подумав, что если справедливость существует, то угонщик обязательно обратит внимание на машину Бенни с оставленными в ней ключами, я перебрался в свою машину и направился в «Сан Мигель».

У гостиницы был настолько потертый фасад, что она напоминала старую даму, подзадержавшуюся на этом свете. Я подошел к стойке и, облокотившись на нее, продемонстрировал окружающим потрясающий костюм итальянского покроя. У парня за стойкой были густые черные волосы и такие же усы. На его вытянутом лице затерялись глубоко посаженные глаза. И вообще он мне как-то не понравился. Он был занят — в зубах у него торчали скрепки для бумаг.

— Шесть баксов за комнату,— безразлично сказал он.— Берем вперед.

— Никаких баксов,— успокоил я его.— Парень по имени Касплин здесь живет?

— Вы знаете его лично?

— Я его лучший друг. Вас это интересует?

Он пожал худыми плечами.

— Он действительно как-то говорил, что у него есть друзья, но я почему-то этому не поверил.

— В твоём возрасте ещё иногда стоит доверять людям,— укоризненно сказал я. И уже совсем другим тоном спросил: — Номер?

— Три, два, шесть,— осторожно произнес он.— Довольно поздно. Хотите, чтобы я позвонил ему?

Нож Мардж все ещё был у меня за поясом. Я достал его и подбросил в воздух. Нож вонзился в стойку перед испуганными глазами клерка.

— Не стоит забывать свое место в этом мире, малыш,— назидательно сказал я, вытащил нож из стойки и засунул его за пояс.— Или, может быть, мне пересчитать тебе зубы?

Он жадно глотнул воздух.

— Я только предложил. Если вы хотите, чтобы это было приятной неожиданностью, ради Бога.

Я поднялся на скрипучем лифте на третий этаж и нашел в изогнутом коридоре номер 326. Через три минуты, когда костяшки моих пальцев уже онемели и я был готов выломать дверь, она медленно открылась. В дверях стоял Касплин. Он уставился на меня с холодным раздражением на лице.

— Следовало догадаться,— сказал он своим серебристым птичьим голосом.— Кто ещё будет долбиться в мою дверь среди ночи!

Даже в шелковом халате он выглядел безупречно. Каждый волосок был аккуратно уложен на его блестящей голове, которая по-прежнему выглядела слишком большой для его маленького тела.

— Извините,— принес я свои извинения.— Но это очень срочно.

— Ничего не может быть срочного сейчас, мистер Бойд,— уверенно сказал он.— Пожалуйста, уходите. Или вас выставят отсюда силой.

— Не думаете ли вы, что я притащился к вам среди ночи для того, чтобы меня выставили? — мне пришлось повысить голос.— Я знаю, кто убил Кендалла, и вы должны мне помочь покончить со всем этим.

— На самом деле? — его голос стал вежливым.— Во сколько же это мне обойдется, мистер Бойд? Пятьсот долларов за то, что вы не нашли убийцу собаки Донны Альберты,— сомневаюсь, что могу позволить себе узнать результат ваших новых исследований.

— Вы чересчур упрямы,— стараясь тоже держаться

в рамках вежливости, сказал я. — Кендалла и собаку убил Эрл Харви!

Он положил свою изящную белую руку мне на грудь и мягко оттолкнул от двери.

— Вы пьяны, Бойд! Лучше всего вам убраться отсюда.

— Он шантажом втянул певцов в свою постановку, — настойчиво продолжал я. — Рекс и Марго Линн подтвердили это. Но они слишком напуганы, чтобы заявить в полицию. Если бы вы убедили Донну Альберту сделать заявление... — безразличное выражение его лица остановило меня.

— Донна Альберта? — тихо переспросил он. — Сделала заявление? О чем, мистер Бойд?

— Кончайте! — сорвался я. — Уж вы-то должны знать, что ее тоже шантажом втянули в это дело.

— Ничего я не знаю! — отрезал Касплин. — Это либо плод вашего воображения, Бойд, или, скорее всего, вы пьяны, о чем я уже говорил.

— Вы что, мне не верите?!

Дикий крик нарушил воцарившуюся тишину. На лице Касплина я увидел такое же удивление, какое, очевидно, появилось и на моем. Неожиданно за его спиной материализовался плод моего подстегнутого криком воображения.

— Там мышь! — сказал плод воображения дрожащим голосом.

Внезапно я понял, что мое воображение тут ни при чем. Она была настоящей — рыжее изваяние. Даже босиком в ней было не меньше шести футов. В последний раз я видел ее в конторе Касплина. Она была абсолютно голой. Все изгибы ее тела подтверждали те обещания, на которые они намекали, будучи скрыты одеждой. Когда до нее наконец-то дошло, что я стою в дверях и наблюдаю за ней, цвет ее лица сравнялся цветом ее волос.

— Привет, Максин! — радостно приветствовал я ее. — Трудисься дуэтом?

Она метнулась и скрылась в комнате, где водились мыши, из-за которых и произошли все эти неприятности. Наблюдая за потрясающим движением ее округлых ягодиц, я неожиданно понял, что совсем не чувствую себя усталым. Эта встреча, которая помогла мне так хорошо разглядеть Максина, не только встряхнула обмен веществ в нужном месте, но, наконец, прояснило кое-что, беспокоившее меня несколько дней. Каждый раз, когда я видел Максина, она называла меня «Большой Мужчина!» Это звучало у нее, как оскорбление. Только теперь до меня дошло!

— Какая большая девочка! — удивленно сказал я Касплину. — А вы даже не выглядите уставшим!

Его глаза с ненавистью смотрели на меня, лицо стало мертвенно-бледным, а голова затряслась.

— Убирайтесь! — заорал он. — Убирайтесь, пока я не убил вас, Бойд!

Дверь захлопнулась в дюйме от моего лица. Если бы я не отшатнулся, мой профиль был бы навсегда испорчен. А я всегда считал, что мой профиль — это мой имидж.

На следующее утро я встал около одиннадцати и проделал всю привычную процедуру: побриться — душ — одеться. Затем немного витаминизированного сока с медом. В заключение — черный кофе. Со второй чашкой я подошел к окну гостиной и посмотрел на парк.

Трава стала бурой, сильный ветер трепал падающие листья, и их мотало в воздухе, как неумелых парашютистов. Листопад — грустное время. Я был настроен на самый что ни на есть философский лад, когда негодующий звонок в дверь вернул меня к неуютной действительности. Я открыл дверь — они ввалились толпой, и я оказался в гостиной, прежде чем понял, что к чему. Эрл Харви со своими прямыми волосами, падающими на лоб, и с холодной злобой в глазах, Бенни с пурпурным кровоподтеком под носом, который портил его лоснящуюся красоту. Его тускло-голубые глаза горели в предвкушении мести.

— Рад, что вы пришли, — весело сказал я Харви, затем посмотрел на Бенни. — Выходит, у тебя два костюма? А я-то переживал!

Он сделал решительный шаг ко мне, но Харви остановил его.

— Как Мардж? — Я все еще делал вид, что очень рад их приходу. — Вернулась в загородную клинику для наркоманов?

— Она в больнице, — сказал Эрл. — Скорее всего — воспаление легких.

— Плохо, — посочувствовал я. — Я думал, Бенни поделится с ней своим теплом. Ножа у нее больше не было, Бенни, что ж ты испугался?

Он сделал еще один шаг, но Эрл так дернул его назад, что чуть не сбил с ног.

— Они проторчали в тоннеле три часа, — хрипло проговорил Эрл. — Потом Кино поплыл и освободил их. Хоро-

шенькую забаву ты придумал, Бойд. Не хочешь ли умереть от смеха?

— Не пугай меня, Эрл,— предостерегающе сказал я.

— А ты не зли меня! — рявкнул он.— Меня легко вывести из себя. Прошлой ночью я допустил ошибку, Бойд. К сожалению, до меня поздно дошло, что этого не следовало делать.

— Вы разобьете мне сердце, если будете продолжать в том же духе,— сказал я.— И если дело только в этом, то совершенно не было необходимости наносить личный визит, можно было просто позвонить.

— Я здесь по двум причинам,— сурово произнес он.— Первая — с данного момента ты от меня отвяжешься, Бойд. Ты отвяжешься от театра и певцов. Как будто ты никогда не слышал и о них, и обо мне. Только так — тогда останешься живым!

— Вы еще не все сказали, мистер Харви,— вежливо вмешался Бенни.— Как насчет остального?

Внезапно Харви отступил и засунул руку в карман брюк. Она появилась уже с револьвером, нацеленным на меня.

— Не уверен, что ты хорошо слушал, Бойд,— хрипло сказал он.— Пожалуй, стоит, чтобы Бенни встряхнул твою память. В больнице, где лежит Мардж, по-моему, есть пустые кровати.

Бенни, балансируя, покачался на пятках. Его пухлые губы расплылись в улыбке.

— Как в прошлый раз,— пообещал он.— Но только медленнее и больше. Намного больше! Так, Бойд?

— У вас много времени, ребята,— согласился я.— Можно и не торопиться.

— Что случилось? Нервничаем? — спросил Эрл злобно.

— Хотел кое-что уточнить, Эрл, вот и все,— вежливо ответил я.— Вчера вечером, вернувшись с прогулки, я поговорил кое с кем. Касплин, Марго Линн, лейтенант Чейз. Они, правда, не очень-то внимательно слушали, когда я упоминал твое имя. Разве только Чейз слегка заинтересовался. Сказал, что ему нужны доказательства.

— Ну и что? — насторожился Эрл.

— А то, что если они найдут мой труп сегодня, первым, кого они захотят увидеть, будешь ты. Так что...

— Он врет, мистер Харви,— заторопился Бенни.— Не ходил он ни к какому полицейскому!

— Может, ты и прав, малыш,— сказал я, улыбаясь.—

Но Эрл не захочет рисковать. Понял, что это значит, малыш Бенни?

— Это значит, что я разнесу тебя на куски,— злобно прошипел он.

— Это значит, что револьвер, который он держит, блеф, малыш,— поправил я его.— Он не воспользуется им.

— А ему и не придется,— сказал Бенни, и его правая взлетела в воздух.

Он снова метил в мое солнечное сплетение. Очевидно, у него было одностороннее мышление, исключаящее оригинальность. Я позволил ему измочалить меня в конторе Харви в прошлый раз; поэтому он думал, что и на этот раз ему пройдет этот номер. Руками я ударил его по запястью и рванул на себя. Он потерял равновесие. Затем я ударил его в пах, и он приземлился на софе.

У Харви был явно обеспокоенный вид, когда он наблюдал за нами. Револьвер из рук он пока не выпускал. Я неожиданно ударил его по переносице — раздался хруст ломающихся костей. Эрл отступил назад, схватившись обеими руками за лицо. Стонущий крик вырвался откуда-то из самой глубины его горла. Револьвер упал к моим ногам — я подобрал его и наконец-то почувствовал себя счастливым. Бенни сполз с софы на пол и лежал там немного. Приложив огромные усилия, поднялся на руки и колени. Только после этого он поднял голову и уставился на дуло револьвера в шести дюймах от своего лица.

— Вы ворвались ко мне домой,— дружелюбно стал объяснять я.— Эрл наставил на меня револьвер, в то время как ты начал избивать меня. Чейз скажет, что это самозащита, еще до того, как я закончу излагать всю эту историю. Так, Бенни?

Я довольно крепко ударил его по носу дулом, и он взвыл от боли.

— Ты не отвечаешь,— разочарованно произнес я.— Ненавижу грубиянов. А ты, Бенни?

Я так врезал ему по шее, что он свалился лицом на ковер.

— Может, ты немного нервничаешь? — предположил я, пиная его по ребрам.— Так, Бенни?

— Так! — простонал он в ковер, корчась от боли.

— Была бы здесь Мардж,— мечтательно произнес я.— Я бы выбросил ее из окна. Славный получился бы денек!

После того, как я избавился от Эрла и Бенни, день пошел на спад. Единственной возможностью доказать, что Эрл Харви убийца, было заставить кого-нибудь из трех певцов подписать заявление о шантаже. Но встречаться с ними сегодня по этому поводу было уже бесполезно — через несколько часов состоится премьера. Я позвонил Фрэн, чтобы выяснить, что новенького в конторе. Оказалось, что ничего, кроме десятка счетов в утренней почте. Я послал все к чертям и пошел прогуляться в Центральный парк. Около шести я уже был готов к вечеру пыток. Меня утешало лишь одно — я вспомнил, что Донна Альберта будет Саломеей, а у меня место в первом ряду. Так что я смогу разглядеть ее танец во всех подробностях.

Настойчивый телефонный звонок прервал мои мечты о карьере частного музыкального детектива.

— Дэнни? — взволнованно спросил голос меццо-сопрано.

— Слушаю, Марго, — ответил я своим баритоном. — Что случилось?

— Ты не мог бы появиться в театре пораньше, около полвосьмого?

— Имеешь в виду просмотр? — обрадовался я. — Специально для малыша Дэнни Бойда?

— Не паясничай, — отрезала она. — Я не в том настроении. Приходи в мою гардеробную. Я оставлю записку на входе, так что проблем у тебя не будет.

— Договорились, — согласился я. — Что за дело?

— Не скажу, пока не увижу тебя. — Она повесила трубку.

Я решил, что Вторая авеню не Метрополитен, поэтому вечерний костюм можно не надевать. Тем более, что у меня его не было.

Швейцар у служебного входа окинул меня взглядом, специально припасенным для бородатых парней с бомбами в дипломатах.

— У меня указание мистера Харви, — проворчал он, — никого не пускать, кроме состава.

Пришлось, объяснить, что я исключение, что мое имя Бойд и что Марго Линн ждет меня.

— Так вы Бойд, — сказал он с раздражением в голосе. — Да, она сказала, чтобы я пропустил вас. Ее гардеробная вторая направо.

Я прошептал мимо него в этот сумасшедший дом,

переполненный людьми и голосами. Протиснувшись через толпу, я, наконец, добрался до коридора, ведущего к гардеробным. Высокий симпатичный персонаж с огромной бородой, одетый в пышную мантию, улыбнулся и кивнул мне, когда я проходил мимо.

— Сеньор, — вежливо обратился он ко мне, и лишь тогда я понял, что это Луис Наварре, мексиканский тенор.

Чуть подальше мне встретился прилизанный молодой парень в великолепном вечернем костюме. Когда он увидел меня, кровоподтек под его носом стал намного темнее. Я продолжал идти ему навстречу, и он торопливо отступил в сторону.

— Как дела, Бенни? — по-приятельски спросил я.

— Что, черт побери, вы тут делаете, Бойд — спросил он.

— Меня пригласили, малыш, — сказал я. — Тебе что-нибудь от меня надо?

На секунду в его мутных голубых глазах мелькнула лютая злоба, но тут же угасла. Он посмотрел повыше моей головы и пожал плечами с прилежным бесстрастием.

— Если пригласили, значит, все в порядке, — сказал он скучным голосом.

— Спасибо, малыш, — удовлетворенно ответил я. — Как поживает дружище Эрл?

Бенни судорожно вздохнул, словно у него перехватило дыхание.

— Отлично, — каким-то деревянным голосом ответил он. — Он где-то здесь.

— Ему не трудно дышать все время ртом? — поинтересовался я.

Губы Бенни сжались, он с огромным усилием сохранял вежливый вид.

— Нет. Когда у него будет время, он собирается обратиться к хирургу.

— По-моему, ему надо было заняться своим носом еще до нашей встречи, — сказал я. — Сейчас очень хорошо делают пластические операции. Может, они ему, наконец, помогут выглядеть так, чтобы было похоже, что он относится к человеческим существам. Передай ему привет, Бенни, ладно?

— Обязательно, — его голос надломился. — Он все время думает о вас, Бойд. Он считает, что вы заслуживаете самого серьезного к себе отношения. Его не волнуют затраты — он купит самое лучшее оружие в городе, чтобы позаботиться о вас!

— Не смеши меня, Бенни,— ухмыльнулся я.— Я уже говорил вам сегодня утром, что нужен Эрлу живым, а не мертвым. Но если ты хочешь помечтать, я не против.

Я двинулся по коридору дальше. Неожиданно рядом со мной распахнулась дверь, и я увидел примадонну, окруженную костюмерами и гримерами. Мелькнуло бледное лицо Хелен Милз и ее очки в голубой оправе. Затем высокий голос прочирикал:

— Добрый вечер, мистер Бойд!

Я посмотрел вниз на маленького человечка, только что вышедшего из гардеробной Донны Альберты. Касплин был в своем вечернем костюме и кружевной рубашке. В руках у него была трость из черного дерева с серебряным набалдашником. Он небрежно крутил ее двумя пальцами.

— Удивлен, что вижу вас одного,— сказал я ему.— Неужели Максин так устала вчера ночью, что осталась дома?

Он слегка улыбнулся.

— Удивительно тонкие у вас шутки, Бойд. Иногда вы напоминаете мне борова, пытающегося танцевать в балете?

— А вот я все так же хочу поговорить с вами, и это все так же важно и срочно.

— Боюсь, придется подождать,— сказал он спокойно.— До начала осталось меньше часа, а еще так много не сделано. Эти люди никогда не имели дела с оперой. К тому же, примадонна сегодня на редкость капризна.

— Может быть, назначите время,— устало попросил я.— Называйте, я приду.

Он кивнул.

— Хорошо. Завтра утром я позвоню.

Наконец я добрался до второй двери справа и постучался. Марго крикнула, чтобы я вошел. Она сидела перед зеркалом, нанося последние штрихи грима. Я не сразу узнал ее. На ней было тяжелое платье из красно-коричневого бархата, с плотно облегающим тело лифом и длинным шлейфом. Ее темные волосы были усыпаны голубыми блестками, а большой слой грима старил ее лицо лет на двадцать. Она повернула голову и улыбнулась мне.— Закрывай дверь, Дэнни, и не удивляйся! Не забывай, в опере я мать Донны.

— Не забуду,— пообещал я и послушно закрыл дверь.

— Присаживайся,— она кивнула на стул с жесткой спинкой, стоявший посередине комнаты. Я сел и закурил.

— Выспалась?

— Прекрасно выспалась,— сказала она, улыбаясь соб-

ственному отражению в зеркале.— Дэнни, я думала о том, что ты мне вчера сказал.

— И что! — спросил я осторожно.

— Меня мучает совесть,— печально сказала она.— Если Харви убил Пола Кендалла, я не имею права ставить свою карьеру превыше правды и правосудия. Если нужно письменно подтвердить шантаж, Дэнни, я сделаю это.

— Отлично и благородно, дорогая,— обрадовался я.— Ты уверена, что не передумаешь?

— Сегодня я уже беседовала с самым великим импресарио,— она с трудом выдавила улыбку.— И еще раз убедилась, что права, принимая это решение. Не передумаю.

— Что он тебе сказал?

— Рассказал с подробностями о том, как закончится моя карьера, если материал, который запрятан у него, увидит свет. Потом он пригрозил, что если я хочу остаться непокалеченной, то лучше мне не встречаться с тобой и даже не разговаривать. Он орал на меня, Дэнни.— Она вздрогнула.— Бормотал о своей сестре и о том, что она может сделать своим ножом!

— И все-таки ты готова подписать заявление?

— При одном условии,— она пристально посмотрела на меня.— Мне нужна защита, Дэнни. Из меня не получится героини — он запугал меня. И, думаю, он выполнит, что сказал. Я хочу, чтобы ты был рядом со мной с этой минуты.

— С удовольствием,— заверил я ее.— Как только он подойдет к тебе, я разобью ему нос еще раз.

Глаза у нее стали круглыми.

— Так это ты? А я гадала, что случилось,— он налепил себе пластырь на переносицу.

— Есть только одно затруднение,— сказал я.— Не могу же я выходить за тобой на сцену.

— Ты можешь наблюдать из будки помощника режиссера,— с облегчением сказала она.— Я с ним договорилась — он хороший парень и хорошо ко мне относится.— Она прочла вопрос у меня в глазах и сделала вид, что рассердилась.— Я защищала его во всех стычках с Донной Альбертой во время репетиций, вот и все!

— Прекрасно,— сказал я.— Если ты собираешься сделать заявление, значит, ты не рассердишься, если я задам тебе один вопрос? Иначе любопытство меня доконает.

— Чем меня шантажировал Харви?

— Да.

Марго посмотрела в зеркало и начала машинально подводить брови.

— Ладно, Дэнни, — сказала она наконец. — Правонарушение несовершеннолетних. Я отбывала срок, когда мне было семнадцать. Пятнадцать месяцев. Под своим настоящим именем, разумеется. Джэнни Риговски — звучит, правда? — она невольно улыбнулась.

— И это все? — спросил я.

— Вполне достаточно, — огрызнулась Марго. — Наверное это ерунда для танцовщицы в какой-нибудь мыльной опере, но для меццо-сопрано!..

— А как Харви узнал об этом?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Думаю, это стало его работой — рыться в прошлом. Иначе как бы он заполучил столько больших имен одновременно?

— Пожалуй, — согласился я, вспомнив, как Мардж назвала Бенни консультантом, когда я в первый раз появился в конторе Харви.

— Я подумала, что если после спектакля ты бы взял меня к себе, я бы там и написала это заявление.

— Отлично, — довольно произнес я. — А я покажу тебе, насколько могу быть близок со своим клиентом.

Ее глаза хитро блеснули.

— Ради Бога, мистер Бойд, — с притворной застенчивостью сказала она, — не забывайте, что я сейчас так стара — вполне гожусь вам в матери!

Помощником режиссера был парень по имени Алекс. Он уделил мне целых двадцать секунд своего времени — вполне достаточно, чтобы сказать «привет!» и поставить меня в один из углов своих владений, предупредив, чтобы я как можно подальше держался от него. Панель управления сценой перед ним выглядела не менее сложной, чем панель реактивного лайнера, так что я мог только ему посочувствовать. Передо мной был отличный вид на сцену через стеклянное окно.

Когда-то очень давно я прочитал «Саломею» Оскара Уайльда, потому что один придурок сказал мне, что это история жизни стриптиз-танцовщицы. Так что я мог следить за оперой без проблемы. Она довольно точно повторяла пьесу, поэтому мне не нужно было гадать, о чем поют певцы, которые исполняли свои арии на немецком. В этом отношении мне повезло, тем более, что я никогда не учил немецкого. Певцы были хороши, просто великолепны! Чувственная музыка создавала атмосферу нарастающего

напряжения. Донна Альберта была потрясающей Саломеей. Каждый ее жест извергал огонь и секс, подчеркивая ее отношения любви-ненависти с Иоанном. Рекса Тибольта с трудом можно было узнать в пророке с бородой и пристальным взглядом. Луис Наварре, загримированный, как и Марго, чтобы выглядеть на двадцать лет старше, был величественным трагичным Иродом.

Хотя опера была одноактной, сделали антракт. Может, из-за денег клиентов, чтобы те почувствовали, что не зря их заплатили, может, для разнообразия. В любом случае, когда зажгли свет, Алекс вздохнул с облегчением.

— Осталась худшая половина, — сказал он, ухмыляясь. — Что вы думаете обо всем этом?

— Великолепно! — сказал я искренне.

— Первый раз ее ставили в Метрополитен-опера году в 1906, по-моему. Она продержалась всего пару вечеров — стали кричать о морали и всем таком прочем. «Надушенный декоданс» — отозвался о ней один критик. Неплохо, а?

— Отвечу после танца, — пообещал я ему.

Я пошел к Марго и встретил по дороге Рекса Тибольта. Судя по всему, он не особенно обрадовался нашей встрече.

— Как дела, Рекс? — вежливо спросил я.

— Отлично, — буркнул он. — Послушайте, Бойд... По поводу прошлого вечера. Я... — он внезапно замолчал, уставившись на что-то позади меня, затем быстро ушел.

Я повернулся и увидел Эрла Харви. Поперек переносицы у него красовался белый пластырь, подчеркивающий грязный цвет его глаз.

— Какого черта вы здесь делаете за сценой? — заорал он.

— Защищаю интересы своего клиента, Эрл, — спокойно сказал я. — Вдруг ты захочешь близко подойти к ней, тогда я еще раз врежу тебе, чтобы твоему носу не было скучно!

Его лицо потемнело, он уже открыл было рот, чтобы сказать что-то злое, но вдруг передумал и быстро удалился.

К тому времени, когда я добрался до гардеробной Марго, ей пора уже было возвращаться на сцену, так что мне осталось только проводить ее.

Вторая часть оперы была даже лучше, чем первая. Танец Донны Альберты был таким откровенным, что публика затаила дыхание. Во всем театре воцарилась полная тишина. Напряжение нарастало с каждым сбрасываемым покрывалом. Наконец последнее из них мягко упало на пол, оставив ее в крошечном телесного цвета бюстгальтере и трусиках, которые были почти не видны публике. Ее

голова медленно наклонилась к Ироду, и ее бесподобно изогнутое тело застыло в просьбе. Под ярким белым светом ее тело превратилось в мраморную статую, в которую вдохнул жизнь какой-то языческий бог.

— Боже! — хрипло воскликнул Алекс, нажимая сразу пять кнопок на своей клавиатуре. — Она могла бы заработать миллион в эстрадном шоу!

Чувствовалось, что аудитории после всего этого потребовалось минут пять, чтобы снова начать понимать происходящее. Мне тоже. Саломея потребовала голову Иоанна Крестителя, и Ирод почувствовал первые угрызения совести. Лампы постепенно погасли, и палач исчез в темном провале посредине сцены, который должен был обозначать дверь в темницу, где был заключен Иоанн. А когда Саломея потребовала принести ей голову Иоанна, свет на сцене полностью погас. Через пять секунд луч голубого света озарил напряженную, опустившуюся на колени Саломею перед темным провалом. Дрожь пробежала по публике, когда рука палача медленно появилась из темноты, неся серебряный плоский поднос, на котором покоилась голова Иоанна. Я вспомнил, как Рекс Тибольт говорил мне, что гипсовая голова была чертовски точной копией, — так оно и было. Саломея схватила ее и тут же уронила.

— Черт! — в отчаянье пробормотал Алекс. — Знал, что кто-нибудь обязательно разобьет ее. Но почему в день премьеры?

Донна Альберта стояла на месте не двигаясь, словно парализованная, и вдруг — рухнула на пол.

— Господи! — Алекс начал остервенело нажимать кнопки. — Что бы я сделал, если бы это случилось со мной?

В течение последующих десяти секунд на сцене ничего не происходило. Наконец Луис Наварре разгадал неистовую подсказку Алекса, и действие дотащилося до развязки, когда солдаты ринулись на сцену, погребая Саломею под щитами.

Занавес упал под оглушительные аплодисменты публики, но его больше не поднимали. Я последовал за Алексом, который ринулся на сцену к тесной кучке людей, столпившихся вокруг неподвижного тела Донны. Когда я пробрался внутрь, Марго стояла около нее на коленях. Она посмотрела на меня с надеждой.

— С ней все в порядке. Просто обморок — и все.

— Думаете? Может, она заболела? — с волнением спросил Наварре.

— Нервы,— ответила Марго.— Когда она взяла голову...— ее голос оборвался, когда она посмотрела на голову, лежавшую на полу рядом с Донной Альбертой. Даже под гримом было видно, как побледнело лицо Марго, в глазах застыл ужас.

— Что такое? — настойчиво спрашивал Алекс.— Что случилось?

Марго подняла трясущуюся руку и показала — голова Иоанна лежала в темной блестящей луже.

— Кровь? — недоверчиво прохрипел Алекс.

Глава 10

Лейтенант Чейз посмотрел на часы, тяжело вздохнул и с явным отвращением уставился на меня.

— Час ночи,— недовольно сказал он.— Мы проторчим здесь до утра. Рассказывайте еще раз, Бойд.

— Я пришел сюда по приглашению,— терпеливо повторял я.— Меня пригласила Марго Линн. Помощник режиссера может подтвердить, что мы все время находились с ним в его будке, за исключением антракта.

— Госпожа Линн — ваш клиент, не так ли?

— Совершенно верно,— согласился я.— Она нервничала, поэтому захотела, чтобы я был рядом с ней.

— Почему нервничала? — рявкнул Чейз. Я пожал плечами.

— Просто нервничала. С артистами это часто случается.

— У меня такое чувство, что вы не доверяете мне, Бойд,— холодно сказал он.— Если вы знаете что-нибудь из того, чего не знаю я, то лучше вам сейчас рассказать об этом.

— Если я разузнаю хоть что-нибудь, сразу же сообщу вам, лейтенант,— пообещал я. Кажется, он не очень мне поверил.

— Да? Меня уже тошнит от всего этого! Сначала труп в коробке, который выскакивает, чтобы поприветствовать меня. Теперь отрубленная голова, которую выносят на подносе — Он медленно покачал головой.— Это просто какой-то маньяк!

— Не могу представить, как это ему удалось,— сказал я.— За сценой все время были люди.

— Под сценой есть проход к той двери,— сказал Чейз.— Во время действия все смотрели только на сцену,

так что проникнуть туда не составляло труда. Бутафор положил макет головы и поднос у ступенек, ведущих к двери,— продолжал Чейз.— Это было еще до начала спектакля. Потом, сразу же после антракта, Тибольт зашел в этот проход. Во втором действии Саломея беседовала с ним, когда он находился в темнице. Так?

— Так,— согласился я.

— Еще там некоторое время находился парень, который исполнял роль палача. Он говорит, там было довольно темно. Поднос с головой находился там, где ему и следовало находиться, так что он взял его и принес Донне Альберте на сцену, ни разу не глянув на голову.

— А где было тело? — спросил я.

— Посредине прохода. И никаких признаков оружия.— Чейз снова покачал головой.— Кто бы это ни был, ему надо было воспользоваться топором. Судя по всему, Тибольта обезглавили одним сильным ударом.

— Убийца, наверное, поджидал Тибольта в проходе? — предположил я.

— Похоже, что так,— согласился Чейз.— Дождался, пока Тибольт исполнит последнюю партию, затем вошел в тоннель и убил его.

— Отрубить голову, затем подменить макет на подносе...— я нервно пожегся.— Представишь это — начнешь бояться темноты!

— Тело оставили возле входа со стороны крыла,— проворчал лейтенант.— Достаточно далеко от двери на сцену, чтобы тот, кто играет палача, ничего не заметил.

Я закурил и попытался представить ситуацию в выгодном для себя свете.

— Надеюсь, это снимает с моей клиентки всякие подозрения? Она находилась на сцене с самого антракта, поэтому никак не смогла бы это сделать.

— Знаю.— Мрачное выражение вернулось на лицо Чейза.— Точно так же, как Наварре и Донна Альберта. Я думаю, Кендалла и Тибольта убил один и тот же человек. Второе убийство сужает число подозреваемых до трех: Харви, Касплина и Милз.

— А как насчет их алиби? — спросил я. Чейз фыркнул.

— Харви заявляет, что все время был в кабинете управляющего со своим подчиненным Бенни Картером. Только кто поверит этому Бенни? Отвратительный тип! Касплин уверяет, что Тибольт разговаривал с ним во время антракта, сказал, что у него какое-то срочное, конфиденциальное дело. Поэтому Касплин ждал его в гардеробной,

пока тот не исполнит свою партию. Он действительно там сидел, когда кто-то вошел и сообщил ему об убийстве.

— Вы верите этому? — спросил я. Чейз пожал плечами.

— Правда это или ложь — нужно доказать. А это будет нелегко.

— Как насчет Хелен Милз?

Его нос неприязненно сморщился.

— Ничего не могу с собой поделать, — что-то в этой даме мне положительно не нравится. За этими ее огромными очками ничего невозможно разглядеть. Она утверждает, что премьеры всегда заставляют ее волноваться, поэтому она в одиночестве просидела в гардеробной Донны Альберты, пока все не закончилось.

— Всего трое подозреваемых — не так уж плохо, лейтенант, — глупо сказал я.

— Может, вы уже все разгадали, умник? — рявкнул он. — Мотивы там, и все остальное, а?

Я смешался.

— Извините. Хотел вас немного подбодрить.

— Не надо! — прорычал он. — Я тоже думал, что трое подозреваемых — это просто. Как бы не так! Мы прибыли через пятнадцать минут после вашего звонка. Швейцар клянется, что никто не выходил из театра за это время. Десяток моих людей прочесали за сценой каждый дюйм, но так и не нашли орудие убийства. Подумайте, Бойд, куда можно спрятать такой большой предмет, которым можно отрубить голову одним ударом?

— Сочувствую, лейтенант, — сказал я.

Чейз подозрительно посмотрел на меня.

— Вы даже не представляете, как вам повезло, Бойд, что у вас такое железное алиби!

— Может, поискать связующий мотив между двумя убийствами? — предложил я.

— Убирайтесь отсюда ко всем чертям и не отнимайте у меня время! — взревел он.

Я был уже на полпути к двери, когда он заорал снова:

— Вы последний в списке. Думаю, остальным теперь не имеет смысла торчать здесь, — скажите, что они могут идти домой.

— Хорошо, лейтенант, — вежливо ответил я.

Я взялся за ручку двери, когда он снова заговорил. Голос его смягчился.

— Бойд?

— Лейтенант? — я устало повернул голову и посмотрел на него.

— Кто-то сломал Харви нос, но он не говорит кто, — вкрадчиво продолжал Чейз. — У Бенни Картера ужасный кровоподтек на носу, и он тоже не говорит, кто это сделал. Забавное совпадение, а?

— Мне смеяться?

— Не знаешь, кто это сделал?

— Нет, — невинно ответил я. — Почему вы думаете, что я знаю?

— Только такой дешевый частный детектив, как ты, будет применять силовые приемы, вот почему!

— Может, они подрались между собой, лейтенант? — предположил я.

Он задумался. В его глазах появилось мечтательное выражение.

— После того, как я закончу с этим делом, я и тобой займусь, Бойд. И тогда я так вмажу по твоей голове, что ты позавидуешь Тибольду.

— А я-то думал, что я вам нравлюсь, лейтенант, — саркастически сказал я и поторопился выйти из кабинета, прежде чем Чейз смог мне ответить.

Я вернулся в гардеробную к несчастным актерам, которые ждали доброго слова от Чейза, и сказал, что они могут расходиться по домам.

Было без четверти два, когда мы добрались до моей квартиры. Я стал смешивать виски со льдом, а Марго благодарно плюхнулась в ближайшее кресло. Я подал ей виски, сел на софу напротив нее и поднял бокал.

— Предлагаю выпить до дна.

— Аминь! — поддержала она, поднося бокал к губам. — Наконец-то мне полегчало, — сказала она через пять секунд. — Это была ужасная ночь!

— Пожалуй, — согласился я. — Зато теперь ты можешь быть спокойна — у тебя железное алиби. Ты все время была на сцене, так что Чейз тебя больше не подозревает.

— Отлично, — сказала она без особого энтузиазма. Потом пристально посмотрела на меня. — Дэнни, ты говорил ему о Харви и шантаже?

— Нет еще, — сказал я. — Сначала мне нужно твое заявление.

Марго допила виски, вытянулась в кресле и закрыла глаза.

— Дэнни, ты догадываешься, почему убили Рекса, да?

— Нет,— честно сознался я.— А ты?

— По моему, это так просто,— сказала она, понизив голос.— Потому что он рассказал тебе.

— Что?

— Рассказал тебе о шантаже,— медленно продолжала она.— Ты сказал об этом Харви, и он убил Рекса, чтобы быть уверенным, что он больше не будет болтать!

— Поэтому?..

— Поэтому я передумала,— прошептала она.— Я не буду подписывать заявление, Дэнни, извини.

— Ты шутишь? — взвыл я.

Она открыла глаза и решительно посмотрела на меня.

— Я никогда не была так серьезна, как сейчас!

— А что случилось с твоей совестью? — прорычал я.— «Сначала справедливость, потом карьера» — в своей гардеробной ты именно так говорила?

— Моя совесть умерла от испуга, когда я увидела голову Рекса Тибольта на полу около Донны.— Она вздрогнула.— Этот страх будет преследовать меня всю жизнь.

— Если ты подпишешь заявление, тебе больше не нужно будет бояться Харви — он будет в тюрьме,— попытался я ей объяснить.

Марго упрямо покачала головой.

— Слишком большая вероятность риска, Дэнни. Полу Кендаллу перерезали горло, Рекс Тибольт потерял голову! — Она снова вздрогнула.— Я не хочу быть следующей!

— Это окончательно?

— Извини, Дэнни, да.

Я встал с софы, подошел к столу и сделал себе еще одно виски со льдом.

— Дэнни? — в ее голосе был вопрос.

— Я вызову тебе такси,— ответил я.

— Ты сердишься на меня?

— Почему я должен сердиться на тебя, дорогая? — в моем голосе зазвучала убийственная ирония.— Ты наняла меня, чтобы найти убийцу. Меня самого чуть не убили. А сейчас, когда все, что требуется, это твои показания, ты — испугалась.— Я оскалил зубы.— Я не сержусь на тебя, дорогая, я готов разорвать тебя. Ты заслуживаешь это. Так что лучше тебе уйти, пока ты цела!

Ее глаза широко раскрылись от испуга.

— Я никуда не пойду,— заволновавшись, сказала она.— Ты должен быть рядом со мной все время — не забыл?

— Я передумал,— холодно ответил я.— Вот так! Также, как и ты!

— Ты не можешь так поступить! — испугалась она.— Ты не посмеешь!

— Послушай, дурочка! — Я был вне себя.— Я нашел убийцу, как ты и хотела. Ты должна мне еще одну тысячу долларов. И покончим с этим! Все! Ясно?

— Я никуда не пойду! — тихо и непреклонно сказала она.

— Либо ты пойдешь сама, либо я тебя вышвырну,— сказал я.— Выбирай, мне все равно.

Марго посмотрела на меня, ее нижняя губа предательски задергалась. Затем она встала.

— Хорошо,— прошептала она.— Не будешь возражать, если сначала я приму душ?

— Пожалуйста,— не стал возражать я.

Она исчезла в ванной, высоко, с достоинством отчаянья, подняв голову. После того, как она ушла, мне почему-то пришло в голову, что заложенный одним из моих предков мне в гены мерзавец нет-нет да и проявит себя. Полный раскаяния, я одним глотком допил свое виски, после чего решил, что ничего страшного не произошло, — я всего лишь играл по правилам Марго. Я снова налил себе виски, чтобы выпить за своего безнравственного предка, когда дверь ванной отворилась и Марго вернулась в гостиную. Бокал выскользнул из моих пальцев и упал на ковер. Марго мельком посмотрела на меня, но не остановилась.

— Эй! — Я даже задохнулся.— Что ты сделала со своей одеждой?

Она повернулась ко мне спиной и направилась прямоком в спальню, предложив мне на обозрение вид своего округлого зада, совершенно свободного от всяких покровов. Перед тем, как закрыть дверь, она высунула голову и мило мне улыбнулась.

— Спокойной ночи, Дэнни.— Дверь плотно закрылась.

По инерции я секунд пять сидел неподвижно, потом понесся в спальню, распахнул дверь — она чуть не слетела с петель — и затормозил у самой кровати. Марго улыбалась.

— Забыл что-нибудь, Дэнни?

— Ты что это вытворяешь? — свирепо прорычал я. — Я велел тебе убираться отсюда, а ты!..

Она села и, сбросив последнюю одежду, оголила маленькие упругие груди.

— Убираться в таком виде? — нежно спросила она.

— Если хочешь, можешь в таком!

— Хорошо.

Медленно и чувственно она повела бархатными плечами. У меня пересохло горло, я чувствовал, что моя решимость улетучивается с каждой секундой.

— Я пойду, — голос Марго изменился. На этот раз в нем звучала угроза. — Я пойду прямо до следующей квартиры. Буду стучать в дверь до тех пор, пока кто-нибудь не ответит. Я расскажу им правдоподобную историю о том, как ты завлек меня к себе — свою маленькую двоюродную кузину с Вичита Фолз, — порвал всю мою одежду, а потом выставил меня, потому что я не поддаюсь твоим скотским желаниям!

Я вспомнил, что соседнюю квартиру занимал военный в отставке. Его жена была чопорной дамой с суровым взглядом, которая почти все свое время проводила на Бродвее, раздавая религиозные издания.

— Ладно, — безнадежно пробормотал я. — Ты победила!

— Я знала, что ты просто шутишь, Дэнни, — самодовольно сказала она. — На самом деле ты просто большой добрый ребенок!

— Из Вичита Фолз, — добавил я.

Я повернулся и медленно пошел к двери, и был уже почти у цели, когда Марго хрипло спросила:

— И куда же ты идешь?

— Немного выпить и лечь спать на софе.

— Ну нет! — в ее голосе было столько командной силы, что старый вояка в соседней квартире позеленел бы от зависти. — Иди сюда! — приказала она.

В оцепенении я поплелся назад.

— Не забывай, мне нужна защита! — напомнила она. — А это значит, что ты должен быть рядом со мной, Дэнни Бойд. Причем очень близко.

— Да? — на всякий случай переспросил я.

Она отбросила покрывало и похлопала по пустому пространству рядом с собой.

— Очень близко, — повторила она. В ее голосе снова зазвучала нежность.

Эта нотка нежности была как крик дикого гуся в моем

подсознании, как могучий зов природы, которому настоящий охотник не может противиться. Я уже совсем был готов последовать политике несопротивления, как вдруг другая часть моего подсознания подбросила меня, словно кто-то сунул мне за шиворот мокрую рыбу.

— За что, по-твоему, убили Тибольта? — медленно спросил я.

Марго уставилась на меня, открыв от удивления рот.

— Такой момент, а ты ведешь расследование? Отказываюсь что-либо понимать, — она обеспокоенно оглядела себя с плеч до лодыжек.

— Ты сказала, что его убили потому, что он рассказал мне о шантаже Харви. Тако?

Она недоуменно заморгала.

— Конечно. Мы оба знаем это.

— Но это же бессмысленно, — сказал я. — Я встретил его по дороге в твою гардеробную во время антракта. Он собирался мне что-то сказать, но у него не получилось. Он увидел Харви и удрал. Харви видел это. Он прекрасно знал, что Тибольт боялся его до смерти.

— Тем не менее, это не остановило его, — надув губы, сказала Марго.

— Если ему и надо было убить кого-то, это должна была быть ты, — взволнованно продолжал я. — Он знал, что ты наняла меня для расследования убийства. Он мог догадаться, что я захочу получить от тебя подтверждение о шантаже и ты можешь подписать заявление.

Марго вздрогнула и натянула на себя покрывало.

— Но у него не было возможности, — прошептала она. — Ты все время был рядом со мной.

— У него было много возможностей, — не согласился я. — Прошлой ночью ты была одна в своей квартире.

— Ты что, собираешься запугать меня до смерти? — возмутилась она.

— Харви шантажом заставил вас петь у него, — продолжал я. — Ваши имена, талант — он знал, что будет огромный успех. Он не убивал Кендалла! Единственное, чего он боялся, что кто-нибудь узнает о шантаже. И когда проныра частный детектив начинает на это намекать, Харви в панике пытается избавиться от него. Это совсем не доказывает, что Харви убил Кендалла, а доказывает лишь то, что он очень боялся, что его разоблачат.

— Я не понимаю... — пробормотала Марго.

— Я был так уверен, что это Харви, — вяло продол-

жал я.— На меня нашло какое-то затмение. Харви совсем не нужен был мертвый Рекс Тибольт. Ему нужен был живой испуганный Тибольт, который будет петь в «Саломее». Зачем ему самому гробить свой бизнес?

Марго зевнула.

— Если это не Эрл Харви, тогда кто? Или ты думаешь, что ничего не произошло? Пол просто всех разыграл, а Тибольт не терял своей головы?

Я ходил взад и вперед вдоль кровати. В голове у меня была настоящая каша.

— Чейз сказал, что только трое не имеют алиби. Если исключить Харви, надо выбирать между Касплиным и Хелен Милз. Оба весьма странные личности. У каждого из них вполне наберется комплексов на то, чтобы отправить их в частную клинику лет на двадцать. И тот, и другая обойдутся без всяких разумных доводов, если захотят совершить убийство. Вот и попробуй выбрать! Так, давай теперь вернемся к самому началу. Давай посмотрим на происходящее с их точки зрения. Все началось с пекинеса Ники, которого выкрали, убили и вернули Донне Альберте в подарочной упаковке. Потом...— Вдруг ужас от понимания того, что происходит, потряс меня.— Дэнни Бойд, красавец, перед которым не может устоять ни одна женщина, бродит туда-сюда, бормоча себе что-то под нос, в то время как рядом с ним терпеливо ждет прекрасная женщина, которая сама пришла к нему. Я повернулся к кровати и улыбнулся, стараясь, чтобы моя улыбка выглядела как можно более теплой и очаровательной.

— Дорогая,— нежно произнес я.— Я совсем потерял голову. Ты меня извинишь, ладно?

Марго лежала, отвернув голову, и не отвечала. Я сел рядом с ней и сказал:

— Марго, дорогая? — Ответа не последовало. Я нагнулся — мои губы коснулись ее маленького ушка, похожего на розовую раковину.— Марго, дорогая, я был не в себе. Может быть, ты дашь мне возможность оправдаться?

Если она хотела поиграть — я не возражал. Я взял ее за подбородок и нежно повернул ее голову к себе. Глаза ее были закрыты, на губах застыла улыбка.

Через пару секунд я выключил свет и побрел к одинокой софе в гостиную. Можно согласиться с любым доводом, который может привести женщина, кроме одного — храпа.

Я был на кухне и уже приготовил укрепляющую витаминную смесь. Кофе был тоже готов, когда в дверях появилась Марго. На ней был мой шелковый халат, — как и на всех женщинах, на ней он смотрелся лучше, чем на мне.

— Доброе утро, — она сонно улыбнулась. — Великий детектив разрешил загадку сегодня ночью?

— Ты храпела, — холодно констатировал я.

— Извини, — она хихикнула. — Зато это помогло тебе в расследовании!

Она увидела витаминизированный напиток и с голодным блеском в глазах налила себе бокал.

— Умираю без апельсинового сока по утрам, — сообщила она и одним глотком выпила его.

Я наблюдал за сменой выражения ее лица, начиная с сомнения и кончая ужасом.

— Что ты тут намешал? — спросила она наконец изменившимся голосом.

— Это не апельсиновый сок, — сказал я укоризненно. — Это жидкость, которую я использую для чистки серебра.

На секунду она побледнела, но потом в ее глазах появилось благодарное выражение.

— Может, выпить еще? — развязно сказала она.

Ее рука схватила кувшин за секунду до моей. Мне оставалось довольствоваться чашкой кофе, которую я опустошил к тому времени, когда она выпила весь кувшин.

— Дэнни-малыш, — оживленно сказала она. — Тебе придется поделиться со мной рецептом! — Она вытянула руки над головой и потянулась. — Чувствую себя великолепно!

— Тебе не помешает закусить, — коротко сказал я. — По-моему, кое-что есть в холодильнике.

— Кофе тоже неплохо, — сказала она.

Моя вторая чашка показалась мне еще вкуснее, и я решил, что, в конце концов, можно прожить и без витаминов. Пришлось, правда, закурить, чтобы кофе было не так одиноко. Затем я почувствовал, что за мной наблюдают. Я поднял голову и увидел, что Марго с нарастающим интересом уставилась на меня.

— Дэнни, — хрипло сказала она. — Я приняла так много витаминов, они пропадут! — Ее улыбка была слишком сексуальной для половины десятого утра. — Ну, не трусь,

Дэнни-малыш, Дэнни-умница, копуша-любовничек! Пусть витаминчики поработают, а, Дэнни?

— Не дури,— сказал я.— Ты перепутала с витаминами большую дозу джина. Выпей кофе!

— Ты такой романтик по утрам! — кисло заметила она.

— По утрам я обычно занимаюсь работой. Поразмышляв сегодня ночью, я понял, что мне придется вернуть твою тысячу долларов.

— Вот почему ты такой деловой? — сообразила она.

— Точно. Поэтому сиди и пей кофе.

Я вышел из гостиной и позвонил в контору. Фрэн ответила мне своим прохладным медлительным голосом. Такой голос действует на меня лучше всякого душа.

— Где-то в этом огромном городе,— начал я торжественно,— на больничной койке в одиночестве лежит женщина...

— Извините, мистер Бойд,— прервала меня Фрэн,— вам не кажется, что «лежит» — самый подходящий термин для обычного состояния большинства ваших подруг?

— На этот раз ты ошибаешься,— честно сознался я.— Ее имя Мардж Харви, и, я думаю, она старшая сестра Джека-потрошителя. Ее госпитализировали часов тридцать назад с подозрением на пневмонию.

— Вы позволили ей замерзнуть? — грусно спросила Фрэн.— Мистер Бойд, я удивлена!

— Я оставил ее в Тоннеле любви,— признался я.— Но ты этому не поверишь.

— Если я могу поверить тому, что случилось в опере прошлой ночью, думаю, что пойму и это,— сказала Фрэн.— Должно быть, это тоже случилось ночью.

— Я все расскажу тебе, дорогая, но не сейчас,— нетерпеливо произнес я.— Сейчас важно найти эту Мардж. Сделай это, Фрэн. Затем узнай в больнице, не смогу ли я увидеть ее примерно в полдень. Если они заупрямятся, скажи, что я ее адвокат, что это жизненно необходимо, что она должна подписать очень важные документы — в общем, знаешь, сделай так, чтобы все это прозвучало убедительно.

— Ладно,— согласилась Фрэн.— Где вас найти?

— Я буду в конторе примерно в одиннадцать тридцать.

Я достал из бюро свой 38-й и сунул под пальто — на случай, если Эрл Харви окончательно одуреет. Выходя из квартиры, я снова заглянул на кухню. Марго с угрюмым выражением на лице пила кофе.

— Как насчет моей защиты? — кисло спросила она.

— Закройся на замок, когда я уйду. Не открывай никому — у меня есть ключ.

— Ты совершенно бездушный тип, — грустно сказала она. — Что теперь будет с моими калориями?

Дверь номера открыла Хелен Милз. Когда она увидела меня, ее глаза превратились в ледышки.

— Мисс Альберта сегодня никого не принимает, — сказала она своим учительским голосом. — Она все еще в нервном шоке. Думаю, что даже вы, мистер Бойд, можете понять ее состояние после вчерашней кошмарной ночи!

— Шок случился, когда она вернулась сюда? — с интересом спросил я. — Или в такси?

Рот ее внезапно скривился, она попыталась захлопнуть дверь, но я открыл ее, надавив плечом.

— Я хочу видеть вас, Хелен. Пора нам поболтать наедине.

— Мне нечего вам сказать! — разъяренно зашипела она. — Если вы не уйдете...

Я прошел мимо нее в гостиную и сел на диван. Какое-то время она беспомощно держалась за дверную ручку, затем закрыла дверь и подошла ко мне. В ее глазах застыла неуверенность.

— Если это попытка увидеть Донну Альберту после вашего скотского поведения в прошлый раз, я...

— Садитесь и расслабьтесь, — перебил я ее. — Еще раз повторяю, я пришел к вам, Хелен!

— Тс-с-с! — она поднесла палец к губам. — Не так громко. Донна сейчас отдыхает, не надо ее беспокоить.

— Договорились, — тихо сказал я. — Возможно, лейтенант Чейз не сказал вам сегодня ночью, что под подозрением остались только трое. У всех остальных имеется алиби на то время, когда был убит Рекс Тибольт.

— Нет, — прошептала она. — Не сказал.

— Это Эрл Харви, Касплин и вы.

— Я? — Ее щеки вспыхнули. — Но это просто смешно! Я находилась в гардеробной Донны все время, я говорила ему об этом.

— Находилась одна, — подчеркнул я.

Она пожалала плечами, приподняв большой воротник своего скромного жакета из твида.

— Два убийства, — продолжал я. — Так много произошло за такой короткий срок, что я чуть было не забыл о собаке.

— Бедный Ники, — вздохнула она.

— Вы поставили меня в глупое положение,— сказал я с сожалением.— Я даже предположить не мог, что вы могли причинить зло Донне Альберте. Поэтому я не спрашивал вас о том, как была похищена собака.

Она медленно села на краешек ближайшего стула и наклонилась ко мне. Ее руки легли на колени, пальцы судорожно сцепились.

— Я не понимаю вас, мистер Бойд,— прошептала она.— Что вы имеете в виду?

— Вы все прекрасно понимаете,— строго произнес я.— Вся эта история с парнем, который вам позвонил от имени Донны Альберты из театра. Она, якобы, хотела, чтобы привезли Ники, и они прислали посыльного, чтобы его забрать. С посыльным еще интереснее — какой-то человек в униформе. Вы не помните ни фирмы, ни того, какая была униформа. Вы даже не помните, как он выглядел,— высокий, маленький, худой, толстый, старый, молодой? И это очень понятно — он существовал лишь в вашем воображении!

— Тем не менее, это правда,— отрывисто сказала она.— Что вы хотите от меня, мистер Бойд?

— Тогда я еще не знал, что из себя представляет Донна Альберта на самом деле. Она темпераментная садистка, жестокая Саломея, которая требует голову каждого на серебрянном подносе! Она прекрасно знала, как вы относитесь к ней, и ей доставляло удовольствие видеть вас рядом — очень близко, но при этом на расстоянии в миллион световых лет от тех отношений, о которых вы мечтали. Она мучила вас бесконечными историями о своих любовных похождениях, она сводила вас с ума. И когда вы узнали, что Пол Кендалл бросил Марго Линн ради Донны Альберты, это стало последней каплей. Вы не вытерпели. Вас выставляли из номера, когда заявлялся Кендалл, а потом вам приходилось выслушивать ее рассказы о их любовных отношениях во всех подробностях и красках. Вам нужно было остановить ее.

— Прекратите,— с истеричными нотками в голосе сказала она.— Я не хочу слушать! Не хочу вас больше слушать — всю эту дрянь, грязь...— Она прижала ладони к пылающим щекам и затрясла головой.

— Вам придется слушать, Хелен,— не отступал я,— потому что это правда.

Она всхлипнула.

— Ложь. Грязная ложь. Я не хочу слушать. Вы не можете заставить меня — не хочу, не хочу, не хочу!

— Хорошо,— согласился я.— Если вы не хотите слушать, может, Донна Альберта захочет.

Она подняла голову и уставилась на меня. В ее глазах появился ужас.

— Расскажите Донне, что я...— Кадык на ее шее конвульсивно задергался.— Вы не посмеете, мистер Бойд. Вы не сделаете этого...

Она медленно опустилась передо мной на колени. Я увидел выражение ее глаз, услышал ужас в глубине ее умоляющего голоса и почувствовал себя монстром, детоубийцей, вампиром. Ее руки умоляли меня еще красноречивее, чем голос.

— Мне ничего не придется рассказывать Донне Альберте, если вы расскажете мне правду.

Ее руки медленно опустились, она заставила себя подняться и сесть на краешек стула.

— Ладно,— уныло сказала она.— Я придумала все это. Не было никакого телефонного звонка, никакого посылного. Но я не знала, что он причинит какой-нибудь вред Ники,— поверьте мне! Клянусь, это правда! Он сказал, что просто поддержит его несколько дней, пока Донна Альберта не потеряет интерес к Полу Кендаллу, а потом вернет собаку.

— Кто — он? — спросил я. Ее лицо исказила гримаса.

— Рекс Тибольт. Смешно, но у нас у обоих были одинаковые проблемы — мы оба любили Донну Альберту, и она знала об этом. Ей доставляло удовольствие мучить его так же, как и меня!

— Что случилось после того, как вернули мертвого пса?

Она устало покачала головой.

— Я думала, что сойду с ума. Сначала Рекс избегал меня, удибал, когда видел, что я приближаюсь. Потом, наконец, я подкараулила его на репетиции, и он поклялся, что не убивал Ники, это сделал кто-то другой. Я не поверила ему, закатила истерику. Тогда он велел мне держать язык за зубами, так как я тоже замешана во всем этом. Он был прав, я ничего не могла больше сделать.

За моей спиной раздался хриплый рокочущий звук. Лицо Хелен превратилось в сплошную маску страха. Как заклинание, она почти беззвучно шептала одно и то же слово — «нет, нет, нет...»

Я быстро встал и повернулся, пытаясь сообразить, что издает такой рокочущий звук. Посредине комнаты стояла Донна Альберта. Она медленно приближалась к нам. Серебристо-светлые волосы были распущены. На ней был

белый атласный бюстгальтер, который выглядел смешным в попытке заточить огромную массу бюста. Также смешно выглядели и ее трусики, робко прикрывавшие ее необъятные чресла. Глаза ее были широко раскрыты — она не сводила с нас застывшего взгляда. Казалось, она не замечала, что издает такие рокочущие звуки. В ее руке был собачий поводок из чистой кожи, с металлической пряжкой на конце. Не нужно было быть медиумом, чтобы понять, что когда-то он принадлежал Ники.

— Она знает! — жалким дрожащим голосом воскликнула Хелен Милз. — Она все время подслушивала — она убьет меня!

— Донна! — Я шагнул к ней навстречу. — Донна, послушай.

Даже не взглянув на меня, будто меня здесь и не было, она кинулась к Хелен Милз. Та только беспомощно съежилась на своем стуле.

— Дрянь! — смачно выругалась Донна Альберта. Ее правая рука взлетела вверх и в воздухе мелькнул поводок.

Я решил, что ситуация не требует долгих раздумий, — требовалось немедленное действие. Мой старик часто говорил мне: никогда не бей женщину, когда она смотрит на тебя. Я ударил Донну кулаком по шее, но она, кажется, даже не заметила этого. Правой рукой она продолжала хлестать Хелен по плечам — звук ударов был отвратителен. Лицо Хелен исказилось от боли, а на губах застыл немой крик. Я снова замахнулся кулаком и... задержал его в воздухе. Поводок выпал из рук Донны, она покачнулась, а потом медленно повалилась на ковер. Ее необъятные прелести все были на виду. Хелен долго не могла оторвать от нее взгляд, потом вопросительно посмотрела на меня.

— С ней все в порядке, — коротко объяснил я. — Вам лучше уйти до того, как она придет в себя.

— Соберу свои вещи, — прошептала она. — Пойду в другую гостиницу.

— Правильно, — согласился я. — С деньгами в порядке?

— О да, — кивнула она. — Много.

— Тогда советую поторопиться.

Через пару минут она вышла с сумкой.

— За остальными вещами я пришлю, — сказала она мертвым голосом. — На два дня мне хватит того, что я взяла.

Я пропустил ее вперед и, прежде чем закрыть дверь, взглянул в последний раз на Донну Альберту.

Мы подошли к лифту. Милз укоризненно посмотрела на меня, когда поняла, что я ухожу вместе с ней.

— Не думала, что вы уйдете, мистер Бойд. Вы уверены, что с Донной все будет в порядке?

— Уверен, — отрезал я. — У нее выносливость танка-амфибии. И не одного!

— Я думала, вам лучше подождать, пока она очнется. Чтобы быть уверенным...

— Шутите, — сказал я. — Она разорвет меня на мелкие кусочки!

Мы спустились вниз, и она пошла на два шага впереди меня и сохраняла эту дистанцию до выхода на улицу. Здесь она остановилась и вежливо протянула мне руку.

— До свидания, мистер Бойд, — сказала она официальным голосом. — Не думаю, что мы увидимся когда-нибудь.

— Вы уверены, что с вами все в порядке? — спросил я.

— О! Все отлично! — Она рассеянно улыбнулась. — Уверяю вас, мистер Бойд, я смогу постоять за себя. — Ее улыбка погасла, и она тихо, словно про себя, сказала: — Так и должно было все кончиться. Но жалко, очень жалко!

— Не знаю... — пожал я плечами.

— Донне будет не хватать меня, — она снова улыбнулась. — Она такой ребенок во многих вещах. Но я всегда ей говорила — нет ничего хорошего, когда в квартире держат животное. — Неожиданно она наклонилась вперед и ее губы коснулись моего уха. — Это негигиенично! — прошептала она.

Глава 12

— В вашем распоряжении пять минут, мистер Бойд, — сказала медсестра с профессиональной краткостью. — Мисс Харви не настолько здорова, чтобы принимать посетителей, но мы сделали исключение для вас, так как это очень важно. Ваш секретарь объяснила нам, что дело в юридических затруднениях.

— Она очень умная девушка, — не погрешив против правды, сказал я.

— Конечно, — вежливо улыбнулась сестра. — Можете пройти, но не забудьте — пять минут, только пять минут!

— Не забуду, — пообещал я.

Открыв дверь, я вошел в палату. Мардж почти потерялась на высокой белоснежной постели. Ее голова едва

доставала до огромной подушки. Грустные глаза напряженно следили за мной.

— Смотрите, кто пришел! — тихо сказала она, и ее губы искривила слабая улыбка. — Почему без цветов?

— Я должен спешить, Мардж, — сказал я. — У меня всего пять минут, поэтому слушай внимательно.

— С какой стати? — подозрительно спросила она.

— Возможно, тебе удастся помочь Эрлу не оказаться в тюрьме за два убийства.

Ее глаза подозрительно изучали меня.

— С каких это пор ты волнуешься об Эрле?

Я рассказал ей о подозрениях Чейза, который считал Эрла одним из главных подозреваемых. Затем я поделился с ней, почему я стал думать иначе после убийства Тибольта.

— А от меня ты что хочешь? — недоверчиво просипела она?

— Марго Линн отдала мне заявление, в котором говорится, что Эрл шантажировал ее. Если я отдам его полиции, Эрлу крышка. Зная, что он не повинен в убийствах, я спать не буду по ночам!

— Да ты стал ангелом, — Мардж снова попыталась улыбнуться. — Тебя бы здесь не было, если бы ты не хотел поторговаться. В чем дело?

— Думаю, в досье Эрла содержится разгадка, кто убийца, — объяснил я. — Тебе не понравится, что я скажу, но Эрл чертовски глуп, когда дело касается его лично. Он никогда не докопается до истины!

— А ты, значит, хочешь докопаться? — Она отвернулась. — Почему бы тебе не убраться отсюда, Бойд?

— Тогда я направлюсь напрямиком в полицию, к лейтенанту Чейзу, — хмуро сказал я. — В любом случае полицейские найдут досье, но уже после ареста Эрла. Но тогда они уже не будут искать убийцу. Оно будет только лишним доказательством виновности твоего брата.

Она медленно повернула голову и долго смотрела на меня.

— Как я узнаю, что ты не врешь, Бойд? — вдруг спросила она.

— Никак, Мардж. Но зачем бы я тратил тут свое время?

Последовала долгая неуютная тишина.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Согласна. Но если это твои уловки, Бойд, я воткну тебе нож в сердце, как только выберусь отсюда!

— Где? — поторопил я ее.

— В «Гранд Сентрал» — сказала она. — Ключ у Эрла.

— Боюсь, что мне не удастся убедить его, — печально сказал я.

— Скажи, что Мардж дала добро, — прошептала она.

— И он поверит мне на слово?

— Ячейка номер 625, — сказала она. — Ты мог узнать это только от меня. Он поймет.

— Надеюсь, что так и будет, Мардж, — сказал я как можно искреннее.

За моей спиной прошуршала униформа медсестры.

— Пора, мистер Бойд! Мисс Харви подписала необходимые документы?

— Да, конечно! — воскликнул я.

— Документы? — прошептала Мардж. — Какие документы?

Ее глаза буквально испепелили мое лицо. Я отвернулся и подмигнул медсестре.

— Вы абсолютно правы, мисс Харви, — успокаивающе сказал я. — Больше ни о каких документах мы говорить не будем. Все будет хорошо, все будет в полном порядке. — Я еще раз подмигнул сестре, призывая ее быть как можно снисходительнее к причудам больной.

— Какие документы! — отчаянно крикнула Мардж.

Бросив последний взгляд на ее ожившее лицо, с трудом отрывающееся от подушки, я поспешно ретировался. Медсестра закрыла за мной дверь и извиняюще улыбнулась.

— Мне очень жаль, мистер Бойд, это была моя вина. Мне следовало помнить, как болезненно относятся люди в ее положении к своим частным делам.

— Не беспокойтесь, — я был преисполнен великодушия. — Я очень ценю вашу помощь.

— Вы встречались сегодня с доктором Вайнером? — внезапно спросила она, когда мы подошли к лифту.

— Нет, у меня не было времени. А что?

— Думаю, вам надо встретиться с ним, хотя сейчас его уже нет на работе. — Она явно хотела мне что-то сообщить и в то же время не знала, стоит ли это делать. Потом все-таки решилась. — Мне не следовало делать это... Но вы ее адвокат... Боюсь, она долго не протянет, мистер Бойд.

Я тупо уставился на нее.

— Вы хотите сказать — она умирает?

Она сочувственно тронула мою руку.

— Извините.

— Она ведь только промокла, — пробормотал я. — Простыла, подозревали пневмонию, а теперь — умирает?

— Возьмите себя в руки, мистер Бойд! — холодный профессионализм вернулся в ее голос. — Дело не в простуде. Это — сердце. Она уже пять лет живет на грани смерти. Доктор Вайнер говорит, что это чудо, что она так долго живет.

— И ничего нельзя сделать? — хрипло спросил я.

Она с сожалением покачала головой.

— Мне не следовало вам говорить. Я не врач, мистер Бойд.

— Но вы слышали, что он сказал?

— Да, — кивнула она. — Митральный стеноз — ее сердце давно разрушено.

— Сколько она проживет?

— Ни один доктор не ответил бы вам, мистер Бойд. Но доктор Вайнер сказал, что, самое большее, две недели.

— Спасибо, сестра, вы были очень добры.

Она слегка покраснела.

— Мой отец был адвокатом, мистер Бойд, и вы чем-то напомнили мне его. Я... я всегда доверяю пожилым людям!

Она повернулась и быстро ушла. Только это спасло ее от побоев. Пожилой человек? Да на моем лице не было ни одной морщинки! Подумав, я успокоился. Я решил, что ее отец должно быть умер молодым. Совсем молодым — ну, скажем, лет в двадцать пять.

Я сидел в кабинете Харви, и мы с ним неотрывно смотрели друг на друга. Я находился здесь уже пятнадцать минут — терпение мое иссякало. Было четыре часа, а я еще не ел. Большие черные тучи скрыли Манхаттан. Лил дождь, предвещая приближение зимы. Было самое время ехать во Флориду.

Эрл посмотрел на Бенни, прислонившегося к стене, и громко кашлянул.

— Ну, как тебе? — спросил он.

— Какая-то новая залепуха, мистер Харви, — ухмыльнулся Бенни. — Он приходит сюда, говорит, что передумал, что вы не убивали этих двоих, он сильно ошибся! Теперь вы большие друзья, и вы должны отдать ему ваши досье, потому что он так мило их попросил! Он, наверное, считает нас полными идиотами?

— Он был у Мардж, и она дала добро, — сказал Харви.

— Он видел Мардж? Она дала добро? Да никогда в жизни я этому не поверю!

— Если кому-то злиться на Бойда, так это мне! — пробурчал Эрл. — Твой синяк на носу из области профессионального риска. Я тебе за это плачу. А кто заплатит за мой сломанный нос? — Он с презрением посмотрел на Бенни. — Он видел Мардж, и она дала добро. Иначе он никогда бы не узнал о ячейке в «Гранд Централ». Он знает даже номер!

— Эрл, — вмешался я. — Без твоих досье убийцей будут считать тебя. Я могу умыть руки.

— Не дави, — сказал он, откидывая со лба волосы. — Мне нужно время, чтобы во всем разобраться.

— В чем дело, мистер Харви? — Бенни наконец оторвался от стены и медленно пошел к столу. — Почему вас так беспокоит этот придурок? Я всегда думал, что вы достаточно большой человек, чтобы позволить какому-то дешевому частному сыщику действовать вам на нервы!

— Заткнись! — автоматически огрызнулся Харви.

Бенни обогнул стол, и я увидел крупные капли пота на его лице. Он явно был готов к тому, чтобы реабилитировать себя перед самим собой и, тем более, перед боссом. Когда он решил, что подошел достаточно близко, он остановился и ухмыльнулся.

— Ты ударил меня, когда я не видел, придурок! — тихо сказал он. — Больше эта ошибка не повторится. Больше у тебя не будет возможности обвести вокруг пальца меня и мистера Харви. Мистер Харви большой человек в этом городе. Думаю, он разрешит мне прирезать тебя! И все его беспокойства на этом закончатся.

Я устало вздохнул и посмотрел на Харви.

— Почему бы не установить в офисе патефон, Эрл? Можно было бы иногда послушать музыку вместо этого кудахтанья.

— Ах, так! — прошипел Бенни.

Нож буквально сам прыгнул в его руку — должно быть, Мардж кое-чему научила его в Тоннеле любви. Увидев острие ножа, я отшатнулся в сторону, а секундой позже он понзился в обшивку кожаного кресла — туда, где только что были мои почки.

Пока Бенни вытаскивал свой нож из толстой обшивки, я успел вытащить свой 38-й. Я врезал им по его запястью — нож упал на пол. На этот раз все было по-честному. Бенни держался за руку, а я приставил дуло к целой стороне его носа. Он обхватил лицо руками и заплакал. Чтобы он больше не вмешивался в разговор, я врезал ему

по голове рукояткой револьвера — так что он оказался на полу у ног Харви. В кабинете воцарилась тишина. Я посмотрел на Харви. Увидев, что револьвер в моей руке поворачивается в его сторону, он попятился.

— Мне нужен ключ, Эрл, сейчас, — тихо сказал я.

— Конечно, — быстро согласился он.

Он засунул руку в карман брюк, достал ключ и кинул его на стол. Я забрал ключ и спрятал 38-й в кобуру. Эрл глянул на Бенни, распластавшегося на полу, потом на меня.

— Я даже рад, что вы поработали над его носом. Теперь рядом с ним я буду чувствовать себя немного лучше.

— Его расслабила жизнь в Манхаттане, Эрл, — сказал я. — Ему нужна работа, где шевелят руками. Потная и продолжительная.

— Я знаю, что ему нужно, — зло сказал Харви. — Он получит именно это!

— Придумал, — сказал я. — Почему бы его не направить ненадолго в этот Парк Фонтанов? Кино нашел бы ему подходящую работу — чистить там что-нибудь или строить.

Он кивнул.

— Неплохая идея.

Когда я вышел из его конторы, случилось чудо — в такой дождь я нашел пустое такси. В ячейке в «Гранд Сектрале» стоял дипломат. Я заглянул внутрь и увидел папку с аккуратно напечатанным сверху словом «Саломея». У кого-то из команды Харви мозги были не совсем набекрень. Судя по всему — у Мардж. Она быстрее всех сообразила, чем это может обернуться для ее брата.

Было пятнадцать минут шестого, когда я добрался до своей конторы. Фрэн Джордан уже собиралась уходить, она наносила последний мазок помады на свою пухлую нижнюю губку.

— Добро пожаловать домой, — улыбнулась она. — Как прошло в больнице?

— Ты все сделала великолепно, Фрэн. Медсестра стала совсем ручной после того, как ты объяснила ей суть дела. Я встретился с Мардж и добился от нее, чего хотел. — Я вдруг вспомнил слова сестры о пожилых людях и нахмурился. — Фрэн... — я повернулся к ней профилем и по-мальчишески ухмыльнулся. — Я, кажется, напоминаю тебе кого-то из твоей семьи? Может быть, отца? Посмотри повнимательнее — прохожу я под рубрикой «пожилой человек» в твоей картотеке?

— А... это... — смешалась Фрэн. — Я так старалась, пытаясь забить ей голову всякой юридической мумбой-юмбой. А я и сама-то не очень в этом разбираюсь. Я решила, раз вы сказали, что это очень важно и вам нужно обязательно проникнуть туда, то можно немного и соврать. Рассказала ей, что работаю в конторе своего отца всего шесть месяцев, и это моя вина — с этими документами, ну, что они не были подписаны еще неделю назад.

Я почувствовал себя значительно лучше.

— Судя по всему, ты велела ей остерегаться самого молодо выглядящего отца, которого она когда-либо видела? — самодовольно спросил я.

— Я велела ей остерегаться мужчины, со стрижкой «ежиком», крашеного, с небольшими белыми шрамами вокруг лица, так как он пять или шесть раз делал пластическую операцию, — выдала она, не задумываясь. — Может быть, опустим эту тему?

— Согласен. Ничего интересного не произошло? Может, кто-нибудь прислал деньги?

— Четыре раза звонила мисс Линн. Она очень расстроилась из-за того, что вас все время не было на месте. Она, бедняжка, устала бродить по вашей квартире в полном одиночестве!

— Да? Еще что?

— Звонила маленькая птичка по имени Касплин.

— Что он хотел?

— Сказал, что обещал позвонить сегодня утром и назначить вам встречу. Я ответила, что вас нет, пусть звонит после пяти — тогда наверняка застанет вас.

— Отлично! Все?

— Больше ничего. Я могу идти?

— Я бы хотел, чтобы ты осталась, но не думаю, что ты согласишься, — честно признался я. Может, скажешь, чем ты занималась весь день, пока меня не было?

— Выполнила одно чепуховое задание, — с улыбкой ответила она. — Потом поболтала немного. До свидания, Дэнни.

— Может быть, все-таки останешься?

После того, как она ушла, я прошел к себе в кабинет, открыл дипломат и достал папку. В ней было еще три папки поменьше. На первой из них было напечатано «Рекс Тибольт». Я открыл ее — там были снимки из «Акапулчо». Теперь они негодились бы даже для эпитафии, и я закрыл эту папку.

Вторая папка проходила под грифом «Марго Линн».

Она содержала газетные вырезки, в которых шла речь о несовершеннолетней преступнице Джэнни Риговски. Я с интересом прочитал их: Марго была очень непослушной и очень деятельной девчонкой.

В первых двух папках не было ничего, что могло бы навести на след настоящего убийцы. Оставалась надежда на последнюю папку. Наверняка Харви собрал в ней что-то из прошлой жизни примадонны. Я глянул на напечатанный заголовок, и меня как обожгло — имени Донны Альберты в заголовке не было. Там было напечатано «Касплин». Из папки выпали на стол вырезки из газет. Все они были датированы осенью пятидесятого года. У Касплина было тогда другое имя — «Малыш Джой — карманная энциклопедия музыки». Среди вырезок было несколько рекламных листов о гастролях. «Малыш Джой — чудо-карлик. Может ответить на любой вопрос пубрики по музыке, может назвать любую песню или мелодию, если кто-нибудь просвистит первые три такта». Вырезки были из разных газет. Один из участников гастрольного турне был обвинен в том, что зарабатывал деньги на одной из девушек, участвовавшей в поездке. Обыкновенное сводничество. Но вся соль скандала, весьма смахивающего на гротескную и не совсем приличную шутку, была представлена на больших фотографиях, которые все газеты поместили на первой странице. Двое стояли бок о бок: «Джой был ростом четыре фута и четыре дюйма, в то время как девушка — перезревшая грязная блондинка — была ровно шести футов. Касплин получил условный приговор, так как был судим впервые. Думаю, что судья пожалел его, родившегося с умом и поведением обычного человека, но с телом карлика. Даже сейчас, разглядывая вырезки из газет десятилетней давности, я чувствовал нечто вроде шока — отлично развитая голова, приятное лицо, тонкие черты, и вдруг — тело карлика внизу.

Да, раскопки Харви сделали свое дело и принесли ему успех. Единственное, что я хотел теперь, чтобы Донна Альберта посмотрела эти вырезки. После этого Касплину наверняка пришлось бы расстаться с должностью ее управляющего. Это был бы конец его карьеры!

Я закурил и прочитал еще несколько вырезок. Слабый звук заставил меня оглянуться — я увидел Касплина. Он стоял в дверях и вежливо улыбался. Мне оставалось только гадать, как долго он там стоит. На нем был легкий желтовато-коричневый костюм, соломенная шляпа набекрень и все та же трость из черного дерева с серебряным

набалдашником. Выглядел он довольно смешно — как одна из частей не очень талантливое действие с пением и танцами, которое появилось на сцене только потому, что людям всегда нравится нечто выходящее за рамки обычного и слегка папахивающее скандалом.

— Хотел позвонить вам еще раз, — сказал Касплин своим птичьим голосом. — Потом подумал, что могу и заскочить. Вы не возражаете?

— Не возражаю.

— Вот и хорошо! — Он почти впрыгнул в комнату, к самому столу, так что уже поздно было прятать папку, даже если бы я очень этого захотел. Он поднял одну из газетных вырезок и внимательно изучал ее в течение нескольких секунд. — Представьте себе, все абсолютная правда, — сказал он как ни в чем не бывало. — Просвятите первые три такта любой мелодии, и я назову ее!

— Да, это дар! — согласился я.

Все еще вежливо улыбаясь, он отошел и сел на ближайший стул.

— Вы оказались более ловким детективом, чем я предполагал, — сказал я. — Раздобыть эти досье было нелегко.

— Мне повезло, — осторожно заметил я. — Я не знал, что третья папка принадлежит вам. Считаю, что там должно стоять имя Донны Альберты.

— Иногда люди ошибаются, — философски заметил он. — Что вы собираетесь делать с этим материалом, Бойд?

— Еще не думал, — честно сознался я. — Я только что начал складывать в целое осколки портрета.

— Портрета? — он по-птичьи склонил голову набок и почти игриво посмотрел на меня. — Могу спросить, чей это портрет? Или это секрет?

— Это групповой портрет, — сказал я. — С центральной фигурой — примадонной.

— Звучит интригующе. Продолжайте!

— Люди, сходящие от нее с ума, собраны вокруг. В последние два дня я пристально наблюдал за ними и понял, что ее садизм сломал жизнь каждого из них. Как и все остальное в ней, ее жестокость тоже больших размеров. Согласны?

Улыбка медленно сползала с его лица.

— Продолжайте, — тихо сказал он.

— Главное, чего я не понимал раньше, то, что ее управляющий был тоже без ума от нее, как и все остальные. Он, правда, дает иногда волю своим вкусам к большим женщинам, например, к своей секретарше, но это совсем не

то, что ему нужно. По-настоящему он всегда желал только Донну Альберту.

— Ну, это обычное явление — желать такую большую женщину, как Донна Альберта, такому, как я,— тихо сказал он.— Я думаю, меня можно понять. Донна Альберта — это нечто особенное. С таким голосом и таким телом! В тот вечер, когда я впервые услышал ее в Метрополитене, для меня началась новая жизнь. Я поставил себе целью сблизиться с ней, стать частью ее мира — и я добился этого.

— Вы стали ее управляющим,— согласился я.— Но затем настал день, когда Эрл Харви пожелал, чтобы она пела в «Саломее» на Второй авеню. Вы, вероятно, решили, что он шутит, пока он не вытащил эту папочку. Донна Альберта уважала ваши способности управляющего. Наверное, вы были вынуждены сказать ей, что для ее карьеры будет лучше, если она согласится?

Он кивнул.

— Вы правы.

— Это привело к другим неприятностям — появился Пол Кендалл. Донна Альберта просто не могла устоять, потому что Марго Линн первая завладела им. Кроме того, Рекс Тибольт, который был без ума от нее, и Хелен Милз. Но камнем преткновения стал Кендалл. Вы не могли вынести, что он и Донна занимаются любовью. Вы решили поссорить их.

— Выходит, вы знаете о том, как это произошло с Ники? — засмеялся Касплин.— А я-то решил, что заплатил вам пятьсот долларов ни за что!

— Вы убедили Тибольта, что если он поможет с собакой, вы используете это против Кендалла — в краже легче всего было обвинить именно его. Потом вы попросили его уговорить Хелен Милз, используя те же аргументы. И это тоже сработало.

— Все-то вы знаете, Бойд,— медленно проговорил Касплин.— Не стоит пересказывать все шаг за шагом. Я с самого начала намеревался убить Кендалла — он был хамом, который делал из меня посмешище почти во всех своих глупых шуточках. Когда он решил втянуть меня в последнюю из них, я был просто счастлив угодить ему. Одна мысль о том, что он приходит в номер к Донне, даже ненадолго, была невыносимой!

— Поэтому вы пришли к нему домой до того, как вернулась Марго. А потом вызвали полицию, и она прибыла как раз тогда, когда Марго должна была открыть крышку?

— Повезло,— согласился он.— Вообще-то я не был

уверен, сколько им потребуется времени. Но позвонить было несложно. — Он взволнованно засмеялся. — Никогда не забуду выражения его лица, когда он уже сидел в коробке, и я сказал ему, как я собираюсь его убить. В этой коробке, руки по швам, он был такой беспомощный... После того, как все было закончено, я перенес телефон из гостиной на кухню — у него в каждой комнате была розетка. Потом, когда я появился на вечеринке, я пошел в ванную рядом с кухней, оттуда проник на кухню и позвонил.

— А почему Тибольт? — спросил я.

— Он был дурак! Сначала надоедал с собакой — что я с ней сделал? Затем, когда понял, что исчезновение Ники ему не помогло, стал совершенно невыносим. Стал требовать от меня объяснений по поводу смерти собаки и убийства Кендалла. Потом стал угрожать — если я не помогу ему сблизиться с Донной, он расскажет ей о том, кто убил собаку.

— Пришлось избавиться и от него, — резюмировал я. — Меня интересует еще парочка деталей. Главным вашим врагом был все-таки Эрл Харви — он заставил вас плясать под свою дудку. Поэтому, убивая продюсера, потом баритона, вы, прежде всего, убивали оперу. Это был удар по Харви, а он даже не догадывался, что это вы!

— Наверно, вы правы, — согласился он. — Но здесь основной причиной была Донна.

— Объясните, — попросил я.

— Великая примадонна поет в третьесортной постановке, в десятиразрядном театре на Второй авеню! — Его даже передернуло. — Я не мог допустить этого, Бойд! Понимаете? Это надо было прекратить любой ценой!

Я закурил и посмотрел на него, размышляя, происходит ли это все на самом деле.

— Теперь, когда вы знаете все, что вы собираетесь предпринять? — после затянувшегося молчания спросил он.

— Единственное, что я могу сделать, Касплин, — сказал я, — позвонить лейтенанту Чейзу.

— Я бы не делал этого.

— У меня нет выбора, — не согласился я и потянулся к телефону.

Касплин неожиданно встал, правой рукой сорвал серебрянный набалдашник со своей трости — из полого отверстия выскочило тонкое, как рапира, лезвие. Через секунду лезвие оказалось у моего горла.

— Положи трубку, Бойд,— приказал он.— Не заставляй убивать тебя!

Я оказался в явно невыгодной позиции, пришлось сделать то, что он приказал. Хватило бы легкого движения его руки, чтобы воткнуть рапиру мне в шею.

— Ты сделал одну ошибку, Бойд,— спокойно сказал он.— Ты забыл задать мне еще один вопрос. Не спросил о загадочном оружии убийства, которое так и не нашла полиция.

— Серьезная ошибка,— согласился я.

Внезапно хлопнула входная дверь, раздались быстрые шаги. В кабинет вошла Френ Джордан с виноватой улыбкой на лице.

— Дэнни...— увидев нас, она замерла.— Извините, я совсем забыла...

Глаза Касплина дрогнули, голова начала поворачиваться в сторону Фрэн. Я стремительно отдернул свою голову в сторону — тонкое лезвие просвистело в дюйме от моего лица. Времени на раздумья не было, и когда Касплин ринулся ко мне, я схватил его обеими руками за пиджак и швырнул через свое плечо. Он вскрикнул, зазвенело разбитое стекло и — наступила тишина. Я почувствовал холод за своей спиной и медленно повернулся. Там, где за моим столом должно было быть окно, теперь зияла дыра, окруженная осколками. Я подошел и посмотрел вниз. Шестью этажами ниже вокруг маленькой темной кляксы на тротуаре быстро собирались люди. Я почувствовал нежное прикосновение к руке — Фрэн стояла рядом со мной.

— Все в порядке, Дэнни? — спросила она дрожащим голосом.

— Нормально, дорогая,— сказал я.— Ты пришла во время. Что ты забыла, кстати?

— Забыла передать последние слова Марго Линн. Она сказала, что возвращается к себе домой, и если никогда вас не увидит, то будет очень рада.

— Она должна нам тысячу долларов,— сказал я.— Может и нагнать за такую плату.

— Наверное, надо позвонить в полицию? — задумчиво произнесла Фрэн.

— Надо,— мрачно согласился я.— Рад, что ты мой свидетель,— лейтенант Чейз будет просто счастлив!

— У тебя был трудный день, Дэнни,— нежно сказала Фрэн, и я вдруг почувствовала, как она прижалась ко мне всем своим прекрасным телом.— После того, как закончим

с полицией, почему бы не пойти ко мне? Обещаю домашний ужин!

— Звучит заманчиво, — сознался я.

— Звонить в полицию сейчас? — спросила она.

— Постарайся, чтобы тебя соединили с Чейзом.

Она подошла к телефону. Я вытащил несколько осколков стекла из сломанного окна и осторожно выглянул на улицу. Из-за дождя огни в городе были нечеткими. Где-то там, на юго-востоке, в своем номере в «Тауэрз», жила жестокая Саломея. Она еще не знала, как закончилась эта история. Кажется, мое первое впечатление о ней, как о вестнице смерти — валькирии, было верным. Кендалл — она увела его от Марго — мертв. Тибольт — мучить которого доставляло ей удовольствие — мертв. Хелен Милз — издеваться над которой было так приятно — ушла. Карлик Касплин — мучить которого было, наверное, забавнее всего — мертв.

Интересно, одиноко ли ей сейчас?

СОДЕРЖАНИЕ

БОЙД, КАКОЙ ОН ЕСТЬ	3
ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ	93
ГУЛЯЙ, ВЕДЬМА	185
МЕНЯ УБЬЮТ, И, МНЕ КАЖЕТСЯ, ОЧЕНЬ СКОРО...	263
ЖЕСТОКАЯ САЛОМЕЯ	353

Картер Браун

Том 4

Сдано в набор 28.08.92. Подписано к печати 18.02.93. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л.
24,36. Усл. кр.-отт. 25,83. Зак. 2—2406.

Концерн «Олимп». 370 000. Баку, ул. Ази Асланова, 78.

Главное предприятие республиканского производственного объединения «Поли-
графкнига». 252057. Киев, ул. Довженко, 3.

Уважаемый читатель!

Часть средств от реализации книг концерн «Олимп» перечисляет в фонд помощи беженцам из Армении и Нагорного Карабаха, которых за четыре года не-объявленной войны на территории Азербайджана уже насчитывается более 400 тыс. человек.

Концерн «Олимп» взял на свое обеспечение все детские дома и интернаты г. Баку.

Заранее Вам благодарны, если в наше тяжелое время, когда сострадание и милосердие забыто, Вы сочтете нужным оказать посильную помощь этим людям.

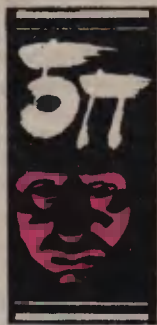
**Просим Ваши пожертвования перечислять на р/с 161404 в банке «Азжелдорбанк» г. Баку
МФО 501736.**

COSY PALACE

Концерн «Олимп» предоставляет уникальную серию «БП-333» — (Библиотека приключений, которая состоит из 333 томов), куда входят полные собрания сочинений А. Кристи, Д. Чейза, Э. Гарднера, Р. Стаута, К. Брауна, Э. Макбейна, А. Маклина и многих других мастеров детективного жанра.

КОНЦЕРН «ОЛИМП» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИОБРЕТЕНИЕМ ЭТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ СЕРИИ.

4 | КАРТЕР БРАУН